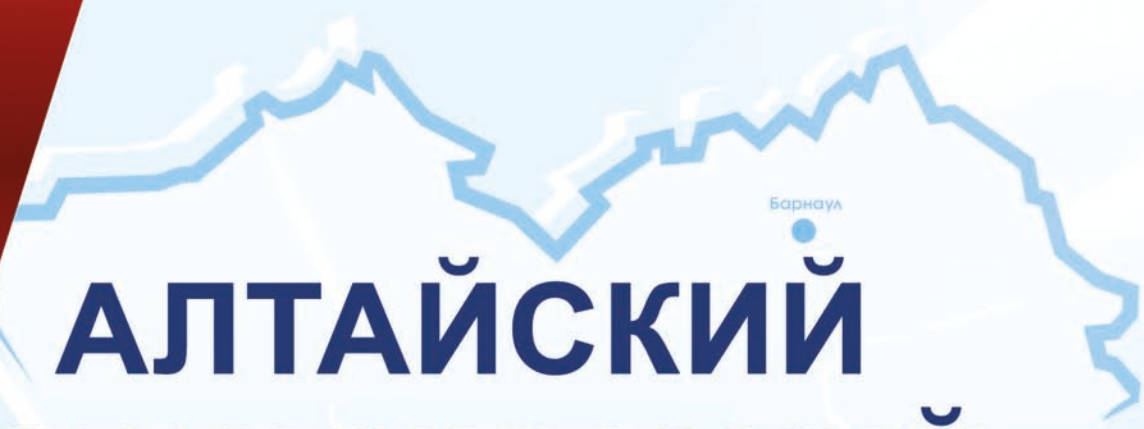

ISSN 2307-5309

**АЛТАЙСКИЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ
ВЕСТНИК**

**2024
№ 4 (48)**

Алтайский юридический вестник

Научный журнал Барнаульского юридического института МВД России

№ 4 (48) 2024

Главный редактор:

Симоненко Д. А., канд. юрид. наук

Зам. главного редактора:

Чечётин А. Е., д-р юрид. наук, профессор

Состав редакционного совета:

Аничкин Е. С., д-р юрид. наук, доцент
Бекетов О. И., д-р юрид. наук, профессор
Бучакова М. А., д-р юрид. наук, доцент
Васильев А. А., д-р юрид. наук, доцент
Герасименко Ю. В., д-р юрид. наук, профессор
Гончаров И. В., д-р юрид. наук, профессор
Грязнова Т. Е., д-р юрид. наук, доцент
Давыдов С. И., д-р юрид. наук, доцент
Деришев Ю. В., д-р юрид. наук, профессор
Ким Д. В., д-р юрид. наук, профессор
Кодан С. В., д-р юрид. наук, профессор
Кожевина М. А., д-р юрид. наук, профессор
Мазунин Я. М., д-р юрид. наук, профессор
Плаксина Т. А., д-р юрид. наук, доцент
Сорокин В. В., д-р юрид. наук, профессор
Сумачев А. В., д-р юрид. наук, доцент
Цуканов Н. Н., д-р юрид. наук, доцент
Шарапов Р. Д., д-р юрид. наук, профессор
Шкаплеров Ю. П., канд. юрид. наук, доцент

Состав редакционной коллегии:

Архипова Н. А., канд. юрид. наук, доцент
Бачурин А. Г., канд. юрид. наук, доцент
Белицкий В. Ю., канд. юрид. наук, доцент
Брагина А. Г., канд. юрид. наук, доцент
Ботвин И. В., канд. юрид. наук, доцент
Галиев Р. С., канд. юрид. наук, доцент
Ермакова О. В., доктор юрид. наук, доцент
Киселёва М. А., канд. юрид. наук, доцент
Малетина М. А., канд. юрид. наук
Топчиева Т. В., канд. юрид. наук, доцент
Тырышкин В. В., канд. юрид. наук, доцент
Черепанова Л. В., канд. юрид. наук, доцент
Черепанова О. С., канд. юрид. наук, доцент
Шаганян А. М., канд. юрид. наук, доцент
Широва Э. Х., канд. юрид. наук, доцент
Шмидт А. А., канд. юрид. наук, доцент
Янгаева М. О., канд. юрид. наук, доцент

Ответственный секретарь:

Жолобова Ю. С.

Редактура: О. Н. Татарниковой, Ю. С. Жолобовой

Компьютерная верстка: О. Н. Татарниковой

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Регистрационный номер:
ПИ № ФС77-57487
от 27.03.2014

Журнал включен в Перечень
рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть
опубликованы основные научные
результаты диссертаций
на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой
степени доктора наук

Включен в систему РИНЦ 23.04.2013
(договор № 245-04/2013)

Учредитель: Барнаульский
юридический институт МВД России.
Свободная цена.

Адрес и телефоны редакции, издателя,
типографии: 656038, Алтайский край, г. Барнаул,
Барнаульский юридический институт
МВД России,
ул. Чкалова, 49, (3852) 37-92-70, 37-91-49.
[www.http://vestnik.buimvd.ru](http://vestnik.buimvd.ru)
E-mail: altvest@buimvd.ru

Научно-исследовательский
и редакционно-издательский отдел.

Подписано в печать 05.12.2024.
Выход в свет 13.12.2024.
Заказ № 455. Формат 60x84/8.
Ризографирование.
Усл. п.л. 22,1. Тираж 28 экз.

© Барнаульский юридический
институт МВД России, 2024

Altai Law Journal

Science Journal of Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

№ 4 (48) 2024

Editor-in-Chief:

Simonenko D. A., Candidate of Science (Law)

Deputy Editor-in-Chief:

Chechetin A. E., Doctor of Science (Law), Professor

Editorial Advisory Board:

Anichkin E. S., Doctor of Science (Law), Associate Professor
Beketov O. I., Doctor of Science (Law), Associate Professor
Buchakova M. A., Doctor of Science (Law), Associate Professor
Davidov S. I., Doctor of Science (Law), Associate Professor
Grjaznova T. Ye., Doctor of Science (Law), Associate Professor
Derishev Y. V., Doctor of Science (Law), Professor
Gerasimenko Yu. V., Doctor of Science (Law), Professor,
Honored lawyer of Russia
Goncharov I. V., Doctor of Science (Law), Professor
Kim D. V., Doctor of Science (Law), Professor
Kodan S. V., Doctor of Science (Law), Professor
Kozhevina M. A., Doctor of Science (Law), Professor
Mazunin Ya. M., Doctor of Science (Law), Professor
Sharapov R. D., Doctor of Science (Law), Professor
Shkaplerov Ju. P., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Sumachev A. V., Doctor of Science (Law), Associate Professor
Plaksina T. A., Doctor of Science (Law), Associate Professor
Sorokin V. V., Doctor of Science (Law), Professor
Tsukanov N. N., Doctor of Science (Law), Associate Professor
Vasilev A. A., Doctor of Science (Law), Associate Professor

Editorial Review Board:

Arhipova N. A., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Bachurin A. G., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Belitskij V. Yu., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Botvin I. V., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Bragina A. G., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Ermakova O. V., Doctor of Science (Law), Associate Professor
Cherepanova L. V., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Cherepanova O. S., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Galiev R. S., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Kiseleva M. A., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Maletina M. A., Candidate of Science (Law)
Shaganyan A. M., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Shirova E. Kh., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Shmidt A. A., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Tirishkin V. V., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Topchieva T. V., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Yangaeva M. O., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Executive Secretary:

Zholobova Yu. S.

Proofreading: O. N. Tatarnikova, Yu. S. Zholobova

Desktop publishing: O. N. Tatarnikova

The journal is registered in Federal Service
for Supervision in the Sphere
of Telecom, Information
Technologies and Mass Communications.
Registration certificate
PI No. FS77-57487 dated
27.03.2014.

The journal is included into the List
of peer-reviewed scientific
journals recommended by Higher
Attestation Commission
for publishing of major results
of dissertations for the degree of Doctor and
Candidate of sciences

Journal indexing:
RINTS contract
No. 245-04/2013 (23.04.2013)

Founder: Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia.
Uncontrolled price.

Address of editor, editor's
and printing office: 656038,
Altai territory,
Barnaul, Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Chkalovstr., 49, (3852) 37-92-70, 37-91-49.
www. <http://vestnik.buimvd.ru>.
E-mail: altvest@buimvd.ru

Research-evaluation
and publishing department.

Passed for printing 05.12.2024.
Issue date 13.12.2024.
Order 455. Format 60x84/8.
Conventional printed sheets 22,1.
Issue 28 copies.

© Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, 2024

Содержание

Теоретико-исторические правовые науки

<i>Абызова Е. Р.</i> Персонализация права в свете соотношения нормативного и индивидуального правового регулирования	7
<i>Булгакова В. Р., Поляков В. А.</i> Правовое положение иноверного населения Российской империи во второй половине XIX — начале XX вв.	14
<i>Моисеев С. В.</i> Трансформация системы государственного управления в КНР	21
<i>Плешаков Е. А.</i> Приоритет государства над правом: доктринальное заблуждение, политический ресурс, технико-юридическое средство	26
<i>Тирских А. А.</i> Коррупция в рамках отечественного правопорядка как негативный фактор для национальной безопасности: историко-правовой анализ	35

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

<i>Андреева Т. Д., Шестак В. С.</i> Переводчик как лицо, содействующее осуществлению правосудия при производстве по делу об административном правонарушении	42
<i>Бучакова М. А., Гайдуков А. А.</i> Законодательство Российской Федерации и Киргизской Республики о профилактике правонарушений: сравнительно-правовой анализ	47
<i>Галиев Р. С., Иванов А. В., Насыров Р. В.</i> Трансформация реализации правового статуса личности в эпоху цифровизации	54
<i>Гумаров И. А., Тырышкин В. В.</i> Совершенствование деятельности полиции по выявлению и документированию преступлений и административных правонарушений в бюджетной сфере.....	60
<i>Кожневников О. А.</i> Местное самоуправление в России: дорога без конца... ..	66
<i>Кригер Ю. А., Федяев Е. А.</i> Иммунитет от административной юрисдикции отдельных категорий субъектов: особенности законодательного регулирования	73
<i>Лоос Е. В.</i> Охранный ордер как средство защиты чести и достоинства личности	81
<i>Потапенкова И. В., Ярмонова Е. Н.</i> Применение норм гражданского права при привлечении к административной ответственности юридических лиц по отдельным составам административных правонарушений.....	88
<i>Чачхиани М. Н.</i> Правовой стандарт: понятие, критерии и виды.....	95
<i>Яковлева Е. В.</i> Отдельные административно-правовые меры противодействия незаконной миграции	102

Уголовно-правовые науки

<i>Афанасьев А. Ю.</i> Средства в функциональной системе «доказывание преступной деятельности»	108
<i>Брагина А. Г.</i> К вопросу об уголовной ответственности за оскорбление умерших представителей власти.....	116
<i>Гузеева А. С.</i> К вопросу об основных этапах развития отечественного уголовного законодательства за совершение неправомерных действий при банкротстве	122
<i>Давыдов С. И., Моляров Е. А.</i> Оперативно-розыскное мероприятие «отождествление личности»: поиск путей совершенствования законодательного регулирования	128
<i>Иванченко О. С., Польшиков А. В., Бялая Я. Г.</i> Денежные суррогаты как предмет хищения.....	136
<i>Ильницкий А. С.</i> Технологии искусственного интеллекта в криминологической науке: компьютерное зрение.....	145

<i>Кругликов В. Д.</i> К вопросу о совершенствовании мер криминалистической профилактики по делам о мелком хищении, совершенном лицом, подвергнутым административному наказанию ..152	152
<i>Максименко А. В., Архипцев И. Н.</i> Преступления, связанные с вовлечением несовершеннолетнего в сексуальную эксплуатацию: некоторые проблемы толкования и противодействия160	160
<i>Пучнина М. Ю.</i> Особенности применения уголовного законодательства на территории новых субъектов Российской Федерации166	166
<i>Титеев М. С.</i> К вопросу об установлении уголовно-правового запрета на восстановление целостности конструкции транспортного средства, подвергнутого распиливанию172	172

CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

<i>Abizova E. R.</i> Personalization of Law in the Light of Normative Relationship and Individual Legal Regulation	7
<i>Bulgakova V. R., Polyakov V. A.</i> Legal Status of the Population of another Religion of the Russian Empire in the Second Half of the XIX – Beginning of the XX Centuries.....	14
<i>Moiseev S. V.</i> Transformation of the System of Public Administration in the People's Republic of China	21
<i>Pleshakov E. A.</i> Priority of the State Over the Law: Doctrinal Error, Political Resource, Technical and Legal Remedy	26
<i>Tirskikh A. A.</i> Corruption within the Framework of Domestic Law and Order as a Negative Factor for National Security: Historical and Legal Analysis	35

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

<i>Andreeva T. D., Shestak V. S.</i> Interpreter as a Person Assisting in the Administration of Justice in the Proceedings on an Administrative Offense	42
<i>Buchakova M. A., Gaidukov A. A.</i> Legislation of the Russian Federation and the Kyrgyz Republic on the Limitation of Offenses: a Comparative Legal Analysis	47
<i>Galiev R. S., Ivanov A. V., Nasyrov R. V.</i> Transformation of the Implementation of the Legal Status of an Individuals in the Era of Digitalization.....	54
<i>Gumarov I. A., Tyryshkin V. V.</i> Improving the Activities of the Police in Identifying and Documenting Crimes and Administrative Offenses in the Public Sector	60
<i>Kozhevnikov O. A.</i> Local Government in Russia: Never-Ending Road	66
<i>Krieger Yu. A., Fedyaev E. A.</i> Immunity from Administrative Jurisdiction of Certain Categories of Subjects: Features of Legislative Regulation	73
<i>Loos E. V.</i> Protection Order as Legal Remedy of Person's Honor and Dignity.....	81
<i>Potapenkova I. V., Yarmonova E. N.</i> Application of civil law norms when bringing legal entities to administrative responsibility for certain types of administrative offenses	88
<i>Chachhiani M. N.</i> Legal Standard: Concept, Criteria and Types.....	95
<i>Yakovleva E. V.</i> Selected Administrative and Legal Measures to Combat Illegal Migration	102

CRIMINAL LAW SCIENCES

<i>Afanasyev A. Yu.</i> Means in the Functional System of «Proving Criminal Activity»	108
<i>Bragina A. G.</i> Revisiting the Criminal Liability for Insulting Deceased Government Officials.....	116
<i>Guzeva A. S.</i> Revisiting the Main Stages of the Development of Domestic Criminal Legislation for Committing Illegal Actions in Bankruptcy	122
<i>Davidov S. I., Molyarov E. A.</i> Operational-Search Activity «the Identification of Persons»: Searching for Ways to Improve Legislative Regulation	128
<i>Ivanchenko O. S., Polshikov A. V., Byalaya Ya. G.</i> Monetary Surrogates as an Object of Theft.....	136
<i>Ilitsky A. S.</i> Artificial Intelligence Technologies in Criminological Science: Computer Vision	145
<i>Kruglikov V. D.</i> Revisiting the Improving Forensic Prevention Measures in Cases of Petty Stealing Committed by a Person Subject to Administrative Punishment	152

<i>Maksimenko A. V., Arkhiptsev I. N.</i> Crimes Related to the Involvement of a Minor in Sexual Exploitation: Some Problems of Interpretation and Counteraction.....	160
<i>Puchnina M. Yu.</i> Features of the Application of Criminal Legislation in the Territory of New Subjects of the Russian Federation	166
<i>Titeev M. S.</i> Revisiting the Establishing a Criminal Law Prohibition on Restoring the Integrity of the Structure of a Vehicle Subjected to Sawing.....	172

Теоретико-исторические правовые науки

Алтайский юридический вестник. 2024. № 4 (48). С. 7–13.

Altai Law Journal. 2024. № 4 (48). P. 7–13.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 340.2

ПЕРСОНАЛИЗАЦИЯ ПРАВА В СВЕТЕ СООТНОШЕНИЯ НОРМАТИВНОГО И ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Елена Равильевна Абызова

Арбитражный суд г. Москвы, Москва, Россия, Elena.moskva2015@gmail.com

Аннотация. В статье исследуются проблемы нормативного и индивидуального правового регулирования и соотношения между ними. Установлены общие и отличительные признаки, а также механизм указанных видов правового регулирования. Проанализированы отличительные особенности индивидуального правового регулирования, связанные с правовой нормой, субъектом и конкретной ситуацией. Рассмотрены положительные и отрицательные аспекты реализации индивидуального правового регулирования. Выявлены закономерности индивидуализации, проявляющиеся через персонализацию применения (реализации) закона. Описаны возможности персонализации в сферах образования, медицины, психологии, права. Высказаны предположения относительно разработки и реализации персонализированных правовых норм посредством алгоритмической обработки больших данных. Дан сравнительный анализ точек зрения ученых на термин «персонализированное право».

Ключевые слова: нормативное правовое регулирование, индивидуальное правовое регулирование, персонализация, алгоритмы, персонализированное право

Для цитирования: Абызова Е. Р. Персонализация права в свете соотношения нормативного и индивидуального правового регулирования // Алтайский юридический вестник. 2024. № 4 (48). С. 7–13.

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Original article

PERSONALIZATION OF LAW IN THE LIGHT OF NORMATIVE RELATIONSHIP AND INDIVIDUAL LEGAL REGULATION

Elena R. Abizova

Moscow City Arbitration Court, Moscow, Russia, Elena.moskva2015@gmail.com

Abstract. The article examines the problems of normative and individual legal regulation and the relationship between them. The general and distinctive features, as well as the mechanism of these types of legal regulation, have been established. The distinctive features of individual legal regulation related to the legal norm, the subject and the specific situation are analyzed. The positive and negative aspects of the implementation of individual legal regulation are considered. The patterns of individualization are revealed, manifested through the personalization of the application (implementation) of the law. The possibilities of personalization in the fields of education, medicine, psychology, and law are described. Assumptions are made regarding the development and implementation of personalized legal norms through algorithmic processing of big data. A comparative analysis of the points of view of scientists on the term “personalized law” is given.

Keywords: regulatory legal regulation, individual legal regulation, personalization, algorithms, personalized law

For citation: Abizova E. R. Personalization of law in the light of normative relationship and individual legal regulation. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2024;4:7–13 (In Russ.).

© Абызова Е. Р., 2024

В последнее десятилетие, по мнению ведущих российских ученых, в сфере правового регулирования появились отношения, которые раньше не наблюдались. Связано это с появлением специфических субъектов — так называемых «цифровых личностей», статус которых обусловлен юридически значимой идентификацией личности в виртуальном пространстве. Известные отечественные ученые Т. Я. Хабриева и Н. Н. Черногор объясняют это возникновением новой ситуации в сфере реализации прав человека в цифровом пространстве и появлением реальной возможности использования информационных баз данных при реализации государственных функций в виртуальном пространстве и их переводом в цифровую форму [1].

Однако, по мнению Е. В. Ширеевой, практической реализации отмеченных новаций препятствуют существенные недостатки и пробелы, имеющие место прежде всего в сфере правового регулирования, которое в большинстве своем представлено актами программного характера, которых пока что не хватает для успешного применения информационных технологий [2].

Например, использование технологий распознавания лиц, гарантирующих защиту прав, свобод и законных интересов граждан, на сегодняшний день никак не регламентировано. Для устранения отмеченных пробелов в законодательстве Е. В. Ширеева предлагает предварительно разработать этические нормы, определяющие цели, условия, гласность применения указанной технологии, а также ответственность за причиненный ею вред.

Перед нормативным и индивидуальным регулированием стоят одни и те же общие задачи и области регулирования общественных отношений, поскольку в праворегулировании используются средства одного механизма. Анализируя роль и место каждого из них в системе общественных отношений, Н. А. Власенко отмечает: «Индивидуальное правовое регулирование есть логическое продолжение нормативного, средство достижения определенности права, определенности относительно субъектов права. Здесь и блага, которые предоставляет право, и ответственность, и многое другое, что мы относим к результату правового регулирования» [3].

Если обратиться к истории возникновения термина «персонализированное право», то следует назвать работы А. Пората и Л. Страхилевича [4], которые предложили персонализировать не только отдельные диспозитивные нормы, но и право в целом. Безусловно, это была весьма неожиданная

и даже авантюрная на тот период времени идея. Тем не менее работы в данном направлении были продолжены немецкими исследователями Ф. Бендером, К. Бушем и др. [5], внесшими заметный вклад в развитие теоретических разработок в области персонализированного права.

Примерно в этот же период времени в западном научном сообществе на базе юридической школы Чикагского университета оживленно обсуждается феномен персонализированного права [6]. Главная их идея, во многом созвучная предыдущим предложениям, заключалась в том, что новейшие технологии обработки данных способны создать предпосылки и условия для фундаментальных изменений в сферах принятия и реализации правовых норм, в результате которых единообразные правила можно будет заменить детализированными нормами, с возможностями их применения исходя из нужд, интересов и условий жизни конкретного человека.

В теории права проблема индивидуального регулирования считается дискуссионной и связана с современным этапом правоправедения. Сторонники одной позиции рассматривают его в качестве конкретизации нормы права применительно к конкретному случаю, уравнивая между собой индивидуальное и казуальное регулирование [7]. Советская школа ученых теоретиков предлагала понимать под индивидуальным регулированием «...функцию правоприменительного процесса в нетипичной ситуации...». В частности, Т. В. Кашанина считает индивидуальное регулирование элементом системы правового регулирования [8, 9]. Важным положением, касающимся индивидуального правового регулирования, следует признать возможность упорядочивать общественные отношения путем конкретизации границ поведения их участников и регулирования его ненормативными средствами.

Социальная ценность индивидуального регулирования, на наш взгляд, заключается в первоочередном обеспечении гармонизации интересов отдельной личности и общества. Поскольку поведение людей разнообразно, динамично, зачастую непредсказуемо, то в ситуациях, не оказывающих заметного влияния на общественную жизнь, человек должен иметь возможность положиться на себя. Значит, индивидуальное регулирование должно быть таким, чтобы субъект в своей деятельности при решении правовых вопросов обладал правом свободного усмотрения в пределах, установленных законом.

В подтверждение правильности высказанного тезиса можно привести мнение А. С. Григорьева

по поводу отличительных особенностей индивидуально-правового регулирования, к которым он относит: а) вид правового регулирования, обеспечивающего индивиду пределы субъективного усмотрения в правовом поведении; б) при этом субъективное усмотрение не должно противоречить действующим юридическим нормам, а также морали, религии, факторам духовно-культурного характера; в) наконец, индивидуально-правовые нормы могут применяться лишь в случаях, когда они не определены в юридических нормах однозначно либо вовсе не урегулированы правом [10, с. 12].

И. А. Минникес, посвятивший свое диссертационное исследование теоретико-правовому анализу индивидуального правового регулирования, выделил его в отдельное направление социально-правовой идентификации отношений, придав ему статус автономного. Неотъемлемым признаком индивидуального регулирования он назвал учет конкретной ситуации [11]. Поскольку сегодня процесс цифровизации пронизывает многие сферы общественной жизни, совершенно по-новому поднимается проблема пределов нормативного и индивидуального правового регулирования.

В частности, Ю. А. Тихомиров в качестве нового метода познания предлагает разработать таблицу правовых регуляторов, в т. ч. индивидуально-правового характера. Подобного рода таблица поможет, по его мнению, более точно определить пределы индивидуального правового регулирования. При этом он обращает внимание на важность саморегулирования, характерного прежде всего для нормы-самообязательства [12]. В этом случае нормы морали применимы только в отношении конкретных субъектов и при наличии прецедентов по конкретным делам.

Однако для того, чтобы приведенные новации реально заработали, необходимо выработать условия и требования их реализации. Во-первых, субъект должен быть наделен правом самостоятельно принятия решения на основе собственной воли, интересов и потребностей. Во-вторых, принимаемое решение должно быть облечено в форму правил поведения. В-третьих, свободное усмотрение не должно противоречить закону и нарушать законных интересов других лиц. В-четвертых, оно должно касаться только ситуаций, не предусмотренных, но допускаемых законодателем и разрешаемых субъектами самостоятельно.

По справедливому утверждению В. В. Печенкова, тайна индивидуальности представляет собой единство самореализации и самоотдачи. Человек

строит свою индивидуальность одновременно и для себя, и для других. При этом делает он это не для того, чтобы окончательно замкнуться в себе, а для того, чтобы утвердить себя в обществе [13]. Значит, индивидуальное регулирование не только обеспечивает свободу отдельной личности, но и самому обществу позволяет подняться на более высокий уровень свободы.

Вместе с тем следует учитывать, что наряду с положительными моментами индивидуальная регламентация в подобных случаях не лишена и отрицательных. В ряде ситуаций свободное усмотрение может перерасти в возможность чинить произвол в угоду личным интересам, игнорируя общественные. В целях недопущения подобного законодатель обязан предусмотреть в нормах права направления и пределы индивидуального регулирования, его формы, гарантии и т. д.

В специальной литературе пределы индивидуального регулирования понимаются в качестве закрепленных законом рамок, в которых личности, определяющей свое поведение, дается возможность действовать по собственному усмотрению. В этом случае важно соблюдение обязательного условия — человек должен обладать своим внутренним законом, правилом, ставящими его выше повседневных желаний, потребностей, пристрастий, к которым он вынужден будет постоянно приспосабливаться. При этом поступки и поведение, не нарушающие права и законные интересы других людей, должны соответствовать нормам всеобщего законодательства.

Закономерности и тенденции индивидуализации (персонификации) ученые и практики должны учитывать в первую очередь при изучении структуры законодательства. В настоящее время необходимы критический анализ и реальная систематизация законодательства, которые позволят увидеть негативные моменты, в т. ч. касающиеся и злоупотребления правом.

В специальной литературе предлагается различать законодательную и правоприменительную индивидуализацию. В качестве предпосылок правоприменительной индивидуализации признается разработка критериев индивидуализации, к которым В. М. Романов относит степень общественной опасности деяния, личность нарушителя, степень его вины, роль в совершенном правонарушении [14, с. 15]. Подобный подход разделяет и А. Н. Чураков, только называет их критериями справедливости [15, с. 7]. Указывая на тенденции индивидуализации в праворегулировании, И. А. Минникес выделяет такие критерии, как возраст, психологи-

ческие состояния и др. [16]. Приведенные и другие критерии нашли своё отражение в действующем законодательстве, правоприменитель же, в свою очередь, обязан им следовать.

Сегодня технологии обработки больших данных позволяют создать и внедрить принципиально новые способы правового регулирования, подстраивая правовые нормы к индивидуальным особенностям личности. Это связано с тем, что данные, собранные об индивиде, позволяют анализировать, обрабатывать и объединять их с увязкой с особенностями структуры личности, что позволит персонализировать правовые нормы.

Специфической чертой технонауки является ориентированность технологических решений непосредственно на человека как массового потребителя этих решений. Персонификация, будучи одной из характерных черт технонауки, по мнению Ф. Хаккера, не нарушит принцип равенства перед законом, а напротив, обеспечит равенство в значительно большей степени, чем существующее правовое регулирование. Также автор считает, что важно, чтобы закон персонализации предвидел и предупреждал возможные негативные правовые последствия оценок конкретного человека в разных категориях — сила воли, рациональность и т. д. [17].

Персонализация права проявляется через персонализацию (индивидуализацию) применения (реализации) закона, хотя оно не может быть одинаковым для всех субъектов, поскольку зависит от их правового статуса и от сферы регулируемых общественных отношений. Учитывая сложности организационного, правового и финансового характера разработки и внедрения персонализированного права, первоначально следует начать его внедрение в те сферы правоотношений, где это связано с наименьшими рисками для прав человека.

Поддержку данной идеи выразила Н. Ф. Порываева, предложившая начать разработку концепции персонализированного права на основе слияния нормативного и казуального правового регулирования [18, с. 93]. Возможность такого слияния, на наш взгляд, следует считать актуальной прежде всего для индивидуального правового регулирования, которому процесс персонификации (индивидуализации) субъектов правовых отношений органично соответствует.

По утверждению Т. З. Мисостишхова, «персонализированное право предполагает разработку и реализацию индивидуализированных правовых норм посредством алгоритмической обра-

ботки больших данных, которая представляется оправданной на первых порах только в тех сферах правоотношений, где минимален риск нарушения фундаментальных норм и вторжения в пространство общественной дискуссии» [19].

В процессе анализа публикаций удивляет, что при осознании всех рисков персонализации права многие отечественные правоведы убеждены в неизбежности перехода к такому типу регуляции поведения в связи с технологическим прогрессом. Высказываются даже торопливые рекомендации (например, подготовка юристов, являющихся одновременно «айтишниками»). Целесообразно понимать главное — научные проработки и обоснования персонализированного права пока что скромны даже за рубежом.

Среди возможных негативных последствий ученые указывают: 1) широкие возможности манипулирования человеческим поведением; 2) деградацию критического мышления, превращение человека в полуавтомат, подчиняющийся командам искусственного интеллекта; 3) развитие подозрительности в межличностных отношениях, распад социальных связей, атомизацию общества; 4) хаотизацию общественной жизни и рост асоциальных практик; 5) нарастание неадекватных решений искусственного интеллекта, приводящих к деградации государственного управления; 6) опасность возможного контроля со стороны отдельных крупных компаний, интересы которых могут расходиться с интересами общества и государства и др.

Многие исследователи видят панацею от возможных негативных последствий цифровизации в обеспечении открытости алгоритмов, общественного и экспертного контроля за решениями искусственного интеллекта. Однако психологическая и организационная «ловушка» заключается в том, что обеспечение открытости алгоритмов способно привести к большим соблазнам манипулирования и при этом уходу от ответственности («Я не нарушал закон, это алгоритм указал мне, как действовать!»).

Значит, завышенные ожидания в отношении персонализированного права пока что неуместны. Необходимо обсуждать и оценивать как возможные приобретения, так и реальные опасности и даже потери. Зарубежный опыт также пока не дает оснований для переоценки персонализированного права. Во многих публикациях просматривается крайне осторожный и взвешенный подход (J. M. Barry, P. M. Bender, J. W. Hatfield, H. C. Grigoleit). Такая же позиция характерна и для отдельных российских авторов (например, Т. Мисостишхов).

Не возражая основным идеям персонализации права, следует учитывать и возникновение реальной опасности: во-первых, фундаментальным правам человека (принципу равенства, праву на свободу мнений и на неприкосновенность частной жизни); во-вторых, законодательной власти, поскольку ее функции могут постепенно перейти к ИТ-специалистам, разрабатывающим и контролирующим алгоритмы. Поэтому важно сконцентрироваться на качестве принимаемых законопроектов, на их релевантности интересам различных социальных групп и общества в целом.

Законодатели, политики и ученые уже сегодня высказывают тревогу относительно логики принятия алгоритмом тех или иных решений, в особенности для таких областей, как безопасность, здравоохранение и право. В связи с этим можно понять беспокойство немецкого ученого Ф. Бендера, считающего, что персонализация, основанная на предпочтениях, в экстремальном ее понимании может приобрести оторванный от реальности и даже дискриминационный характер [20].

Учитывая риски и непредсказуемые опасности персонализации, первоначально целесообразно осуществить её в тех правоотношениях, в которых это связано с минимальными неблагоприятными последствиями для человека, прежде всего в сфере соблюдения его прав и законных интересов. При этом Ф. Хаккер предлагает учитывать различие в когнитивных способностях разных людей, не одинаково воспринимающих предназначенную конкретным лицам информацию, что, безусловно, обяжет персонализированное право требовать предоставлять потребителю информацию разной степени сложности [17].

Вполне приемлемой и допустимой возможна персонализация паспортно-визовых документов нового поколения, позволяющая идентифицировать сам бланк и его владельца. Персонализация в данном случае может быть осуществлена с помощью внедрения автоматизированных процессов, которые позволят, во-первых, создать персонализированные бланки паспортно-визовых документов; во-вторых, сформировать федеральный информационный ресурс изготовления, оформления и контроля таких документов; в-третьих, выстроить взаимодействие по вопросам персонализации указанных документов всех государственных структур с представителями паспортно-визовых служб.

Конечно, при этом следует учитывать возможные последствия персонализации для отдельных граждан, которые могут быть самыми разными.

Сложнее станет устанавливать дискриминационные решения и действия недобросовестных чиновников, легче станет скомпрометировать человека путем публичного оглашения о нем сведений конфиденциального характера, хотя по данным некоторых опросов значительная часть граждан не прилагают заметных усилий для защиты своих данных.

Вместе с тем следует признать наличие острой необходимости в разработке этических основ использования этих технологий в средствах массовой информации, поскольку отсутствие надлежащего контроля за ними может привести к всевозможным манипуляциям, способным нарушить чьи-либо индивидуальные и групповые права и интересы. Следовательно, пока что преждевременно говорить о взаимосвязи персонализированного права с цифровыми устройствами как об исключительной и неотъемлемой составляющей с точки зрения создания правовых норм.

Для снижения рисков возникновения неблагоприятных последствий персонализации Ю. А. Тихомиров предлагает разработать таблицу правовых регуляторов, в т. ч. индивидуально-правового характера. Подобного рода таблица поможет, по его мнению, более точно определить пределы индивидуального правового регулирования [12]. В этом случае нормы морали применимы только в отношении конкретных субъектов и при наличии прецедентов по конкретным делам. Из этого следует признать наличие острой необходимости в разработке этических основ использования этих технологий, определяющих цели, условия, гласность применения указанных технологий, а также ответственность за причиненный ею вред. Отсутствие надлежащего контроля за ними может привести к всевозможным манипуляциям, способным нарушить чьи-либо индивидуальные и групповые права и интересы.

Таким образом, чтобы приведенные новации реально заработали, необходимо выработать условия и требования их реализации. Во-первых, субъект должен быть наделен правом самостоятельного принятия решения на основе собственной воли, интересов и потребностей. Во-вторых, принимаемое решение должно быть облечено в форму правил поведения. В-третьих, свободное усмотрение не должно противоречить закону и нарушать законных интересов других лиц. В-четвертых, оно должно касаться только ситуаций, не предусмотренных, но допускаемых законодателем и разрешаемых субъектами самостоятельно.

Список источников

1. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85–102.
2. Ширеева Е. В. Правовые формы и методы государственного контроля и надзора в сфере обеспечения правопорядка и общественной безопасности в условиях цифровой трансформации органов исполнительной власти // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 4 (47). С. 350–360.
3. Власенко Н. А. Индивидуализация как закономерность развития современного российского законодательства // Журнал российского права. 2015. № 12.
4. Porat A., & Strahilevitz, L. J. (2014). Personalizing default rules and disclosure with Big Data. *Michigan Law Review*, 112(8), 1417–1478. URL: <https://repository.law.umich.edu/mlr/vol112/iss8/2>.
5. Bender P. M. (2020). Limits of Personalization of default rules — Towards a normative theory. Working Paper 2020–02. Max Planck Institute for Tax Law and Public Finance; Busch, C. (2019). Implementing personalized law: Personalized disclosures in consumer law and data privacy law. *The University of Chicago Law Review*, 86(2), 309–332. URL: <https://lawreview.uchicago.edu/publication/implementing-personalized-law-personalized-disclosures-consumer-law-and-data-privacy-law>.
6. Parins C. Personalizing the law. Law Review Conference examines possibilities and pitfalls of using predictive technology to tailor the law. The University of Chicago. The Law School (2018, May 29). URL: <https://www.law.uchicago.edu/news/personalizing-law> (дата обращения: 22.03.2022).
7. Волик К. Б. Правовая ментальность и правовое регулирование // Правовое регулирование: история и современность: сборник статей Всероссийской научно-практ. конф-ции (Краснодар, 29 апреля 2021 г.) / отв. ред. Г. Ф. Гараева, В. В. Ковалева. Краснодар: ИД «Юг», 2022. С. 16–21.
8. Кашанина Т. В. Индивидуальное регулирование в правовой сфере // Государство и право. 1992. № 1. С. 122–130.
9. Кашанина Т. В., Сизикова Н. М. Право: публично-правовые и частно-правовые начала. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2024. 553 с.
10. Григорьев А. С. Механизм индивидуально-правового регулирования общественных отношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2011.
11. Минникес И. А. Индивидуальное правовое регулирование: теоретико-правовой анализ: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2009. 303 с.
12. Тихомиров Ю. А. Креативные регуляторы в правовом и виртуальном пространстве // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 3. С. 5–16.
13. Печенков В. В. Тайна индивидуальности. Артефакт эволюции или смысл бытия человека? М., 2020. 174 с.
14. Романов В. М. Принципы юридической ответственности и их реализация в деятельности органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000.
15. Чураков А. Н. Принципы юридической ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2000.
16. Минникес И. А. Элементы индивидуального правового регулирования в семейном праве // Семейное и жилищное право. 2007. № 5. С. 16–20.
17. Hacker Ph. Personalizing EU private law: From disclosures to nudges and mandates // *European review of private law*. Alphen an den Rijn, 2017. Vol. 25. № 3. P. 651–678.
18. Порываева Н. Ф. Алгоритмы и право // Теория и практика общественного развития. 2021. № 5 (159). С. 90–95.
19. Мисостишхов Т. З. Персонализированное право и фундаментальные права // Цифровое право. 2020. Т. 1. № 4. С. 56–73.
20. Bender P. M. Limits of Personalization of default rules – Towards a normative theory. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3544029 (дата обращения: 23.08.2024).

References

1. Xabrieva T. Ya., Chernogor N. N. Pravo v usloviyax cifrovoj real' nosti // Zhurnal rossijskogo prava. 2018. № 1. S. 85–102.
2. Shireeva E. V. Pravovy`e formy` i metody` gosudarstvennogo kontrolya i nadzora v sfere obespecheniya pravoporyadka i obshhestvennoj bezopasnosti v usloviyax cifrovoj transformacii organov ispolnitel' noj vlasti // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2021. № 4 (47). S. 350–360.

3. Vlasenko N. A. Individualizaciya kak zakonomernost` razvitiya sovremennogo rossijskogo zakonodatel'stva // Zhurnal rossijskogo prava. 2015. № 12.
4. Porat A., & Strahilevitz, L. J. (2014). Personalizing default rules and disclosure with Big Data. Michigan Law Review, 112(8), 1417–1478. URL: <https://repository.law.umich.edu/mlr/vol112/iss8/2>.
5. Bender P. M. (2020). Limits of Personalization of default rules — Towards a normative theory. Working Paper 2020–02. Max Planck Institute for Tax Law and Public Finance; Busch, C. (2019). Implementing personalized law: Personalized disclosures in consumer law and data privacy law. The University of Chicago Law Review, 86(2), 309–332. URL: <https://lawreview.uchicago.edu/publication/implementing-personalized-law-personalized-disclosures-consumer-law-and-data-privacy-law>.
6. Parins C. Personalizing the law. Law Review Conference examines possibilities and pitfalls of using predictive technology to tailor the law. The University of Chicago. The Law School (2018, May 29). URL: <https://www.law.uchicago.edu/news/personalizing-law> (data obrashheniya: 22.03.2022).
7. Volik K. B. Pravovaya mental`nost` i pravovoe regulirovanie // Pravovoe regulirovanie: istoriya i sovremennost`: sbornik statej Vserossijskoj nauchno-prakt. konf-cii (Krasnodar, 29 aprelya 2021 g.) / otv. red. G. F. Garaeva, V. V. Kovaleva. Krasnodar: ID «Yug», 2022. S. 16–21.
8. Kashanina T. V. Individual`noe regulirovanie v pravovoj sfere // Gosudarstvo i pravo. 1992. № 1. S. 122–130.
9. Kashanina T. V., Sizikova N. M. Pravo: publichno-pravovy`e i chastno-pravovy`e nachala. 4-e izd., pererab. i dop. M.: Yurajt, 2024. 553 s.
10. Grigor`ev A. S. Mexanizm individual`no-pravovogo regulirovaniya obshhestvenny`x otnoshenij: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Tyumen`, 2011.
11. Minnikes I. A. Individual`noe pravovoe regulirovanie: teoretiko-pravovoj analiz: dis. ... d-ra jurid. nauk. Ekaterinburg, 2009. 303 s.
12. Tixomirov Yu. A. Kreativny`e regulatory` v pravovom i virtual`nom prostranstve // Zhurnal rossijskogo prava. 2023. T. 27. № 3. S. 5–16.
13. Pechenkov V. V. Tajna individual`nosti. Artefakt e`voljucii ili smy`sl by`tiya cheloveka? M., 2020. 174 s.
14. Romanov V. M. Principy` juridicheskoy otvetstvennosti i ix realizaciya v deyatel`nosti organov vnutrennix del: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2000.
15. Churakov A. N. Principy` juridicheskoy otvetstvennosti: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Volgograd, 2000.
16. Minnikes I. A. E`lementy` individual`nogo pravovogo regulirovaniya v semejnom prave // Semejnoe i zhilishhnoe pravo. 2007. № 5. S. 16–20.
17. Hacker Ph. Personalizing EU private law: From disclosures to nudges and mandates // European review of private law. Alphen an den Rijn, 2017. Vol. 25. № 3. P. 651–678.
18. Pory`vaeva N. F. Algoritmy` i pravo // Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya. 2021. № 5 (159). S. 90–95.
19. Misostishxov T. Z. Personalizirovannoe pravo i fundamental`ny`e prava // Cifrovoe pravo. 2020. T. 1. № 4. S. 56–73.
20. Bender P. M. Limits of Personalization of default rules – Towards a normative theory. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3544029 (data obrashheniya: 23.08.2024).

Библиографический список

1. Романовский Г. Б. Правовая политика в сфере персонализированной медицины // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2020. Т. 8. № 1 (29). URL: <http://esj.pnzgu.ru> (дата обращения: 15.06.2024).
2. Савина Н. В. Методологические основы персонализации образования // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2020. Т. 14. № 4. С. 82–90.

Информация об авторе

Е. Р. Абызова — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

E. R. Abizova — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 07.10.2024; одобрена после рецензирования 22.11.2024; принята к публикации 05.12.2024.

The article was submitted 07.10.2024; approved after reviewing 22.11.2024; accepted for publication 05.12.2024.

Алтайский юридический вестник. 2024. № 4 (48). С. 14–20.

Altai Law Journal. 2024. № 4 (48). P. 14–20.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 340.1:2

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ИНОВЕРНОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.

Виктория Руслановна Булгакова¹, Вячеслав Александрович Поляков²

¹ Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, vikaimamova@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-4760-6881>

² Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия

Аннотация. В статье исследуется правовое положение иноверного населения Российской империи, в частности, исповедующего ислам и иудаизм. Нормативную правовую основу, в которой достаточно подробно регламентировалась жизнедеятельность общества разного религиозного учения, составлял Свод законов Российской империи. Автором на основе анализа брачно-семейных, социально-экономических и духовных отношений сделан вывод о том, что правовой статус рассматриваемых групп во второй половине XIX в. носил ограничительный характер в силу их распространенности. Правительством предпринимались попытки к русификации и христианизации иноверного населения путем предоставления преференций. Указ от 17 апреля 1905 г. расширил сферу принципов толерантности, обеспечил фундаментальные гражданские свободы, в т. ч. свободу совести и вероисповедания, тем самым дал возможность на государственном уровне отстаивать свои интересы.

Ключевые слова: мусульмане, евреи, вероисповедание, иноверное население, правовой статус, Российская империя

Для цитирования: Булгакова В. Р., Поляков В. А. Правовое положение иноверного населения Российской империи во второй половине XIX — начале XX вв. // Алтайский юридический вестник. 2024. № 4 (48). С. 14–20.

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Original article

LEGAL STATUS OF THE POPULATION OF ANOTHER RELIGION OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE SECOND HALF OF THE XIX – BEGINNING OF THE XX CENTURIES

Victoria R. Bulgakova¹, Vyacheslav A. Polyakov²

¹ Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, vikaimamova@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-4760-6881>

² Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia

Abstract. The article examines the legal status of the population of another religion of the Russian Empire, in particular, those professing Islam and Judaism. The normative legal basis, which regulated in sufficient detail the life of society of different religious teachings, was the Code of Laws of the Russian Empire. The author, based on the analysis of marital, family, socio-economic and spiritual relations, concluded that the legal status of the groups in question in the second half of the XIXth century was restrictive due to their prevalence. The government made attempts to Russify and Christianize the non-believing population by providing preferences. The decree of April 17, 1905 expanded the scope of the principles of tolerance, ensured fundamental civil liberties, including freedom of conscience and religion, thereby making it possible to defend their interests at the state level.

Keywords: Muslims, Jews, religion, non-believers, legal status, Russian Empire

For citation: Bulgakova V. R., Polyakov V. A. Legal status of the population of another religion of the Russian Empire in the second half of the XIX — beginning of the XX centuries. *Altajskij juridicheskiy vestnik* = *Altai Law Journal*. 2024;4:14–20 (In Russ.).

В период существования Российской империи правительством принимались нормативные правовые акты, регулирующие правовое положение населения, исходя из его вероисповедания. Наибольший контраст в проводимой политике по отношению к православным и иноверным гражданам наблюдается после введения в действие в 1835 г. Свода законов Российской империи, в котором достаточно подробно регламентировалась жизнедеятельность общества разного религиозного учения.

Примечательно, что в рассматриваемом законодательном акте в качестве первенствующей веры признавалось христианство, а именно православие (ст. 1 тома XI Свода законов Российской империи) [1]. В свою очередь, к числу иноверного населения относились мусульмане, евреи, буддисты и язычники (в рамках настоящего исследования будут проанализированы первые две религиозные группы в силу их подробной регламентации и достаточной распространенности).

Исследование Свода законов Российской империи позволило установить как сходства, так и различия в регулировании правового положения иноверного населения. Для наглядности они будут представлены на примере таких сфер жизнедеятельности, как социально-экономические, брачно-семейные и духовные отношения.

Прежде чем приступить к сравнительному анализу, укажем на численную составляющую населения, исповедующего ислам и иудаизм. Так, согласно переписи населения, проведенной в 1897 г., всего в Российской империи проживало 125 640 021 человек (62 477 348 мужчин и 63 162 673 женщины), из них православных и единоверцев насчитывалось 87 123 604 человека. При этом количество лиц, исповедующих ислам, занимает вторую позицию — 13 906 972 человека (7 383 293 мужчины и 6 523 679 женщин), т. е. 11 %. Четвертое место, уступив римским католикам, составляли иудеи — их по империи насчитывалось 5 215 805 человек (2 547 144 мужчины и 2 668 661 женщина), или 4 % [2].

Учитывая то, что количество иноверного населения в Российской империи занимало лидирующие позиции, правительство видело в этом угрозу, в связи с чем проводило ограничительную политику, в т. ч. принимало меры по его русификации и христианизации. Остановимся на данных аспектах более подробно.

Рассматривая одну из составляющих жизни иноверного населения, такую как брачно-семейные отношения, подчеркнем, что данная сфера регламентировалась в томе X Свода законов Рос-

сийской империи [3]. Примечательно, что возраст вступления в брак был одинаковым для всех конфессий: для мужского пола — 18 лет, для женского — 16 лет. Однако для жителей Закавказья было сделано исключение, снизившее возраст вступления в брак на 3 года для каждой из сторон (ст. 3 «О вступлении в брак»). Кроме того, запрещалось вступать в брак лицу, достигшему 80-летнего возраста, а также с лицами безумными и сумасшедшими.

О заключении и расторжении браков, равно как о рождении и смерти, духовными лицами делались записи в особых шнуровых книгах («метрических книгах») по правилам, изложенным в томе IX «Свода законов о состояниях» [4]. Эти записи включали в себя такие подробности, как время и место рождения, имена родителей; имена супругов, родителей и свидетелей, время и условия бракосочетания, имя духовного лица, скрепившего людей узами брака.

Учитывая то, что в Российской империи в качестве преобладающей выступала православная вера, при ее принятии устанавливались определенные требования.

Так, если девушка-мусульманка принимала крещение, то муж должен был соблюсти следующие условия, оставаясь верным своим первоначальным убеждениям: 1) дети, рожденные в данном браке, должны принять православную веру; 2) нельзя принимать принудительные меры, направленные на религиозный выбор [5, с. 17]. В случае невыполнения данных правил брак считался недействительным и женщина могла вступить в новый брак по правилам христианской веры.

В ситуации, когда мужчина-мусульманин принимал крещение, он должен был выбрать одну из своих жен, чтобы сохранить с ней брак. Если ни одна жена не желала креститься, а муж отказывался жить с некрещенной, он мог принять решение о повторном браке в православной общине (ст. 82–83).

Правила, устанавливаемые в рассматриваемой сфере, у евреев были аналогичны, что и у мусульман, за некоторым исключением.

В соответствии со ст. 81 (глава 3 «О браках нехристиан между собою и с Христианами», том X) было установлено, что принявший крещение супруг обязан обеспечить преобразование другого супруга в православие, в то время как последнему запрещается вынуждать первого отказаться от своей новой веры посредством угроз или принуждения.

Усыновление в Российской империи позволялось лицам всех состояний без различия пола,

кроме тех, которые обречены на безбрачие по духовному сану (ст. 145, том X Свода законов Российской империи). Запрещалось усыновлять детей, если у лица-усыновителя уже имелись свои собственные дети. При этом усыновителем могло стать только лицо, имеющее гражданскую правоспособность, в возрасте не менее 30 лет и старше усыновляемого по крайней мере на 18 лет. Нехристианам запрещалось усыновлять лиц христианского вероисповедания, равно как и наоборот.

Говоря о вероисповедании, подчеркнем, что его свобода распространялась на всех без исключения. Однако правительство Российской империи во второй половине XIX в. отдавало предпочтение однородной православной общественной структуре, состоящей преимущественно из христианских элементов.

Так, например, оно старалось поощрять мусульман, переходивших в Православную церковь, различными способами. Подобные веяния можно заметить во многих уставах Свода законов Российской империи. Так, например, в ст. 605 Устава о прямых налогах (том V) [6] было закреплено, что иноверцы, принявшие крещение и затем причисляемые к христианским обществам по их собственному желанию, подвергались исключению из их предыдущих званий и окладов и пользовались льготой, освобождающей от всех податей на три года, а в ст. 357 Устава о земских повинностях (том IV, глава 2 «О земских повинностях в Закавказье») [7] утверждалось, что мусульмане, живущие в Закавказье или переехавшие туда при принятии крещения, равно как и их дети, освобождались от повинностей на шесть лет.

Отличался и возраст, с которого, например, мусульманин или еврей мог принять православную веру. Так, если: 1) мусульманину не исполнилось четырнадцать лет, то таинство крещения совершалось только с письменного согласия родителей либо опекунов; 2) мусульманин достиг четырнадцатилетнего возраста, то согласие родителей или опекунов могло не требоваться в случае установления собственного желания лица обратиться в православную веру с учетом имеющихся представлений о ее догматах и учениях; 3) мусульманин не достиг совершеннолетия, т. е. двадцати одного года, то подготовка (наставление) его к крещению начинается за шесть месяцев, в случае совершеннолетия — предоставляется сорокадневный срок, который может быть сокращен, исходя из нужд и успехов наставляемого.

В свою очередь, несовершеннолетние евреи могли присоединиться к христианской вере без

получения согласия от родителей, что отличается от правил, установленных в отношении мусульман. Но прежде чем еврей пройдет через таинство крещения, он должен сначала обучиться догматам новой веры, получить свидетельство об обучении и одобрительный отзыв от местного духовного руководителя.

Крещение как в отношении мусульман, так и евреев совершалось в церкви, в то время как больных допускалось крестить дома, при этом врач должен удостоверить факт болезни и желание больного принять христианскую веру, при крещении должны находиться свидетели.

В отношении евреев было установлено еще и дополнительное правило — рассматриваемое таинство должно обладать публичностью, осуществляться в воскресный или праздничный день. После принятия евреями христианской веры совершалось крещение и в отношении их малолетних детей до семилетнего возраста. Если крещение принимал только один из родителей, то оно осуществлялось в отношении детей того же пола (мама — дочь, отец — сын).

Рассматривая в целом такую сферу жизнедеятельности, как вероисповедание и управление духовными делами, следует отметить, что у каждого религиозного учения существовала определенная структура.

Так, например, на территории Российской империи было образовано два духовных управления мусульман (том XI «Уставы духовных дел иностранных исповеданий» Свода законов Российской империи, книга VI «Об управлении духовных дел магометан»). Первое принадлежало Таврическому округу (центр — город Симферополь) и именовалось Таврическое магометанское духовное правление. Второе управление соотносилось с Оренбургским округом (центр — город Уфа) и называлось Оренбургское магометанское духовное собрание.

Духовными делами как в Таврическом, так и Оренбургском округе занималось высшее (к нему относились муфтий, кадий-эскер и уездные кадии) и приходское духовенство (к нему относились хатыпы, имамы, муллы, маязины, миодариссы и гочи). Примечательно, что, несмотря на общие функции, духовные лица в Таврическом магометанском духовном правлении и Оренбургском магометанском духовном собрании пользовались разными льготами и к ним устанавливались разные требования.

Так, например, в Таврическом магометанском духовном правлении выделялся круг субъектов, освобождающихся от повинностей. В частности,

к ним относилось: а) высшее духовенство; б) приходское духовенство; в) духовенство, уволенное со своих должностей в силу возраста (старше шестидесяти лет) или травм; г) дети высшего и приходского духовенства.

В свою очередь, в Оренбургском магометанском духовном собрании подобные преференции не определялись, а, наоборот, устанавливался образовательный ценз (приложение к ст. 1416 тома XI). В частности, членами рассматриваемого управления могли стать только лица, продемонстрировавшие знания русского языка, путем прохождения испытаний; кандидаты на должности сельских мулл должны были представить доказательства (свидетельства), подтверждающие знание русского языка и умение читать [8, с. 142].

Кроме того, в распоряжении обоих духовных управлений находились: а) мечети с учрежденными при них училищами; б) принадлежащие мечетям и училищам вакуфы (недвижимое имущество и финансовые активы). Данным имуществом духовные лица распоряжались по своему усмотрению.

Ограничительная политика государства наблюдалась и применительно к строительству мечетей. Так, их возведение допускалось, если руководство губернии получит все необходимые документы, подтверждающие возможность их содержания. Кроме того, количество прихожан при мечети должно быть не менее двухсот мужчин; гражданам, составляющим новый приход, следует изъять согласие на предоставление денег, требуемых для содержания мечети и духовенства.

Необходимо указать и на отличающийся правовой статус мусульман, проживающих в разных регионах Российской империи, в рассматриваемом направлении. В частности, в Азии избрание муллы в волостях было не обязательным, кроме того, к заведыванию религиозными делами могло привлекаться лицо, не являющееся официально духовным, а статус муллы не регламентировался. На духовных лиц распространялись налоги и повинности, как и на все население.

Особенно остро обстояла ситуация в северной части Кавказа, где многие горцы были настроены против российской власти, в частности, после Кавказской войны (1817–1864). Если делами духовными в южной части Кавказа заведовали образованное Шиитское и Суннитское духовные правления, то в северной части эти вопросы решали военные власти. Во второй половине XIX в. предпринимались попытки запретить осуществление мусульманам паломничества в Мекку, строительство ме-

четей, но придя к выводу о том, что мусульмане будут искать другие незаконные способы осуществления своих религиозных потребностей, политика государства была смягчена.

Переходя к анализу структуры духовного управления евреев, отметим, что верховным органом выступала Раввинская комиссия, состоящая из председателя (раввина) и шести членов. Задачи Раввинской комиссии охватывали две основные области: 1) расследование и разрешение споров, связанных с еврейскими религиозными практиками, ритуалами и деятельностью раввинов; 2) расследование случаев, связанных с разводом, когда существует двусмысленность в примененных законах или когда возникают жалобы относительно решения раввина.

Примечательно, что гражданские и уголовные дела как мусульман, так и евреев рассматривались в общем порядке, т. е. светским судом.

Исследование социально-экономической сферы жизнедеятельности иноверного населения позволило установить следующие особенности. Например, мусульмане имели право занимать определенные должности только в том случае, если они обладали навыками русского языка. В органах государственной власти количество нехристиан, в частности мусульман, не должно было превышать одной трети от общего количества штатной численности. Вероисповедание учитывалось и при занятии высоких постов в государственной структуре.

Следует также указать на тот факт, что в отношении населения, проживающего в Закавказье, устанавливались следующие особенные виды сборов: 1) на постройку помещений, по которым производится поэтапное передвижение арестованных, их ремонт и содержание; 2) земский поземельный сбор со всех земель, подлежащих обложению; 3) сбор с земель и лесов, состоящих в непосредственном распоряжении казны; 4) сбор с городского недвижимого имущества; 5) сбор с фабрик и заводов, торговых и промышленных помещений вне городов, а также с промыслов; 6) сбор с патентов на заводы для выделки напитков, подлежащих оплате акцизом, и изделий из спирта и вина, а также с питейных заведений.

Создание медресе и других учебных заведений в каждом селе согласовывалось с духовным управлением, однако предварительное одобрение на их открытие требовалось от местных обществ и при условии наличия достаточного количества денежных средств для этих целей [9, с. 266].

Ограничительная политика в рассматриваемом направлении наблюдалась и в отношении евреев. Так, в отличие от мусульман специальные правила регулировали постоянное и временное пребывание евреев в России. В соответствии с томом XIV Свода закона Российской империи евреям было разрешено постоянно пребывать в определенных областях, включая Бессарабскую, Вильнюсскую, Витебскую, Волынскую, Екатеринославскую, Киевскую, за исключением самого города Киева и ряд других [10, с. 23]. Применительно к другим территориям устанавливалась черта оседлости — граница, за пределами которой евреям запрещалось постоянное жительство (исключение составляли ремесленники, купцы первой гильдии и др.).

Евреям было запрещено участвовать в муниципальных выборах, занимать должности в местном правительстве и вести отдельные отрасли городской экономики и администрации. В муниципалитетах, где евреям было разрешено постоянное пребывание, дозволялось служить в качестве городских чиновников или уполномоченных представителей.

Кроме того, на евреев возлагались специальные налоги, в т. ч.: 1) проценты с доходов, полученных от арендованной недвижимости, принадлежащей евреям; 2) проценты с доходов, полученных из еврейских отраслей, таких как винопроизводство, продажа водки, пивоварство, производство стекла, и с других предприятий; 3) проценты с денежных капиталов, полученных евреями после смерти родственников.

Эти налоги были дополнены еще двумя сборами: свечным, посвященным исключительно поддержке еврейских образовательных учреждений, и коробочным, взимаемым за убой скота и птиц на кошер (с каждой птицы и скотины), а также с продажи кошерного мяса (с каждого фунта).

Также стали устанавливаться определенные образовательные квоты для евреев: 1) высшее образование: в столичных учебных заведениях допускалось обучение лишь трех процентов евреев, в прочих местностях империи вне черты еврейской оседлости — пять процентов, в районе оседлости — десять процентов; 2) среднее образование: в столичных учебных заведениях — пять процентов евреев, в прочих местностях империи вне черты еврейской оседлости — десять процентов, в районе оседлости — пятнадцать процентов [11].

Прием евреев в средние учебные заведения, которые не предоставляли учащимся никаких прав, открывающих возможность поступить в высшие учебные заведения, допускался без всяких ограни-

чений, как и в художественные училища, в торговые, художественно-промышленные, технические и ремесленные училища ведомства Министерства торговли и промышленности.

Подобная ограничительная политика государства применительно иноверного населения продолжалась до начала XX в., когда Указ от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» расширил сферу принципов толерантности [12]. Этот манифест обеспечил фундаментальные гражданские свободы, в т. ч. свободу совести, запретил принудительное удержание в вере [13, с. 206], позволил создавать различные общественные организации, а также переход в другую веру больше не преследовался.

Примечательно, что данный указ разрешил, например, строительство мечетей за пределами стандартных правил, позволяя контролировать и предотвращать несанкционированные места поклонения. Несмотря на то что нелегальные мечети продолжали возводиться, особенно среди татар, это нововведение ознаменовало значительный шаг к большей религиозной свободе.

В этот период появилась партия «Союз мусульман», сосредоточившаяся на стремлении к национальной независимости и самоопределению. Так, в Государственной Думе II созыва, который состоялся 20 февраля 1907 г., вступили в должность 34 мусульманских парламентария.

Созыв III Государственной Думы ограничил казахов и туркестанцев в избирательном праве, что привело к избранию всего 10 мусульманских депутатов. Тем не менее их присутствие позволило им выступать за мусульманские интересы в образовании, культуре и осуществляло демократическое давление на внешнюю политику Российской империи.

В 1910 г. при Главном управлении Генерального штаба образовалась комиссия по пересмотру «Устава о воинской повинности». По докладу, представленному Совету Министров в апреле 1913 г., считалось возможным и желательным разрешить иноверцам выполнять обязанности военной службы. Однако это решение было отложено в связи с началом Первой мировой войны на неопределенное время.

Резюмируя вышеизложенное, подчеркнем, что правовое положение иноверного населения, а именно мусульман и евреев, носило отчасти ограничительный характер ввиду того, что их численность составляла преобладающее количество в Российской империи в конце XIX — начале XX в., и правительство, в свою очередь, виде-

ло в этом угрозу, поэтому принимало меры к их русификации и христианизации. Сфера семейно-бытовых отношений отчасти была схожа у рассматриваемых вероучений, кроме того, вводились определенные правила при принятии крещения одним из супругов. С точки зрения социально-экономической составляющей правового статуса мусульман и евреев необходимо отметить, что в отношении них устанавливались определенные виды сборов, ограничения при получении образования, трудоустройстве. Например, в отношении евреев устанавливалась черта оседлости, а также свечной и коробочный сборы, образовательные квоты в высших учебных заведениях. Мусульмане имели право занимать определенные должности только в том случае, если они обладали навыками русского языка. Создание медресе и других учебных заведений требовало предварительного одобрения на их открытие от местных сообществ и при условии наличия достаточного количества денежных средств для этих целей. Духовная жизнь мусульман и евреев была регламентирована и имела определенную структуру. У мусульман были созданы два духовных округа управления — Таврическое

магометанское духовное правление и Оренбургское магометанское духовное собрание. Однако наблюдалось разное отношение к ним. Например, некоторое духовенство из Таврического округа освобождалось от духовных повинностей, в свою очередь, для духовенства Оренбургского устанавливался образовательный ценз. При этом наблюдались и общие черты: у каждого духовенства в собственности находились мечети, вакуфы (движимое и недвижимое имущество); они заведовали решением брачно-семейных отношений; духовенство делилось на высшее и приходское. Свою структуру имело и еврейское духовенство, которое возглавлял раввин.

Серьезные изменения в правовом положении иноверного населения наблюдаются после принятия Указа от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости», который расширил сферу принципов толерантности, обеспечил фундаментальные гражданские свободы, в т. ч. свободу совести, запретил принудительное удержание в вере, позволил создавать различные общественные организации, а также переход в другую веру больше не преследовался.

Список источников

1. Свод законов Российской империи. СПб.: Русское книжное товарищество «Деятель», 1912. Т. 11. Ч. 1. 178 с.
2. Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г., том 2. URL: <https://static.statmuseum.ru/results/1897/tom2-obshchiy-svod-ro-imperii.pdf> (дата обращения: 17.04.2024).
3. Свод законов Российской империи. СПб.: Русское книжное товарищество «Деятель», 1912. Т. 10. 399 с.
4. Свод законов Российской империи. СПб.: Русское книжное товарищество «Деятель», 1912. Т. 9. 487 с.
5. Ашурбекова А. А. Брачно-семейные отношения российского мусульманства XIX в.: адат, шариат и законодательство Российской империи // Право и государство: теория и практика. 2023. № 7 (223). С. 16–18.
6. Свод законов Российской империи. СПб.: Русское книжное товарищество «Деятель», 1912. Т. 5. 780 с.
7. Свод законов Российской Империи. Том IV. С.-Петербург, издание товарищества «Общественная польза», 1900 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
8. Денисов Д. Н. Требования к кандидатам на мусульманские духовные должности в округе Оренбургского магометанского духовного собрания (конец XVIII — начало XX века) // Вестник ОГУ. 2012. № 5 (141). С. 142–147.
9. Шершнева Е. А. Проблемы реформирования мусульманского образования в Российской империи в начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История и политология. 2012. № 4-1 (76). С. 266–269.
10. Дашковский П. К., Шершнёва Е. А. Ислам и империя: положение мусульманских общин Западной Сибири в контексте государственно-конфессиональной политики во второй половине XIX — начале XX в.: монография / науч. ред. Т. Г. Недзелюк. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. 162 с.
11. Сафонов А. А., Наумов И. А. Ограничение прав еврейского населения Российской империи в доступе к высшему образованию в конце XIX — начале XX в. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Типография II Отделения Е.И.В. Канцелярии, 1908. Собрание III. Т. XXV. С. 258-263.

13. Терюкова Е. А. Департамент духовных дел иностранных исповеданий и этноконфессиональная политика Российского государства (XVIII — начало XX вв.) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2010. № 4. С. 204–208.

References

1. Svod zakonov Rossijskoj imperii. SPb.: Russkoe knizhnoe tovarishchestvo «Deyatel'», 1912. T. 11. Ch. 1. 178 s.
2. Obshchij svod po Imperii rezul'tatov razrabotki dannyh Pervoj vseobshchej perepisi naseleniya, proizvedennoj 28 yanvarya 1897 g., tom 2. URL: <https://static.statmuseum.ru/results/1897/tom2-obshchij-svod-po-imperii.pdf> (data obrashcheniya: 17.04.2024).
3. Svod zakonov Rossijskoj imperii. SPb.: Russkoe knizhnoe tovarishchestvo «Deyatel'», 1912. T. 10. 399 s.
4. Svod zakonov Rossijskoj imperii. SPb.: Russkoe knizhnoe tovarishchestvo «Deyatel'», 1912. T. 9. 487 s.
5. Ashurbekova A. A. Brachno-semejnye otnosheniya rossijskogo musul'manstva XIX v.: adat, shariat i zakonodatel'stvo Rossijskoj imperii // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2023. № 7 (223). S. 16–18.
6. Svod zakonov Rossijskoj imperii. SPb.: Russkoe knizhnoe tovarishchestvo «Deyatel'», 1912. T. 5. 780 s.
7. Svod zakonov Rossijskoj Imperii. Tom IV. S.-Peterburg, izdanie tovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za», 1900 [Elektronnyj resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Garant».
8. Denisov D. N. Trebovaniya k kandidatam na musul'manskije duhovnye dolzhnosti v okruge Orenburgskogo magometanskogo duhovnogo sobraniya (konec XVIII — nachalo XX veka) // Vestnik OGU. 2012. № 5 (141). S. 142–147.
9. Shershneva E. A. Problemy reformirovaniya musul'manskogo obrazovaniya v Rossijskoj imperii v nachale XX v. // Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i politologiya. 2012. № 4-1 (76). S. 266–269.
10. Dashkovskij P. K., Shershnyova E. A. Islam i imperiya: polozhenie musul'manskikh obshchin Zapadnoj Sibiri v kontekste gosudarstvenno-konfessional'noj politiki vo vtoroj polovine XIX — nachale XX v.: monografiya / nauch. red. T. G. Nedzelyuk. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2020. 162 s.
11. Safonov A. A., Naumov I. A. Ogranichenie prav evrejskogo naseleniya Rossijskoj imperii v dostupe k vysshemu obrazovaniyu v konce XIX — nachale XX v. [Elektronnyj resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
12. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. SPb.: Tipografiya II Otdeleniya E.I.V. Kancelyarii, 1908. Sobranie III. T. XXV. S. 258-263.
13. Teryukova E. A. Departament duhovnyh del inostrannyh ispovedanij i etnokonfessional'naya politika Rossijskogo gosudarstva (XVIII — nachalo HH vv.) // Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom. 2010. № 4. S. 204–208.

Информация об авторах

В. Р. Булгакова — кандидат юридических наук.

В. А. Поляков — доктор исторических наук, доцент.

Information about the authors

V. R. Bulgakova — Candidate of Science (Law).

V. A. Polyakov — Doctor of Science (History), Associate Professor.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 02.09.2024; одобрена после рецензирования 11.10.2024; принята к публикации 05.12.2024.

The article was submitted 02.09.2024; approved after reviewing 11.10.2024; accepted for publication 05.12.2024.

Алтайский юридический вестник. 2024. № 4 (48). С. 21–25.
Altai Law Journal. 2024. № 4 (48). P. 21–25.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 351(510)

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В КНР

Сергей Владимирович Моисеев

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, moiseev-tpg@rambler.ru

Аннотация. В современном мире, где государственное управление играет ключевую роль в развитии и стабильности общества, актуальность трансформации системы государственного управления в Китайской Народной Республике не вызывает сомнений. В последние годы КНР активно проводит реформы в этой сфере, стремясь к повышению эффективности и прозрачности государственного управления. В данной статье рассматриваются организационные и правовые аспекты этих изменений, а также их влияние на общественные отношения.

Комплексный подход к реформированию системы государственного управления, включающий в себя как правовые, так и организационные изменения, может быть полезным инструментом повышения эффективности управления и улучшения общественных отношений.

Ключевые слова: Китай, Китайская Народная Республика, Китайская Советская Республика, Всекитайское собрание народных представителей, Конституция Китайской Народной Республики

Для цитирования: Моисеев С. В. Трансформация системы государственного управления в КНР // Алтайский юридический вестник. 2024. № 4 (48). С. 21–25.

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Original article

TRANSFORMATION OF THE SYSTEM OF PUBLIC ADMINISTRATION IN THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

Sergei V. Moiseev

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, moiseev-tpg@rambler.ru

Abstract. In the modern world, where public administration plays a key role in the development and stability of society, the relevance of transforming the public administration system in the People's Republic of China is beyond doubt. In recent years, China has been actively pursuing reforms in this area, striving to increase the efficiency and transparency of public administration.

This article examines the organizational and legal aspects of these changes, as well as their impact on public relations.

A comprehensive approach to public administration reform, including both legal and organizational changes, can be a useful tool for improving management efficiency and improving public relations.

Keywords: China, People's Republic of China, Chinese Soviet Republic, National People's Congress, Constitution of the People's Republic of China

For citation: Moiseev S. V. Transformation of the system of public administration in the People's Republic of China. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2024;4:21–25 (In Russ.).

Масштабные преобразования, затронувшие все сферы жизни общества и государства, происходящие в Китае в последние несколько десятилетий, вызывают повышенный интерес в мировом сообществе. Китай имеет мощные позиции в ООН, АТЭС, G20, ВТО, ШОС и БРИКС. Превращение бедной азиатской страны в потенциальную сверхдержаву потребовало радикальных преобразований прежде всего в системе государственного управления и права, а также радикальной трансформации китайской правящей элиты и изменения отношения общества к государству.

После Синьхайской революции 1911 г. Китай был расколот на части, которые контролировали отдельные политические группировки или военные клики. Первые органы власти, ставшие основой для формирования будущего Всекитайского собрания народных представителей, именовались Советами и создавались китайскими коммунистами на территории подконтрольных районов. Первые Советы использовали опыт государственного строительства послереволюционной России и Германии.

К началу 1930-х гг. в Китае сложилось 8 крупных советских районов, на основании которых планировалось позднее создать Китайскую Советскую Республику. В процессе строительства органов власти в таких районах была сформирована многоступенчатая система выборов. В низовых территориально-административных единицах провинции проходили выборы депутатов в волостные делегатские собрания, затем волостные советы выбирали делегатов на уездные съезды Советов. В результате сложилась избирательная система и определился порядок выборов. Тогда же был издан первый закон — «Органический закон о центральных органах Китайской Советской Республики», регулирующий деятельность и полномочия центральных органов власти и на местах¹.

1 октября 1949 г. было объявлено о создании Китайской Народной Республики, первым главой которой стал Мао Цзэдун.

Первое пленарное заседание Народного политического консультативного совета Китая (далее — НПКСК) состоялось 21–30 сентября 1949 г. Была принята «Общая программа Народного политического консультативного совета Китая». На сессии также было провозглашено завершение создания системы многопартийного сотрудничества

¹ «Органический закон о центральных органах Китайской Советской Республики» 1934年2月17日《中華蘇維埃共和國中央機關組織法》. URL: <https://archive.org/details/hshz-1934.03.17> (дата обращения: 12.07.2024).

и политических консультаций под руководством КПК, а также официально определено направление развития государственного и политического строя Китая [1].

Сессия Национального народного конгресса избрала высший орган власти — Центральный народный правительственный совет (далее — ЦНПС), который стал ключевым звеном в системе государственного управления. ЦНПС, в свою очередь, сформировал ряд важных структур, включая Государственный административный совет, который являлся высшим исполнительным органом, Народно-революционный военный совет, Верховный народный суд и Верховную народную прокуратуру. Все эти органы вместе с ЦНПС образовали Центральное народное правительство, ставшее основой для эффективного управления страной.

Центральный народный правительственный совет как высший орган власти был наделен широкими полномочиями, включая разработку и реализацию государственной политики, осуществление контроля над деятельностью исполнительных органов и судебной системы. Государственный административный совет, в свою очередь, стал ответственным за непосредственное управление государственными делами, координацию работы различных министерств и ведомств, а также за реализацию решений ЦНПС.

Народно-революционный военный совет был сформирован для обеспечения обороны страны и поддержания внутреннего порядка. Этот орган отвечал за разработку и реализацию военной стратегии, а также за координацию действий различных военных подразделений.

Верховный народный суд и Верховная народная прокуратура были созданы для обеспечения правосудия и соблюдения законности в стране.

Таким образом, Центральное народное правительство, состоящее из ЦНПС, Государственного административного совета, Народно-революционного военного совета, Верховного народного суда и Верховной народной прокуратуры, стало инструментом для обеспечения стабильности, развития и процветания страны.

Мао Цзэдун возглавил ЦНПС, Народно-революционный совет, Всекитайский комитет НПКСК и остался на посту председателя Коммунистической партии Китая (КПК).

С осени 1951 г. в Китайской Народной Республике проводилась кампания по «идейному перевоспитанию интеллигенции», фактически являющаяся чисткой Коммунистической партии Китая.

В 1954 г. была принята Конституция¹. Пост Председателя КНР занял Мао Цзэдун.

Генеральная линия развития государства была утверждена на IV Пленуме ЦК КПК в феврале 1954 г. и получила название «Одно движение и три преобразования 一动三变» (постепенное осуществление социалистической индустриализации, социалистические преобразования в сельском хозяйстве, кустарной промышленности и промышленно-торговом секторе).

В 1956 г. Мао Цзэдун добился утверждения программы «Политика трех красных знамен 三红旗政策» (курс, нацеленный на строительство социализма в течение двух — трех лет). События в Китае 1966–1969 гг., известные как «Культурная революция», выразились в массовых репрессиях в отношении противников Мао Цзэдуна в КПК.

9 сентября 1976 г. Мао Цзэдун умер, его преемник, глава Госсовета КНР Хуа Гофэн, инициировал арест «банды четырех», которая контролировала деятельность высших органов КПК и КНР. В 1977 г. Китай встал на путь модернизации [2]. Модернизация системы государственного управления началась с приходом на пост руководителя КНР Дэн Сяопина. В 1984 г. при содействии ЦК КПК была организована «Дискуссионная группа по реформе кадровой системы».

Прошедший в 1986 г. XIII съезд КПК в качестве основы политического строя обозначил систему государственного управления, в соответствии с этим положением Госсовет КНР приступил к осуществлению «Стратегии трех шагов 三步战略». В рамках реализации этой программы были проведены масштабные мероприятия, призванные модифицировать систему государственного управления и обеспечить рекрутирование в органы власти новых подготовленных управленческих кадров.

С апреля по июнь 1989 г. в Пекине на площади Тяньаньмэнь проходили выступления радикально настроенной молодежи. 4 июня после введения в столицу подразделений вооруженных сил массовые беспорядки были прекращены, организаторы выступлений задержаны и привлечены к ответственности [3]. Эти события ускорили процесс преобразований. В октябре 1992 г. XIV съезд КПК одобрил предложенный политический курс Дэн Сяопина.

В 2000 г. КПК выдвинула концепцию «Трех народных представительств 三人代表», в соответствии с которой партия представляла не классы,

¹ Конституция КНР 1954 г. 中华人民共和国宪法1954. URL: <https://law.pkulaw.com/chinalaw/089435da920a5457bdfb.html> (дата обращения: 23.05.2024).

а передовые производственные силы, культуру и подавляющее большинство народа [2].

На сегодняшний день основным законом, регулирующим ротацию государственных служащих, является «Закон КНР о государственной службе» 2005 г.², явившийся логичной трансформацией «Временного положения о государственных служащих», принятого в 1993 г. Этот нормативный акт регламентирует отношения внутри системы государственной службы и определяет квалификационные требования для госслужащих, претендующих на различные посты, определяет критерии оценки качества исполнения обязанностей, а также права и обязанности отдельных групп чиновников. Благодаря введению данного закона и реализации «Стратегии трех шагов» была сформирована эффективная система государственного управления, подготовлено новое поколение кадров, способное занимать управленческие посты на всех уровнях власти КНР.

Особенностью системы государственного управления Китая является то, что начиная с 1954 г. в стране одновременно функционируют два центра власти: Коммунистическая партия Китая и Всекитайское собрание народных представителей. Поэтому под органами власти и управления обычно подразумеваются руководящие кадры партии и правительства. Наибольшим влиянием в системе государственного управления обладают те чиновники, которые занимают высшие посты как в партийной структуре, так и в административных органах. При этом положение в партийной структуре ценится выше и имеет гораздо больший вес, чем должность, которую чиновник занимает в государственной структуре. Причина заключается в том, что внутривластные и внешнеполитические решения принимаются сначала в кулуарах партийных комитетов, затем это решение уже выносится для обсуждения в ВСНП и СНП. Одновременно имеет место практика перекрестного назначения чиновников и партийных деятелей на государственные должности.

Верховенство власти партии было закреплено юридически в 2017 г., когда на XIX съезде КПК был выдвинут важный политический лозунг — «Партия ведет всех», который позднее также был добавлен и в устав КПК. Сам принцип был сформулирован следующим образом: «Руководство Коммунистической партии Китая является суще-

² Закон КНР о государственной службе. 2005年4月27日第十届全国人民代表大会常务委员会第十五次会议通过. URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/lfzt/rlyw/2018-12/29/content_2071578.htm (дата обращения: 20.06.2024).

ственной чертой социализма с китайской спецификой и величайшим преимуществом социалистической системы с китайской спецификой»¹. «Партия, правительство, военные, гражданские и образовательные дела, восток, запад, север, юг и центр страны — всё находится под руководством партии»².

Началом пребывания у власти в КНР современной политической элиты принято считать XX съезд КПК, прошедший 16–22 октября 2022 г. в Пекине. Традиционно съезды КПК воспринимаются в сознании масс как некие рубежи, символизирующие новые этапы в политической жизни Китая. Каждый второй съезд выбирал новый тандем Генерального секретаря ЦК КПК и Премьера Госсовета, двух наиболее влиятельных людей в партийной иерархии коммунистов, а также провозглашался новый курс партии. Курс хотя и был преемственным из поколения в поколение, однако каждый новый генсек привносил в него новые идеи и новое видение. Однако XX съезд КПК прервал устоявшуюся традицию и Си Цзиньпин

не только сохранил свой пост председателя КНР третий срок подряд, но и курс партии остался неизменным.

Подводя итоги, можно отметить, что в результате трансформации системы государственного управления в КНР контроль над органами власти как на высшем, так и на местном уровнях закрепила за собой КПК. В настоящее время происходит всё большее внедрение кадрового ресурса КПК в органы власти и государственного управления. Партия и власть неразрывно связаны, а события, происходящие в КНР, говорят о том, что данная тенденция со временем будет только усиливаться. Кроме того, кадровая политика КНР остается процессом, достаточно скрытым от глаз посторонних. Партийные чины занимают важнейшие места на государственной службе, партийные и государственные органы сильно переплетены. Такой подход формирования системы государственного управления соединил в себе традиционные для Китая элементы — автократизм, положения легизма и конфуцианства.

Список источников

1. Народный политический консультативный совет Китая. 中国人民政治协商会议. URL: <http://en.cppcc.gov.cn/> (дата обращения: 13.08.2024).
2. Булдыгерова Л. Н. История Китая. URL: https://pnu.edu.ru/media/filer_public/a8/ff/a8ff910a-8826-4121-afa5-751ac0e75a48/buldugerova_china_posobie.pdf (дата обращения: 20.07.2024).
3. Хроника инцидента на площади Тяньаньмен. 六四天安门事件大事记. URL: <https://www.chinatimes.com/cn/realtimenews/20140602001758-260409?chdtv> (дата обращения: 25.06.2024).

References

1. Narodnyj politicheskij konsul'tativnyj sovet Kitaya. 中国人民政治协商会议. URL: <http://en.cppcc.gov.cn/> (data obrashcheniya: 13.08.2024).
2. Buldygerova L. N. Istoriya Kitaya. URL: https://pnu.edu.ru/media/filer_public/a8/ff/a8ff910a-8826-4121-afa5-751ac0e75a48/buldugerova_china_posobie.pdf (data obrashcheniya: 20.07.2024).
3. Hronika incidenta na ploshchadi Tyan'an'men. 六四天安门事件大事记. URL: <https://www.chinatimes.com/cn/realtimenews/20140602001758-260409?chdtv> (data obrashcheniya: 25.06.2024).

¹ Наброски Тринадцатого пятилетнего плана национального экономического и социального развития Китайской Народной Республики 中华人民共和国国民经济和社会发展第十三个五年规划纲要. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2016-03/17/content_5054992.htm (дата обращения: 20.07.2024).

² Резолюцией Центрального комитета Коммунистической партии Китая об основных достижениях и историческом опыте столетней борьбы Партии. 中共中央关于党的百年奋斗重大成就和历史经验的决议 (全文). URL: (дата обращения: 20.06.2024).

Библиографический список

1. Конституция КНР 1982 г. 中华人民共和国宪法. URL: https://www.gov.cn/guoqing/2018-03/22/content_5276318.htm (дата обращения: 13.08.2024).

Информация об авторе

S. V. Moiseev — кандидат исторических наук, доцент.

Information about the author

S. V. Moiseev — Candidate of Sciences (History), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 02.09.2024; одобрена после рецензирования 15.10.2024; принята к публикации 05.12.2024.

The article was submitted 02.09.2024; approved after reviewing 15.10.2024; accepted for publication 05.12.2024.

Алтайский юридический вестник. 2024. № 4 (48). С. 26–34.

Altai Law Journal. 2024. № 4 (48). P. 26–34.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 342:321.01

ПРИОРИТЕТ ГОСУДАРСТВА НАД ПРАВОМ: ДОКТРИНАЛЬНОЕ ЗАБЛУЖДЕНИЕ, ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕСУРС, ТЕХНИКО-ЮРИДИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО

Евгений Александрович Плешаков

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, law_pleshakov@mail.ru

Аннотация. В статье представлено исследование государства и права в их соотношении. Принципиальное внимание обращено на доктринальное заблуждение о приоритете государства над правом, которое сформировалось в условиях господства в отечественной юриспруденции политических нарративов. В рамках диалектико-материалистического подхода к исследованию заявленных проблем с использованием общенаучных и частнонаучных методов познания, которые применялись в зависимости от поставленной задачи, был сформулирован ряд положений, без учета которых проводить исследование соотношения государства и права недопустимо. В рамках комплексного анализа сделан вывод о том, что в общей теории государства и права положения о приоритете государства над правом недопустимо рассматривать в общеупотребимом смысле понятия «приоритет». Приоритет должен быть рассмотрен и использоваться в качестве специально-юридического средства, которое применяется в целях повышения эффективности реализации целей и задач государства на конкретном этапе исторического развития общества.

Ключевые слова: государство, право, приоритет, соотношение, технико-юридическое средство, государство — власть, политический ресурс

Для цитирования: Плешаков Е. А. Приоритет государства над правом: доктринальное заблуждение, политический ресурс, технико-юридическое средство // Алтайский юридический вестник. 2024. № 4 (48). С. 26–34.

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Original article

PRIORITY OF THE STATE OVER THE LAW: DOCTRINAL ERROR, POLITICAL RESOURCE, TECHNICAL AND LEGAL REMEDY

Evgeniy A. Pleshakov

Lobachevsky University, Nizhny Novgorod, Russia, law_pleshakov@mail.ru

Abstract. The article presents a study of state and law in their relationship. Principal attention is paid to the doctrinal misconception about the priority of the state over the law, which was formed under the conditions of the dominance of political narratives in domestic jurisprudence. Within the framework of the dialectical-materialist approach to the study of the stated problems, using general scientific and special scientific methods of cognition, which were used depending on the task at hand, a number of provisions were formulated, without taking into account which it is unacceptable to study the relationship between state and law. As part of a comprehensive analysis, it was concluded that in the general theory of state and law, the provisions on the priority of the state over the law cannot be considered in the generally used sense of the concept of “priority”. Priority should be considered and used as a special legal means that is used in order to increase the effectiveness of the implementation of the goals and objectives of the state at a specific stage of the historical development of society.

Keywords: state, law, priority, correlation, technical-legal means, state-power, political resource

For citation: Pleshakov E. A. Priority of the state over the law: doctrinal error, political resource, technical and legal remedy. *Altajskij juridicheskiy vestnik = Altai Law Journal*. 2024;4:26–34 (In Russ.).

Современная научная дискуссия о соотношении государства и права строится на основе работ, по ряду позиций утративших актуальность, но по праву носящих статус фундаментальных (например, «Государство и право в их соотношении» (М. А. Аржанов)) [1]. В значительном числе случаев научный дискурс проходит вокруг формулировок, предложенных Л. А. Морозовой [2] и А. С. Пиголкиным [3] (профессоров, хорошо знакомых с научными трудами М. А. Аржанова), которые указывают на существование пяти основных позиций в трактовке соотношения государства и права. Подобное сопоставление, по их мнению, выражается:

- в приоритете государства над правом;
- приоритете права над государством;
- взаимной зависимости государства и права;
- самоограничении государства посредством права;
- связанности государства правом.

Даже поверхностный анализ предложенных вариантов соотношения государства и права позволяет утверждать, что основное внимание современных отечественных исследователей [4, 5, 6], особенно начинающих [7, 8], приковано к вопросу приоритета государства над правом. Лишь в одном из пяти случаев речь идет о других вариантах соотношения. При этом независимо от анализируемой конструкции, к сожалению, приходится констатировать, что установление приоритета осуществляется без учета природы понятий и с использованием различной методологии при анализе одного и того же аспекта проблемы.

В другом случае субъекты, занимающиеся вопросами соотношения государства и права, уделяют внимание отдельным видам юридической деятельности, в рамках которых демонстрируют место, роль, возможности каждого из феноменов. Наибольший интерес исследователей вызывает правотворчество, контроль (надзор) и связанные с ними процессы [9, 10]. При этом без внимания оставлены вопросы методологии, понятийного аппарата. Как результат, прежде чем делать выводы в отношении такого рода исследований, необходимо понять позицию, которой придерживался исследователь. Отсутствие представлений об исследовательской программе, используемой парадигме приводит к некорректным выводам, не позволяет завершить исследование вопросов соотношения.

Особняком стоят авторы, которые в своих работах проводят анализ вопросов соотношения государства и права в рамках конкретного учения [11], особенно если это касается теории правового

государства [12, 13]. В отношении данных работ однозначно можно утверждать, что методологические основы исследования, необходимые для формирования достоверного научного результата, как минимум применительно к понятийно-категориальному аппарату будут единообразны и применимы при аналогичных обстоятельствах.

Более опытные исследователи, на системной основе занимающиеся анализом вопросов соотношения государства и права, как правило, предпочитают обращать внимание на исторические аспекты проблемы [14, 15, 16, 17]. Это позволяет на фактическом материале продемонстрировать некоторые особенности соотношения и способствует формированию целостного представления о государственно-правовой действительности, но только в рамках исторической реконструкции.

Проведенный и представленный источниковедческий анализ интерпретаций соотношения государства и права позволяет утверждать, что современные исследователи не уделяют в должном объеме внимания одной из фундаментальных проблем отечественной юриспруденции — ее теоретико-правовому осмыслению. За границами научного познания сегодня исследователями государства и права в их соотношении остаются комплексные (межотраслевые) вопросы, связанные с необходимостью интеграции разноаспектных проблем. Для качественного развития отечественной юриспруденции и государственно-правовой жизни целесообразным является проведение комплексного теоретико-правового исследования вопросов соотношения государства и права, что позволит сформировать целостную, эффективную систему общественных отношений в современном российском обществе.

При исследовании соотношения государства и права необходимо обратить внимание на ряд методологически важных аспектов.

Первый аспект. Государство и право являются социальными явлениями — это первое, что определяет их соотношение и требует внимания. Первопричиной их возникновения являются общество, общественные отношения, которые складываются между субъектами в процессе взаимодействия. Следовательно, для понимания природы соотношения государства и права необходимо ответить на вопрос: что первично в своем происхождении государство или право?

Уже здесь возникает проблема, поскольку нет реальной возможности ответить на данный вопрос однозначно, если не определить концепцию происхождения государства и права, в рамках ко-

торой будет проходить исследование. Только определение методологического основания, особенно профессионального мышления исследователя и его язык, на котором будет вестись дискуссия, позволят понять и обоснованно аргументировать «приоритеты» в соотношении. Понимание данной особенности позволяет прийти к первому принципиально важному выводу по исследуемой проблематике: вопросы соотношения государства и права начинают подниматься одновременно с появлением юридической науки.

Хотя и здесь есть свои нюансы. Как пишет В. Д. Перевалов, юридическая наука, выступая специфическим видом познавательной деятельности, возникла в Европе в XVI–XVII вв. в результате обособления научного рационализма от иных форм познания, а отечественная юридическая наука — только в XVIII в. [18, с. 93]. Но это никоим образом не должно означать, что до этого периода не существовало дискуссий по вопросам соотношения государства и права. Важно понимать, что возникновение современной юридической науки невозможно без представлений о государстве и праве, которые сформированы культурами Древнего мира в периоды Средневековья и Возрождения. Данная позиция не является четко выраженной в научном дискурсе, но в ряде работ, посвященных анализу соотношения государства и права, она артикулируется однозначно, например в диссертации Ю. В. Костина [17].

В развитие первого аспекта (о социальной природе государства и права) при определении их соотношения принципиально необходимым является внимательно отнестись к конкретному историческому периоду, в котором проходит исследование (который подлежит исследованию). Несмотря на то что государство и право существуют как многогранные явления общественной жизни, в юриспруденции они появляются только в результате их осмысления, формирования образа, модели, конструкции. Следовательно, исторические особенности, господствующая парадигма будут основой для формирования соответствующих представлений о приоритете государства или права в их взаимозависимости. Не может возникнуть одинаковых выводов у представителей юридической науки, придерживающихся различных методологий, исследовательских программ. Недопустимо проводить анализ соотношения государства и права различных временных периодов с применением одного и того же инструмента, без его калибровки. Например, представители Российской империи периода правления Петра I и периода Николая I [19,

20] будут принципиально по-разному относиться к связям, которые складываются между государством и правом на конкретном историческом этапе его развития.

Второй аспект. Соотношение государства и права, определение общего и особенностей возможны только после установления содержания понятий «государство» и «право», что весьма успешно демонстрируют, например, С. А. Модестов, В. Д. Перевалов, В. И. Шерпаев [21].

Многое зависит от господствующей модели государства на конкретном этапе исторического развития, конструкции, используемой при формировании государства, представитель которого ведет исследование, а также господствующей концепции правопонимания.

Советский период в отечественной истории и господствующее в науке марксистско-ленинское учение о государстве и праве сформировали в сознании современных исследователей устойчивые представления о государстве как публичной власти, которая распространяется на строго определенную территорию с проживающим на ней населением, которая собирает налоги и использует государственно-правовое принуждение для реализации своей воли. Именно это обстоятельство заставляет (или позволяет) современных исследователей при анализе соотношения государства и права указывать на приоритет государства по отношению к праву. Если обратиться к другим моделям государства, которые были предложены В. С. Плетниковым [22, с. 136], то ситуация меняется кардинальным образом. Модель «государство — правовая организация», разработанная В. С. Нерсесянцем, не говоря уже о модели «государство — субъект права (правоотношений)», не допускает первичности государства по отношению к праву.

Аналогичная ситуация и с правом, поскольку нормативистский подход указывает на приоритет государства над правом — без государственной властной воли возникновение права невозможно. Право выступает в качестве нормативно оформленной воли суверена. Именно связь права с волей государства обеспечивает его работоспособность, указывает на первенство государства в данном соотношении. Представители психологической школы права моделируют иную ситуацию. По их мнению, право обладает приоритетом над государством, поскольку является психологическим переживанием лица, на основе которого осуществляется вся государственно-властная деятельность. Такая интерпретация понятия «право» обуславливает

необходимость появления в общественной жизни такого социального института, как государство.

Дефиниция понятия с определенным набором характерных особенностей, господствующая в сознании исследователей соотношения государства и права, определяет особенности связей одного феномена с другим, как следствие, юридическую практику их взаимодействия.

Важно уточнить, что, несмотря на заверения отдельных исследователей, которые утверждают о возможности формирования общего понятия для государства или права, независимо от той либо иной парадигмы, теории сделать это невозможно. Государство и право слишком разноплановы по своей социальной природе. Следовательно, говорить о какой-то одной общей модели соотношения государства и права невозможно, варианты построения связей между ними есть прерогатива конкретно определенного субъекта общественных отношений.

Третий аспект. Принципиальным при формировании целостной картины соотношения государства и права является не только анализ целого (понятий государства и права), но и частей — элементов, составляющих государство и право (сущностей, структурных элементов, институций, принципов, видов и т. д.). Анализ той либо иной системы элементов требует обращения к иной, нежели юриспруденция, сфере научного знания (философия, социология, кибернетика, экономика и т. д.), как результат, происходит обогащение знаний о соотношении государства и права; формирование юридических конструкций, отвечающих потребностям и интересам субъекта.

В современных условиях, в условиях формирования многополярного мира, борьбы между цивилизациями за право особый интерес вызывают форма, в которой государство и право фигурируют в общественном сознании (в работах исследователей, нормативных источниках), и динамика представлений о ней. Как собственно анализ формы государства, форм права, так и исследование их соотношения позволяют определить «приоритеты» соотношения. Причем и здесь важно помнить об обозначенных выше требованиях: исследование должно проводиться с учетом социальной природы государства и права, при четком и однозначном указании на применяемую методологию (использование понятий в значении, которое присуще им в рамках выбранной исследовательской программы). Иной подход к исследованию соотношения государства и права (без учета указанных аспектов), причем независимо от того, идет речь о фети-

шизации государства или права, их паритете, приведет к существенному вреду:

- для юриспруденции, представители которой не смогут создавать эффективные юридические модели и конструкции;

- государства, которое не будет иметь необходимых рычагов для формирования правовой культуры его аппарата;

- человека (члена общества), который не сможет реализовать принадлежащие ему права из-за господства в обществе формализма и бюрократии.

Собственно переходя к отдельным моментам анализа соотношения государства и права с учетом обозначенных аспектов, обратим внимание на ряд моментов, которые обычно не прослеживаются в процессе исследования.

1. Распространенная в современной отечественной юриспруденции точка зрения о приоритете государства над правом, сформировавшаяся в процессе анализа их соотношения, является доктринальным заблуждением (в принципе так же, как и господство права над государством).

Государство и право, являясь социальными институтами (на этом сходство заканчивается), имеют отличную природу, о чем достаточно подробно повествует любой учебник для 1-го курса по теории государства и права.

Во-первых, несмотря на то что это сложные системы, созданные и функционирующие в обществе, они имеют различную структурную организацию. Клеточкой, кирпичиком права является правило поведения общего характера, как указывает А. С. Шабуров, право — система норм [23, с. 91]. Институциональной основой государства выступает государственный орган (орган публичной власти), который лежит в основе любого механизма государства и осуществляет задачи и функции государства [24, с. 99].

С позиции формы норма права как основа права находит свое отражение в нормативном правовом акте (формах (источниках) права); система права отражается в системе законодательства. Государственные органы как материальное олицетворение силы и мощи государства с позиции способов их формирования и особенностей организации их деятельности раскрываются через характеристику формы государства.

Во-вторых, государство и право созданы обществом для разных целей, имеют отличное социальное предназначение. Право по своему социальному назначению, пишет С. С. Алексеев, выступает в качестве классового регулятора — инструмента, обеспечивающего функционирование и развитие

классового общества как сложной органической системы (общественного организма) [25, с. 18]. Он также указывает, что «право — это система... норм, ...выступающих в качестве классового регулятора общественных отношений». Государство, в свою очередь, предназначено для осуществления эффективного социального управления, как отмечает Н. М. Коркунов, «одним из отличительных признаков государства ... принадлежность ему принудительного властвования» [26, с. 3], т. е. оно является организацией, призванной осуществлять целенаправленное воздействие на людей и их организации для достижения определенных результатов, реализации нормативных предписаний. Другими словами, государство — это единая организация суверенной, политической, публичной власти, которая правовыми средствами и посредством специального аппарата принуждения обеспечивает организацию общественных отношений на строго определенной территории [27, с. 36].

Даже такой поверхностный анализ государства и права демонстрирует наличие некоторых реальных сходств и отличий в объектах познания — наличествует необходимая онтологическая предпосылка, остается определиться с гносеологической предпосылкой — основанием для сравнения, и можно приступить к сравнению предложенных понятий [28, с. 142]. При этом какое бы основание для сравнения не было взято, «приоритета» не получится. В результате соотношения можно вести речь о причине и следствии, форме и содержании, действии и противодействии, но не о приоритете одного над другим. Ведь приоритет даже в переводе означает «первый, идущий первым», т. е. в результате необходимо прийти к выводу о первоочередности одного по отношению к другому. Но общеизвестно, что государство и право возникают одновременно (в значении первенства по времени в осуществлении какой-либо деятельности приоритет упоминается в российском законодательстве¹); в основе их происхождения лежат одни и те же причины; они служат одному субъекту — обществу; не существует каких-либо списков, в которых один из феноменов стоит выше другого; их воздействие на результат является равновеликим и т. д.

¹ Об утверждении Руководства по осуществлению административных процедур и действий в рамках предоставления государственной услуги по государственной регистрации полезной модели и выдаче патента на полезную модель, его дубликата [Электронный ресурс]: приказ Роспатента от 26.12.2018 № 233. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Тезис о приоритете государства над правом может иметь место, но для этого необходимо соблюдение двух условий:

- если обращать внимание на степень участия одного института в жизни другого и сравнивать количественные характеристики без учета качественных параметров такого анализа;

- государство должно быть представлено в рамках модели «государство — власть», т. е. задачи, которые стоят перед такого рода понятием, должны быть политическими, а не юридическими. Оно, как, например, в упомянутой ранее работе М. А. Аржанова, должно отражать классовую природу государства.

В иных случаях важно иметь в виду и понимать, что право и государство — это одно и то же социальное явление, которое предстает перед нами в различных своих модусах. По меткому выражению Г. Радбруха, «законодательство как упорядоченный порядок есть государство, а как упорядоченный порядок — право» [29, с. 83].

2. В случае сохранения в современной юриспруденции предложенного в 60-е гг. XX в. взгляда на соотношение государства и права в категориях приоритета необходимо в целях развития отечественной юриспруденции пересмотреть значение такого соотношения. Приоритет государства над правом должен восприниматься не как логически связанная, опосредованная определенными обстоятельствами зависимость (требование для сравнения понятий) двух объектов одного семантического класса, а как технико-юридическое средство, с помощью которого формируется соответствующая правовая действительность, задаются параметры (направления) ее развития, т. е. основы для формирования своеобразной технологии организации государственно-правовой действительности.

Причем «приоритет» будет находиться в одном ряду с такими специальными технико-юридическими средствами, как классификация и таблица. Его отличием от классификации является то, что он формируется без каких-либо критериев, есть результат усмотрения властвующего субъекта, обусловленный политической (геополитической) ситуацией, историческими и иными обстоятельствами, следовательно, изменчив. В отличие от таблицы, которая также содержит некоторый перечень (в ряде случаев напрямую не связанных между собой показателей, объединенных, например, общей целью), определяющий вектор развития отдельных общественных отношений, приоритет — это средство, которое используется в отношении однородных групп общественных отношений.

Приоритет, в отличие от таблицы, закрепляется не в одном акте, что характерно для таблиц, а формируется системой правовых актов. И если обратиться к классификации правовых средств, предложенной С. С. Алексеевым, в которой он выделяет правовые средства, относящиеся к уровню основных элементов механизма правового регулирования в целом; уровню целостных правовых режимов; уровню операционального юридического инструментария [30, с. 16], и экстраполировать предложенную классификацию на технико-юридические средства, приоритет как специально-юридическое средство, в отличие от примечания и таблицы, будет неотъемлемой частью средств как минимум уровня правовых режимов, при определенных обстоятельствах может быть отнесен и к уровню основных средств.

В современном российском обществе это наглядно прослеживается при знакомстве и работе с актами стратегического планирования, актами политико-правовой природы [31, с. 10].

Приоритет государства над правом выступает в качестве своеобразного политического ресурса,

который использует государство при осуществлении государственной власти, социального управления всеми сферами общества. Указание на возможности государства заставить, принудить всякого к выполнению нормативного предписания будет полезным для юридической науки и практики в условиях, когда требуется активизация некоторой инертной массы субъектов социального общения или для общества, которое находится в переходном (революционном) состоянии.

В завершение стоит обратиться к словам Б. А. Кистяковского, который отмечал, что «...право и государство многообразно переплетаются друг с другом, взаимно друг друга обуславливая, дополняя и созидая. Каждое из них, постоянно меняясь ролями с другим, как бы является попеременно то причиной, то следствием другого. При таких условиях государство и право представляют собой не отдельно и независимо друг от друга существующие явления, а тесно и неразрывно между собой связанные различные выражения одной и той же совокупности явлений» [32, с. 611].

Список источников

1. Аржанов М. А. Государство и право в их соотношении. М.: Академия наук СССР, 1960. 387 с.
2. Морозова Л. А. Теория государства и права: учебник. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2024. 464 с. URL: <https://znanium.com/catalog/product/2107265> (дата обращения: 29.05.2024).
3. Пиголкин А. С. Теория государства и права: учебник для вузов / А. С. Пиголкин, А. Н. Головистикова, Ю. А. Дмитриев; под ред. А. С. Пиголкина, Ю. А. Дмитриева. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2024. 516 с. URL: <https://urait.ru/bcode/535405/p.17> (дата обращения: 29.05.2024).
4. Чернова Э. Р., Халилова Л. А. Проблемы соотношения государства и права // E-Scio. 2020. № 6 (45). С. 539–543.
5. Костин Ю. В. Методологические подходы к исследованию проблем соотношения государства и права в истории правовых учений дореволюционной России // Закон и право. 2007. № 4. С. 108–110.
6. Костин Ю. В. Методологические подходы к исследованию проблем соотношения государства и права в современной юридической науке // Современное право. 2007. № 4. С. 35–37.
7. Ганиева А. М. Некоторые проблемы соотношения государства и права в юридической науке // Наука и образование: тенденции и перспективы. 2015. № 1 (2). С. 91–64.
8. Ибрагимов Ю. М., Ибрагимов Ю. М. Отдельные аспекты соотношения государства и права // Colloquium-Journal. 2019. № 28–11 (52). С. 30–31.
9. Власенко В. Н. Право и государство: аспекты соотношения // Актуальные вопросы современной юридической науки: теория, практика, методика: сборник мат-лов II Международной заочной научной конференции / отв. ред. В. Е. Бурый. М.: РГУП, 2017. С. 86–90.
10. Музыка М. Г. Некоторые методологические аспекты соотношения государства и права // Социально-гуманитарный вестник: всероссийский сборник научных трудов. Краснодар: Краснодарский центр научно-технической информации, 2011. С. 93–95.
11. Тарасов К. Н. Проблема соотношения государственной власти и социума в работах И. А. Ильина в контексте общественно-политической доктрины российского консерватизма // Вестник Пермского университета. История. 2011. № 3 (17). С. 20–27.
12. Сапун В. А. Доктрина «верховенство права» и «правовое государство» // Мир политики и социологии. 2015. № 10. С. 25–31.

13. Вышкварцев В. В. О толковании теоретических аспектов соотношения права, политической власти и правового государства в России на современном этапе // *Право и образование*. 2008. № 11. С. 173–178.
14. Еникеев Р. Н. Право и государство в их историческом соотношении // *Правовое государство: теория и практика*. 2020. № 3 (61). С. 137–142.
15. Полухин Р. О. Проблемы соотношения общества, права и государства в правовой мысли России (конец XIX — начало XX в.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2004. 28 с.
16. Червякова Е. В. Соотношение права и государства (историко-теоретические аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 24 с.
17. Костин Ю. В. Идеи соотношения государства, права и нравственности в истории политической и правовой мысли дореволюционной России второй половины XIX — начала XX века: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. 46 с.
18. Актуальные проблемы теории государства и права: учебник / отв. ред. В. Д. Перевалов. М.: ЮСТИЦИЯ, 2019. 440 с.
19. Прокопович Ф. Подробная летопись от начала России до Полтавской баталии. СПб.: Печ. К. Штора, 1798–1799. Ч. 1–4. 233 с.
20. Кавелин К. Д. Наш умственный строй: статьи по философии русской истории и культуры. М.: Изд-во «Правда», 1989. 666 с.
21. Модестов С. А., Перевалов В. Д., Шерпаев В. И. Государство, право и безопасность: аксиологические аспекты соотношения // *Социальная ценность права в современном обществе: мат-лы шестого Всероссийского симпозиума* / отв. ред. В. Д. Перевалов. Екатеринбург: УГЮУ, 2021. С. 117–139.
22. Плетников В. С. Модель государства в современной отечественной юриспруденции: методология и практика применения: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 397 с.
23. Шабуров А. С. Теория государства и права: учебник. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2009. 248 с.
24. Теория государства и права: учебник / отв. ред. В. Д. Перевалов. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2024. 552 с. URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2117635> (дата обращения: 30.05.2024).
25. Алексеев С. С. Собрание сочинений: в 10 т.; т. 3: Проблемы теории права: курс лекций. М.: Статут, 2010. 781 с.
26. Коркунов Н. М. Русское государственное право. Т. 1: Введение и Общая часть. СПб.: Типография Стасюлевича, 1909. 623 с.
27. Теория государства и права: учебник: в 2 кн. / отв. ред. А. С. Шабуров, В. С. Плетников. Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2009. Кн. 1. 239 с.
28. Троицкий М. М. Наука о духе: общие свойства и законы человеческого духа: в 2 т. М.: Издание Н. А. Абрикосова, 1882. Т. 2. 320 с.
29. Radbruch G. Grundzüge der Rechtsphilosophie. Leipzig: Quelle & Meyer, 1914. 215 s.
30. Алексеев С. С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация // *Советское государство и право*. 1987. № 6. С. 12–19.
31. Репьев А. Г. «Приоритет» и «паритет» как парные правовые категории (доктринальное толкование с содержательных и технико-юридических позиций) // *Вестник РПА Минюста РФ*. 2021. № 1. С. 7–15.
32. Кистяковский Б. А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1916. 704 с.

References

1. Arzhanov M. A. Gosudarstvo i pravo v ih sootnoshenii. M.: Akademiya nauk SSSR, 1960. 387 s.
2. Morozova L. A. Teoriya gosudarstva i prava: uchebник. 6-e izd., pererab. i dop. M.: Norma: INFRA-M, 2024. 464 s. URL: <https://znanium.com/catalog/product/2107265> (data obrashcheniya: 29.05.2024).
3. Pigolkin A. S. Teoriya gosudarstva i prava: uchebник dlya vuzov / A. S. Pigolkin, A. N. Golovistikova, Yu. A. Dmitriev; pod red. A. S. Pigolkina, Yu. A. Dmitrieva. 4-e izd., pererab. i dop. M.: Yurajt, 2024. 516 s. URL: <https://urait.ru/bcode/535405/p.17> (data obrashcheniya: 29.05.2024).
4. Chernova E. R., Halilova L. A. Problemy sootnosheniya gosudarstva i prava // *E-Scio*. 2020. № 6 (45). S. 539–543.

5. Kostin Yu. V. Metodologicheskie podhody k issledovaniyu problem sootnosheniya gosudarstva i prava v istorii pravovykh uchenij dorevolucionnoj Rossii // *Zakon i pravo*. 2007. № 4. S. 108–110.
6. Kostin Yu. V. Metodologicheskie podhody k issledovaniyu problem sootnosheniya gosudarstva i prava v sovremennoj yuridicheskoy nauke // *Sovremennoe pravo*. 2007. № 4. S. 35–37.
7. Ganieva A. M. Nekotorye problemy sootnosheniya gosudarstva i prava v yuridicheskoy nauke // *Nauka i obrazovanie: tendencii i perspektivy*. 2015. № 1 (2). S. 91–64.
8. Ibragimov Yu. M., Ibragimov Yu. M. Otdel'nye aspekty sootnosheniya gosudarstva i prava // *Colloquium-Journal*. 2019. № 28–11 (52). S. 30–31.
9. Vlasenko V. N. Pravo i gosudarstvo: aspekty sootnosheniya // *Aktual'nye voprosy sovremennoj yuridicheskoy nauki: teoriya, praktika, metodika: sbornik mat-lov II Mezhdunarodnoj zaochnoj nauchnoj konfcii / otv. red. V. E. Buryj. M.: RGUP, 2017. S. 86–90.*
10. Muzyka M. G. Nekotorye metodologicheskie aspekty sootnosheniya gosudarstva i prava // *Social'no-gumanitarnyj vestnik: vserossijskij sbornik nauchnykh trudov. Krasnodar: Krasnodarskij centr nauchno-tehnicheskoy informacii, 2011. S. 93–95.*
11. Tarasov K. N. Problema sootnosheniya gosudarstvennoj vlasti i sociuma v rabotah I. A. Il'ina v kontekste obshchestvenno-politicheskoy doktriny rossijskogo konservatizma // *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*. 2011. № 3 (17). S. 20–27.
12. Sapun V. A. Doktrina «verhovenstvo prava» i «pravovoe gosudarstvo» // *Mir politiki i sociologii*. 2015. № 10. S. 25–31.
13. Vyshkvarcev V. V. O tolkovanii teoreticheskikh aspektov sootnosheniya prava, politicheskoy vlasti i pravovogo gosudarstva v Rossii na sovremennom etape // *Pravo i obrazovanie*. 2008. № 11. S. 173–178.
14. Enikeev R. N. Pravo i gosudarstvo v ih istoricheskom sootnoshenii // *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*. 2020. № 3 (61). S. 137–142.
15. Poluhin R. O. Problemy sootnosheniya obshchestva, prava i gosudarstva v pravovoj mysli Rossii (konec XIX — nachalo XX v.): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Belgorod, 2004. 28 s.
16. Chervyakova E. V. Sootnoshenie prava i gosudarstva (istoriko-teoreticheskie aspekty): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2007. 24 s.
17. Kostin Yu. V. Idei sootnosheniya gosudarstva, prava i nravstvennosti v istorii politicheskoy i pravovoj mysli dorevolucionnoj Rossii vtoroj poloviny XIX — nachala XX veka: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2008. 46 s.
18. Aktual'nye problemy teorii gosudarstva i prava: uchebnik / otv. red. V. D. Perevalov. M.: YuSTICIYA, 2019. 440 s.
19. Prokopovich F. Podrobnaya letopis' ot nachala Rossii do Poltavskoj batalii. SPb.: Pech. K. Shtora, 1798–1799. Ch. 1–4. 233 s.
20. Kavelin K. D. Nash umstvennyj stroj: stat'i po filosofii russkoj istorii i kul'tury. M.: Izd-vo «Pravda», 1989. 666 s.
21. Modestov S. A., Perevalov V. D., Sherpaev V. I. Gosudarstvo, pravo i bezopasnost': aksiologicheskie aspekty sootnosheniya // *Social'naya cennost' prava v sovremennom obshchestve: mat-ly shestogo Vserossijskogo simpoziuma / otv. red. V. D. Perevalov. Ekaterinburg: UGYuU, 2021. S. 117–139.*
22. Pletnikov V. S. Model' gosudarstva v sovremennoj otechestvennoj yurisprudencii: metodologiya i praktika primeneniya: dis. ... d-ra yurid. nauk. Ekaterinburg, 2022. 397 s.
23. Shaburov A. S. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik. Kurgan: Izd-vo Kurganskogo gos. un-ta, 2009. 248 s.
24. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik / otv. red. V. D. Perevalov. 5-e izd., pererab. i dop. M.: Norma: INFRA-M, 2024. 552 s. URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2117635> (data obrashcheniya: 30.05.2024).
25. Alekseev S. S. Sbranie sochinenij: v 10 t.; t. 3: Problemy teorii prava: kurs lekcij. M.: Statut, 2010. 781 s.
26. Korkunov N. M. Russkoe gosudarstvennoe pravo. T. 1: Vvedenie i Obshchaya chast'. SPb.: Tipografiya Stasyulevicha, 1909. 623 s.
27. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik: v 2 kn. / otv. red. A. S. Shaburov, V. S. Pletnikov. Ekaterinburg: Ural'skij yuridicheskij institut MVD Rossii, 2009. Kn. 1. 239 s.
28. Troickij M. M. Nauka o duhe: obshchie svojstva i zakony chelovecheskogo duha: v 2 t. M.: Izdanie N. A. Abrikosova, 1882. T. 2. 320 s.

29. Radbruch G. Grundzüge der Rechtsphilosophie. Leipzig: Quelle & Meyer, 1914. 215 s.

30. Alekseev S. S. Pravovye sredstva: postanovka problemy, ponyatie, klassifikaciya // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1987. № 6. S. 12–19.

31. Rep'ev A. G. «Prioritet» i «paritet» kak parnye pravovye kategorii (doktrinal'noe tolkovanie s sodержatel'nyh i tekhniko-yuridicheskikh pozicij) // Vestnik RPA Minyusta RF. 2021. № 1. S. 7–15.

32. Kistyakovskij B. A. Social'nye nauki i pravo. Ocherki po metodologii social'nyh nauk i obshchej teorii prava. M.: Izdanie M. i S. Sabashnikovyh, 1916. 704 s.

Статья поступила в редакцию 10.06.2024; одобрена после рецензирования 17.07.2024; принята к публикации 05.12.2024.

The article was submitted 10.06.2024; approved after reviewing 17.07.2024; accepted for publication 05.12.2024.

**КОРРУПЦИЯ В РАМКАХ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПРАВОПОРЯДКА
КАК НЕГАТИВНЫЙ ФАКТОР ДЛЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ:
ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ**

Анатолий Афанасьевич Тирских

Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия, fvs-mvd@mail.ru

Аннотация. В статье освещаются вопросы, связанные с государственной политикой борьбы с коррупцией на различных этапах развития российской государственности, анализируется роль публичной власти по регулированию общественных отношений, тесно связанных с коррупционными проявлениями, а также механизмы, способствующие эффективному противодействию коррупции на всех этапах отечественного государственного строительства, в т. ч. посредством нормотворческой и правоприменительной деятельности. В исследовании осуществлен историко-правовой анализ отечественной нормативной базы с точки зрения ее развития и совершенствования в аспекте противодействия коррупции. Выделены профилактические направления борьбы с коррупцией и способы ее преодоления на ранних этапах. Автор подчеркивает, что борьба с коррупцией велась всегда: и в Российской империи, и в СССР, и в современной демократической России, но результаты этого противостояния нельзя назвать впечатляющими.

Ключевые слова: публичная власть, коррупция, нормативная база, правоприменительная практика, национальная безопасность, антикоррупционная деятельность, взяточничество, казнокрадство, юридическая ответственность, неотвратимость наказания, Российская империя, СССР

Для цитирования: Тирских А. А. Коррупция в рамках отечественного правопорядка как негативный фактор для национальной безопасности: историко-правовой анализ // Алтайский юридический вестник. 2024. № 4 (48). С. 35–41.

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Original article

**CORRUPTION WITHIN THE FRAMEWORK OF DOMESTIC LAW AND ORDER
AS A NEGATIVE FACTOR FOR NATIONAL SECURITY: HISTORICAL
AND LEGAL ANALYSIS**

Anatoly A. Tirskikh

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia, fvs-mvd@mail.ru

Abstract. The article highlights issues related to the state policy of combating corruption at various stages of the development of Russian statehood. The paper analyzes the role of public authorities in regulating public relations closely related to corruption manifestations, as well as comprehends certain mechanisms that contribute to effective anti-corruption at all stages of domestic state-building, including through rule-making and law enforcement activities. In the article, the author makes an attempt to reflect not only the modern, but also the historical experience of fighting corruption in the field of domestic law and order. The study provides a historical and legal analysis of the domestic regulatory framework from the point of view of its development and improvement in the aspect of combating corruption. Preventive directions in the fight against corruption and ways to overcome it in the early stages are highlighted; the author emphasizes that the fight against corruption has always been carried out: in the Russian Empire, in the USSR, and in modern democratic Russia, but the results of this confrontation cannot be called impressive.

Keywords: public power, corruption, regulatory framework, law enforcement practice, national security, anti-corruption activities, bribery, embezzlement, legal responsibility, inevitability of punishment, Russian Empire, USSR

For citation: Tirskikh A. A. Corruption within the framework of domestic law and order as a negative factor for national security: historical and legal analysis. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2024;4:35–41 (In Russ.).

Коррупция в России — явление качественное и масштабное, постоянно приспосабливающееся к текущим социально-экономическим условиям. Это ставит ее в ряд актуальных на сегодняшний день проблем. Так называемые «откаты», взятки, разнообразные формы «политической ренты» становятся определенными правилами поведения субъектов правоотношений и привычным фоном отечественной социально-экономической среды.

Подобный алгоритм взаимоотношений базируется, с одной стороны, на интересах предпринимателей и бизнес-сообществ в приобретении определенных неправовых преференций, вымогательствах правоохранительных органов, всех уровней исполнительной власти субъектов и органов местного самоуправления, с другой — на коррупции бытового уровня, имеющей место в повседневной жизни граждан страны. При этом не является секретом и то, что в качестве лидирующих областей в аспекте коррупционных проявлений выступают такие сферы, как строительство, государственные закупки, образование, здравоохранение, военная служба, таможенное дело и т. п.

Примечательно, что аналитики Высшей школы экономики в 2021 г. определяли масштабы коррупции в сфере госзакупок почти в 7 трлн рублей, что на тот момент составляло более 30 % государственного бюджета Российской Федерации [1].

Международная организация Transparency International в 2020 г. по индексу восприятия коррупции определила Российскую Федерацию на 133-е место из 180 возможных, поставив в один ряд с Азербайджаном, Габон, Малави. Сам указанный индекс в 30 единиц показывает очень высокий уровень коррупционных проявлений. Что характерно, в 2020 г. он был выше, чем в 2019 г. Безусловно, ангажированность международных рейтинговых организаций в отношении России вполне понятна и ожидаема, однако подобные оценки заставляют акцентировать аналитический взгляд на коррупцию как опасный феномен отечественного правопорядка.

Если обратиться к истории вопроса, то можно сказать, что взяточничество в России имело место на всем протяжении развития российской государственности. Тем не менее подобный факт не может выступать поводом для оправдания современной коррупции в России. В то же время исследования, посвященные анализу исторического опыта противодействия коррупционным проявлениям в рамках отечественного правопорядка, вне всякого сомнения, будут полезны и актуальны.

Детерминирование ключевых направлений антикоррупционной политики, выявление масштабов и природы коррупции в контексте исторического развития государства могут выступить фактором демонстрации наиболее характерных ее спецификаций. Кроме того, посредством ретроспективного анализа антикоррупционной борьбы можно выявить наиболее перспективные формы противодействия коррупции и место социума в механизме борьбы с ней.

Современные исследования, посвященные коррупционным проявлениям, демонстрируют различные подходы в их оценке, проявляя себя в формировании криминологических, социально-экономических и социологических концепций.

Так, анализу коррупционной проблематики большое внимание в своих трудах уделили такие ученые, как В. В. Лунеев [2], Б. Свенссон [3], А. И. Долгова [4]. Указанные авторы исследовали виды и формы взяточничества, анализировали возможности борьбы с коррупцией, делали попытку определить концептуальные постулаты понятийного аппарата коррупции как правовой категории.

Несомненно и то, что важную роль здесь играют труды, демонстрирующие базовые направления антикоррупционной политики в современный период. Круг вопросов здесь достаточно масштабен и концентрируется на трех основных направлениях:

- оценка коррупции с точки зрения общеполитической и экономической ситуации;
- юридическая характеристика коррупции как явления;
- прикладной инструментарий раскрытия и профилактики коррупционных преступлений.

Политика противодействия коррупции, которая последовательно претворяется в жизнь руководством Российского государства, закладывает фундамент не только для конкретных мер по борьбе с ней, но, что важно, перенацеливает взгляд ученых в сферу научной аналитики коррупции как феномена. Последнее способствует росту научных публикаций, посвященных анализу коррупции, которые часто не содержат четких выводов. В этой связи растет потребность в научных изысканиях, которые вскрывают природу, предпосылки и условия формирования коррупции в России в аспекте исторической ретроспективы.

Всесторонний анализ предмета исследования должен концентрироваться не просто на описании тех или иных фактов коррупции, но прежде всего на причинно-следственной связи между фактами, действиями и обстоятельствами коррупционных

проявлений. В то же время следует понимать, что прошлое представляет собой реальность объективного характера, которая выступает суверенным ретроспективным аспектом научного познания [5, с. 75].

Стоит отметить, что в научной литературе совершенно справедливо отражаются положения о том, что аналитика может выступать адекватной лишь в аспекте сравнительного анализа [6]. Подобный взгляд дает возможность скрупулезно исследовать историко-правовую реальность, позволяя сформировать оптимальный инструментарий борьбы с коррупцией в современной России.

Коррупция и все ее проявления — в высшей степени сложный социальный феномен, который обладает крайне разнообразными признаками и внешним выражением. Правовая догма в отношении детерминирования коррупции достаточно плюралистична по своей природе. Тем не менее точкой отсчета правовых координат выступает понимание коррупции как использования должностным лицом своего статуса для извлечения личной выгоды в нарушение предписаний закона. В качестве характерных признаков коррупции выступает конфликт между поведением властного субъекта (выборного лица) и интересами государства (общества).

Если подойти к определению коррупции с точки зрения нормативной формулировки, то под коррупцией понимается «злоупотребление служебным положением, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества...»¹.

В качестве обычной формы коррупции можно рассматривать взятку. В свою очередь, «откат» является сложной формой внешнего выражения коррупционных проявлений. В то же время «политическая рента» выступает в форме принятия ангажированных «взяткоемких» нормативных актов в пользу заинтересованного лица или коллаборации. Всегда имела место и бытовая коррупция, проявляющая себя в повседневной жизни людей.

Можно отметить, что точкой отсчета узаконенной системы взяток в Древней Руси выступила си-

стема «кормления». Здесь важно то, что коррупция отобразилась в правовом поле государства как явление правовое, узаконенное. В период формирования российской государственности у монархов, как правило, не имелось достаточно средств для финансирования своего управленческого аппарата, что привело к легализации поборов с подвластного населения, из которых и получали денежное содержание наместники и воеводы. «Кормление» как система легальных взяток во второй половине XVI столетия была отменена на государственном уровне, но подверглась консервации в бытовом плане [7, с. 15].

Тем не менее первые ограничения коррупции в Русском государстве имели место с начала принятия Судебника 1497 г., когда взяточничество стало преследоваться по закону. Далее в Судебнике 1550 г. для взяточников была предусмотрена суровая уголовная ответственность.

В качестве наиболее пагубных последствий коррупции выступает московский бунт 1648 г., который в отечественной историографии получил наименование «Соляной». Публичная власть отреагировала на последний нормативным закреплением в Соборном Уложении 1649 г. уголовных наказаний за казнокрадство. В период правления Петра I власть продолжает наращивать репрессии в отношении взяточников и казнокрадов. При этом наказания для коррупционеров отличались крайней суровостью вплоть до смертной казни [8, с. 116]. В частности, в петровских указах взяточничество позиционировалось как одно из самых опасных преступлений, что, однако, кардинальным образом не повлияло на динамику коррупционных преступлений. В свою очередь, «эпоха дворцовых переворотов» характеризуется достаточно терпимым отношением государства к коррупции, что связано, по нашему мнению, со слабостью публичной власти и расцветом института императорских фаворитов. Многие современники Екатерины II отмечали разгул коррупции. При Павле I и Александре I предпринимались определенные меры в целях ее сдерживания, но особого успеха в условиях постоянной угрозы трону со стороны гвардии и высшего дворянства они не принесли. Все стало меняться с момента воцарения Николая I, который предвосхитил современную методику борьбы с незаконным обогащением чиновников. Именно при нем стали анализироваться данные о приобретении должностными лицами недвижимого имущества, которое часто указывало на их коррумпированность. Кроме того, в Уложении 1845 г. закреплялась уголовная ответственность за коррупционные

¹ О противодействии коррупции [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации № 273-ФЗ: принят Государственной Думой 19 декабря 2008 г.: одобрен Советом Федерации 22 декабря 2008 г. (послед. ред.) Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

проявления. Разнообразились и виды наказаний за коррупцию. Таковыми выступали: снятие с должности, ссылка, лишение свободы, телесные наказания, лишение прав состояния и т. п. [9].

Революция в феврале 1917 г. во многом трансформировала государственные институты, существенно повлияв на жизнь и быт подданных Российской империи, не затронув коррупцию как явление, искоренить которую Временное правительство было не в состоянии по причине своего политико-правового «банкротства».

После взятия власти большевиками борьба с коррупционными проявлениями в России стала обретать определенную четкость и последовательность. Так, 8 мая 1918 г. после принятия Декрета СНК «О взяточничестве» за последнее вводилась уголовная ответственность. Позднее, в рамках УК РСФСР 1922 г., взяточники стали приравняться к контрреволюционерам. Мера наказания за коррупцию была соответствующая и отражала дух времени — расстрел виновного в этом преступлении.

Тем не менее специфика нэпа и последующие периоды развития Советского государства демонстрируют наличие коррупции практически во всех сферах жизни советского общества. Наиболее распространенными сферами, которые пронизывала коррупция, выступали торговля, государственная служба, экономические отношения, которые во многом предопределялись государственным планом, и т. д. Не было изжито и взяточничество, которое прочно укоренилось в плоскости советских номенклатурных отношений.

Стоит отметить, что введение в 1962 г. смертной казни за взяточничество положения не исправило, а лишь подчеркнуло бессилие государства перед коррупцией как всепоглощающим феноменом советской действительности¹.

Так называемая эпоха развитого социализма в СССР проявила свою амбивалентность в аспекте материального благосостояния советских граждан. При этом постоянный дефицит товаров и услуг порождал достаточно «замысловатые формы коррупционных проявлений» [10, с. 38]. При этом тема коррумпированности должностных лиц в Советском Союзе до начала 80-х гг. XX столетия открыто не муссировалась в прессе. Тем не менее после смерти Сталина и до начала перестройки динамика роста коррупционных преступлений увеличилась

¹ Об усилении уголовной ответственности за взяточничество: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 20 февраля 1962 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1962. № 8. С. 85.

более чем в двадцать раз. По сути, запрет советским СМИ освещать проблему коррупции сводил на нет все меры по ее профилактике и пресечению. Проблему коррупции усугублял масштабный сектор теневой экономики, в котором разрасталась и организованная преступность, тема которой также была под запретом в советской печати.

В некоторой степени коррупцию удавалось сдерживать в период правления Ю. В. Андропова, который характеризовался ужесточением внутренней и внешней политики и, что важно, громкими процессами над коррупционерами из партийного истеблишмента. Так или иначе к началу 90-х гг. прошлого века проблема борьбы с коррупцией уходит на второй план на фоне политико-правовой катастрофы советского режима.

Ожидаемо, что распад СССР не снизил коррупционные проявления, а только усугубил их, т. к. новые политические институты существенным образом напоминали те, которые возникли после февраля 1917 г. Сами социально-экономические условия, в которых оказалась постсоветская Россия, выступали благоприятной почвой для масштабирования казнокрадства и взяточничества [11].

К факторам, которые обусловили рост коррупционных проявлений в Российской Федерации 90-х гг. XX столетия, можно отнести следующие:

- низкие заработные платы государственных служащих;
- непрозрачность деятельности экономических институтов;
- неконтролируемый теневой рынок;
- общий упадок нравственности;
- хаос в правотворческой и правоприменительной сферах;
- падение благосостояния большей части населения Российской Федерации и пр.

В начале нулевых и последующие годы стала наблюдаться тенденция к поэтапному выстраиванию эффективного механизма противодействия коррупционным преступлениям, и подобное полностью соответствовало запросам подавляющего большинства населения России. В частности, в 2016 г. за коррупцию был арестован экс-министр экономического развития. Немногим ранее также имел место громкий коррупционный скандал в Министерстве обороны. Нечто подобное происходит и в настоящее время, когда за коррупцию был арестован заместитель министра обороны, курирующий строительную сферу.

По нашему мнению, не меньшую опасность представляет и бытовая коррупция, которая под-

рывает нравственные устои российского общества. При этом важно подчеркнуть, что в настоящее время наблюдается рост числа коррупционных преступлений. Так, в 2023 г. за получение взяток были осуждены 1914 человек, что на 13,6 % выше, чем в 2022 г. [12].

Бытовая коррупция опасна еще и тем, что она разрушает правосознание граждан, а ее проявления сказываются на образовании, здравоохранении, ЖКХ и других сферах, что негативно влияет на уровень и качество жизни населения, а также на патриотическое воспитание молодежи, что в условиях проведения специальной военной операции на Украине выступает фактором, отрицательно влияющим на национальную безопасность страны. По сути, коррупция бьет по идеологическому фундаменту государства, не позволяя публичной власти эффективно решать экономические и социальные проблемы, которые усугубились в период введения в отношении Российской Федерации санкций со стороны стран коллективного Запада.

В этой связи необходимо отметить, что вопросы борьбы с коррупцией постоянно находятся в фокусе внимания государства и отражаются в документах стратегического планирования. Так, согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации¹ искоренение коррупции является национальным интересом Российской Федерации.

Нельзя обойти вниманием утвержденный Президентом России В. В. Путиным Национальный план противодействия коррупции, который рассчитан на 2021–2024 гг. Указанный нормативный правовой акт определяет, что в рамках решения проблемы коррупционных проявлений государственным институтам в первую очередь необходимо делать акцент на правосознании простых граждан и предпринимателей. В свою очередь, репрессивный механизм призван стать факультативным средством в борьбе с коррупцией².

В плоскости анализа заявленной темы важно подчеркнуть и то, что на сегодняшний день проблема коррупции кроется не только в ее масштабах, но и в пробелах и дефектах нормативно-пра-

вовой базы, а также в процессе правоприменения, в т. ч. и в деятельности судебных органов.

Важно отметить, что в настоящее время имеет место широкий спектр различного инструментария по противодействию коррупции как явлению системному. Тем не менее нельзя однозначно определить, какой конкретно механизм здесь будет оптимальным. Как справедливо считают А. А. Тимофеева и Е. В. Голодненко, эффективный механизм противодействия коррупции в современной России должен иметь комплексный характер и сочетать в себе юридические, политические, технические, финансовые и организационные сегменты, реализуемые сквозь призму восприятия положительного опыта зарубежных государств [13, с. 173].

В данном контексте повышается актуальность деятельности государственных и общественных институтов по формированию уважительного отношения граждан к закону. Именно на данное направление антикоррупционной работы обратил внимание Президент Российской Федерации В. В. Путин, акцентировав внимание на воспитании правопослушного поведения: «...Неприятие к нарушению закона должно воспитываться со школьной скамьи — в школах, и в средних и высших учебных заведениях, и, конечно, на работе и в семье. Нужно всегда об этом помнить»³.

Стоит отметить, что комплексная и системная борьба с коррупцией должна соответствовать принципу равенства всех перед законом, который накладывает на публичную власть обязанность одинаково реагировать на коррупционные проявления как высших слоев общества, так и обычных граждан. Правоприменителю важно учитывать и масштабы коррупционных проявлений, которые оцениваются в конкретных суммах. В сфере противодействия коррупции должна иметь место четкая градация, когда малозначительные коррупционные преступления не должны наказываться таким же образом, как коррупция в особо крупном размере, которая может оцениваться во многие миллиарды рублей.

В области борьбы с коррупцией государственным органам также важно учесть опыт цифровизации правоприменения, которая доказала свою эффективность в КНР. Так, в Китае создано специальное приложение, в котором граждане могут заявить о фактах коррупции. По нашему мнению, подобный метод противодействия коррупционным

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 16.08.2021 № 478 (ред. от 26.06.2023). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Заседание Совета по противодействию коррупции (26 января 2016 г.) // Официальное интернет-представительство Президента России: сайт. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/51207> (дата обращения: 13.05.2024).

проявлениям можно успешно использовать в рамках отечественного правового поля по аналогии с российскими «Госуслугами» либо на базе указанного сервиса. Кроме того, государству следует поощрять активность граждан в области борьбы с коррупцией, т. к. это укрепит институты гражданского общества и доверие населения к органам публичной власти. Немаловажным фактором противодействия коррупции выступает и экспертиза нормативных правовых актов на наличие в них коррупциогенных факторов.

В заключение статьи необходимо сделать ряд выводов и обобщений, которые можно представить в виде следующих позиций:

1. Национальная безопасность Российской Федерации в современный период достаточно уязвима не только сквозь призму внешних угроз, но и через наличие внутренних проблем, которые усугубляются коррупцией.

2. Коррупционный охват обладает качеством обширности, т. к. она имеет место как в среде высшего истеблишмента, так и на низовом уровне в рамках бытовой коррупции.

3. Динамика и современное состояние коррупции в России тесно связаны с исторически обусловленными особенностями страны, уровнем правовой культуры и правосознания граждан, дефектами и пробелами в нормативной базе, а так-

же с уровнем реализации контрольно-надзорной функции государства.

4. Борьба с коррупцией должна вестись системно и последовательно.

5. Повысить качество борьбы с коррупцией способно совершенствование нормативно-правовой базы посредством устранения дефектов и пробелов в законодательстве, а также через нулификацию двусмысленного толкования нормы права.

6. В аспекте противодействия коррупционным проявлениям важную роль играет устранение причин коррупции. В этой связи большой значимостью обладают институты гражданского общества, патриотическое воспитание молодежи и гражданская активность в аспекте формирования мировоззрения, не приемлющего коррупцию как феномен.

Таким образом, можно констатировать, что только кардинальное изменение подходов к решению проблем противодействия коррупции, активизация поиска новых форм и методов снижения коррупционных проявлений, реальная опора на гражданское общество в деле борьбы с коррупцией помогут сформировать устойчивое неприятие негативного коррупционного поведения в обществе и государстве, что, в свою очередь, существенно укрепит национальную безопасность Российской Федерации.

Список источников

1. Деготькова И. Эксперты оценили средний размер откатов при госзакупках. URL: <https://www.rbc.ru/economics/20/12/2021/61bc5d059a794770833e7b51> (дата обращения: 25.07.2024).
2. Лунеев В. В. Коррупция, учтенная и фактическая // Государство и право. 1996. № 8. С. 78–90.
3. Свенссон Б. Экономическая преступность / пер. со шведского Б. Свенссон; под ред. и со вступ. ст. М. А. Могунова. М.: Прогресс, 1987. 156 с.
4. Долгова А. И. Криминологические оценки организованной преступности и коррупции, правовые баталии и национальная безопасность. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2011. 665 с.
5. Филлюшкин А. И. «Постмодернистский вызов» и его влияние на современную теорию исторической науки // Топос. 2000. № 3. С. 67–78.
6. Мерцалов А. Н. Сталинизм и война. М.: Терра-Книжный клуб, 1998. 425 с.
7. Грошев С. Н. Особенности содержания правового статуса мужчин в древнерусском обычном праве: монография. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2022. 128 с.
8. Хрестоматия по истории отечественного государства и права. X век — 1917 год / сост. В. А. Томсинов. М.: Зерцало, 2004. 371 с.
9. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1988. Т. 6. 431 с.
10. Листрукова С. С. Внутренняя политика Леонида Ильича Брежнева // Вестник магистратуры. 2022. № 11-2 (134). С. 37–38.
11. Оганисян Ю. С. Коррупция в постсоветской России. Социально-политические истоки // История и современность. 2019. № 2 (32). С. 69–89.
12. Кушучев С., Мишина В. Взятки на стол: в России растет количество осужденных за коррупцию // Известия: сайт. URL: <https://iz.ru/1684500/stanislav-kuchushev-valeriia-mishina/vziatki-na-stol-v-rossii-rastet-kolichestvo-osuzhdennykh-za-korruptciiu> (дата обращения: 25.07.2024).

13. Тимофеева А. А., Голодненко Е. В. Проблемы противодействия коррупции в России: история и современность // Территория новых возможностей. 2018. № 3 (42). С. 171–177.

References

1. Degot`kova I. E`ksperty` ocenili srednij razmer otkatov pri goszakupkax. URL: <https://www.rbc.ru/economics/20/12/2021/61bc5d059a794770833e7b51> (data obrashcheniya: 25.07.2024).
2. Luneev V. V. Korrupciya, uchtennaya i fakticheskaya // Gosudarstvo i pravo. 1996. № 8. S. 78–90.
3. Svensson B. E`konomicheskaya prestupnost` / per. so shvedskogo B. Svensson; pod red. i so vstup. st. M. A. Mogunova. M.: Progress, 1987. 156 s.
4. Dolgova A. I. Kriminologicheskie ocenki organizovannoj prestupnosti i korrupcii, pravovy`e batalii i nacional`naya bezopasnost`. M.: Rossijskaya kriminologicheskaya asociaciya, 2011. 665 s.
5. Filyushkin A. I. «Postmodernistskij vy`zov» i ego vliyanie na sovremennuyu teoriyu istoricheskoy nauki // Topos. 2000. № 3. S. 67–78.
6. Merczalov A. N. Stalinizm i vojna. M.: Terra-Knizhny`j klub, 1998. 425 s.
7. Groshev S. N. Osobennosti sodержaniya pravovogo statusa muzhchin v drevnerusskom oby`chnom prave: monografiya. Irkutsk: Vostochno-Sibirskij institut MVD Rossii, 2022. 128 s.
8. Xrestomatiya po istorii otechestvennogo gosudarstva i prava. X vek — 1917 god / sost. V. A. Tomsinov. M.: Zerczalo, 2004. 371 s.
9. Rossijskoe zakonodatel`stvo X–XX vv.: v 9 t. / pod obshh. red. O. I. Chistyakova. M.: Yuridicheskaya literatura, 1988. T. 6. 431 s.
10. Listrukova S. S. Vnutrennyaya politika Leonida Il`icha Brezhneva // Vestnik magistratury`. 2022. № 11-2 (134). S. 37–38.
11. Oganis`yan Yu. S. Korrupciya v postsovetsoj Rossii. Social`no-politicheskie istoki // Istoriya i sovremennost`. 2019. № 2 (32). S. 69–89.
12. Kushuchev S., Mishina V. Vzyatki na stol: v Rossii rastet kolichestvo osuzhdenny`x za korrupciyu // Izvestiya: sajт. URL: <https://iz.ru/1684500/stanislav-kuchushev-valeriia-mishina/vziatki-na-stol-v-rossii-rastet-kolichestvo-osuzhdennykh-za-korruptciiu> (data obrashcheniya: 25.07.2024).
13. Timofeeva A. A., Golodnenko E. V. Problemy` protivodejstviya korrupcii v Rossii: istoriya i sovremennost` // Territoriya novy`x vozmozhnostej. 2018. № 3 (42). S. 171–177.

Информация об авторе

A. A. Tirskih — кандидат юридических наук.

Information about the author

A. A. Tirskikh — *Candidate of Science (Law)*.

Статья поступила в редакцию 11.10.2024; одобрена после рецензирования 18.11.2024; принята к публикации 05.12.2024.

The article was submitted 11.10.2024; approved after reviewing 18.11.2024; accepted for publication 05.12.2024.

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Алтайский юридический вестник. 2024. № 4 (48). С. 42–46.

Altai Law Journal. 2024. № 4 (48). P. 42–46.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 342.95

ПЕРЕВОДЧИК КАК ЛИЦО, СОДЕЙСТВУЮЩЕЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ПРАВОСУДИЯ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВОНАРУШЕНИИ

Татьяна Дмитриевна Андреева¹, Валентин Сергеевич Шестак²

¹ Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, log0707@mail.ru

² Донецкий филиал Волгоградской академии МВД России

Аннотация. В данной статье проводится исследование процессуального статуса переводчика как лица, участвующего в производстве по делу об административном правонарушении. На основании анализа правоприменительной практики рассмотрены наиболее типичные ситуации, связанные с нарушением принципа языка производства, закрепленного статьей 24.2 КоАП РФ. Основное содержание исследования составляет проблема определения компетентности переводчика в связи с тем, что данный вопрос длительное время остается дискуссионным в науке. Автор обосновывает необходимость дополнения действующего административного законодательства требованием предъявления переводчиком документов, подтверждающих владение соответствующим языком, на котором осуществляется производство по делу об административном правонарушении.

Ключевые слова: производство по делу об административном правонарушении, переводчик, иностранные граждане и лица без гражданства, компетентность, принцип языка производства, сурдоперевод, тифлосурдоперевод

Для цитирования: Андреева Т. Д., Шестак В. С. Переводчик как лицо, содействующее осуществлению правосудия при производстве по делу об административном правонарушении // Алтайский юридический вестник. 2024. № 4 (48). С. 42–46.

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Original article

INTERPRETER AS A PERSON ASSISTING IN THE ADMINISTRATION OF JUSTICE IN THE PROCEEDINGS ON AN ADMINISTRATIVE OFFENSE

Tatiana D. Andreeva¹, Valentin S. Shestak²

¹ Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, log0707@mail.ru

² Donetsk branch of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Donetsk, Russia

Abstract. This article examines the procedural status of an interpreter as a person involved in the proceedings on an administrative offense. Special attention is paid to the necessary requirements for an interpreter. Based on the analysis of law enforcement practice, the most typical situations related to violation of the principle of the language of production, enshrined in article 24.2 of the Administrative Code of the Russian Federation, are considered. The main content of the study is the problem of determining the competence of an interpreter, due to the fact that this issue has been controversial in science for a long time. The author substantiates the need to supplement the current administrative legislation with a requirement for the interpreter to present documents confirming proficiency in the relevant language in which the proceedings on the administrative offence are carried out.

Keywords: proceedings on an administrative offense, interpreter, foreign citizens and stateless persons, competence, the principle of the language of production, sign language translation, typhoid language translation

For citation: Andreeva T. D., Shestak V. S. Interpreter as a person assisting in the administration of justice in the proceedings on an administrative offense. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2024;4:42–46 (In Russ.).

© Андреева Т. Д., Шестак В. С., 2024

Участие переводчика в производстве по делам об административных правонарушениях не является достаточно распространенным явлением, однако его роль в данном процессе трудно переоценить. Переводчика относят к категории лиц, содействующих осуществлению производства по делу об административном правонарушении и выполнению его задач, к числу которых относится всестороннее, полное, объективное и своевременное выяснение всех обстоятельств дела. Наряду с этим нельзя не отметить тот факт, что привлечение переводчика к участию в производстве по делу об административном правонарушении при условии, что лицо не владеет языком, на котором данное производство ведется, является важнейшей процессуальной гарантией защиты прав участников такого производства. Данная гарантия позволяет лицу активно участвовать в сборе доказательств по делу об административном правонарушении, а также в рассмотрении дела, защищая свои права и законные интересы. Гарантии, как известно, имеют смысл только тогда, когда они обеспечены необходимыми для этого условиями и средствами, а не только прописаны в нормативных правовых актах. В данном исследовании мы рассмотрим, насколько реальна возможность воспользоваться услугами переводчика участнику производства по делу об административном правонарушении.

Основной Закон нашего государства в статье 26 содержит норму о том, что «каждый имеет право пользоваться родным языком»¹. Положения статьи 24.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях² (далее — КоАП РФ) определяют, что «производство по делу об административном правонарушении ведется на русском языке — государственном языке Российской Федерации. В случае если лицо, участвующее в производстве по делу об административном правонарушении, не владеет русским языком, оно вправе пользоваться услугами переводчика». Наряду с этим в тех случаях, когда дело об административном правонарушении рассматривается на территории республики — субъекта Российской Федерации, возможно вести производство на государственном языке данной республики (при усло-

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

вии, что все участники производства владеют указанным языком). Обратиться за помощью переводчика может любой участник производства по делу об административном правонарушении, которому это необходимо по объективным причинам.

Потребность в переводчике возникает чаще всего у иностранных граждан и лиц без гражданства, совершивших на территории Российской Федерации административное правонарушение. Стоит отметить, что с каждым годом указанные субъекты все чаще становятся участниками производства по делу об административном правонарушении.

Так, согласно данным Министерства внутренних дел Российской Федерации, за первый квартал 2024 г. отмечается рост составленных протоколов об административных правонарушениях в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства на 18,7 % (676 209)³.

Однако положения статьи 24.2 КоАП РФ распространяются не только на лиц, не владеющих русским языком в силу незнания, но и на лиц, по состоянию здоровья страдающих нарушениями слуха, речи и зрения. Примечательным является случай из судебной практики, когда Верховный Суд Российской Федерации отменил постановление мирового судьи о привлечении гражданина, являющегося глухонемым, к административной ответственности в связи с тем, что при применении мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении данное лицо не было обеспечено сурдопереводчиком⁴. При этом в материалах дела было указано, что должностному лицу, которое осуществляло производство по делу об административном правонарушении, был известен факт того, что лицо является глухонемым, в связи с чем составление материалов дела осуществлялось посредством переписки с лицом.

Из этого следует, что непривлечение переводчика к участию в производстве по делу об административном правонарушении (при его реальной необходимости) признается существенным процессуальным нарушением, что предусматривает определенные правовые последствия — отмену постановления по делу об административном пра-

³ Аналитическая справка о результатах деятельности подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России за январь — апрель 2024 года: официальный интернет-сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/deyatelnost/statistics/migracionnaya/item/50771357/>.

⁴ Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 13 января 2020 г. № 19-АД19-10. URL: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-13012020-n-19-ad19-10/>.

вонарушении. Кроме того, нельзя не согласиться с мнением Я. Б. Жолобова, который вполне обоснованно утверждает, что «непредоставление переводчика подрывает не только судебное решение, но и авторитет Российской Федерации» [1, с. 32].

Подчеркнем, что положение об участии в производстве по делу об административном правонарушении лиц, владеющих навыками сурдоперевода или тифлосурдоперевода, появилось в административно-процессуальном законодательстве сравнительно недавно в рамках исторических масштабов, в частности с 2001 г., с принятием федерального закона от 30.12.2001 № 195, утвердившего нынешний КоАП РФ. В предыдущем кодифицированном акте в области административной ответственности — Кодексе РСФСР об административных правонарушениях, действовавшем с 1984 по 2001 г., норма об участии переводчика звучала следующим образом: «Переводчик назначается органом (должностным лицом), в производстве которого находится дело об административном правонарушении. Переводчик обязан явиться по вызову органа (должностного лица) и выполнить полно и точно порученный ему перевод»¹.

Действующее законодательство детализировало данную норму, однако, несмотря на это, остается еще ряд актуальных вопросов, которые требуют дальнейшей проработки.

В настоящий момент вопросы участия переводчика в производстве по делу об административном правонарушении регулируются статьей 25.10 КоАП РФ «Переводчик». Данная статья закрепляет требования, предъявляемые к переводчику, к которым относится следующее:

1) возрастной ценз — лицо должно достигнуть совершеннолетия;

2) незаинтересованность в исходе дела.

Исходя из анализа норм КоАП РФ, заинтересованность в исходе дела предопределяется следующими факторами:

- наличием родственных отношений с одним из участников либо субъектов производства по делу об административном правонарушении (это может быть лицо, привлекаемое к административной ответственности, потерпевший, их законный представитель, защитник, представитель, прокурор, судья, член коллегиального органа или должностное лицо, в производстве которых находится данное дело);

- предыдущее участие в данном производстве по делу в ином процессуальном статусе;

- наличие оснований полагать присутствие личной, прямой или косвенной заинтересованности в исходе дела (например, дружеские либо иные личные отношения с другим участником производства);

3) владение языком или навыком сурдоперевода (тифлосурдоперевода).

Решение вопроса о назначении переводчика относится к полномочиям судьи, органа, должностного лица, в производстве которых находится дело об административном правонарушении. При этом инициатива его назначения может исходить не только от указанных лиц, но и от любого участника производства по делу об административном правонарушении, который нуждается в лингвистической помощи, либо от лиц, заинтересованных в исходе дела (защитника, представителя, законного представителя физического лица). В большинстве случаев участник производства по делу об административном правонарушении заявляет ходатайство о необходимости предоставления переводчика либо субъект административной юрисдикции приходит к выводу о недостаточном владении лица языком, на котором ведется производство по делу, и принимает меры к привлечению переводчика. Оформляется процесс назначения переводчика определением (если данное процессуальное действие осуществляет судья) или постановлением (если в качестве субъекта административной юрисдикции выступает орган или должностное лицо). Вместе с тем, если у судьи или должностного лица имеются обоснованные данные полагать, что лицо, которое ходатайствует о предоставлении переводчика, в достаточной мере владеет русским языком, например проживает длительное время на территории Российской Федерации, получал там образование, состоит в браке, трудоустроен и др., он может отказать лицу в данном ходатайстве, надлежащим образом мотивировав данный отказ².

Лаконичность ст. 25.10 КоАП РФ вызывает определенные вопросы и способствует формированию некоторых правоприменительных дискреций при выборе переводчика [2, с. 36].

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает вопрос определения компетентности переводчика. Как уже отмечалось выше, одним из требований

¹ Кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики об административных правонарушениях от 20 июня 1984 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции № 1679-53/2020 от 18 декабря 2020 г. по делу № 1679-53/2020. URL: https://lawnotes.ru/sudpraktika/sou/postanovlenie_-16-7953_20-ot-18.12.2020-shestogo-kassatsionnogo-suda-obschey-yurisdiktсии.

к переводчику выступает владение языком или навыком сурдоперевода. Однако каких-либо конкретных требований к знанию языка, к уровню образования переводчика законодатель не определяет.

В этой связи представляется обоснованной позиция Н. Ю. Волосовой и Е. С. Шмелевой, которые говорят о том, что законодателю необходимо руководствоваться не свободным владением переводчиком языком, который необходим для перевода, а его языковой компетентностью [3, с. 130].

С учетом вышеизложенного нам импонирует позиция Т. П. Пестовой, предлагающей под компетентностью переводчика понимать «качество перевода, обеспечивающее эффективное выполнение деятельности по переводу языка производства по делу об административном правонарушении и языка, избранного участником производства по делу об административном правонарушении, не владеющего или в недостаточной мере владеющего языком производства по делу об административном правонарушении» [4, с. 55–56].

К числу критериев определения компетентности переводчика, на наш взгляд, стоит отнести сведения о наличии соответствующего образования и (или) квалификации или опыта работы с тем языком, знание которого необходимо для конкретного производства по делу об административном правонарушении. Заметим, что в уголовно-процессуальном законодательстве, в частности в ч. 2 ст. 169 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, предусмотрено правомочие следователя перед началом следственных действий удостовериться в компетенции переводчика¹. В действующем же административно-процессуальном законодательстве данное положение отсутствует, однако, как показывают материалы судебной практики, в большинстве случаев судьи и должностные лица перед назначением лица в качестве переводчика удостоверяются в его образовании, профессиональной деятельности, предыдущих случаях участия в качестве переводчика в производстве по делам об административных правонарушениях.

Так, например, согласно решению Московского городского суда от 24 января 2019 г. по делу № 7-1208/2019 судьей для определения компетентности участвовавшего в деле переводчика при рассмотрении дела об административном правонарушении проверялось наличие соответствующего диплома либо наличие документа, подтверждающего гражданство иностранного государства, язык

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

которого требуется знать переводчику для участия в производстве по делу².

Однако подчеркнем, что установление данных обстоятельств не является обязанностью судьи или должностного лица, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении. Вместе с тем довольно часто компетентность переводчика становится предметом обжалования.

Например, гражданин Ю. подал жалобу на постановление о привлечении его к административной ответственности за совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 18.10 КоАП РФ. Одним из доводов жалобы было нарушение процедуры привлечения к участию в деле переводчика, который не обладает необходимыми познаниями для осуществления перевода. Суд данные доводы отклонил, мотивируя это тем, что привлеченный в качестве переводчика гр. Ц. является гражданином Китайской Народной Республики, а также имеет свидетельство об окончании курсов по переводу с китайского на русский язык и обратно³. В другом случае судья обоснованно отказал в удовлетворении жалобы о некомпетентности переводчика, мотивируя свой отказ тем, что «закон не ставит вопрос о назначении переводчика в зависимости от наличия того или иного образования»⁴.

Необходимо также отметить, что в КоАП РФ предусмотрена ответственность для переводчика за заведомо неправильный перевод — ст. 17.9 КоАП РФ. Тем не менее, как свидетельствует практика, по результатам судебных процессов в России с участием непрофессиональных переводчиков ни одно решение суда не было отменено по причине заведомо ложного перевода, низкой квалификации переводчика или дефектов перевода [5, с. 91]. При этом отметим, что некомпетентность переводчика, ставшая следствием ошибок в переводе, не содержит в себе состава административного правонарушения, предусмотренного ст. 17.9 КоАП РФ, ввиду отсутствия умысла.

С учетом приведенных соображений считаем, что с целью приведения процессуального законодательства к единообразию и снижению количе-

² Решение Московского городского суда от 24 января 2019 г. по делу № 7-1208/2019. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/review-not-yet/details/9efd8cea-2d80-46cb-987a-39e1e9693b3d>.

³ Решение Московского областного суда № 12-2081/2023 от 26 декабря 2023 г. по делу № 12-2081/2023. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/MGIemS0q2sZj/>.

⁴ Решение Курганского областного суда № 71-80/2018 от 7 мая 2018 г. по делу № 71-80/2018. URL: <https://actofact.ru/case-45OS0000-71-80-2018-2018-05-07-1-1/>.

ства жалоб, поступающих на некомпетентность переводчика, необходимо дополнить ст. 25.10 КоАП РФ частью 1.1 следующего содержания:

1.1. Компетенция переводчика удостоверяется документами об образовании и (или) о квалификации, свидетельствующими о знании языка, необходимого для участия в производстве по делу об административном правонарушении, и (или)

опытом работы в сфере, требующей знания указанного языка.

На наш взгляд, внесение данных изменений позволит устранить имеющийся пробел в законодательстве, сократить количество жалоб, связанных с некомпетентностью переводчика и привести административно-процессуальное законодательство к единообразию в данной области.

Список источников

1. Жолобов Я. Б. Административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства: проблемы и пути их решения // Судья. 2015. № 6. С. 31–36.
2. Нобель Н. А. К вопросу об участии переводчика при рассмотрении судьями судов общей юрисдикции дел об административных правонарушениях // Административное право и процесс. 2022. № 6. С. 35–38.
3. Волосова Н. Ю., Шмелева Е. С. О проблеме определения компетенции переводчика в уголовном судопроизводстве // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 3 (86). С. 128–134.
4. Пестова Т. П. Обеспечение права пользоваться услугами переводчика в производстве по делам об административных правонарушениях // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 4 (35). С. 53–59.
5. Семионкина Н. Г. Проблемы привлечения переводчика при производстве по делу об административном правонарушении // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2017. № 4 (73). С. 89–92.

References

1. Zholobov Ya. B. Administrativnoe vydvorenie za predely Rossijskoj Federacii inostrannyh grazhdan i lic bez grazhdanstva: problemy i puti ih resheniya // Sud'ya. 2015. № 6. S. 31–36.
2. Nobel' N. A. K voprosu ob uchastii perevodchika pri rassmotrenii sud'yami sudov obshchej yurisdikcii del ob administrativnyh pravonarusheniyah // Administrativnoe pravo i process. 2022. № 6. S. 35–38.
3. Volosova N. Yu., Shmeleva E. S. O probleme opredeleniya kompetencii perevodchika v ugovnom sudoproizvodstve // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2018. № 3 (86). S. 128–134.
4. Pestova T. P. Obespechenie prava pol'zovat'sya uslugami perevodchika v proizvodstve po delam ob administrativnyh pravonarusheniyah // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. 2022. № 4 (35). S. 53–59.
5. Semionkina N. G. Problemy privlecheniya perevodchika pri proizvodstve po delu ob administrativnom pravonarushenii // Nauchnyj vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk'yanova. 2017. № 4 (73). S. 89–92.

Информация об авторе

В. С. Шестак — доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

V. S. Shestak — Doctor of Science (Law), Associate Professor.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 02.09.2024; одобрена после рецензирования 16.10.2024; принята к публикации 05.12.2024.

The article was submitted 02.09.2024; approved after reviewing 16.10.2024; accepted for publication 05.12.2024.

Алтайский юридический вестник. 2024. № 4 (48). С. 47–53.

Altai Law Journal. 2024. № 4 (48). P. 47–53.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 340.114.6(470+571)+340.114.6(575.2)

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КИРГИЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ О ПРОФИЛАКТИКЕ ПРАВОНАРУШЕНИЙ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Марина Александровна Бучакова¹, Андрей Александрович Гайдуков²

¹ Омская академия МВД России, Омск, Россия, mb290163@mail.ru

² Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, gaidukow28@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется содержание законодательных актов Российской Федерации и Кыргызской Республики о профилактике правонарушений, которые определяют общую организационную платформу профилактической работы. Модельный характер рассматриваемых законов позволил выделить и детализировать самостоятельные виды профилактики, а также предоставил возможность органам — субъектам профилактики на ведомственном уровне разработать механизм применения отдельных форм и мер профилактики правонарушений относительно объектов воздействия. Авторы считают, что в настоящее время представляется целесообразным проработать вопрос о закреплении в Федеральном законе Российской Федерации от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» целей и задач профилактики правонарушений, а также детализации объектов профилактического воздействия.

Ключевые слова: формы профилактического воздействия, официальное предостережение, профилактическая беседа, временный охранный ордер, специальные субъекты профилактики правонарушений

Для цитирования: Бучакова М. А., Гайдуков А. А. Законодательство Российской Федерации и Кыргызской Республики о профилактике правонарушений: сравнительно-правовой анализ // Алтайский юридический вестник. 2024. № 4 (48). С. 47–53.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE KYRGYZ REPUBLIC ON THE LIMITATION OF OFFENSES: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

Marina A. Buchakova¹, Andrey A. Gaidukov²

¹ Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russia, mbuchakova@mvd.ru

² Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, gaidukow28@mail.ru

Abstract. The article analyzes the content of legislative acts of the Russian Federation and the Kyrgyz Republic on offense prevention, which determine the general organizational platform for preventive work. The model nature of the laws under consideration made it possible to identify and detail independent types of prevention, and also provided an opportunity for bodies-subjects of prevention at the departmental level to develop a mechanism for applying individual forms and measures of offense prevention in relation to objects of influence. The authors believe that at present it is appropriate to work on the issue of establishing in the Federal Law of June 23, 2016 No. 182-FZ “On the fundamentals of the crime prevention system in the Russian Federation” the goals and objectives of crime prevention, as well as detailing the objects of preventive influence, which, in our opinion, will contribute to more effective crime prevention.

Keywords: prevention of offenses, forms of preventive influence, official warning, preventive conversation, temporary protective order; preventive registration, special subjects of offense prevention

For citation: Buchakova M. A., Gaidukov A. A. Legislation of the Russian Federation and the Kyrgyz Republic on the limitation of offenses: a comparative legal analysis. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2024;4:47–53 (In Russ.).

© Бучакова М. А., Гайдуков А. А., 2024

Профилактика правонарушений в научной среде рассматривается в разных аспектах. С позиции управления социальными процессами профилактика правонарушений выступает как часть системы социального регулирования общественной жизни, а в аспекте воздействия на преступность — как самостоятельная система общесоциального, специального и индивидуального предупреждения [1, с. 8]. Более того, профилактика правонарушений является обязательным системным элементом, который необходим для поддержания правопорядка и сдерживания преступности как в Российской Федерации, так и в зарубежных странах.

Исследование системы профилактики правонарушений отдельно взятых государств на примере Российской Федерации и Кыргызской Республики позволяет оценить эффективность деятельности данных систем. Так, в нашей стране базовым нормативным правовым актом, регулирующим правоотношения в рассматриваемой сфере, выступает Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (далее — Закон РФ № 182)¹, в Кыргызской Республике — Закон от 5 мая 2021 г. № 60 «Об основах профилактики правонарушений» (далее — Закон Кыргызской Республики № 60)².

Примечательно, что российский закон о профилактике правонарушений появился значительно раньше закона Кыргызской Республики, что указывает на понимание российским законодателем необходимости законодательного регулирования общественных отношений в сфере профилактики правонарушений. Указанные выше нормативные акты уже в своем названии определяют общую организационную платформу профилактической работы.

Важным аспектом данного направления деятельности в обоих государствах является установление субъектов профилактики, т. е. тех уполномоченных органов и их должностных лиц, которые на законных основаниях будут заниматься вопросами организации, контроля, мониторинга, взаимодействия, реагирования и применения мер профилактического воздействия по строго установленным ОСНОВАНИЯМ.

¹ Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об основах профилактики правонарушений: закон Кыргызской Республики от 5 мая 2021 г. № 60. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/112231/edition/1278498/ru> (дата обращения: 11.09.2024).

В Российской Федерации ими являются: федеральные органы исполнительной власти; органы прокуратуры Российской Федерации; следственные органы Следственного комитета Российской Федерации; органы государственной власти субъектов Российской Федерации; органы местного самоуправления (ч. 1 ст. 5 Закона РФ № 182).

В Кыргызской Республике субъектами профилактики законодатель закрепил государственные органы и органы местного самоуправления (п. 5 ч. 1 ст. 2 Закона Кыргызской Республики № 60). При этом в нормах закона конкретизируются виды и полномочия органов — субъектов профилактики, которые определяются не только нормами данного закона, но и другими нормативными правовыми актами. Как правило, эти субъекты действуют автономно в рамках установленной компетенции. Их взаимодействие в данном направлении в обоих государствах осуществляется на правительственном уровне посредством координационных отношений, позволяющих сбалансировать и оптимизировать осуществление государственной и муниципальной власти [2, с. 197].

В Российской Федерации на постоянной основе действует Правительственная комиссия по профилактике правонарушений, которая является координационным органом, обеспечивающим согласованность действий вышеперечисленных субъектов профилактики при реализации ими своих полномочий в системе государственной профилактики правонарушений³. В Кыргызской Республике при Кабинете Министров также действует координационный совет по профилактике правонарушений, в компетенционные полномочия которого входит непосредственная координация взаимодействия субъектов профилактики правонарушений и их структурных подразделений⁴. Координирующая функция на правительственном уровне свидетельствует о важности организации профилактики правонарушений и в целом о переориентировании государственных органов публичной власти от борьбы с последствиями преступлений к их профилактике.

³ О Правительственной комиссии по профилактике правонарушений [Электронный ресурс]: постановление Правительства Российской Федерации от 28 марта 2008 г. № 216. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ О Координационном совете по профилактике правонарушений: постановление Кабинета Министров Кыргызской Республики от 19 июня 2023 г. № 308. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39985958 (дата обращения: 11.09.2024).

Эффективная профилактическая работа невозможна без взаимодействия с гражданским обществом. Поэтому законодатели обоих государств закрепляют институт содействия граждан, общественных объединений, средств массовой информации в профилактике правонарушений. Участие гражданского общества в форме содействия субъектам профилактики правонарушений позволяет поднять профилактическую работу на общесоциальный уровень противодействия преступности. Механизм взаимодействия между субъектами и представителями гражданского общества в рассматриваемых государствах урегулирован в отдельных нормативных правовых актах и носит инициативный и добровольный порядок.

Сравнивая два базовых законодательных акта, следует отметить, что они во многом схожи, однако каждый из них имеет свои особенности в закреплении и правоприменении в сфере предупреждения и пресечения правонарушений.

Во-первых, в них представлена единая концепция, согласно которой правонарушение включает в себя деяния, за которые предусмотрена как административная, так и уголовная ответственность.

Во-вторых, присутствует схожая по смыслу и содержанию терминология. Так, в Законе РФ № 182 «антиобщественное поведение трактуется как не влекущие за собой административную или уголовную ответственность действия физического лица, нарушающие общепринятые нормы поведения и морали, права и законные интересы других лиц» (п. 6 ч. 1 ст. 2). В законе Киргизской Республики № 60 «антисоциальное поведение — это действие или бездействие физического лица, не являющееся правонарушением или преступлением, но которое может привести к правонарушениям» (п. 7 ч. 1 ст. 2).

Кроме того, в Законе РФ № 182 термин «профилактика правонарушений» трактуется как «совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера» (п. 2 ч. 1 ст. 2). В нормативно-правовом акте Киргизской Республики аналогичная дефиниция рассматривается «как система правовых, социально-экономических, психологических, информационных, организационных и иных мер» (п. 2 ч. 1 ст. 2). Сравнивая представленные в законах дефиниции, необходимо обратить внимание, на какие цели и задачи направлены перечисленные меры. В законе Киргизской Республики они направлены на повышение уровня защищенности граждан, снижение уровня преступности, выявление, устранение причин и условий, способствующих совер-

шению правонарушений. Представленная в законе трактовка полностью соотносится с имеющимися в Киргизской Республике видами профилактики правонарушений (общая, специальная, виктимологическая, пробационный надзор). Следует сразу уточнить относительно такого вида профилактики, как пробационный надзор. Данный вид профилактики правонарушений указан в законе, однако механизм его реализации, полномочия должностных лиц, а также другие правовые и организационные аспекты представлены в Законе Киргизской Республики от 24 февраля 2017 г. № 34 «О пробации»¹.

Как отмечает К. М. Сманалиев, в основе пробации как вида профилактики правонарушений «заложен механизм исправления осужденного и оказания ему содействия в виде социального сопровождения, применение к нему мер социально-реабилитационного и социально-коррекционного характера» [3, с. 414].

Закон РФ № 182 ориентирован на общую и индивидуальную профилактику. При этом общая профилактика направлена на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений. Индивидуальная профилактика, по мнению законодателя, предполагает персонализированное воспитательное воздействие на личность правонарушителя, который уже совершил противоправное деяние либо намерен совершить, демонстрируя антиобщественное поведение, в целях его недопущения. Преобладающее большинство форм профилактического воздействия, предусмотренных ст. 17 Закона РФ № 182, обеспечивает проведение индивидуальной профилактической работы с правонарушителями. Только одна форма профилактического воздействия в виде помощи лицам, пострадавшим от правонарушений или подверженным риску стать таковыми, определяет правовую основу проведения виктимологической профилактики, которая согласно нормам закона в комплексе является частью индивидуальной профилактики (п. 10 ч. 1 ст. 17 и ст. 27).

В-третьих, законодатель обеих стран особое внимание уделил принципам, на основе которых происходит организация профилактической деятельности. Принципы для указанных законов являются базисом, в соответствии с которым распределяются полномочия между субъектами профилактики. На основе принципов происходит понимание целей и задач профилактики правонарушений.

¹ О пробации: закон Кыргызской Республики от 24 февраля 2017 г. № 34. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/111517/edition/1103351/ru> (дата обращения: 11.09.2024).

Так, в ст. 4 Закона РФ № 182 представлены следующие принципы: «приоритет прав и законных интересов человека и гражданина; законность; обеспечение системности и единства подходов при осуществлении профилактики правонарушений; открытость, непрерывность, последовательность, своевременность, объективность, достаточность и научная обоснованность принимаемых мер профилактики правонарушений; компетентность; ответственность субъектов профилактики правонарушений и их должностных лиц за обеспечение прав и законных интересов человека и гражданина». Аналогичные принципы представлены в ст. 5 Закона Киргизской Республики № 60, однако в качестве дополнительных принципов выступают комплексность, а также сотрудничество и взаимодействие между субъектами (п. 5–6 ч. 1 ст. 5).

В ст. 4 Закона Киргизской Республики № 60 представлены цели и задачи профилактики правонарушений, что, по нашему мнению, является важным ориентиром для субъектов ее реализации. К целям профилактики относятся: «повышение уровня защищенности граждан; снижение уровня преступности; выявление, устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений. В соответствии с указанными целями сформулированы задачи, а также приведены в систему ранее указанные виды профилактики правонарушений. Более того, законодатель конкретизировал перечень мероприятий, характерных для общей, специальной и виктимологической профилактики.

Общая профилактика, согласно Закону Киргизской Республики № 60, реализуется посредством «утверждения и выполнения совместных планов по профилактике правонарушений; мероприятий по информированию общественности; проведения мониторинга; проведения исследований в сфере общественной безопасности и борьбы с преступностью, ведения криминологической статистики и анализа; совершенствования законодательства в сфере общественной безопасности и профилактики правонарушений».

Специальная профилактика представляет собой деятельность субъектов по разработке и реализации мероприятий, направленных на профилактику отдельных видов правонарушений, устранение причин и условий их совершения, выявление отдельных категорий лиц и оказание на них профилактического воздействия. В Киргизской Республике существуют отдельные направления специальной профилактики правонарушений: предупреждение нарушений прав и свобод челове-

ка со стороны государственных органов, органов местного самоуправления и других субъектов профилактики правонарушений; профилактика семейного насилия и насилия в отношении детей; предупреждение торговли людьми, трудовой эксплуатации, рабства и незаконной миграции; снижение радикализации, предупреждение экстремизма и терроризма; профилактика алкоголизма, наркомании, токсикомании; противодействие коррупции и профилактика должностных преступлений; осуществление профилактических мероприятий в сфере пожарной и экологической безопасности.

Отдельная норма Закона Киргизской Республики № 60 «Об основах профилактики правонарушений» (ст. 24) посвящена мерам, которые вправе применять уполномоченные субъекты в целях снижения у конкретного лица риска стать потерпевшим от правонарушения. Представленные меры на законодательном уровне раскрывают содержание виктимологической профилактики правонарушений. К данным мерам относятся: «обучение способам разрешения межличностных конфликтов; правовое воспитание и обучение населения путем широкого распространения сведений о мерах защиты в случае нападения; организация телефонов доверия, "горячей линии", службы спасения; организация веб-сайтов, блогов, чатов, распространение роликов в сети "Интернет"».

Закон РФ № 182 не содержит отдельной нормы, в которой перечислены цели и задачи профилактики правонарушений, однако в ст. 6 представлено шестнадцать направлений, требующих внимания со стороны органов-субъектов, осуществляющих профилактику правонарушений. Работа по указанным направлениям полностью соответствует национальным интересам Российской Федерации. Профилактическая деятельность по каждому из имеющихся направлений имеет отдельную правовую регламентацию.

Согласно ч. 2 ст. 6 Закона РФ № 182 реализация основных направлений профилактики происходит посредством взаимодействия субъектов; использования форм профилактического воздействия, ориентированных на тот или иной вид профилактики; совершенствования законодательства в рассматриваемом направлении и т. д.

В Законе Киргизской Республики № 60 конкретизированы объекты профилактики в зависимости от ее вида. К объектам общей профилактики относятся физические, юридические и должностные лица органов государственной власти и органов местного самоуправления (ч. 1 ст. 7). Объектами специальной профилактики выступают исключи-

тельно физические лица, которые на момент ее применения, имеют определенный правовой статус, а именно: лица из групп социального риска; лица, в отношении которых выданы охранные ордера; лица, совершившие административные правонарушения; лица, совершившие преступления и признанные судом виновными (п. 1–4 ч. 2 ст. 7). К объектам виктимологической профилактики относятся лица, которым в результате преступления причинен физический, моральный или материальный вред, а также их близкие родственники (ч. 3 ст. 7).

В Законе РФ № 182 объекты профилактики прямо не указаны. Вместе с тем обращает на себя внимание тот факт, что закон в ч. 1 ст. 17 установил десять форм профилактического воздействия, которые по своему содержанию и направленности имеют определенную градацию и дифференциацию.

По объекту применения — формы профилактического воздействия направлены на физических лиц (например, правовое просвещение и правовое информирование) либо организации (например, внесение представления об устранении причин и условий, способствующих совершению правонарушения).

По субъектам применения — должностные лица ОВД РФ, СК России, ФСБ России, ФСИН России вправе использовать в своей служебной деятельности следующие формы профилактического воздействия: профилактическая беседа; объявление официального предостережения¹; профилактический учет²; профилактический (административный) надзор³; внесение представления об устранении причин и условий, способствующих

совершению правонарушения⁴. Порядок применения и отдельные правовые особенности каждой из указанных форм профилактического воздействия урегулированы на законодательном и ведомственном уровнях.

Такие формы профилактического воздействия, как социальная адаптация, ресоциализация, социальная реабилитация, помощь лицам, пострадавшим от правонарушений или подверженным риску стать таковыми; правовое просвещение и правовое информирование, входят в компетенцию несилового блока федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления.

По масштабам применения — рассчитаны на неограниченный круг лиц либо непосредственно направлены на профилактируемое лицо.

По правовым последствиям — в случае неисполнения обязанностей и ограничений при административном надзоре, а также в случае неустранения причин и условий, способствующих совершению правонарушения, наступает административная ответственность по ст. 19.6, 19.24 КоАП РФ либо уголовная ответственность по ст. 314.1 УК РФ.

Закон Киргизской Республики № 60 также содержит меры профилактического воздействия (ст. 18), к которым относятся: профилактическая беседа; официальное предупреждение; включение объекта профилактики правонарушений в реабилитационные программы, программы по социальной адаптации и коррекционные программы.

Следует отметить, что перечисленные меры профилактического воздействия вправе применять исключительно субъекты специальной профилактики правонарушений, а именно: «органы внутренних дел; органы национальной безопасности; органы прокуратуры; органы исполнения наказаний; органы в области гражданской защиты; органы санитарно-эпидемиологического надзора; органы здравоохранения; органы образования; органы в сфере труда и социальной защиты» (ч. 2 ст. 18 Закона Киргизской Республики № 60).

Более того, субъекты специальной профилактики уполномочены применять иные меры профилактического воздействия. Так, в соответствии с п. 21 ч. 1 ст. 9 Закона Киргизской Республики от 11 января 1994 г. № 1360-ХП «Об органах внутренних дел Кыргызской Республики» должност-

¹ О некоторых вопросах объявления органами внутренних дел Российской Федерации официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений, административных правонарушений, разрешение которых отнесено к компетенции полиции, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 4 марта 2020 г. № 119. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 29 марта 2019 г. № 205. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ные лица ОВД для выполнения возложенных на них задач и обязанностей вправе «вносить в соответствующие государственные органы, общественные объединения или должностным лицам, а также лицам, занятым индивидуальной и иной трудовой деятельностью и другими видами предпринимательства, представления о необходимости принятия мер по устранению причин и условий, способствующих совершению преступлений и правонарушений»¹. Другие меры профилактики, которые применяют органы внутренних дел, например регистрация и учет лиц, совершивших семейное насилие; контроль исполнения условий временного охранного ордера, применимы к определенной сфере общественных отношений и представлены в ст. 23 Закона Киргизской Республики от 27 апреля 2017 г. № 63 «Об охране и защите от семейного насилия».

Таким образом, сравнительно-правовой анализ законодательных актов Российской Федерации и Киргизской Республики в сфере профилактики правонарушений позволил сделать следующие выводы.

Во-первых, наличие в обоих государствах базовых законов о профилактике правонарушений позволило системно и целенаправленно выстроить профилактическую работу органов — субъектов профилактики исходя из принципов и наиболее актуальных направлений деятельности, таких как профилактика семейного насилия, противодействие экстремистским проявлениям, борьба с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ и др.

Во-вторых, наличие указанных выше законов конкретизировало работу правоохранительных органов в зависимости от объектов профилактического воздействия. Рамочный (модельный) характер рассматриваемых законов позволил выделить и детализировать самостоятельные виды профилактики, а также предоставил возможность органам — субъектам профилактики на ведомственном уровне разрабатывать механизм (порядок) применения отдельных форм и мер профилактики правонарушений, ведения ведомственной статистики и мониторинга как относительно совершенных

противоправных деяний, так и по отношению к лицам, совершившим правонарушения, и потерпевшим. Важной особенностью индивидуальной профилактики правонарушений в Российской Федерации является то, что она «направлена на оказание воспитательного воздействия на определенные категории лиц, на устранение факторов, отрицательно влияющих на их поведение, а также на оказание помощи лицам, пострадавшим от правонарушений или подверженным риску стать таковыми» (ч. 2 ст. 15 ФЗ № 182). Специальная профилактика в Киргизской Республике представляет собой «деятельность субъектов профилактики правонарушений по разработке и реализации мероприятий, направленных на профилактику отдельных видов правонарушений, устранение причин и условий их совершения, выявление отдельных категорий лиц и оказание на них профилактического воздействия» (ч. 1 ст. 17 Закон Киргизской Республики № 60).

Профилактика является важным инструментом в системе противодействия правонарушениям как для Российской Федерации, так и для Киргизской Республики. Оба государства четко представляют характер общей, индивидуальной и специальной профилактики, а также своевременность, необходимость и правовую обязанность применения тех или иных форм и мер профилактического воздействия со стороны уполномоченных субъектов. Эффективность этой деятельности в РФ обусловлена конкретизацией форм этой работы, что позволяет индивидуализировать профилактические меры конкретному виду противоправного поведения лица, состоящего на профилактическом учете.

В-третьих, в качестве положительного опыта представляется целесообразным проработать вопрос о закреплении в Законе РФ № 182 целей и задач профилактики правонарушений, а также детализации объектов профилактического воздействия. Целеполагание и четко поставленные перед субъектами профилактики задачи по противодействию противоправным проявлениям позволят активизировать работу по всем представленным в ч. 1 ст. 6 Закона № 182 основным направлениям профилактики правонарушений.

¹ Об органах внутренних дел Кыргызской Республики: закон Кыргызской Республики от 11 января 1994 г. № 1360-XII. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/686/edition/1272924/ru> (дата обращения: 11.09.2024).

Список источников

1. Симонова С. С. Теория и практика профилактики преступлений: учебное пособие. Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления — филиала РАНХиГС, 2022. 76 с.
2. Бучакова М. А. Значение координации в системе государственного и муниципального управления // Вестник Омского университета. 2010. № 3. С. 196–201.
3. Сманалиев К. М. Институт пробации в уголовном законодательстве Киргизской Республики // Бюллетень науки и практики. 2019. № 6. С. 413–419.

References

1. Simonova S. S. Teoriya i praktika profilaktiki prestuplenij: uchebnoe posobie. Volgograd: Izd-vo Volgogradskogo instituta upravleniya — filiala RANHiGS, 2022. 76 s.
2. Buchakova M. A. Znachenie koordinacii v sisteme gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya // Vestnik Omskogo universiteta. 2010. № 3. S. 196–201.
3. Smanaliev K. M. Institut probacii v ugovnom zakonodatel'stve Kirgizskoj Respubliki // Byulleten' nauki i praktiki. 2019. № 6. S. 413–419.

Сведения об авторах

М. А. Бучакова — доктор юридических наук, доцент.
А. А. Гайдук — кандидат юридических наук.

Information about the authors

M. A. Buchakova — Doctor of Science (Law), Associate Professor.
A. A. Gaidukov — Candidate of Science (Law).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 24.09.2024; одобрена после рецензирования 31.10.2024; принята к публикации 05.12.2024.

The article was submitted 24.09.2024; approved after reviewing 31.10.2024; accepted for publication 05.12.2024.

ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВОВОГО СТАТУСА ЛИЧНОСТИ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Рустам Салимжанович Галиев¹, Алексей Владимирович Иванов², Рафаил Валеязянович Насыров³

¹ Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, galiev.barnaul@gmail.com

^{2,3} Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Аннотация. Развитие и повсеместное внедрение цифровых технологий во все сферы жизни неизбежно оказывают влияние на процесс реализации прав и свобод. Авторами проведен анализ влияния цифровизации на правовой статус личности через призму реализации конституционных прав и обязанностей с использованием современных информационных технологий. Результаты исследования позволили установить, что закрепленный в международных стандартах и Конституции Российской Федерации правовой статус личности не меняет своего содержания, однако традиционные права, свободы и некоторые обязанности преломляются в процессе цифровизации, происходит определенная трансформация правового статуса, непосредственно связанная с формами реализации прав, свобод и обязанностей личности. Проведенный анализ позволил установить закономерности развития и трансформации правового статуса личности в условиях цифровизации.

Ключевые слова: права человека, обязанности, правовой статус, личность, цифровизация, информационное общество

Для цитирования: Галиев Р. С., Иванов А. В., Насыров Р. Ф. Трансформация реализации правового статуса личности в эпоху цифровизации // Алтайский юридический вестник. 2024. № 4 (48). С. 54–59.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

TRANSFORMATION OF THE IMPLEMENTATION OF THE LEGAL STATUS OF AN INDIVIDUALS IN THE ERA OF DIGITALIZATION

Rustam S. Galiev¹, Alexey V. Ivanov², Rafail V. Nasyrov³

¹ Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, galiev.barnaul@gmail.com

^{2,3} Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract. Human rights and freedoms are the basis for building a modern society, the development of information technology and the widespread introduction of digital technologies in all spheres of society inevitably affect the process of implementing rights and freedoms. The authors analyzed the impact of digitalization on the legal status of an individual through the prism of implementing constitutional rights and obligations using modern information technologies. The results of the study allowed us to establish that the legal status of an individual enshrined in international standards and the Constitution of the Russian Federation does not change its content, however, traditional rights, freedoms and some obligations are refracted in the process of digitalization, a certain transformation of the legal status occurs, directly related to the forms of implementation of the rights, freedoms and obligations of an individual. The conducted analysis allowed us to establish the patterns of development and transformation of the legal status of an individual in the context of digitalization.

Keywords: human rights, obligations, legal status, personality, digitalization, information society

For citation: Galiev R. S., Ivanov A. V., Nasyrov R. V. Transformation of the implementation of the legal status of an individuals in the era of digitalization. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2024;4:54–59 (In Russ.).

Цифровизация — это процесс стремительной модернизации человеческой цивилизации за счет внедрения цифровых технологий во все сферы жизни общества. Это очень сложное и многогранное явление, затронувшее все сферы современного общества и неизбежно повлиявшее и на конституционно-правовой статус личности.

Лавинообразное развитие цифровых технологий происходит с опережением законодательного регулирования их использования, что представляется процессом закономерным. Роль законодателя в данной сфере — своевременно реагировать на изменения общественной жизни, обеспечивать правовое регулирование, адекватное современному состоянию общественных отношений. Особенно актуален данный вопрос в контексте закрепления, реализации и защиты прав и свобод человека и гражданина. Однако это не означает, что цифровизация правового статуса личности неизбежно должна вести к изменению законодательства, при этом в отдельных случаях, представленных в настоящей статье, возникает необходимость совершенствования правовых норм.

Вторая глава Конституции Российской Федерации¹ находится под особой правовой охраной и для ее изменения требуется принятие новой Конституции. Мы не говорим о появлении новых конституционных прав, свобод или обязанностей, однако повсеместное внедрение цифровых технологий позволяет говорить о трансформации правового статуса личности, о его переносе в цифровое пространство и, соответственно, о цифровом преломлении традиционных, аналоговых прав, свобод и обязанностей, в первую очередь форм их реализации.

В политико-правовой науке с середины 70-х годов прошлого века большое распространение получила теория поколений прав человека, и сегодня уже и не счесть ответвлений от классической теории, представленной чешским юристом Карелом Васаком [1, с. 13], однако можно однозначно отметить, что одним из наиболее распространенных продолжений этой классической теории трех поколений прав человека является теория четвертого поколения — поколения информационных прав человека, о чем часто упоминается в теоретических разработках отечественных и зарубежных правоведов [2, с. 16]. Полагаем, что распростра-

ненная теория поколений прав человека представляет собой один из способов классификации прав человека, в которой мы вряд ли сможем объективно выделить принципиально новые права человека. Это, скорее, отражение истории и закономерностей развития прав человека, их закрепления в международных стандартах и национальном законодательстве государств.

Так называемые информационные права человека можно рассматривать в двух аспектах, во-первых, как права, связанные с оборотом информации, во-вторых, как права, связанные с научно-техническим прогрессом и вытекающими из него правами, связанными с информационно-телекоммуникационными сетями. В первом случае мы говорим о таких конституционных правах, как, например, право каждого на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ч. 2 ст. 23); право каждого на дачу согласия на сбор, использование и распространение информации о его частной жизни (ч. 1 ст. 24); право каждого на обеспечение органами государственной власти и местного самоуправления, их должностными лицами возможности ознакомления его с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом (ч. 2 ст. 24); право на свободу массовой информации (ч. 5 ст. 29); право каждого на достоверную информацию о состоянии окружающей среды (ст. 42). Во втором случае мы говорим о тех же правах, но через призму их реализации посредством сети Интернет, через их цифровую трансформацию. При этом следует отметить, что трансформация конституционно-правового статуса личности затрагивает не только категорию прав, связанных с оборотом информации, но и многие другие права, свободы и, что важно, обязанности человека и гражданина — это конституционные личные, политические, социально-экономические, культурные права и свободы, реализация которых посредством их цифрового преломления вышла на абсолютно новый, более высокий уровень, сопряженный одновременно с новыми, более серьезными рисками.

В любом случае эти права являются производными от классических прав человека, закрепленных в универсальных международных стандартах прав человека и нашедших свое отражение в конституциях многих государств, в т. ч. и в Конституции Российской Федерации (далее — Конституция РФ).

В научной литературе выделяют такое базовое информационное/цифровое право, как право на

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

доступ к сети Интернет [3, 4], это право является производным от закрепленного в ч. 4 ст. 29 Конституции РФ права свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Конечно, когда мы говорим о его реализации в сети Интернет, мы понимаем, что это новая сфера применения, более широкие возможности, однако это не новое право человека, а самый простой пример цифрового преломления классического права.

Также среди информационных прав выделяют право на использование, создание и публикацию цифровых произведений. Полагаем, что это вызванная научно-техническим прогрессом трансформация предусмотренной ч. 1 ст. 44 Конституции РФ свободы литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания и конституционная гарантия защиты интеллектуальной собственности, закрепленная в этой же статье.

В научной литературе обосновывается позиция об отсутствии аналогового прототипа «права на забвение» [5, с. 106–113], полагаем, что право на забвение или право на цифровую смерть вытекает из конституционного права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту чести и доброго имени.

Другие информационные права, или права так называемого четвертого поколения, вполне органично вписываются в исходную трехпоколенную парадигму прав человека и являются производными от классических прав человека, преломленных через призму интернет-пространства.

В 2018 г., выступая на Петербургском юридическом форуме, Председатель Конституционного Суда Российской Федерации В. Д. Зорькин отметил, что «цифровые права человека — это, по сути, конкретизация (посредством закона и правоприменительных, в том числе судебных, актов) универсальных прав человека, гарантированных международным правом и конституциями государств, — применительно к потребностям человека и гражданина в обществе, основанном на информации» [6].

В 2019 г. Гражданский кодекс Российской Федерации (далее — Гражданский кодекс РФ)¹ был дополнен статьей 141.1, в которой дается определение понятию цифровых прав, согласно которому таковыми признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содер-

жание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. В Гражданском кодексе РФ категория «цифровые права» — это имущественные права. Конечно, словосочетание «цифровые права» употребляется в разных контекстах, и, возможно, формулировка «цифровые права», закрепленная в Гражданском кодексе РФ, не совсем удачная и связана в первую очередь с необходимостью закрепления прав на цифровые активы, однако важен тот факт, что закрепленное в Конституции РФ право иметь имущество в собственности преломилось в цифровом пространстве, конкретизировалось в отраслевом законодательстве и это не вызвало появления нового, отличного права собственности.

Известный конституционалист профессор В. В. Невинский отмечал, что сущность цифровых прав человека представляет собой квинтэссенцию природы, содержания, ролевого назначения и способов конституционно-правового регулирования прав человека, выражаемых в информационно-телекоммуникационной форме [7, с. 27].

Таким образом, ключевым все же остается факт именно цифрового преломления конституционных прав и свобод.

Говоря о цифровизации конституционно-правового статуса личности, мы можем отметить, что в первую очередь это действительно процесс, позволивший расширить формы реализации прав человека, сделать более тесными отношения личности, общества и государства, обеспечивающий участие человека в публично-властной деятельности².

Сегодня многие сферы жизни перешли в цифровое пространство, здесь, конечно, мы отметим институт предоставления государственных услуг, получение которых в электронном виде обеспечивает доступность в получении информации, связанной с получением услуг; упрощение процедур получения услуги; сокращение временных затрат, связанных с получением услуг; информированность гражданина на каждом этапе работы по его заявлению; ликвидацию бюрократических проволочек вследствие внедрения системы электронного документооборота; снижение коррупционных рисков, возникающих при личном общении с должностными лицами.

² Доклад Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека «Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве», 2021.

Сегодня трансформируются и формы реализации конституционных обязанностей. Так, обязанность платить законно установленные налоги и сборы (ст. 57 Конституции РФ) возможно исполнить, не обращаясь лично в органы Федеральной налоговой службы. В законодательство о военной службе внесены изменения, касающиеся цифровизации воинского учета, что позволит более централизовано вести учет граждан, подлежащих воинской службе и, соответственно, способствовать исполнению конституционной обязанности, предусмотренной ст. 59 Конституции.

Отметим и возможность реализации закрепленных в ст. 46 Конституции Российской Федерации прав, связанных с судебной защитой. Сегодня возможна подача документов в суд в электронном виде, в т. ч. в форме электронного документа через ГАС «Правосудие» или систему «Мой арбитр», принятие участия на судебном заседании посредством видео-конференц-связи участниками судопроизводства.

Конечно, это и возможность направления обращения в электронном виде в органы публичной власти. Здесь, кстати, стоит отметить, что в отличие от иных форм электронного взаимодействия человека и органов публичной власти, институт обращений не закрепляет законодательно обязанность идентификации заявителя, что, соответственно, влечет возможные злоупотребления правом, примером могут служить «ковровые атаки» интернет-обращениями органов публичной власти в 2022 г.

В целом цифровизация участия человека в публично-властной деятельности — это возможность развития гражданского общества, где власть и народ выступают в диалоге.

Отдельно остановимся и на таком благе цифровизации конституционно-правового статуса гражданина, как перевод в цифровое пространство базового политического права, права избирать. В 2023 г. тридцатилетний юбилей отметила не только Конституция, но и избирательная система Российской Федерации. За прошедшие 30 лет механизмы реализации избирательных прав граждан претерпели немало изменений, в т. ч. связанных с цифровизацией избирательного процесса, и сегодня это удобные механизмы, позволяющие учесть потребности и особенности каждого избирателя.

Внедряемое с 2019 г. дистанционное электронное голосование (далее — ДЭГ), т. е. голосование без использования бюллетеня, изготовленного на бумажном носителе, представляет собой также цифровое преломление закрепленного в ст. 32 Кон-

ституции РФ права избирать и быть избранным. Важно понимать, что полный отказ от возможности предоставлять услуги или реализовывать свои избирательные права в привычных офлайн-форматах грозит дискриминацией некоторых групп населения и ростом цифрового неравенства, и «цифра» должна не заменять, а скорее дополнять традиционный формат. Для обеспечения стопроцентной доступности и инклюзивности у человека всегда остается право выбора, в какой форме реализовать свои права — дистанционно или очно.

Кроме того, говоря об избирательном праве, обращает на себя внимание и право быть избранным. Одной из форм предвыборной агитации все чаще становится агитация в интернете. Безусловно, это та форма агитации, которая в ближайшее время станет одной из самых эффективных и, конечно, как и множество связанных с использованием информационных технологий процессов, не лишена проблем правового регулирования. Наиболее часто агитация в сети Интернет проводится в социальных сетях и мессенджерах, однако собственный правовой режим имеют только такие площадки для агитации, как сетевые издания, являющиеся средствами массовой информации (далее — СМИ). В связи с этим член ЦИК Александр Кинев заявил, что «социальные сети не являются СМИ, соответственно, те правила по агитации, которые прописаны в законодательстве, к социальным сетям не относятся. Официально никакой агитации в социальных сетях не ведётся» [8]. В закрепленных законом правилах агитации, порядке ее финансирования не выделяются особенности интернет-агитации, кроме упоминания возможности проведения предвыборной агитации в сетевых изданиях, не совсем понятен и механизм контроля за интернет-агитацией, что требует законодательного урегулирования осуществления предвыборной агитации в сети Интернет.

В условиях трансформации конституционно-правового статуса личности в эпоху цифровизации актуальными являются вопросы соотношения благ и рисков такой трансформации, защиты прав и свобод, пределов анонимности, установления баланса прав и законных интересов человека, общества и государства в информационной деятельности и многие другие, которые представляют отдельную тему для обсуждения и исследований. Здесь лишь отметим, что поправками к п. «м» ст. 71 Конституции РФ к ведению Российской Федерации отнесен вопрос «обеспечения безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых

данных», что уже реализуется и служит основой дальнейшего развития законодательства в данном направлении.

Подводя итог, отметим, что цифровая эпоха, в которой мы живем, неизбежно вносит коррективы во все сферы жизни общества, сопротивляться этому процессу бессмысленно и губительно в контексте развития государства. С учетом диверсификации права, обусловленной влиянием цифровизации на процесс реализации прав, свобод и обязанностей, а также конституционализацией новых сфер правового регулирования, в отдельных случаях требуется совершенствование правовых норм, конкретизирующих закрепленный в Конституции Российской Федерации правовой статус личности. Преломление способов реализации прав, свобод и обязанностей в цифровом пространстве неизбежно ведет к частичной фрагментации отдельных институтов. К примеру, в институте права собственности появляются относительно автономные нормы, регулирующие право собственности на цифровые активы, в институте предвыборной агитации

появляются нормы, регулирующие порядок ее проведения в сетевых изданиях. Как показал проведенный анализ, данные нормы не лишены недостатков и требуется их совершенствование. Важно отметить, что гуманистические основы конституционного строя Российской Федерации, конституционные гарантии прав и свобод неизменно и вне зависимости от формы реализации прав, свобод и обязанностей остаются конституционными принципами правового статуса личности.

Сегодня современные стандарты прав человека и закрепленный в главе 2 Конституции РФ правовой статус личности не исчерпали своего потенциала, и не происходит подмены или замены прав и свобод на цифровые/информационные, речь идет об их цифровом преломлении, развитии механизмов реализации, но не изменении их содержания. В складывающихся условиях важно, чтобы трансформацию реализации правового статуса личности сопровождало своевременное и адекватное правовое регулирование, отвечающее современным реалиям.

Список источников

1. Варламова Н. В. Цифровые права — новое поколение прав человека? // Труды Института государства и права РАН. 2019. № 4. С. 9–46.
2. Глушкова С. И., Летунов Е. Д. Развитие нового поколения прав человека в эпоху цифровых технологий // Вестник Гуманитарного университета. 2020. № 4 (31). С. 16–28.
3. Мочалов А. Н., Колобаева Н. Е., Несмеянова С. Э. Право на доступ в интернет: юридическое содержание и механизм реализации // Антинормии. 2021. Т. 21. Вып. 3. С. 135–163.
4. Хуснутдинов А. И. Право на доступ в интернет — новое право человека? // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 4 (119). С. 109–123.
5. Пашенко И. Ю. Проблемы нормативного регулирования «Права быть забытым» в сети Интернет // Евразийская адвокатура. 2016. № 3 (22). С. 106–113.
6. Зорькин: Задача государства — признавать и защищать цифровые права граждан // Российская газета. Столичный выпуск. 2018. 30 мая. URL: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html> (дата обращения: 05.09.2024).
7. Невинский В. В. «Цифровые права» человека: сущность, система, значение // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 10. С. 26–32.
8. Правила агитации для СМИ не распространяются на соцсети, заявили в ЦИК // РИА Новости (18.08.2018). URL: <https://ria.ru/20180210/1514365097.html> (дата обращения: 25.09.2024).

References

1. Varlamova N. V. Cifrovye prava — novoe pokolenie prav cheloveka? // Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN. 2019. № 4. S. 9–46.
2. Glushkova S. I., Letunov E. D. Razvitie novogo pokoleniya prav cheloveka v epohu cifrovyyh tekhnologiy // Vestnik Gumanitarnogo universiteta. 2020. № 4 (31). S. 16–28.
3. Mochalov A. N., Kolobaeva N. E., Nesmeyanova S. E. Pravo na dostup v internet: yuridicheskoe sodержanie i mekhanizm realizacii // Antinomii. 2021. T. 21. Vyp. 3. S. 135–163.
4. Husnutdinov A. I. Pravo na dostup v internet — novoe pravo cheloveka? // Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie. 2017. № 4 (119). S. 109–123.
5. Pashchenko I. Yu. Problemy normativnogo regulirovaniya «Prava byt' zabyтым» v seti Internet // Evrazijskaya advokatura. 2016. № 3 (22). S. 106–113.

6. Zor'kin: Zadacha gosudarstva — priznavat' i zashchishchat' cifrovye prava grazhdan // Rossijskaya gazeta. Stolichnyj vypusk. 2018. 30 maya. URL: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html> (data obrashcheniya: 05.09.2024).

7. Nevinskij V. V. «Cifrovye prava» cheloveka: sushchnost', sistema, znachenie // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2019. № 10. S. 26–32.

8. Pravila agitacii dlya SMI ne rasprostranyayutsya na socseti, zayavili v CIK // RIA Novosti (18.08.2018). URL: <https://ria.ru/20180210/1514365097.html> (data obrashcheniya: 25.09.2024).

Информация об авторах

Р. С. Галиев — кандидат юридических наук, доцент.

А. В. Иванов — кандидат философских наук, доцент.

Р. В. Насыров — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

R. S. Galiev — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

A. V. Ivanov — Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor.

R. V. Nasyrov — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 17.10.2024; одобрена после рецензирования 21.11.2024; принята к публикации 05.12.2024.

The article was submitted 17.10.2024; approved after reviewing 21.11.2024; accepted for publication 05.12.2024.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ ПО ВЫЯВЛЕНИЮ И ДОКУМЕНТИРОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В БЮДЖЕТНОЙ СФЕРЕ

Ильнур Асгатович Гумаров¹, Виктор Владимирович Тырышкин²

¹ Казанский юридический институт МВД России, Казань, Россия, ilnur_gumar@mail.ru

² Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, witsan333@yandex.ru

Аннотация. Вопросы, касающиеся организации деятельности по выявлению и документированию преступлений и административных правонарушений в бюджетной сфере, достаточно актуальны для подразделений полиции, реализующих данное направление деятельности, ввиду того, что злоупотребления в указанной сфере носят латентный характер. В статье предлагается алгоритм наиболее эффективной организации деятельности полиции по выявлению и документированию хищений бюджетных средств. Кроме этого, авторы рассматривают такую проблему, как недостаточная информированность и отсутствие навыков работы с государственной интегрированной информационной системой «Электронный бюджет» у сотрудников подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции, а также пути решения данной проблемы.

Ключевые слова: организация деятельности подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции, хищение бюджетных средств, нецелевое расходование бюджетных средств, выявление и документирование преступлений и административных правонарушений в бюджетной сфере

Для цитирования: Гумаров И. А., Тырышкин В. В. Совершенствование деятельности полиции по выявлению и документированию преступлений и административных правонарушений в бюджетной сфере // Алтайский юридический вестник. 2024. № 4 (48). С. 60–65.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

IMPROVING THE ACTIVITIES OF THE POLICE IN IDENTIFYING AND DOCUMENTING CRIMES AND ADMINISTRATIVE OFFENSES IN THE PUBLIC SECTOR

Ilnur A. Gumarov¹, Viktor V. Tyryshkin²

¹ Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kazan, Russia, ilnur_gumar@mail.ru

² Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, witsan333@yandex.ru

Abstract. Issues related to the organization of activities for the identification and documentation of crimes and administrative offenses in the budgetary sphere are quite relevant for police units implementing this area of activity, due to the fact that abuses in this area are latent, these crimes and administrative offenses are difficult to identify and document. In this regard, improving the organizational aspects of the activities of economic security and anti-corruption units, considered by the authors of the article, are essential for improving the effectiveness of police activities in the field of detecting and documenting these crimes and administrative offenses. In particular, the article proposes an algorithm for the most effective organization of police activities to identify and document embezzlement of budget funds, in addition, the authors consider such a problem as insufficient awareness and lack of skills to work with the state integrated information system «Electronic Budget» among employees of economic security and anti-corruption departments, as well as ways to solve this problem.

Keywords: organizing the activities of economic security and anti-corruption units, embezzlement of budget funds, misuse of budget funds, identification and documentation of crimes and administrative offenses in the budgetary sphere

For citation: Gumarov I. A., Tyryshkin V. V. Improving the activities of the police in identifying and documenting crimes and administrative offenses in the public sector. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2024;4:60–65 (In Russ.).

Организация деятельности полиции по выявлению и документированию бюджетных преступлений и административных правонарушений в последнее время приобретает всё большую актуальность. В ближайшие шесть лет только на капитальный ремонт образовательных организаций высшего образования, согласно посланию Президента Российской Федерации, планируется выделить дополнительно 124 млрд рублей, а на модернизацию 75 аэропортов направить не менее 250 млрд рублей из федерального бюджета нашей страны¹. С таким значительным увеличением объема денежных средств на указанные цели, как правило, растет и количество совершаемых хищений в этой отрасли. Соответственно, можно спрогнозировать повышение интереса криминалитета в данной сфере. При этом в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации одной из основных задач достижения целей обеспечения государственной и общественной безопасности закреплено усиление борьбы с нецелевым использованием бюджетных средств; предупреждение и пресечение нецелевого использования и хищения бюджетных средств; совершенствование института ответственности должностных лиц за действия (бездействие), повлекшие за собой неэффективное использование бюджетных средств².

Для более полной и развернутой характеристики рассматриваемого направления деятельности полиции необходимо определить сущность понятия «бюджетные средства», взяв за основу исследование Н. Г. Деменковой, которая рассматривает «бюджетные средства» с двух позиций: в широком смысле как денежные средства, поступившие на счет соответствующего бюджета бюджетной системы Российской Федерации и предназначенные для финансового обеспечения задач и функций государства и местного самоуправления, и в узком смысле бюджетные средства — это финансовые ресурсы, фактически распределенные главными распорядителями и получателями бюджетных средств по подведомственным распорядителям и получателям в формах, предусмотренных Бюджетным кодексом РФ (далее — БК РФ) [1, с. 9–10]. С точки зрения привлечения к уголовной и административной ответственности, по нашему мне-

нию, возможно рассматривать понятие «бюджетные средства» в широком смысле, как все денежные средства, находящиеся на счетах бюджетов различных уровней (федеральном, региональном, муниципальном).

Согласно принципу, закрепленному в ст. 38 Бюджетного кодекса Российской Федерации, бюджетные ассигнования и лимиты бюджетных обязательств доводятся до конкретных получателей бюджетных средств с указанием цели их использования, а их получатель обязан реализовать их в строго определенных целях и подтвердить исполнение денежных обязательств. Поэтому нарушения в сфере распределения бюджетных средств любого уровня будут противоречить указанному принципу и содержать в себе признаки административных правонарушений либо уголовно наказуемых деяний.

Исходя из примечания 1 к ст. 158 УК РФ³, можно отметить, что хищением бюджетных средств будет являться умышленное противоправное безвозмездное завладение средствами, выделяемыми на различные социально значимые задачи, или правом на них с корыстной целью путем кражи, мошенничества, злоупотребления служебными полномочиями, присвоения и растраты. Кроме этого, нецелевое использование бюджетных средств в отдельных случаях может быть квалифицировано по ст. 15.14 КоАП РФ.

Как справедливо отмечают С. В. Ермаков и М. М. Макаренко, основным поводом для возбуждения уголовного дела по фактам хищения бюджетных средств является сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из различных источников [2, с. 153]. Исходя из этого, можно сделать вывод, что и для возбуждения дела об административном правонарушении за нецелевое использование бюджетных средств поступление информации из любого источника, регламентированного КоАП РФ, будет являться поводом для возбуждения дела об административном правонарушении.

Проведенный анализ приговоров суда показал, что наиболее распространенными случаями совершения хищения бюджетных средств является увеличение фактической стоимости определенного вида расходов, которые предназначены для финансирования государственных или муниципальных нужд. Квалификация хищения бюджетных средств осуществляется по ч. 3 или 4 ст. 160 Уголовного

¹ Послание Президента Федеральному Собранию 29 февраля 2024 г. URL: <http://duma.gov.ru/legislative/documents/president/> (дата обращения: 05.08.2024).

² О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (ч. II), ст. 5351.

³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

кодекса РФ как присвоение или растрата в том случае, когда субъект преступления использовал для его совершения свое должностное положение.

Изучение возбужденных уголовных дел и отказных материалов показывает поспешность выводов сотрудников правоохранительных органов о хищениях при завышении стоимости работ и материалов, оплате фактически невыполненных работ либо их двойной оплате, несоответствии объемов выполненных работ, указанных в контрактах, проектной документации и актам приемки выполненных работ. Зачастую такие выводы не подтверждаются документально, а информация, на основании которой они сделаны, в материалах отсутствует, результатом этого становится волокита и принятие незаконных решений о возбуждении уголовных дел. Это свидетельствует о том, что недостаточно эффективно осуществляется контроль со стороны руководителей подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции (далее — ЭБиПК) в рассматриваемой сфере деятельности органов внутренних дел.

Более подробно остановимся на способах выявления преступлений в сфере хищения бюджетных средств. Для определения наличия коррупционной составляющей или хищения бюджетных средств можно использовать различные способы выявления подобных преступлений и лиц, их совершающих. Например, при проведении проверки государственных организаций для определения возможного наличия «подставных» организаций, являющихся победителями по государственным закупкам, необходимо осуществить анализ данных по заключенным контрактам. Информация о действующих договорах должна запрашиваться с указанием суммы контракта и реквизитов контрагента по данному договору.

В случае выявления организаций, оказывающих услуги или поставляющих товары по более чем двум контрактам, целесообразно провести проверку взаиморасчетов с данной организацией. Как справедливо отмечают некоторые исследователи [3, с. 95], по данной организации необходимо запросить информацию о разрешенных видах деятельности в соответствии с общероссийским классификатором видов экономической деятельности (ОКВЭД), действующих лицензиях, представленных документах для участия в закупке и другую документацию.

В целях сокрытия фактов хищения, растраты, присвоений денежных средств и материальных ценностей правонарушители прибегают к схеме заключения контрактов с организациями, руко-

водители которых вступают в преступный сговор с сотрудниками органов государственной или муниципальной власти по хищению бюджетных средств за счет фиктивного оказания услуг, поставок товаров по явно завышенным ценам, не соответствующим качеству, непоставленных товаров. Во всех указанных случаях составляются фиктивные (подложные) документы.

Также можно выделить и другой способ определения факта хищения бюджетных средств. При проведении проверки государственных организаций по правомерности распределения и выплаты заработной платы, премий и иных начислений для выявления фактов злоупотребления служебным положением целесообразно провести анализ данных по действующим сотрудникам организации.

Для этого список сотрудников должен быть совмещен с данными IT-отдела о закрепленных средствах вычислительной техники (далее — СВТ) за каждым сотрудником, о подключении к корпоративной сети учреждения, среднем времени работы в день с использованием СВТ. После первичного отбора сотрудников с наименьшей или отсутствующей активностью при работе с СВТ возможна их дальнейшая проверка по расписанным на исполнение в системах электронного (межведомственного) документооборота (СЭДО/МЭДО) документам, а также целесообразно запросить журналы учета участия в совещаниях и направления в командировки.

Кроме того, целесообразно ознакомиться с данными бухгалтерии о начислении командировочных выплат. При проведении проверки необходим запрос первичной документации типовой формы и регистров аналитического и синтетического учета, а также отчетности учреждения (акты ревизии, документы о расчетах с персоналом по оплате труда). Неправомерность начисления возможно проверить на основании проведенного расчета суммы начислений, в т. ч. премий, причитающихся конкретным лицам, сделанных по правилам, установленным работодателем.

Практика хозяйствования организована таким образом, что директор организации, принимая решение о подписании финансово-хозяйственных документов, вынужден полагаться на квалифицированное мнение подчиненных ему работников, являющихся специалистами по своему профилю деятельности.

Так, например, за фактические объемы и качество выполняемых работ, а также используемые материалы и их соответствие сметной документации отвечает производитель работ (прораб); отчет-

ные документы (справки о выполненных работах и т. п.) составляет экономист (сметчик); предложения о необходимости заключения договорных отношений с поставщиками и субподрядчиками поступают от договорного (юридического) отдела. В данной ситуации директор вполне объективно может и не знать о готовящемся, совершаемом либо уже совершенном хищении бюджетных средств, перечисляемых средствах в качестве оплаты за фактически не исполненные в полном объеме условия контракта, будучи сам введен в заблуждение своими подчиненными в период подписания им соответствующих документов.

Аналогичная ситуация также может складываться в условиях выполнения управленческих обязанностей в качестве номинального директора. Например, в случаях попыток вхождения в бизнес по выполнению государственного (муниципального) заказа представителями этнических сообществ. В целях облегчения организационных процедур в качестве директора организации умышленно подыскивается и назначается гражданин со славянской внешностью и фамилией, выполняющий впоследствии формальные функции по подписанию документов и представительству бизнес-структуры в органах власти. Фактически же все ключевые решения принимаются заочно реальным собственником бизнеса. Всё это исключает возможность вменения вины директору за хищение бюджетных средств только лишь по факту подписания им финансово-хозяйственных документов без документирования прямого умысла на совершение противоправных действий.

Говоря иными словами, в оперативно-служебной практике встречаются ситуации, когда руководитель организации, подписавший финансово-хозяйственные документы (справку о капитальном ремонте (КС-2), справку о стоимости выполненных работ (КС-3) и т. д.), на основании которых осуществляется незаконное перечисление бюджетных средств, не осознает истинной картины происходящего, т. е. у него отсутствует умысел на хищение этих средств; фактически виновным является иное лицо — неформальный собственник бизнеса, прораб, иные лица.

Учитывая изложенное, сотрудникам правоохранительных органов следует организовать деятельность по выявлению рассматриваемых хищений, которая должна предусматривать следующие этапы:

- определение объектов, подверженных криминальному влиянию, на основе системного изучения и анализа состояния преступности в сфере

реализации государственных и региональных инвестиционных программ, в рамках которых осуществляется финансирование соответствующих мероприятий;

- изучение их структуры, видов экономической (хозяйственной) деятельности, обеспечивающей получение в первую очередь ориентирующей информации и определение вектора проведения дальнейших оперативно-розыскных мероприятий;

- анализ хозяйственной деятельности и финансовых операций объекта оперативной проверки.

Наиболее эффективными мероприятиями для документирования субъективной стороны и всего преступления в целом при выявлении хищений бюджетных средств, на наш взгляд, будут наблюдение и получение компьютерной информации, в т. ч. реализуемые и при осуществлении оперативно-розыскной деятельности подразделениями полиции.

Выявление и документирование хищений бюджетных средств достаточно проблематично ввиду наличия указанных выше недостатков, в т. ч. в сфере организации работы подразделений ЭБиПК, однако еще сложнее дело обстоит с выявлением и документированием административных правонарушений в сфере нецелевого использования бюджетных средств, предусмотренных ст. 15.14 КоАП РФ. Основные положения нецелевого использования бюджетных средств закреплены в ст. 306.4 БК РФ, часть 1 указанной статьи под нецелевым использованием бюджетных средств признает направление средств бюджета бюджетной системы Российской Федерации и оплату денежных обязательств в целях, не соответствующих полностью или частично основаниям, определенным законом (решением) о бюджете, сводной бюджетной росписью, бюджетной росписью, лимитами бюджетных обязательств, бюджетной сметой, договором (соглашением) либо правовым актом, являющимся основанием для предоставления указанных средств¹. Соответственно, для правильной квалификации указанных административных правонарушений сотрудники подразделений ЭБиПК должны обладать обширными знаниями в сфере экономики, в частности, необходимо учитывать указанные выше цели, закрепленные в различных нормативных правовых актах, разбираться в документации, касающейся распределения бюджетных средств и особенностях бюджетного процесса.

¹ Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В связи с этим для повышения эффективности выявления и документирования как преступлений, так и административных правонарушений в бюджетной сфере необходимо совершенствовать применение государственной интегрированной информационной системы «Электронный бюджет»¹. В данной системе сосредотачивается основная информация по денежным потокам, выделяемым в рамках бюджетного финансирования различных программ, состав информации определяется Министерством финансов Российской Федерации. Сведения в этой системе содержатся в ее закрытой и открытой частях. Благодаря ей есть возможность оперативно отследить потоки бюджетных средств, выделенных для решения различных социально значимых задач.

Основной проблемой реализации применения системы «Электронный бюджет» подразделениями территориальных органов МВД России для выявления, пресечения и документирования преступлений и административных правонарушений в бюджетной сфере специалисты называют отсутствие у сотрудников доступа к названной системе и ее компонентам (подсистемам) [4, с. 31]. Среди причин данной проблемы можно назвать отсутствие необходимого технического оснащения, недостаточное материальное обеспечение, отсутствие (либо устаревшие) ЭВМ. Второй проблемой можно назвать недостаточную информированность сотрудников полиции о системе «Электронный бюджет» и ее компонентах. Путь устранения проблемы — доведение руководителями подразделений ЭБиПК до сотрудников территориальных подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции необходимой информации, обучение сотрудников возможностям указанной выше подсистемы, а также распространение положительного опыта использования данной системы сотрудниками Главного управления экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России.

Подводя итоги проведенного исследования, отметим следующее. Во-первых, деятельность полиции по выявлению преступлений и административных правонарушений в бюджетной сфере достаточно сложна из-за высокой степени латент-

¹ О государственной интегрированной информационной системе управления общественными финансами «Электронный бюджет» (вместе с «Положением о государственной интегрированной информационной системе управления общественными финансами "Электронный бюджет"») [Электронный ресурс]: постановление Правительства Российской Федерации от 30 июня 2015 г. № 658. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ности указанных преступлений и правонарушений. В связи с этим руководители подразделений ЭБиПК должны особое внимание уделять данному направлению деятельности, организовывать дополнительное обучение молодых сотрудников, а также должное техническое обеспечение для эффективного противодействия бюджетным правонарушениям.

Во-вторых, сотрудникам подразделений ЭБиПК, специализирующимся на выявлении преступлений и административных правонарушений в бюджетной сфере, необходимо учитывать особенности их выявления и документирования, рассматриваемые в данной статье. В частности, при выявлении и документировании преступлений в сфере хищения бюджетных средств стоит придерживаться алгоритма действий, указанного выше, а в рамках совершенствования деятельности по выявлению и документированию административных правонарушений в сфере нецелевого расходования бюджетных средств руководители подразделений ЭБиПК должны организовать дополнительное обучение молодых сотрудников в бюджетной сфере, в рамках которого рассмотреть экономические аспекты деятельности органов государственной власти в сфере распределения бюджетных средств.

В-третьих, ввиду значимости выявления преступлений и административных правонарушений в бюджетной сфере для эффективной организации распределения бюджетных средств на федеральном, региональном и муниципальном уровнях руководителям подразделений ЭБиПК необходимо организовать должное техническое оснащение и доступ подчиненных сотрудников к государственной интегрированной информационной системе «Электронный бюджет». В связи с этим необходимо внести соответствующие изменения в Постановление Правительства Российской Федерации от 30 июня 2015 г. № 658 в части включения Министерства внутренних дел Российской Федерации в число операторов указанной системы, наделив его полномочиями по контролю за расходованием бюджетных средств.

Вышеперечисленные меры позволят наиболее эффективно организовать работу подразделений ЭБиПК на региональном и местном уровнях по выявлению и документированию преступлений и административных правонарушений в бюджетной сфере, что, в свою очередь, приведет к уменьшению злоупотреблений должностными лицами органов государственной и муниципальной власти в рассматриваемой сфере деятельности.

Список источников

1. Деменкова Н. Г. Административная ответственность за нецелевое использование бюджетных средств: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2007. 27 с.
2. Ермаков С. В., Макаренко М. М. Расследование хищений бюджетных средств, совершаемых при государственных закупках // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 11. С. 152–156.
3. Мусина Д. И. Способы выявления фактов хищения бюджетных средств // Инновационные научные исследования. 2022. № 12-4 (24).
4. Григорьева И. В. [и др.] Анализ эффективности использования подразделениями экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел Российской Федерации возможностей подсистемы управления национальными проектами государственной интегрированной информационной системы управления общественными финансами «Электронный бюджет»: аналитический обзор с предложениями. Домодедово: ВИПК МВД России, 2021.

References

1. Demenkova N. G. Administrativnaya otvetstvennost' za necelevoe ispol'zovanie byudzhetyh sredstv: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Chelyabinsk, 2007. 27 s.
2. Ermakov S. V., Makarenko M. M. Rassledovanie hishchenij byudzhetyh sredstv, sovershaemyh pri gosudarstvennyh zakupkah // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2015. № 11. S. 152–156.
3. Musina D. I. Sposoby vyyavleniya faktov hishcheniya byudzhetyh sredstv // Innovacionnye nauchnye issledovaniya. 2022. № 12-4 (24).
4. Grigor'eva I. V. [i dr.] Analiz effektivnosti ispol'zovaniya podrazdeleniyami ekonomicheskoy bezopasnosti i protivodejstviya korrupcii organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii vozmozhnostej podsistemy upravleniya nacional'nymi proektami gosudarstvennoj integrirovannoj informacionnoj sistemy upravleniya obshchestvennymi finansami «Elektronnyj byudzhет»: analiticheskij obzor s predlozheniyami. Domodedovo: VIPK MVD Rossii, 2021.

Информация об авторах

И. А. Гумаров — кандидат юридических наук, доцент.
В. В. Тырышкин — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

I. A. Gumarov — Candidate of Science (Law), Associate Professor.
V. V. Tyryshkin — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 19.09.2024; одобрена после рецензирования 23.10.2024; принята к публикации 05.12.2024.

The article was submitted 16.09.2024; approved after reviewing 23.10.2024; accepted for publication 05.12.2024.

Алтайский юридический вестник. 2024. № 4 (48). С. 66–72.

Altai Law Journal. 2024. № 4 (48). P. 66–72.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 352(470)

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В РОССИИ: ДОРОГА БЕЗ КОНЦА...

Олег Александрович Кожевников^{1,2}

¹ Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия

² Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия, jktu1976@yandex.ru

Аннотация. В течение всей новейшей истории Российской Федерации система местного самоуправления и его отдельные институты находятся в процессе постоянного реформирования. Это подтверждается наличием уже трех базовых федеральных законов о местном самоуправлении за прошедшие 33 года, а также угрозой возвращения и принятия скандального законопроекта № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». Автором на основе исследования основных структурных единиц категории «местное самоуправление» делается вывод об отсутствии у федеральных властей единой, целенаправленной и четко сформулированной государственной политики как в области местного самоуправления, так и реализации конституционных положений о местном самоуправлении. В этой связи многочисленные попытки федерального законодателя вносить изменения и дополнения в нормативно-правовое регулирование нормативных основ местного самоуправления в РФ приводят к еще большему угасанию конституционных гарантий местного самоуправления и его превращению в простой механизм осуществления «огосударственного» управления муниципальными территориями.

Ключевые слова: Конституция, законодательство о местном самоуправлении, местное самоуправление, государственная политика, единая система публичной власти

Для цитирования: Кожевников О. А. Местное самоуправление в России: дорога без конца... // Алтайский юридический вестник. 2024. № 4 (48). С. 66–72.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

LOCAL GOVERNMENT IN RUSSIA: NEVER-ENDING ROAD...

Oleg A. Kozhevnikov^{1,2}

¹ V. F. Yakovlev Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia

² Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia, jktu1976@yandex.ru

Abstract. Throughout its recent history of the Russian Federation, the system of local self-government and its individual institutions has been in constant reform. This circumstance is confirmed by the presence of three basic federal laws on local self-government over the past 33 years, as well as the threat of the return and adoption of the “scandalous” bill No. 40361-8 “On general principles of the organization of local self-government in a unified system of public authority”. Based on the study of the main structural units of the category “local self-government”, the author concludes that the federal authorities do not have a unified, purposeful and clearly formulated state policy both in the field of local self-government and the implementation of constitutional provisions on local self-government. In this regard, numerous “convulsive” attempts by the federal legislator to make changes and additions to the regulatory framework of local self-government in the Russian Federation leads to an even greater “extinction” of the constitutional guarantees of local self-government and its transformation into a simple mechanism for the implementation of “state-controlled” management of municipal territories.

Keywords: Constitution, legislation on local self-government, local self-government, state policy, unified system of public authority

For citation: Kozhevnikov O. A. Local government in Russia: never-ending road... *Altajskij juridicheskiy vestnik* = *Altai Law Journal*. 2024;4:66–72 (In Russ.).

2023 год ознаменовался двумя очень важными историко-правовыми вехами России — это 30-летие Конституции РФ и 20-летие со дня принятия пока еще действующего Федерального закона Российской Федерации от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Особое внимание к указанным датам обусловлено тем обстоятельством, что на фоне 30-летнего действия Основного Закона нашего государства, пожалуй, ни один из конституционно-правовых институтов не претерпевал такого объема законодательной трансформации, как местное самоуправление. Неумный динамизм и даже в какой-то степени «законодательная прыть» федерального центра в обозначенный исторический период уж были воплощены в Закон Российской Федерации от 06.07.1991 № 1550-1 «О местном самоуправлении в Российской Федерации», Федеральный закон Российской Федерации от 28.08.1995 № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и пока еще действующий Федеральный закон Российской Федерации от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее — Закон № 131-ФЗ), который чуть было не прекратил свое действие в 2021 г. под натиском «блицкрига обсуждений» в Государственной Думе РФ законопроекта № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». А если еще к данному числу законодательных новелл добавить и многочисленные решения Конституционного Суда РФ, которые тоже за прошедший период проявляли неоднократно феноменальную эволюцию в содержании институтов местного самоуправления, тем самым подстегивая к новым свершениям самого законодателя и, конечно же, непосредственного правоприменителя, то можно сделать однозначный вывод о безусловном первенстве местного самоуправления в объеме нормотворческих трансформаций над всеми известными конституционно-правовыми институтами публичной власти в РФ.

Так почему же так невероятно «не везет» местному самоуправлению, от которого и верхи, и низы ожидают реализацию своих собственных «замыслов», а они так окончательно и не наступают, а само местное самоуправление все больше превращается в «гадкого утенка» из известной сказки Ганса Христиана Андерсена, отвергнутого всем птичьим двором, который в нашем случае представляет государственную власть и население,

обоюдно недовольные данным конституционно-правовым институтом?

Представляется, что для вышеназванного вывода есть целый ряд объективных фундаментальных причин, некоторые из них мы и постараемся обозначить в рамках настоящего исследования.

1. На страницах СМИ, телевидения мы очень часто слышим из уст многих известных государственных деятелей, политиков и даже ученых словосочетание «местное самоуправление». И самое парадоксальное, при достаточном внимании мы наверняка увидим, что каждый из авторов представляет свое «местное самоуправление». К сожалению, вся новейшая история нашего государства и анализ нормативного закрепления категории местного самоуправления не столько в части понятийного, сколько в части содержательного аспекта приведут нас к совершенно очевидному и аксиомичному выводу о том, что заданные в Основном Законе нашего государства конституционно-правовые ориентиры местного самоуправления (народовластие, осуществляемое гражданами путем референдума, выборов, других форм прямого волеизъявления, через выборные и другие органы местного самоуправления, самостоятельность через решение населением вопросов местного значения, владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью, признание и гарантированность местного самоуправления, в т. ч. и путем невхождения органов местного самоуправления в систему государственной власти и др.) в рамках их отраслевой реализации и конституционно-судебной практики не нашли своего устойчивого, ясного, относительно долговременного понимания, это привело к тому, что первоначальные сущностные конституционно-правовые ориентиры местного самоуправления не только были утеряны, но и до сих пор не нашли своего окончательного содержательного выражения и построения.

Уже более 20 лет прошло с момента принятия в первоначальной редакции Закона № 131-ФЗ, внесено почти 200 изменений в названный правовой акт, а конца и края в формировании содержания и понимания местного самоуправления как не было, так и нет. Представляется, что данная ситуация связана с отсутствием в Российской Федерации актуальной, выверенной и долговременной государственной политики в области местного самоуправления. «Нормативное обрамление» воли государства в обозначении путей развития местного самоуправления все еще у нас определено Указом Президента РФ от 15 октября 1999 г. № 1370 «Об

утверждении Основных положений государственной политики в области развития местного самоуправления в Российской Федерации»¹, который совершенно очевидно не только устарел, но и во многом противоречит фактически сложившимся на сегодня обстоятельствам и законодательному регулированию. Неопределенность в части долгосрочной государственной политики в области развития местного самоуправления в Российской Федерации ярко проявляется и в игнорировании данного Президентом РФ по итогам заседания Совета по развитию местного самоуправления² поручения Правительству РФ представить в срок до 1 октября 2021 г. проект основ государственной политики Российской Федерации в области развития местного самоуправления до 2030 г. Поручение так и осталось нереализованным, по крайней мере новых основ государственной политики в области развития местного самоуправления, утвержденных главой государства, мы так и не видим до настоящего времени.

2. Актуальным остается вопрос о цели и предназначении местного самоуправления на современном этапе развития российского государства и общества. С одной стороны, ч. 1 ст. 130 Конституции РФ императивно определяет, что местное самоуправление в Российской Федерации обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения, владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью. В то же время общеизвестно, что исходя из заложенного смысла слова «решать», оно означает возможность определять конечную судьбу, финальный итог чего-либо. На это понимание настаивала и ранее действующая в России Европейская хартия местного самоуправления ETS № 122 (Страсбург, 15 октября 1985 г.), которая в ст. 3 определяла местное самоуправление как право и способность органов местного самоуправления регламентировать значительную часть публичных дел и управлять ими, действуя в рамках закона, в соответствии со своей компетенцией и в интересах местного населения. Однако в ст. 2 Закона № 131-ФЗ под вопросами местного значения понимается непосредственное обеспечение жизнедеятельности населения муниципального образо-

¹ URL: <https://base.garant.ru/181076/?ysclid=lwa6zoffmj578416746> (дата обращения: 17.05.2024).

² Перечень поручений по итогам заседания Совета по развитию местного самоуправления (утв. Президентом РФ 01.03.2020 № Пр-354). URL: <https://legalacts.ru/doc/perechen-poruchenii-po-itogam-zasedaniya-soveta-po-razvitiuu-mestnogo/?ysclid=lwa71qwq31969054573> (дата обращения: 17.05.2024).

вания, которое в соответствии с Конституцией РФ и названным законом осуществляется населением и (или) органами местного самоуправления самостоятельно.

Но при этом сама конструкция «жизнеобеспечение населения» и ее границы для местного самоуправления до сих пор императивно не определены. А без этого говорить о сущностном целевом предназначении местного самоуправления не представляется возможным. Более того, сама терминология нуждается в разъяснении. Так, термин «жизнеобеспечение», например, МЧС России рассматривает как совокупность взаимно увязанных по времени, ресурсам и месту проведения мероприятий, направленных на создание и поддержание условий, минимально необходимых для сохранения жизни и поддержания здоровья людей. При этом к первоочередному жизнеобеспечению МЧС России относит обеспечение населения водой, продуктами питания, предметами первой необходимости, жильем, медицинской помощью, коммунально-бытовыми услугами, транспортом и информацией³. В период распространения на территории РФ эпидемии коронавируса Президентом РФ был издан целый ряд указов, в соответствии с которыми период действия санитарно-эпидемиологических ограничений для структуры жизнеобеспечения населения продолжал функционировать, при этом даже на уровне главы государства четкого перечня таких структур не было приведено. Поэтому большинство органов власти и работодателей весьма специфично отнесли к структурам жизнеобеспечения медицинские учреждения; аптеки; магазины, осуществляющие торговлю продуктами и непродовольственными товарами первой необходимости (спичками, средствами гигиены, автомобильным бензином и т. д.); транспорт; банки; салоны связи; организации в сфере энергетики, тепло- и водоснабжения; организации в сфере обращения с отходами производства и потребления; организации, занимающиеся жилищно-коммунальным обслуживанием населения; строительные организации при условии, что приостановка их деятельности создаст угрозу безопасности, здоровью и жизни людей; организации, оказывающие складские и транспортно-логистические услуги

³ Методические рекомендации по организации первоочередного жизнеобеспечения населения в чрезвычайных ситуациях и работы пунктов временного размещения пострадавшего населения (утв. МЧС России 20.08.2020 № 2-4-71-18-11). URL: <https://legalacts.ru/doc/metodicheskie-rekomendatsii-po-organizatsii-pervoocherednogo-zhizneobespechenija-naselenija-v-chrezvychainyh/?ysclid=lwa738bgqw434754669> (дата обращения: 17.05.2024).

с целью обеспечения населения продуктами и товарами первой необходимости.

Нет единства в понимании категории «жизнедеятельность» и в науке. Так, в учебном пособии «Безопасность жизнедеятельности» В. А. Козловского жизнедеятельность определена как «повседневная деятельность и отдых, способ существования человека. Она протекает в условиях различных опасностей, создающих угрозу для жизни и здоровья человека, и характеризуется не только качеством жизни, но и безопасностью» [1]. Л. А. Андреева и И. Н. Трухина при рассмотрении жизнеобеспечения населения в системе местного самоуправления категорию «жизнедеятельность» определяют как предотвращение и предупреждение опасности, возникающей при взаимодействии живого организма и окружающей среды [2]. Примеры разнородного понимания вышеупомянутой категории, несомненно, говорят о сложности в определении целевого предназначения местного самоуправления, о проблемах в распределении зон ответственности между уровнями власти. В этой связи представляется крайне важным раз и навсегда определиться с целью построения и функционирования местного самоуправления. Представляется, что действующая связка «вопросы местного значения — вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения» не является в полной мере определенной и понятной, особенно с учетом положений ст. 2 Конституции РФ, устанавливающей, что вопросы обеспечения высшей ценности прав и свобод человека, их признание, соблюдение и защита являются обязанностью всего государства и его аппарата, а не только уровня местного самоуправления.

3. Мы неоднократно в своих публикациях поднимали вопрос о необходимости разрыва существующей в законодательстве РФ связки «вопросы местного значения — муниципальное образование» [3], поскольку перечень вопросов местного значения федеральный законодатель связывает исключительно с публично-правовой категорией — муниципальное образование, которая, в свою очередь, не имеет своего должного определения в Законе № 131-ФЗ. Согласно статистике, на 1 января 2023 г. в РФ числилось 18 402 муниципальных образования, среди них 1421 муниципальный район, 311 муниципальных округов, 588 городских округов, 9 городских округов с внутригородским делением, 23 внутригородских района, 267 внутригородских территорий городов федерального значения, 1203 городских поселения, 14 580 сельских поселений.

Трудно даже гипотетически себе представить, что определенные федеральным законодателем за каждым видом муниципальных образований вопросы местного значения было возможно самостоятельно решить субъектами местного самоуправления одинаково, при наличии у каждого из них различий в масштабах территории, численности населения, ну и, конечно же, содержания экономических основ. По результатам мониторинга исполнения местных бюджетов и межбюджетных отношений в субъектах Российской Федерации на региональном и муниципальном уровнях за 2022 год, проводимого Минфином России в 2022 г., объем доходов местных бюджетов составил 6478,0 млрд рублей (выше уровня 2021 г. на 17,0 %, или на 942,0 млрд рублей), в т. ч. налоговые доходы — 1783,9 млрд руб. (+13,6 %), неналоговые доходы — 306,8 млрд руб. (+2,6 %), трансферты — 4387,3 млрд руб. (+19,6 %). Таким образом, приведенные цифры наглядно свидетельствуют, что увеличение объема местных бюджетов происходит, прежде всего, за счет роста объема межбюджетных трансфертов, прежде всего субсидий (+451,2 млрд руб.). По расчетам того же Минфина России доля межбюджетных трансфертов в доходах местных бюджетов в 2022 г. составляет 67,7 % (на 1,5 п.п. больше, чем в 2021 г.)¹.

Таким образом, действующее правовое регулирование в совокупности с правоприменением очевидно свидетельствует о дефектности ранее отмеченной связки «вопросы местного значения — муниципальное образование». В связи с этим представляется, что федеральному законодателю прежде чем определять перечень того, что должно решать население и органы местного самоуправления на своей территории, нужно учитывать, прежде всего, ресурсообеспеченность территории различных видов муниципальных образований для решения вопросов местного значения, при этом полагаем, что в этом решающую роль могли бы сыграть органы государственной власти субъектов РФ, которые более приближены к уровню муниципальной власти и имеют более качественное представление о состоянии и потенциале той или иной территории муниципальных образований, находящихся в пределах субъекта РФ.

¹ Результаты мониторинга исполнения местных бюджетов и межбюджетных отношений в субъектах Российской Федерации на региональном и муниципальном уровнях за 2022 год. URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/regions/monitoring_results/Monitoring_local/results/ (дата обращения: 14.05.2024).

4. В 2020 г. в Конституцию РФ была введена категория «единая система публичной власти». Инициатором появления названной категории являлся Президент РФ, который в своем послании Федеральному Собранию от 15.01.2020 отметил: «...считаю необходимым закрепить в Конституции принципы единой системы публичной власти, выстроить эффективное взаимодействие между государственными и муниципальными органами. При этом полномочия и реальные возможности местного самоуправления — самого близкого к людям уровня власти — могут и должны быть расширены и укреплены»¹. Следует особо подчеркнуть, глава государства говорил лишь о принципах единой системы публичной власти и построении эффективного взаимодействия между уровнями власти в целях обеспечения высоких стандартов жизни, равных возможностей для каждого человека на всей территории страны.

Однако судебная и законотворческая практика пошла по несколько иному пути. Так, Конституционный Суд РФ в своем заключении от 16 марта 2020 г. № 1-3² определил единую систему публичной власти сначала как принцип, а затем как категорию, производную от основополагающих понятий «государственность» и «государство», означающих политический союз (объединение) многонационального российского народа, власть которого распространяется на всю территорию страны и функционирует как единое системное целое в конкретных организационных формах, определенных Конституцией РФ (ст. 5, 10, 11 и 12). Таким образом, Конституционный Суд РФ первым заложил «мину замедленного действия» в определении категории «единая система публичной власти» и смежных, но, на наш взгляд, не тождественных категорий «публичная власть», «единство публичной власти». Однако, несмотря на очевидную

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию 15.01.2020. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements%20/62582> (дата обращения: 16.05.2024).

² Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации "О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти", а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации». URL: <https://legalacts.ru/sud/zakliuchenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-16032020-n-1-z/?ysclid=lwa5edfxtk831893173> (дата обращения: 16.05.2024).

слабость вышеуказанной двойственности позиции Конституционного Суда РФ, один аспект конституционно-правового толкования заслуживает безусловного внимания: «единство публичной власти» — это прежде всего функциональное единство, выражающееся в согласованных действиях различных уровней публичной власти как единого целого во благо граждан, но в рамках четкого разделения компетенции, полномочий и ответственности каждого уровня публичной власти.

Вместе с тем в последнее время все больше из уст известных политиков на страницах многочисленных средств массовой информации наблюдается искажение вышеуказанного предназначения единой системы публичной власти и ее структуры. Так, например, в недрах Государственной Думы РФ до сих пор лежит на рассмотрении законопроект № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», исходя из названия которого непонятно, где инициаторы увидели в единой системе публичной власти местное самоуправление. Ни Конституция РФ, ни федеральные законы Российской Федерации от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» и от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», а также Указ Президента РФ от 21 декабря 2020 г. № 799 «Об утверждении состава Государственного Совета Российской Федерации» не включают в состав единой системы публичной власти местное самоуправление. Данная система состоит исключительно из органов власти федерального, регионального и муниципального уровня, но ни один из этих компонентов не представляет собой полноценного и всестороннего местного самоуправления. Подобные инсинуации с пониманием места и роли местного самоуправления в системе властеотношений уже приводят к нарастающей тенденции искажения понимания иных муниципально-правовых категорий. Так, например, на Всероссийском муниципальном форуме «Малая Родина — сила России», прошедшем в начале 2024 г. в Москве, было отмечено, что лица, пребывающие на муниципальной службе, находятся на передовой общения с людьми и являются лицом всей системы публичной власти. При этом сам институт муниципальной службы обозначен не просто как работа соответствующего лица, а как служение [4]. Не вызывает сомнения, что с точки зрения публичного выступления подобные выводы имеют свою «красоту», но с точки зрения формирования надлежущей правовой куль-

туры, законопослушания данные выводы и послы могут быть весьма негативными, хотя бы потому, что местное самоуправление — это власть, которая должна осуществляться в пределах и на основании действующих норм законодательства, которое, в свою очередь, не содержит легального определения категории «публичная власть», а указывает, что местное самоуправление является формой народовластия, закрепленной в ст. 3 Конституции РФ. Аналогичная ситуация и с муниципальной службой, определение которой дано в ст. 2 Федерального закона Российской Федерации от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации», не предполагающей какого-либо служения, а представляющей профессиональную деятельность граждан по исполнению обязанностей, предусмотренных должностью муниципальной службы.

Представляется, что подобные примеры искажения общепринятых и законодательно закрепленных правовых категорий, имеющих первостепенное значение для понимания и развития местного самоуправления, не только не позволяют, но и препятствуют достижению функционального единства, на что и направлена была инициатива Президента РФ о внедрении в Конституцию РФ принципа единой системы публичной власти на основе четкого разделения компетенций, полномочий, от-

ветственности и согласованного взаимодействия каждого уровня публичной власти.

В заключение настоящего исследования хочется еще раз подчеркнуть, что местное самоуправление, если оно признано Конституцией РФ одной из основ конституционного строя, в настоящее время нуждается в незамедлительном определении его сущности и содержания на уровне долговременной, целенаправленной государственной политики. А присущий неумный динамизм федерального законодателя в совокупности с многочисленными интерпретациями нормотворческих, в т. ч. и конституционных новелл на страницах СМИ, приводит к еще большему отторжению духа и смысла конституционных положений о местном самоуправлении от существующей правоприменительной реальности, в которой, очевидно, именно институтам местного самоуправления и в конечном итоге населению неизменно «не везет», поскольку и представители государственной власти, и население ожидают от данной конституционной формы народовластия реализации своих замыслов и итогов, а они почему-то не наступают, при этом само местное самоуправление все больше превращается в пространство для постоянных экспериментов как в сфере нормотворчества, так и в правоприменительной практике.

Список источников

1. Безопасность жизнедеятельности: учебное пособие / В. А. Козловский, А. В. Козловский, О. Л. Упоров. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2013. 314 с.
2. Андреева Л. А., Трухина И. Н. Жизнеобеспечение населения в системе местного самоуправления // Актуальные проблемы юриспруденции: сборник мат-лов LVII Международной научно-практ. конф-ции (Новосибирск, 20 апреля 2022 г.). Новосибирск: Сибирская академическая книга, 2022. Т. 4 (56). С. 83–89.
3. Кожевников О. А. О нормативной регламентации вопросов местного значения // Российский юридический журнал. 2021. № 4 (139). С. 55–61.
4. Сергей Кириенко: «Муниципальная служба — не просто работа, это служение». URL: <https://kamtoday.ru/news/society/sergey-kirienko-munitsipalnaya-sluzhba-ne-prosto-rabota-eto-sluzhenie/> (дата обращения: 17.05.2024).

References

1. Bezopasnost' zhiznedeyatel'nosti: uchebnoe posobie / V. A. Kozlovskij, A. V. Kozlovskij, O. L. Uporov. Ekaterinburg: Izd-vo Ros. gos. prof.-ped. un-ta, 2013. 314 s.
2. Andreeva L. A., Truhina I. N. Zhizneobespechenie naseleniya v sisteme mestnogo samoupravleniya // Aktual'nye problemy yurisprudencii: sbornik mat-lov LVII Mezhdunarodnoj nauchno-prakt. konf-cii (Novosibirsk, 20 aprelya 2022 g.). Novosibirsk: Sibirskaya akademicheskaya kniga, 2022. T. 4 (56). S. 83–89.
3. Kozhevnikov O. A. O normativnoj reglamentacii voprosov mestnogo znacheniya // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. 2021. № 4 (139). S. 55–61.

4. Sergej Kirienko: «Municipal'naya sluzhba — ne prosto rabota, eto sluzhenie». URL: <https://kamtoday.ru/news/society/sergey-kirienko-munitsipalnaya-sluzhba-ne-prosto-rabota-eto-sluzhenie/> (data obrashcheniya: 17.05.2024).

Информация об авторе

О. А. Кожевников — доктор юридических наук, профессор.

Information about the authors

O. A. Kozhevnikov — Doctor of Science (Law), Professor.

Статья поступила в редакцию 17.05.2024; одобрена после рецензирования 29.07.2024; принята к публикации 05.12.2024.

The article was submitted 17.05.2024; approved after reviewing 29.07.2024; accepted for publication 05.12.2024.

Алтайский юридический вестник. 2024. № 4 (48). С. 73–80.

Altai Law Journal. 2024. № 4 (48). P. 73–80.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 351.95

ИММУНИТЕТ ОТ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ЮРИСДИКЦИИ ОТДЕЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ СУБЪЕКТОВ: ОСОБЕННОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Юлия Александровна Кригер¹, Евгений Александрович Федяев²

¹ Омская академия МВД России, Омск, Россия, y.aleks@list.ru

² Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, fea55@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности нормативного правового регулирования иммунитета от административной юрисдикции отдельных категорий субъектов. Авторами проводится анализ законодательства, регулирующего особые условия реализации административной юрисдикции в отношении должностных лиц, выполняющих определенные государственные функции (депутатов законодательного органа субъекта Российской Федерации, сотрудников Следственного комитета Российской Федерации, органов Федеральной службы безопасности и органов государственной охраны), а также выносятся предложения по его совершенствованию.

Ключевые слова: иммунитет от административной юрисдикции, неприкосновенность, производство по делу об административном правонарушении, административная ответственность

Для цитирования: Кригер Ю. А., Федяев Е. А. Иммунитет от административной юрисдикции отдельных категорий субъектов: особенности законодательного регулирования // Алтайский юридический вестник. 2024. № 4 (48). С. 73–80.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

IMMUNITY FROM ADMINISTRATIVE JURISDICTION OF CERTAIN CATEGORIES OF SUBJECTS: FEATURES OF LEGISLATIVE REGULATION

Yulia A. Krieger¹, Evgeniy A. Fedyaev²

¹ Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russia, y.aleks@list.ru

² Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, fea55@mail.ru

Abstract. The article examines the peculiarities of the normative legal regulation of administrative jurisdiction immunity of certain categories of subjects. The authors analyze the legislation regulating the special conditions for the implementation of administrative jurisdiction in relation to officials performing certain state functions (deputies of the legislative body of a subject of the Russian Federation, employees of the Investigative Committee of the Russian Federation, federal security service agencies and state security agencies), and also provide proposals for its improvement.

Keywords: immunity from administrative jurisdiction, inviolability, proceedings for an administrative offense, administrative liability

For citation: Krieger Yu. A., Fedyaev E. A. Immunity from administrative jurisdiction of certain categories of subjects: features of legislative regulation. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2024;4:73–80 (In Russ.).

© Кригер Ю. А., Федяев Е. А., 2024

Вопросы правового иммунитета в отечественной юридической науке регулярно подвергаются анализу с различных точек зрения, это свидетельствует о том, что данная тема еще не полностью исчерпала свой потенциал. Некоторые исследователи ограничиваются подробным рассмотрением природы и юридического статуса одной или нескольких категорий носителей правового иммунитета [1, 2, 3, 4]. Отдельный интерес представляют работы, обобщающие комплексные результаты аналогичных исследований, в которых иммунитет подробно рассматривается как юридическое средство [5] или как особая правовая категория [6]. В указанных работах последовательно раскрывается юридическая природа правового иммунитета, ретроспектива развития этого явления, классификация иммунитетов по различным основаниям, соотношение с понятиями правовых преимуществ и привилегий, а также другие нюансы, связанные с объектом и предметом исследования.

Законодательного закрепления понятия «иммунитет» на сегодняшний день не существует, о чем неоднократно велись и ведутся дискуссии [7, с. 237–241; 8, с. 228–230]. Сам по себе термин заимствован из медицины. Вместе с тем в действующем законодательстве выделяют иммунитеты не только физических (должностных) лиц, но и иммунитеты юридических лиц иностранных государств. Анализ действующей нормативной правовой базы позволяет выделить иммунитеты: дипломатические¹, консульские², юрисдикционные³, бюджетные⁴, исполнительские [9] и некоторые другие. Таким образом, категория «иммунитет» закрепляется в различных областях государственно-правового регулирования, начиная от сферы юридической ответственности, международных отношений и заканчивая экономикой и бюджетной сферой. В нашем исследовании мы рассмотрим не-

¹ О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Консульский устав Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 5 июля 2010 г. № 154-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О юрисдикционных иммунитетах иностранного государства и имущества иностранного государства в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 3 ноября 2015 г. № 297-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

которые вопросы правового регулирования иммунитета от административной юрисдикции.

Указанный механизм имеет довольно давнюю историю в Российской Федерации. «Основы законодательства Союза ССР и союзных республик об административных правонарушениях»⁵, принятые в 1980 г., включали статьи 8 и 9, в которых соответственно содержались положения, регламентирующие наличие в институте административной ответственности дипломатического иммунитета или замены административной ответственности дисциплинарной. Аналогичные по содержанию положения появились и в принятом позднее Кодексе РСФСР об административных правонарушениях (ст. 16–17)⁶. Современный Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях⁷ (далее — КоАП РФ) продолжил эту традицию. Однако КоАП РФ не содержит полного перечня лиц, обладающих иммунитетом от административной юрисдикции, о чем справедливо указывалось некоторыми исследователями [10, с. 76–79]. Между тем этот круг достаточно широк.

Исходя из положений действующего законодательства, их можно разделить на три группы. В первую группу входят лица, выполняющие определенные государственные функции. Перечень этих лиц изложен в ч. 2 ст. 1.4 КоАП РФ, вместе с тем закреплен он в усеченном виде, т. к. заканчивается формулировкой, ведущей к расширительному толкованию — «и иных лиц». Таким образом, список указанных субъектов может расширяться с помощью закрепления иммунитета от административной юрисдикции в нормах различных федеральных законов. Подобный подход имеет как положительные, так и отрицательные стороны. Безусловно, статья 1.4 КоАП РФ закрепляет для лиц, привлекаемых к административной ответственности, важнейшее положение — «принцип равенства перед законом» — и должна как можно дольше оставаться в неизменном виде. Это косвен-

⁵ Основы законодательства Союза ССР и союзных республик об административных правонарушениях: приняты ВС СССР 23 октября 1980 г. № 3145-X «Свод законов СССР» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». В настоящее время документ утратил силу.

⁶ Кодекс РСФСР об административных правонарушениях (утв. ВС РСФСР 20 июня 1984 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». В настоящее время документ утратил силу.

⁷ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

но будет свидетельствовать о том, что норма удачно сконструирована, прошла испытание временем и отвечает современным реалиям. Также положительным моментом можно считать отсутствие необходимости вносить изменения в часть 2 рассматриваемой статьи при появлении новых субъектов, наделенных неприкосновенностью. Однако для правоприменителя подобный подход со стороны законодателя, наоборот, вызывает отрицательную оценку, т. к. для него становится затруднительным определить «иных субъектов», обладающих иммунитетом, пользуясь только положениями основного федерального закона, устанавливающего административную ответственность. Правоприменитель предпринимает попытки нивелировать отсутствие полного перечня таких субъектов путем включения в ведомственные нормы отдельных положений, в которых перечисляет расширенный список лиц, обладающих иммунитетом от административной юрисдикции, и дает инструкции по реализации применительно к ним мер процессуального обеспечения¹. Однако такие инструкции тоже не отражают полного перечня лиц, к которым применяется особый порядок мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях².

Вторую группу субъектов, наделенных исследуемым иммунитетом, в соответствии с положениями статьи 2.5 КоАП РФ составляют военнослужащие, граждане, призванные на военные сборы, и лица, имеющие специальные звания. В ней перечислены фактически все субъекты, статус которых позволяет при совершении административного правонарушения заменить соответствующую ответственность дисциплинарной. Часть 2 указанной статьи закрепляет составы административных правонарушений, при совершении которых эти субъекты лишены иммунитета от административной юрисдикции и их привлечение к административной ответственности осуществляется на общих основаниях.

¹ Об утверждении Порядка осуществления надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации о безопасности дорожного движения [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 2 мая 2023 г. № 264. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об утверждении Наставления о порядке исполнения обязанностей и реализации прав полиции в дежурной части территориального органа МВД России после доставления граждан [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 30 апреля 2012 г. № 389. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Третью группу составляют иностранные граждане, подпадающие под действие международных норм, таких как Венская конвенция о консульских сношениях (заключена в г. Вене 24.04.1963) и Венская конвенция о дипломатических сношениях (заключена в г. Вене 18.04.1961). Указанные положения находят свое закрепление в части 3 статьи 2.6 КоАП РФ.

Каждая из трех групп носителей иммунитета имеет свои особенности правового регулирования, которые сами по себе достойны отдельных исследований.

Необходимо отметить, что как такового абсолютного иммунитета от административной юрисдикции не существует. В отдельных случаях носитель правового иммунитета может быть привлечен к административной (и не только) ответственности в установленном законом порядке в соответствии с особой процедурой. Законодатель в подобных случаях применяет несколько приемов.

В качестве первого используется способ «исключение из правил» и привлечение к ответственности на общих основаниях, как это происходит, например, с сотрудниками органов внутренних дел в случаях совершения ими административных правонарушений в области безопасности дорожного движения и некоторых других.

В качестве второго способа используется процедура представления или получения согласия на привлечение к административной ответственности субъектов, обладающих особым статусом. Такими полномочиями наделена Прокуратура Российской Федерации. Например, по вопросу привлечения судьи, в т. ч. пребывающего в отставке, или присяжного заседателя к административной ответственности необходимо представление Генерального прокурора Российской Федерации, на основании которого судебной коллегией в составе трех судей суда соответствующего уровня принимается решение о возможности реализации процедуры привлечения к административной ответственности³. Без согласия прокурора субъекта Российской Федерации не может быть подвергнут административному наказанию, налагаемому в судебном порядке, например, член избирательной комиссии с правом решающего голоса. Указанный порядок реализуется на основании соответствующего приказа Генеральной прокуратуры Россий-

³ О статусе судей в Российской Федерации [Электронный ресурс]: закон Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ской Федерации¹. Такая конструкция представляет определенные сложности для правоприменителя, т. к. требует дополнительного и весьма глубокого знания отдельных положений соответствующих нормативных правовых актов.

Третьим и самым распространенным приемом реализации иммунитета от административной юрисдикции является установление особой процедуры привлечения к административной ответственности в судебном порядке, при этом ограничения на привлечение во внесудебном порядке не установлены.

К субъектам, в отношении которых действует указанное правило, можно отнести: зарегистрированного кандидата на должность Президента Российской Федерации²; сенаторов и депутатов Государственной Думы Российской Федерации³; зарегистрированного кандидата в депутаты Государственной Думы Российской Федерации⁴; зарегистрированного кандидата в депутаты законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации, представительного органа местного самоуправления, зарегистрированного кандидата на должность выборного должностного лица местного самоуправления⁵; Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации⁶; членов избирательной

комиссии, комиссии референдума с правом решающего голоса, председателя избирательной комиссии субъекта Российской Федерации⁷.

Таким образом, возможно привлечение этих категорий субъектов к административной ответственности, например, в случае фиксации административных правонарушений специальными техническими средствами, работающими в автоматическом режиме, как собственников (владельцев) транспортных средств либо по другим составам административных правонарушений, выявляемых, так сказать, традиционными способами и которые не относятся к юрисдикции суда.

Отдельного внимания заслуживает правовое регулирование иммунитета от административной юрисдикции депутатов законодательного органа субъекта Российской Федерации. Проведенные нами опросы сотрудников полиции показывают, что многие затрудняются дать четкий ответ — пользуются ли данные субъекты иммунитетом от административной юрисдикции? Сложившаяся ситуация является прямым следствием особенностей правового регулирования установления иммунитета от административной юрисдикции для данной категории.

Приведем ряд примеров для демонстрации приемов правового регулирования, используемых в соответствующих нормах субъектов Российской Федерации. В статье 17.1 закона Республики Татарстан⁸ установлено, что в отношении депутатов применяется особый порядок производства по уголовным или административным делам, установленный федеральными законами. Аналогичный порядок закреплен в соответствующих нормах Республики Алтай⁹, Республики Дагестан¹⁰, Ново-

¹ О порядке реализации прокурорами полномочий в сфере привлечения к административной ответственности лиц, обладающих особым правовым статусом [Электронный ресурс]: приказ Генпрокуратуры России от 23 ноября 2015 г. № 645. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О выборах Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 10 января 2003 г. № 19-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный конституционный закон от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ О статусе депутата Государственного Совета Республики Татарстан: закон Республики Татарстан от 18 марта 2004 г. № 15-ЗРТ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/917014037> (дата обращения: 10.10.2024).

⁹ О статусе депутата Республики Алтай: закон Республики Алтай от 19 октября 2011 г. № 69-ПЗ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/453115637> (дата обращения: 10.10.2024).

¹⁰ О статусе депутата Народного Собрания Республики Дагестан: закон Республики Дагестан от 13 июля 1995 г. № 1 // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/802037539> (дата обращения: 10.10.2024).

сибирской области¹, Омской области², Алтайского края³ и многих других.

Как правило, положения законов других субъектов, не упомянутых в рамках нашей статьи, практически в точности копируют вышеуказанную конструкцию. Ранее в большинстве региональных норм депутаты наделялись неприкосновенностью, которая, конечно, действовала только на территории установившего ее субъекта Российской Федерации [11, с. 30–33]. Вместе с тем остаются примеры, демонстрирующие такой подход в настоящее время и наделяющие депутатов неприкосновенностью. Так, в статье 19 «Неприкосновенность депутата Народного Хурала» Республики Бурятия указано, что депутат обладает неприкосновенностью в соответствии с федеральным законом⁴, аналогичные положения содержатся и в статье 85 Конституции Республики Бурятия⁵. Установление неприкосновенности и при этом отсылка к федеральному законодательству — пример, очевидно, неудачной в данном случае юридической техники, т. к. регулирующие исследуемый вопрос положения статьи 18 Федерального закона № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»⁶ (далее — закон № 414-ФЗ) предписывают, что различные гарантии должны устанавливаться законодательством субъекта, а иммунитет от административной юрисдикции обеспечивается особым порядком привлечения к административ-

ной ответственности. Никаких указаний на возможность наделения депутата неприкосновенностью положения указанной статьи не содержат.

Для сравнения, большинство других ранее упомянутых нами субъектов Российской Федерации в своих основных законах устанавливают, что привлечение депутатов субъектов Российской Федерации к административной ответственности осуществляется в соответствии с нормами федерального законодательства⁷. В связи с вышеизложенным следует признать, что Основной Закон Республики Бурятия в части, касающейся предмета нашего исследования, содержит нормы, которые не в полной мере отвечают реалиям современного федерального законодательства и требуют корректировки. Справедливо отметить, что отдельные регионы устанавливают в своих основных законах положения, которые отвечают требованиям современных федеральных норм в исследуемой сфере⁸. В результате исследования мы пришли к выводу, что тема правового регулирования закрепления законодательного иммунитета от административной юрисдикции на уровне субъектов Российской Федерации сама по себе может выступать предметом отдельного исследования.

Прослеживая логическую цепочку бланкетного приема, наделения депутатов субъектов Российской Федерации иммунитетом от административной юрисдикции, мы приходим к выводу, что в случае привлечения к административной ответственности необходимо обращаться к положениям части 2 статьи 1.4 КоАП РФ. Именно положения этой статьи устанавливают, что к этим субъектам применяются особые условия реализации мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении и привлечения к административной ответственности.

Очевидно, что особый порядок производства таких действий должен устанавливаться федеральными нормами (или нормами основного закона субъекта Российской Федерации), одной из

¹ О статусе депутата Законодательного Собрания Новосибирской области: закон Новосибирской области от 25 декабря 2006 г. № 81-ОЗ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/5423802> (дата обращения: 10.10.2024).

² О статусе депутата Законодательного Собрания Омской области: закон Омской области от 26 сентября 1994 г. № 7-ОЗ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/943011015> (дата обращения: 10.10.2024).

³ О статусе депутата Алтайского краевого Законодательного Собрания: закон Алтайского края от 4 декабря 2000 г. № 76-ЗС. URL: <https://docs.cntd.ru/document/940001152> (дата обращения: 10.10.2024).

⁴ О статусе депутата Народного Хурала Республики Бурятия: закон Республики Бурятия от 19 апреля 1995 г. № 113-1. URL: <https://docs.cntd.ru/document/939400817> (дата обращения: 10.10.2024).

⁵ Конституция Республики Бурятия: принята Верховным Советом Республики Бурятия 22 февраля 1994 г. // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/802036620> (дата обращения: 10.10.2024).

⁶ Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ Например: Устав (Основной Закон) Алтайского края от 5 июня 1995 г. № 3-ЗС // Официальный сайт Правительства Алтайского края. URL: https://altairegion22.ru/official_ (дата обращения: 10.10.2024); Устав (Основной Закон) Омской области от 5 июня 1995 г. № 3-ЗС // Официальный сайт Законодательного Собрания Омской области. URL: <https://www.omsk-parlament.ru/?sid=2834> (дата обращения: 10.10.2024) и некоторые другие.

⁸ Конституция Республики Дагестан: принята Конституционным собранием Республики Дагестан 26 июля 1994 г. // Официальный сайт Правительства Республики Дагестан. URL: <http://e-dag.ru/2013-05-27-06-54-30/konstitutsiya-rd.html> (дата обращения: 10.10.2024).

которых в случае с депутатами органов законодательной власти субъектов как раз и выступают положения статьи 18 закона № 414-ФЗ, которые, однако, не содержат разъяснения особого порядка осуществления мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении в отношении вышеуказанных субъектов, ограничиваясь опять ссылкой на федеральное законодательство, таким образом, круг замкнулся.

Отдельный интерес представляет правовое регулирование реализации иммунитета от административной юрисдикции сотрудников Следственного комитета Российской Федерации (далее — сотрудники СК РФ). При беглом рассмотрении и с учетом того, что это лица, имеющие специальные звания, вопрос административной ответственности сводится к положениям статьи 2.5 КоАП РФ, согласно которой, как было отмечено выше, сотрудники СК РФ несут административную ответственность по отдельным составам (например, в сфере безопасности дорожного движения) на общих основаниях. Это соответствует части 1.1 статьи 28 Федерального закона от 28.12.2010 № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации», где четко указано — в случаях, предусмотренных КоАП РФ, сотрудники СК РФ за совершение административных правонарушений несут дисциплинарную ответственность. В то же время положения федерального закона о СК РФ не содержат норм, устанавливающих особые условия применения мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении и привлечения к административной ответственности, как установлено в части 2 статьи 1.4 КоАП РФ, в связи с этим можно прийти к выводу, что их просто нет. В данном случае мы видим несоответствие норм КоАП РФ и федерального закона № 403-ФЗ.

Сложившаяся ситуация ранее уже была предметом исследования [12, с. 218–225]. Не вдаваясь в предположения, почему возникла данная коллизия, полагаем, что необходимо изменение Федерального закона от 28.12.2010 № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» с целью приведения его положений в соответствие с нормами КоАП РФ.

Сотрудники органов Федеральной службы безопасности (далее — ФСБ) и органов государственной охраны (далее — ФСО) также обладают иммунитетом от административной юрисдикции. Во-первых, на них распространяются положения статьи 2.5 КоАП РФ, поэтому, как уже было нами отмечено, они по отдельным составам правонарушений, перечисленным в части 1 указанной статьи,

освобождаются от административной ответственности с заменой на дисциплинарную, соответственно, происходит и замена административной юрисдикции на дисциплинарное производство, т. к. указанные лица имеют статус военнослужащих. Во-вторых, согласно статье 17 Федерального закона от 03.04.1995 № 40-ФЗ «О Федеральной службе безопасности»¹ в отношении сотрудников органов ФСБ не допускается применять привод, задержание, личный досмотр и досмотр его вещей, а также досмотр личного и используемого им транспорта без официального представителя органов ФСБ или решения суда, в случае если сотрудник находится при исполнении служебных обязанностей. Таким образом, при выявлении деяния, содержащего признаки состава административного правонарушения, совершенного сотрудником органов ФСБ, необходимо установить связь этого деяния с осуществлением им служебной деятельности. Если такая связь установлена, применение вышеуказанных мер принуждения возможно только в присутствии официального представителя органов ФСБ или при наличии решения суда. В связи с этим указанный федеральный закон устанавливает дополнительные требования к порядку осуществления административной юрисдикции.

Аналогичные положения содержатся и в части 1 статьи 20 Федерального закона от 27.05.1996 № 57-ФЗ «О государственной охране»² в отношении сотрудников органов ФСО. Тут законодатель пошел еще дальше, включив в указанный перечень, помимо мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, административные наказания, тем самым установив особый порядок привлечения к административной ответственности указанной категории лиц. То есть для того, чтобы к сотрудникам ФСО применить административную ответственность и, соответственно, иные меры административного принуждения, правоприменитель должен учитывать не только положения статьи 2.5 КоАП РФ, но и другие нормативные правовые акты, в частности вышеуказанный закон, а также связь административного правонарушения с осуществлением им служебных обязанностей.

Исходя из вышеизложенного, мы в очередной раз возвращаемся к вопросам, во-первых, как быть

¹ О Федеральной службе безопасности [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О государственной охране [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

с административными правонарушениями, совершаемыми вышеуказанными должностными лицами, которые непосредственно не связаны с их профессиональной деятельностью и (или) как установить факт такой связи и, во-вторых, кто должен доказывать ее наличие или отсутствие? Например, если речь идет о правонарушениях в сфере дорожного движения.

Кроме того, остается неясным, почему КоАП РФ, который согласно статье 1.1 является единственным федеральным актом, регулирующим административную ответственность, направляет правоприменителей к другим нормативным актам, устанавливающим специальные условия привлечения к ответственности должностных лиц, осуществляющих определенные государственные функции (ч. 2 ст. 1.4 КоАП РФ) [10, с. 76–79].

В связи с этим сотрудники полиции зачастую испытывают ряд затруднений в случаях выявления ситуаций, когда субъектом, совершающим административное правонарушение, является носитель иммунитета от административной юрисдикции. Это проявляется в недостаточной осведомленности о лицах, относящихся к исследуемой правовой категории, что, в свою очередь, может привести к нарушению законности со стороны должностных лиц органов внутренних дел. Кроме того, не редки случаи, когда сотрудник полиции понимает, что столкнулся с указанной категорией лиц, однако четко выработанного алгоритма действий в подобной ситуации он часто не имеет. Даже для подго-

товленного юриста хитросплетения действующего законодательства (различные процедуры разрешения на привлечение к административной ответственности, значительное количество бланкетных норм, юридические коллизии), касающиеся вопросов иммунитета от административной юрисдикции, представляют сложности.

В заключение отметим, правовые нормы российского законодательства, включающие иммунитет от административной юрисдикции, в настоящее время являются весьма фрагментарными и беспорядочными. Они содержатся в многочисленных нормативных правовых актах различных уровней, начиная от федеральных кодифицированных актов и завершая законами субъектов Российской Федерации. В связи с этим следует еще раз подчеркнуть безусловную важность преобразования КоАП РФ в единый федеральный правовой акт, который комплексно и всесторонне регулировал бы правоотношения административно-юрисдикционного характера. По мнению авторов, это возможно путем включения в КоАП РФ отдельной главы, регламентирующей особенности административной ответственности всех субъектов, имеющих иммунитет от административной юрисдикции. Учитывая дискуссионность данного утверждения, считаем, что и иные способы правового регулирования, эффективность которых не будет вызывать вопросов у правоприменителя, достойны рассмотрения в качестве варианта решения указанных проблем.

Список источников

1. Игонин С. В. Институт личной неприкосновенности работников правоохранительных органов в законодательстве современной России: теоретико-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. 143 с.
2. Лукошкина С. В. Иммунитеты в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск: Байкальский государственный университет экономики и права, 2005. 224 с.
3. Исаенков А. А. Иммунитеты в гражданском процессуальном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2016. 195 с.
4. Кузнецова И. С. Иммунитеты и ответственность как элементы конституционно-правового статуса судьи: дис. ... канд. юрид. наук. М.: Высшая школа экономики, 2010. 183 с.
5. Юшкова Ю. А. Иммунитет как правовая категория: дис. ... канд. юрид. наук. М.: Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2008. 162 с.
6. Репьев А. Г. Преимущества в российском праве: теория, методология, техника: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2020. 529 с.
7. Лаврентьев В. А. Иммунитеты в оперативно-розыскной деятельности: понятие и признаки // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сборник мат-лов XXI Международной научно-практ. конф-ции (Иркутск, 26–27 мая 2016 г.). Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2016. Т. II. С. 237–241.
8. Кылосова А. Л. Необходимость введения в законодательство РФ понятия «правовой иммунитет» // Молодой ученый. 2021. № 51 (393). С. 228–230.
9. Обзор судебной практики разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2023 г. (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 15.05.2024) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2024. № 6 (июнь).

10. Репьев А. Г., Прибытко Ю. А. Правовые иммунитеты в административном праве: сущностный и содержательный анализ // Алтайский юридический вестник. 2017. № 1 (17). С. 76–79.

11. Омарова З. Н. Парламентский иммунитет депутата законодательного органа власти субъекта Российской Федерации (на примере Республики Дагестан) // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 5. С. 30–33.

12. Винокуров А. Ю. О некоторых вопросах, связанных с привлечением к административной ответственности сотрудников Следственного комитета Российской Федерации // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. 2015. № 8. С. 218–225.

References

1. Igonin S. V. Institut lichnoj neprikosновенности работников правоохранительных органов в законодательстве современной России: теоретико-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. 143 с.

2. Lukoshkina S. V. Immunitety v rossijskom ugolovnom sudoproizvodstve: дис. ... канд. юрид. наук. Irkutsk: Bajkal'skij gosudarstvennyj universitet ekonomiki i prava, 2005. 224 s.

3. Isaenkov A. A. Immunitety v grazhdanskom processual'nom prave Rossii: дис. ... канд. юрид. наук. Saratov, 2016. 195 s.

4. Kuznecova I. S. Immunitety i otvetstvennost' kak elementy konstitucionno-pravovogo statusa sud'i: дис. ... канд. юрид. наук. М.: Vysshaya shkola ekonomiki, 2010. 183 s.

5. Yushkova Yu. A. Immunitet kak pravovaya kategoriya: дис. ... канд. юрид. наук. М.: Rossijskaja akademija gosudarstvennoj sluzhby pri Prezidente Rossijskoj Federacii, 2008. 162 s.

6. Rep'ev A. G. Preimushchestva v rossijskom prave: teoriya, metodologiya, tekhnika: дис. ... d-ra юрид. наук. Saratov: Saratovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya, 2020. 529 s.

7. Lavrent'ev V. A. Immunitety v operativno-rozysknoj deyatel'nosti: ponyatie i priznaki // Deyatel'nost' pravooxranitel'nyh organov v sovremennyh usloviyah: sbornik mat-lov XXI Mezhdunarodnoj nauchno-prakt. konf-cii (Irkutsk, 26–27 maya 2016 g.). Irkutsk: Vostochno-Sibirskij institut MVD Rossii, 2016. T. II. S. 237–241.

8. Kylosova A. L. Neobhodimost' vvedeniya v zakonodatel'stvo RF ponyatiya «pravovoj immunitet» // Molodoj uchenyj. 2021. № 51 (393). S. 228–230.

9. Obzor sudebnoj praktiki razresheniya sporov o nesostoyatel'nosti (bankrotstve) za 2023 g. (utv. Prezidiumom Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii 15.05.2024) // Byulleten' Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii. 2024. № 6 (iyun').

10. Rep'ev A. G., Pribytko Yu. A. Pravovye immunitety v administrativnom prave: sushchnostnyj i sodержatel'nyj analiz // Altajskij yuridicheskij vestnik. 2017. № 1 (17). S. 76–79.

11. Omarova Z. N. Parlamentskij immunitet deputata zakonodatel'nogo organa vlasti sub'ekta Rossijskoj Federacii (na primere Respubliki Dagestan) // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2017. № 5. S. 30–33.

12. Vinokurov A. Yu. O nekotoryh voprosah, svyazannyh s privlecheniem k administrativnoj otvetstvennosti sotrudnikov Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii // Problemy ukrepleniya zakonnosti i pravoporyadka: nauka, praktika, tendencii. 2015. № 8. S. 218–225.

Информация об авторе

Ю. А. Кругер — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

Yu. A. Krieger — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 10.10.2024; одобрена после рецензирования 28.11.2024; принята к публикации 05.12.2024.

The article was submitted 10.10.2024; approved after reviewing 28.11.2024; accepted for publication 05.12.2024.

Алтайский юридический вестник. 2024. № 4 (48). С. 81–87.

Altai Law Journal. 2024. № 4 (48). P. 81–87.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 342.211

ОХРАННЫЙ ОРДЕР КАК СРЕДСТВО ЗАЩИТЫ ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА ЛИЧНОСТИ

Евгений Викторович Лоос

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, elev_01@mail.ru

Аннотация. В статье поднимается вопрос об отсутствии в Российской Федерации механизма правовой защиты чести и достоинства личности от продолжающихся противоправных посягательств. Ввиду отсутствия законодательного регулирования этого вопроса потерпевший оказывается беззащитным перед правонарушителем.

В качестве действенного правового средства, которое может быть успешно использовано для защиты чести и достоинства личности от таких посягательств, автором называется охранный предписание (охранный ордер). В тексте статьи раскрывается сущность охранного ордера, рассматривается история его возникновения, анализируется опыт использования охранительных предписаний в законодательстве некоторых зарубежных государств.

В заключение предлагается авторское видение интеграции института охранного ордера в систему российского законодательства, отмечается возможность его использования для защиты чести и достоинства личности от продолжающихся противоправных посягательств.

Ключевые слова: охранный ордер, предписание, честь, достоинство, защита прав, законодательство

Для цитирования: Лоос Е. В. Охранный ордер как средство защиты чести и достоинства личности // Алтайский юридический вестник. 2024. № 4 (48). С. 81–87.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

PROTECTION ORDER AS LEGAL REMEDY OF PERSON'S HONOR AND DIGNITY

Evgenij V. Loos

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, elev_01@mail.ru

Abstract. The article raises the question of the absence in the Russian Federation of a mechanism for legal protection of the honor and dignity of a person from ongoing unlawful attacks. Due to the lack of legislative regulation of this issue, the victim finds himself defenseless against the offender.

The author calls a protective order as an effective legal means that can be successfully used to protect the honor and dignity of a person from such attacks. The text of the article reveals the essence of a protective order; examines the history of its origin, and analyzes the experience of using protective orders in the legislation of some foreign countries.

In conclusion, the author offers his own vision of integrating the institution of a protection order into the system of Russian legislation, and notes the possibility of using it to protect the honor and dignity of a person from ongoing unlawful attacks.

Key words: protection order; honor; dignity; protection of rights; legislation

For citation: Loos E. V. Protection order as legal remedy of person's honor and dignity. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2024;4:81–87 (In Russ.).

© Лоос Е. В., 2024

Достоинство личности и ее право на защиту чести Конституцией Российской Федерации отнесены к числу основных неотчуждаемых прав человека. Являясь важнейшими правовыми ценностями, честь и достоинство личности нуждаются в надежной защите от противоправных посягательств.

Защита чести и достоинства личности, по нашему мнению, представляет собой деятельность по пресечению соответствующих правонарушений, устранению условий, им способствующих, и восстановлению нарушенных прав потерпевшего [1]. Ключевую роль в этой деятельности играет государство в лице его правоохранительных органов, поскольку реальная защита права невозможна без применения эффективных санкций, а исключительным правом их применения наделены только государственные органы.

Основным способом, которым государство обеспечивает защиту чести и достоинства личности, является правовой способ: государство закрепляет в нормативных документах определенные предписания, неисполнение которых влечет за собой юридическую ответственность.

Необходимо отметить, что в Российской Федерации для обеспечения защиты чести и достоинства личности создана довольно серьезная правовая основа. Конституционные установления, касающиеся чести и достоинства личности, получают свое развитие практически во всех отраслях права. Так, например, в соответствии с ч. 2 ст. 12 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее — УИК РФ) осужденные имеют право на вежливое обращение со стороны персонала учреждения, исполняющего наказание, и не должны подвергаться жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или взысканию. В случае же нарушения своих прав они могут обращаться с заявлениями и жалобами к администрации учреждения, исполняющего наказание, в вышестоящие органы управления системы исполнения наказания, в прокуратуру, суд, к Уполномоченному по правам человека и т. д.¹

Положения законов, в свою очередь, получают свое развитие в многочисленных подзаконных нормативных правовых актах. Так, например, порядок подачи и рассмотрения жалоб и заявлений осужденных к лишению свободы подробно регла-

ментирован разделом XI Приложения № 2 к приказу Минюста России от 04.07.2022 № 110².

Однако же одним лишь закреплением в нормах права предписаний обеспечить защиту прав невозможно. Особенно актуален этот постулат в Российской Федерации, где уровень правосознания и правовой культуры населения является очень низким. Необходимо наличие действенного механизма, позволяющего воплотить предписание норм права в жизнь.

Существующий в нашей стране механизм защиты чести и достоинства личности от противоправных посягательств достаточно эффективно работает в случае окончанных посягательств. В зависимости от характера совершенного правонарушения наступает гражданско-правовая, административная или уголовная ответственность виновного. Так, например, лицо, совершившее оскорбление, по заявлению потерпевшего будет привлечено к ответственности по ст. 5.61 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) «Оскорбление».

Безусловно, механизм защиты чести и достоинства личности не свободен от изъянов и в этих случаях, однако наиболее остро его недостатки проявляются при продолжающихся посягательствах.

Как уже отмечалось, в содержание понятия «защита чести и достоинства личности» входит деятельность по пресечению соответствующих правонарушений. Вместе с тем на практике пресечь продолжающееся посягательство на честь и достоинство личности не представляется возможным, поскольку в действующем законодательстве этот вопрос не урегулирован.

В качестве наглядного примера приведем дело № 41261/17, рассмотренное Европейским Судом по правам человека (далее — ЕСПЧ) 9 июля 2019 г.

В 2014 г. гражданка Володина, проживавшая в г. Ульяновске, стала жертвой противоправных действий со стороны бывшего сожителя С. Последний после расставания угрожал Володиной смертью и убийством ее ребенка. На протяжении нескольких лет С. наносил психологические и физические травмы Володиной, портил имущество,

² Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы [Электронный ресурс]: приказ Минюста России от 04.07.2022 № 110. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

отбирал паспорт и личные вещи, размещал фотографии женщины без ее согласия в сети Интернет. Володина неоднократно заявляла в правоохранительные органы о преследовании со стороны С., однако уголовное дело либо не было возбуждено, либо прекращалось вскоре после возбуждения. Женщина попросила о предоставлении ей государственной защиты, однако ее заявление сочли необоснованным. В 2018 г. Володина была вынуждена сменить фамилию и вместе с сыном уехать из страны¹.

Таким образом, достоинство личности потерпевшей длительное время подвергалось умалению, при этом она оказалась совершенно беззащитной перед правонарушителем. Следует отметить, что этот случай по стране далеко не единичный. Между тем существует довольно действенное правовое средство, широко применяемое в законодательстве ряда зарубежных государств, которое может быть успешно использовано для защиты чести и достоинства личности от продолжающихся посягательств. Это средство — охранный ордер.

Суть его заключается в том, что уполномоченный орган государства устанавливает определенные ограничения в отношении правонарушителя на совершение конкретных действий либо, напротив, принуждает его к их совершению и тем самым обеспечивает защиту прав потерпевшего. Если же правонарушитель не соблюдает установленные ограничения, то для него немедленно наступают неблагоприятные правовые последствия. В этом случае нарушитель вступает в правоотношения уже не с потерпевшим, а с самим государством. Причем его ответственность наступает не за ущемление прав потерпевшего, а за невыполнение императивных предписаний государства в лице его уполномоченного органа.

Область применения охранный ордера в законодательстве зарубежных государств достаточно узка: в основном он применяется в качестве превентивного способа защиты жертв от домашнего насилия. Однако, на наш взгляд, в России он может быть с успехом применен и в некоторых других областях, в частности для защиты чести и достоинства личности.

Впервые институт охранный ордера появился в США во второй половине XX в., а в самом конце столетия получил распространение и в международном законодательстве.

¹ Володина против России (Volodina v. Russia): постановление Европейского суда по правам человека от 9 июля 2019 г. (жалоба № 41261/17) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В 1996 г. Организацией Объединенных Наций было принято «Модельное законодательство о насилии в семье». Основной целью принятия данного документа стало устранение пробелов во внутрисударственном законодательстве. Законом достаточно подробно регулировались вопросы, касающиеся охранный ордера и процедуры его использования.

В указанном выше документе обозначены два вида ордера: временный чрезвычайный ограничительный ордер и судебный охранный ордер. Название первого говорит само за себя. Он может быть выдан сотрудниками полиции, судьей или представителями органов юстиции по заявлению потерпевшей стороны при существующей угрозе ее безопасности в течение не более 24 часов с момента совершения насилия. Временный чрезвычайный ограничительный ордер действует на срок до 28 дней и принуждает обидчика к совершению (несовершению) определенных действий, например покинуть жилище, исключить контакт с пострадавшей стороной и т. д.

В случае невыполнения правонарушителем предписаний охранный ордера он может быть арестован и подвергнут уголовному преследованию, об этом его заранее информируют должностные лица, выдавшие ордер.

Действие временного ордера приостанавливается после получения судебного охранный ордера. В Модельном законодательстве содержится перечень мер, предусмотренных судебным ордерам. В их числе удержание обидчика от причинения дальнейшего вреда жертве, предписание нарушителю покинуть семейный дом независимо от того, кто владеет этой собственностью, запрещение единоличного использования совместного имущества и т. д. Срок действия судебного охранный ордера определяется судьей. Правонарушитель, допустивший невыполнение требований судебного ордера, подлежит уголовному наказанию, о чем его также своевременно предупреждают. В Модельном законодательстве ООН подробно регламентирован механизм противодействия внутрисемейному насилию со стороны полиции [2].

«Модельное законодательство о насилии в семье» получило свое развитие во внутреннем законодательстве более сотни государств. В качестве способа защиты жертв от домашнего насилия использовался именно охранный ордер. Принятые законы на практике показали свою эффективность, о чем свидетельствует статистика [3].

Охранный ордер в каждой стране имеет свою специфику. Это проявляется уже в названии пра-

вового инструмента: охранный приказ (США), защитное предписание (Казахстан), приказ об охране (Турция) и т. д. Различными являются его правовая природа и механизм, обеспечивающие нормы могут быть материальными и процессуальными, относиться к сфере гражданско-правовых, административно-правовых или уголовно-правовых отношений. В качестве примера рассмотрим особенности применения охранный ордера в некоторых зарубежных государствах.

В Англии охранный ордер относится к судебным приказам-запретам (в английском языке — injunction). Такие приказы применяются, во-первых, с целью обязать совершить какое-то действие, во-вторых, с целью запретить совершение действия.

Охранный ордер применяется как превентивный способ защиты жертв домашнего насилия и содержит в себе одно или сразу оба положения:

1) положение, запрещающее заинтересованному лицу досаждать заявителю;

2) положение, запрещающее заинтересованному лицу досаждать ребенку, связанному с ответчиком.

Ордер выносится в ходе гражданского судопроизводства как по инициативе заявителя, так и по инициативе суда. В последнем случае определяющим является мнение суда о том, что вынесение ордера пойдет на пользу ребенку или одной из сторон.

В случае рассмотрения вопроса о вынесении ордера по заявлению назначается судебное заседание, о чем своевременно извещаются заинтересованные стороны. Заявитель дает присягу и представляет суду доказательства перенесенного насилия. По результатам судебного заседания судья может вынести одно из следующих решений:

1) ордер не выносится, ответчик обязывается совершить (не совершать) какие-либо действия по отношению к заявителю;

2) в установленных законом случаях с целью защиты заявителя выносится промежуточный ордер;

3) выносится ордер.

Ордер может быть вынесен бессрочно, на определенный срок или до наступления какого-либо события. Копии ордера выдаются (направляются) всем заинтересованным лицам (в т. ч. должностным).

В случае нарушения предписаний ордера ответчиком потерпевший вправе обратиться в полицию и суд. Нарушение установленных судом обязанностей, отраженных в ордере, расценивается как уголовно наказуемое деяние [4].

В законодательстве Киргизской Республики предусмотрен лишь временный охранный ордер. Он выдается в обязательном порядке всем пострадавшим от семейного насилия сроком на три дня с возможностью продления до одного месяца (30 дней). Законом установлена возможность информирования с согласия потерпевшего социальных служб и работодателя правонарушителя о выдаче ордера. В случае продления охранный предписания устанавливается обязанность правонарушителя пройти курс коррекции насильственного поведения. Нарушение запретов, установленных ордера, влечет уголовную ответственность [5].

В Таджикистане предусмотрена выдача как защитного предписания, так и охранный ордера. Предписание выдается в течение суток с момента совершения насилия или с момента подачи заявления о насилии сроком до 15 дней с возможностью продления до 30 дней и содержит запрет на совершение целого ряда указанных в законе действий. Примечательно, что предписание может быть выдано не только лицу, совершившему насилие, но и угрожающему им.

Собственно охранный ордер выдается на срок до 30 дней с возможностью продления еще на 30 дней и содержит ряд запретов и предписаний для правонарушителя. Как и в Киргизии, в случае продления охранный ордера правонарушителю предписывается пройти курс коррекции насильственного поведения [5].

В Азербайджане существуют краткосрочный (до 30 дней) или долгосрочный (от 30 до 180 дней) охранные ордера. Несоблюдение требований долгосрочного ордера влечет уголовную ответственность.

Пожокие условия применения защитных мер существуют и в Республике Молдова. В законодательстве этой страны выделяются незамедлительное ограничительное предписание сроком до десяти дней и защитное предписание, выдаваемое на срок до трех месяцев с правом продления. В случае несоблюдения требований предписания наступает уголовная ответственность. Интересной особенностью является то, что контроль за посткриминальным поведением правонарушителя осуществляется с применением электронной системы наблюдения (электронный браслет) [5].

Поскольку, как уже отмечалось, институт охранный ордера зародился в США, будет уместным рассмотреть его особенности в этой стране несколько подробнее.

Охранный ордер в США выдается жертвам насилия (abuse victim). Насилием в этом смысле за-

коном признаются: физическое насилие, оскорбления (словесные, с очевидным сексуальным подтекстом), запугивания, угрозы, насильственные действия сексуального характера, насильственное ограничение свободы жертвы (удерживание), навязчивое преследование. Таким образом, можно констатировать, что область применения охранного ордера в США шире, нежели в большинстве других стран. Выделяют временный и постоянный защитный ордер.

Временный защитный ордер (Temporary Protective Order) выдается на срок до 14 дней (обычно действует в течение 7 дней) и является экстренной мерой защиты жертвы. Основанием выдачи временного защитного ордера является заявление жертвы, которое подается в суд по месту проживания. В случае принятия его к рассмотрению суд в этот же день назначает слушание по вопросу выдачи временного ордера. Защитный ордер начинает действовать сразу же после его получения. Информирование правонарушителя о выдаче ордера возлагается на полицию.

После вступления в силу временного ордера назначаются слушания по выдаче постоянного охранного ордера (The Final Protective Order Hearing). Присутствие жертвы в судебном заседании является обязательным. Для выдачи постоянного охранного ордера необходимо представление веских доказательств насилия (показаний свидетелей, медицинских документов, видео- или аудиозаписей и т. д.). В случае их наличия присутствие обвиняемого в судебном заседании обязательным не является, ордер может быть вынесен и в его отсутствие. Постоянный охранный ордер начинает действовать немедленно и сохраняет силу в течение года. По истечении этого срока он может быть продлен еще на шесть месяцев. Временный же ордер теряет свою силу.

Следует заметить, что охранный ордер не является гарантией безопасности жертвы. Некоторые исследователи проблемы приводят статистику, свидетельствующую об отсутствии значительного эффекта от его применения [5].

И в этой связи интерес представляет опять-таки опыт правоприменителя Соединенных Штатов Америки, обладающего наибольшим опытом использования этого правового инструмента. Так, Департамент юстиции США еще в 1998 г. опубликовал отчет под названием «Судебные приказы о гражданской защите: мнение жертв об эффективности». В документе, в частности, приводятся данные опроса жертв насилия, в отношении которых вступил в силу охранный ордер. Только 80 % опро-

шенных отметили, что после начала его действия почувствовали себя в большей безопасности [6].

Несмотря на прошедший с момента опубликования отчета значительный временной промежуток, приведенные данные продолжают оставаться актуальными, запретительные судебные приказы регулярно нарушаются. Так, по данным Департамента полиции Лос-Анджелеса, на которые ссылается местное электронное издание Лос-Анджелеса «Crosstown», в 2019 г. в городе было зафиксировано 785 нарушений запретительных судебных приказов о домашнем насилии, а в 2020 г. — 765¹.

Также следует отметить, что официальные статистические данные, как правило, значительно отличаются от реального положения дел. По данным того же источника, в 2019 г. полиция Лос-Анджелеса получила 5393 звонка о нарушении судебных запретов в рассматриваемой сфере, но подала только 785 сообщений о нарушениях запретительных судебных приказов, что составляет менее 15 % от общего числа. В 2020 г. число звонков составило 5126 [7].

Вместе с тем польза от применения охранных ордеров является, на наш взгляд, очевидной. Полагаем, что этот правовой инструмент может и должен быть внесен в систему российского законодательства для регулирования общественных отношений в самых разнообразных областях, включая сферу защиты чести и достоинства личности.

Об актуальности вопроса включения охранный ордера в систему российского законодательства свидетельствует его широкое обсуждение в средствах массовой информации, законодательных и судебных органах.

Так, в октябре 2023 г. в Государственную Думу РФ депутатами В. А. Даванковым, С. В. Авксентьевой и К. А. Горячевой (партия «Новые люди») был внесен законопроект № 452947-8 «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации (об установлении запрета на совершение определенных действий)». Законопроект был разработан с целью установления правовых механизмов защиты граждан, которые подвергаются навязчивому преследованию.

Законопроектом предлагалось внести следующие изменения: дополнить статью 12 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) пунктом, устанавливающим запрет на совершение действий, «нарушающих или создающих угрозу нарушения определенных прав либо посягающих или создающих угрозу посягательства на определенные бла-

¹ Численность населения Лос-Анджелеса на 1 июня 2024 г. составляет 3 979 576 человек.

га»; п. 2 ст. 150 ГК РФ — положением о том, что принадлежащие гражданину нематериальные блага могут быть защищены, в частности, путем установления запрета определенных действий; а также включить в ГК РФ статью 14.1, предоставляющую, в частности, право суду на установление запрета приближаться или осуществлять другие контакты нарушителя с охраняемым гражданином.

Законопроект был отклонен ввиду его недостаточной проработанности. В заключении на проект федерального закона было, в частности, отмечено, что проектируемые изменения статей 12 и 150 ГК РФ по существу дублируют действующие положения кодекса.

В официальном отзыве Правительства Российской Федерации на представленный законопроект, в частности, отмечено отсутствие в нем положений, определяющих основания для установления судом запретов, сроков, на которые могут быть установлены запреты, механизмов принудительного исполнения решений суда, ответственности за несоблюдение запретов [7], т. е., по сути, всего того, ради чего введение института охранительных предписаний является необходимым.

Законопроект № 452947-8 отразил типичную для современности политику отечественного законодательства: малыми усилиями, без достаточной научной обоснованности одномоментно пытаться решить острые социальные проблемы. Процесс изменения нормативного регулирования общественных отношений не поспевает за скоростью их развития, в связи с чем носит стихийный и казуальный характер.

Между тем нормальное законодательное регулирование должно иметь в своей основе хорошо проработанную и четко сформулированную теоретическую концепцию, положенную в основу нормотворчества.

Полагаем, что и институт охранного ордера должен быть введен в российскую систему законодательства не просто путем внесения изменений в какой-либо действующий нормативный правовой акт, но системно, комплексно.

В качестве первоосновы необходимо, на наш взгляд, принятие федерального закона, предметом регулирования которого станут отношения, свя-

занные с применением охранных предписаний, имеющего соответствующее название, к примеру «Об охранный ордере». Закон не должен ограничиваться сферой внутрисемейного насилия, а иметь широкую область применения.

Законом в обязательном порядке должны быть установлены:

- предмет его регулирования, основные понятия и сфера применения;
- виды защитных предписаний, их содержание и сроки;
- основания применения защитных предписаний;
- меры обеспечения безопасности защищаемого, которые могут быть применены к правонарушителю при вынесении защитных предписаний;
- механизм применения мер обеспечения;
- ответственность правонарушителя за невыполнение защитных предписаний.

Содержание закона должно быть максимально конкретным, а перечень видов, оснований и мер обеспечения широким, но исчерпывающим.

Максимально жесткими должны быть и меры реагирования государства на невыполнение защитных предписаний, предпочтительно с изоляцией правонарушителя. С этой целью должны быть внесены соответствующие изменения в административное и уголовное законодательство. К примеру, впервые допущенное невыполнение защитных предписаний может влечь административную ответственность в виде административного ареста, повторное — уголовную, также в виде ареста. Применительно к уголовному законодательству охранный ордер может быть рассмотрен также в качестве иной меры уголовно-правового характера.

Так или иначе положения предлагаемого базового закона должны получать свое продолжение в отраслевом законодательстве, образуя в совокупности единую эффективную систему обеспечения безопасности личности от продолжающихся посягательств или непосредственной угрозы их совершения.

Не является исключением и сфера безопасности личности, связанная с ее достоинством и правом на защиту чести. Охранный ордер может стать эффективным средством их защиты.

Список источников

1. Лоос Е. В. Об эффективности государственно-правовой защиты чести и достоинства личности в Российской Федерации (теоретико-правовой аспект) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 2 (54). С. 177–181.
2. Харламов В. С. Институт охранного ордера в зарубежном законодательстве как инструмент защиты личности от внутрисемейного насилия // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. № 1 (32). С. 34–40.

3. Брынцева Г. Я бог, я царь. Я — муж. 40 процентов всех тяжких преступлений в России совершаются в семьях // Российская газета. 2012. 23 октября. № 5917 (244).

4. Руф О. Р. Процессуальный механизм применения охрannого ордера на примере Англии // Молодёжь третьего тысячелетия: сборник научных статей XLV региональной студенческой научно-практ. конф-ции (Омск, 5–25 апреля 2021 г.) / отв. ред. П. В. Прудников. Омск: Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, 2021. С. 1220–1225.

5. Стадникова О. А. Охранный ордер как способ предупреждения семейно-бытового насилия в некоторых странах постсоветского пространства // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2023. № 1 (49). С. 117–128.

6. Civil Protection Orders: Victims' Views on Effectiveness. Summary of a Research Study by Susan L. Keilitz, Courtenay Davis, Hillery S. Efke, Carol Flango, and Paula L. Hannaford of the National Center for State Courts. URL: <https://www.ojp.gov/pdffiles/fs000191.pdf> (дата обращения: 10.06.2024).

7. For domestic violence survivors, restraining orders offer little protection // Crosstown. November 15, 2021. URL: <https://xtown.la/2021/11/15/domestic-violence-restraining-order/> (дата обращения: 10.06.2024).

8. О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации (об установлении запрета на совершение определенных действий): законопроект № 452947-8 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/452947-8> (дата обращения: 10.06.2024).

References

1. Loos E. V. Ob effektivnosti gosudarstvenno-pravovoj zashchity chesti i dostoinstva lichnosti v Rossijskoj Federacii (teoretiko-pravovoj aspekt) // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2021. № 2 (54). S. 177–181.

2. Harlamov V. S. Institut ohrannogo ordera v zarubezhnom zakonodatel'stve kak instrument zashchity lichnosti ot vnutrisemejnogo nasiliya // Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra. 2014. № 1 (32). S. 34–40.

3. Brynцева G. Ya bog, ya car'. Ya — muzh. 40 procentov vsekh tyazhkih prestuplenij v Rossii sovershayutsya v sem'yah // Rossijskaya gazeta. 2012. 23 oktyabrya. № 5917 (244).

4. Ruf O. R. Processual'nyj mekhanizm primeneniya ohrannogo ordera na primere Anglii // Molodyozh' tret'ego tysyacheletiya: sbornik nauchnyh statej XLV regional'noj studencheskoj nauchno-prakt. konf-cii (Omsk, 5–25 aprelya 2021 g.) / отв. ред. P. V. Prudnikov. Omsk: Omskij gosudarstvennyj universitet im. F. M. Dostoevskogo, 2021. S. 1220–1225.

5. Stadnikova O. A. Ohrannyj order kak sposob preduprezhdeniya semejno-bytovogo nasiliya v nekotoryh stranah postsovetского prostranstva // Vestnik MGPU. Seriya: Yuridicheskie nauki. 2023. № 1 (49). S. 117–128.

6. Civil Protection Orders: Victims' Views on Effectiveness. Summary of a Research Study by Susan L. Keilitz, Courtenay Davis, Hillery S. Efke, Carol Flango, and Paula L. Hannaford of the National Center for State Courts. URL: <https://www.ojp.gov/pdffiles/fs000191.pdf> (data obrashcheniya: 10.06.2024).

7. For domestic violence survivors, restraining orders offer little protection // Crosstown. November 15, 2021. URL: <https://xtown.la/2021/11/15/domestic-violence-restraining-order/> (data obrashcheniya: 10.06.2024).

8. O vnesenii izmenenij v Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (ob ustanovlenii zapreta na sovershenie opredelennyh dejstvij): zakonoproekt № 452947-8 // Sistema obespecheniya zakonodatel'noj deyatel'nosti. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/452947-8> (data obrashcheniya: 10.06.2024).

Статья поступила в редакцию 09.07.2024; одобрена после рецензирования 16.08.2024; принята к публикации 05.12.2024.

The article was submitted 09.07.2024; approved after reviewing 16.08.2024; accepted for publication 05.12.2024.

Алтайский юридический вестник. 2024. № 4 (48). С. 88–94.

Altai Law Journal. 2024. № 4 (48). P. 88–94.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 347:342.9

ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА ПРИ ПРИВЛЕЧЕНИИ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ ПО ОТДЕЛЬНЫМ СОСТАВАМ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Ирина Викторовна Потапенкова¹, Елена Николаевна Ярмонова²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ irina_abuzova@mail.ru

² yarelenan@yandex.ru

Аннотация. В настоящей статье авторами рассматривается механизм привлечения к административной ответственности юридических лиц за совершение административных правонарушений в ходе использования в своей деятельности транспортных средств. Проблемные вопросы привлечения к административной ответственности водителей (физических лиц) и собственников транспортных средств (юридических лиц или индивидуальных предпринимателей) связаны с заключением или фиктивных договоров с целью ухода от ответственности либо снижения суммы штрафа.

Ключевые слова: административные правонарушения, нормы гражданского права, договор аренды, фиктивный договор, арендодатель, транспортное средство, юридические лица, Госавтоинспекция

Для цитирования: Потапенкова И. В., Ярмонова Е. Н. Применение норм гражданского права при привлечении к административной ответственности юридических лиц по отдельным составам административных правонарушений // Алтайский юридический вестник. 2024. № 4 (48). С. 88–94.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

APPLICATION OF CIVIL LAW NORMS WHEN BRINGING LEGAL ENTITIES TO ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR CERTAIN TYPES OF ADMINISTRATIVE OFFENSES

Irina V. Potapenkova¹, Elena N. Yarmonova²

^{1,2} Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

¹ irina_abuzova@mail.ru

² yarelenan@yandex.ru

Abstract. In this article, the authors consider the mechanism of bringing legal entities to administrative responsibility for committing administrative offenses in the course of using vehicles in their activities under various ownership rights. Problematic issues of law enforcement practice of bringing drivers (individuals) and vehicle owners (legal entities or individual entrepreneurs) to administrative responsibility are associated with their conclusion of fictitious contracts in order to evade liability or reduce the amount of the fine.

Keywords: administrative offenses, civil law norms, lease agreement, fictitious contract, lessor, vehicle, legal entities, State Traffic Safety Inspectorate

For citation: Potapenkova I. V., Yarmonova E. N. Application of civil law norms when bringing legal entities to administrative responsibility for certain types of administrative offenses. *Altajskij juridicheskiy vestnik = Altai Law Journal*. 2024;4:88–94 (In Russ.).

Вопросы взаимодействия норм гражданского законодательства и законодательства об административных правонарушениях возникли в том числе и в рамках правоприменительной деятельности субъектов административно-юрисдикционной деятельности.

Правоприменительная практика свидетельствует о случаях, когда выносится постановление об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении в отношении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в связи с отсутствием состава административного правонарушения (п. 2 ч. 1 ст. 24.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ)). Такое решение обусловлено освобождением от административной ответственности за административные правонарушения в сфере дорожного движения ввиду передачи прав пользования и владения транспортными средствами по договору аренды (субаренды), находящимися в собственности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в рамках гражданско-правовых отношений. Так, например, в ОГИБДД МУ МВД России «Красноярское» г. Красноярск имеется практика об отказе в возбуждении дел об административных правонарушениях по:

- ч. 2 ст. 12.37 КоАП РФ «Неисполнение владельцем транспортного средства установленной федеральным законом обязанности по страхованию своей гражданской ответственности, а равно управление транспортным средством, если такое обязательное страхование заведомо отсутствует» в связи с заключением обществом с ограниченной ответственностью (далее — ООО) договора аренды транспортного средства с водителем — физическим лицом;

- ч. 3 ст. 12.31.1 КоАП РФ «Осуществление перевозок пассажиров и багажа, грузов автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом с нарушением требований о проведении предрейсового контроля технического состояния транспортных средств» в связи с заключением индивидуальным предпринимателем (далее — ИП) договора аренды транспортного средства с водителем — физическим лицом, а ответственность за данный состав административного правонарушения предусмотрена только в отношении должностных и юридических лиц;

- ч. 1 ст. 12.31 КоАП РФ «Выпуск на линию транспортного средства, не зарегистрированного в установленном порядке или не прошедшего технического осмотра» в связи с заключением ООО договора аренды транспортного средства с води-

телем — физическим лицом, а ответственность за данный состав административного правонарушения предусмотрена в отношении юридического лица.

Таким образом, мы можем наблюдать, как гражданское законодательство, регулирующее частные отношения, влияет на применение норм публичного права, которое призвано регулировать отношения, возникающие при обеспечении публичной администрацией конституционных прав и обязанностей граждан [1]. Вместе с тем гражданское законодательство и законодательство об административных правонарушениях связаны общими задачами, а именно: защита прав и свобод человека и гражданина, защита собственности, законных экономических интересов физических и юридических лиц.

Вопросам взаимодействия гражданского законодательства и законодательства об административной ответственности уделено немало внимания [2]. Вместе с тем в настоящей статье речь не будет идти о направлениях взаимодействия двух совершенно различных правовых отраслей, которые регулируют разными средствами и способами реализацию прав и исполнение обязанностей, в той или иной степени связанных с имущественными и личными неимущественными отношениями. В статье предлагается рассмотреть механизм привлечения к административной ответственности юридических лиц за совершение административных правонарушений в ходе использования в своей деятельности транспортных средств на различных правах обладания.

Привлечение к административной ответственности физического лица — арендатора автомобиля не исключает возможности привлечения юридического лица (либо индивидуального предпринимателя) — арендодателя к административной ответственности, если это предусмотрено санкцией статьи КоАП РФ.

При наличии фактов, указывающих на отсутствие договора аренды транспортного средства либо его фиктивность, если наличие такового влияет на оценку юридического факта, необходимо назначение административного расследования в отношении арендодателя — собственника.

Например, данными фактами могут являться незнание водителем основных условий договора аренды. Кроме того, на месте совершения административного правонарушения должностные лица, осуществляющие надзор за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации о безопас-

ности дорожного движения с целью установления обстоятельств происшедшего имеют возможность проверить на официальном сайте Федеральной налоговой службы (далее — ФНС) Единый государственный реестр юридических лиц (далее — ЕГРЮЛ) и Единый государственный реестр индивидуальных предпринимателей (далее — ЕГРИП).

В реестрах имеется информация относительно видов экономической деятельности хозяйствующих субъектов по Общероссийскому классификатору видов экономической деятельности (далее — ОКВЭД)¹: сведения об основном виде деятельности, сведения о дополнительных видах деятельности, а также сведения о лицензиях.

Выбор кодов ОКВЭД для бизнеса по аренде транспортных средств (каршеринг) зависит от того, какой транспорт будут сдавать и будет ли при этом задействован экипаж. ОКВЭД для аренды грузовой техники с водителем — 49.41 «Деятельность грузового автотранспорта». ОКВЭД сдачи в аренду строительной техники — 43 «Работы строительные специализированные». Если в аренду сдают только автомобиль без экипажа (водителя, грузчиков) — 77.12 «Аренда и лизинг грузовых транспортных средств».

Вместе с тем следует учитывать, что во введении к ОК029-2014 — Общероссийскому классификатору видов экономической деятельности, утвержденному приказом Росстандарта от 31 января 2014 г. № 14-ст, указано, что присвоение кодов по ОКВЭД имеет своей целью лишь классификацию и кодирование видов экономической деятельности и информации о них.

Следовательно, присвоение организации какого-либо кода по ОКВЭД не лишает ее права на осуществление иных видов деятельности (письмо ФНС России от 22.08.2019 № СА-17-2/229).

Таким образом, отсутствие в ЕГРЮЛ (ЕГРИП) информации о коде вида деятельности на сдачу в аренду грузового автомобиля не может само по себе свидетельствовать о незаконности деятельности и (или) отсутствии договора аренды и является лишь косвенным признаком.

Согласно абз. 3 подп. «а» п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных

правонарушениях» административное расследование представляет собой комплекс требующих значительных временных затрат процессуальных действий уполномоченных лиц, направленных на выяснение всех обстоятельств административного правонарушения, их фиксирование, юридическую квалификацию и процессуальное оформление.

В соответствии с ч. 1 ст. 28.7 КоАП РФ проведение административного расследования возможно в областях законодательства, перечисленных в ч. 1 ст. 28.7 КоАП РФ, в число которых входят административные правонарушения в области дорожного движения.

Решение о возбуждении дела об административном правонарушении и проведении административного расследования принимается немедленно после выявления факта совершения административного правонарушения (ч. 2 ст. 28.7 КоАП РФ).

В ходе административного расследования могут проводиться в том числе следующие мероприятия:

- 1) получение объяснений лиц (ст. 26.3 КоАП РФ);
- 2) экспертиза (ст. 26.4 КоАП РФ);
- 3) взятие проб и образцов (ст. 26.5 КоАП РФ);
- 4) направление поручений и запросов (ст. 26.9 КоАП РФ);
- 5) истребование сведений (ст. 26.10 КоАП РФ).

В рамках проведения административного расследования в порядке применения ст. 26.10 КоАП РФ истребуются сведения от юридического лица — арендатора транспортного средства и Федеральной налоговой службы (далее — ФНС).

Органы внутренних дел могут запрашивать из ФНС устав юридического лица, сведения о налогах, выписки из ОКВЭД, а также имеют право инициировать налоговую проверку.

При регистрации юридического лица в ЕГРЮЛ его устав направляется в ФНС (может быть заполнен типовой устав на сайте ФНС). Индивидуальные предприниматели учредительные документы не оформляют, достаточно только регистрации в ЕГРИП.

О любых изменениях, связанных с уставом, уведомляется ФНС в течение 7 дней с момента оформления протокола собрания или решения участника. Протокол и решение подлежат нотариальному удостоверению, если в уставе не указаны иные способы их заверения (подписание всеми учредителями, видеофиксация и др.).

Для внесения небольших по объему изменений в устав можно обойтись листом изменений. Для

¹ О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ, подп. «п» п. 1 ст. 5. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

значительных корректировок или объемных сведений проще принять устав в новой редакции.

В соответствии с п. 5 ст. 5 Закона о госрегистрации юридическое лицо обязано в течение 7 рабочих дней с момента изменения кодов ОКВЭД сообщить об этом в регистрирующий орган по месту своего нахождения.

Для изменения кодов ОКВЭД, содержащихся в ЕГРЮЛ, в регистрирующий орган необходимо подать заявление по форме № 13014, утвержденной приказом ФНС России от 31 августа 2020 г. № ЕД-7-14/617@, по общему правилу в п. 2 заявления «Причина представления заявления» проставляется цифровое значение 2 (изменение сведений о юридическом лице, содержащихся в ЕГРЮЛ). Если коды ОКВЭД изменены в связи с изменением учредительных документов, то в пункте 2 «Причина представления заявления» проставляется цифровое значение 1 (внесение изменений в учредительный документ юридического лица и (при необходимости) изменение сведений о юридическом лице, содержащихся в ЕГРЮЛ) (п. 76 Требований).

Внесение в ЕГРЮЛ изменений осуществляется регистрирующим органом в срок не более чем пять рабочих дней со дня представления документов (п. 1, 3 ст. 18, п. 1 ст. 8 Закона о госрегистрации).

По результатам регистрации регистрирующий орган выдает документ, подтверждающий факт внесения записи в соответствующий государственный реестр (п. 3 ст. 11 Закона о госрегистрации): форма № Р50007 «Лист записи ЕГРЮЛ», утвержденная приказом ФНС России от 6 ноября 2020 г. № ЕД-7-14/794@.

Указанный документ выдается (направляется) регистрирующим органом в порядке, предусмотренном п. 3 ст. 11 Закона о госрегистрации.

Изменение в реестрах не всегда влечет изменение в уставе юридического лица. Закон не устанавливает обязанности перечислять в учредительных документах юридического лица (даже для которых указание на виды деятельности в уставе является необходимым) виды деятельности в соответствии с формулировками каких-либо классификаторов, в т. ч. ОКВЭД. Конкретные виды деятельности указывать в уставе не надо, они указаны в ЕГРЮЛ. Иначе при смене видов деятельности придется вносить изменения не только в ЕГРЮЛ, но и в устав. В настоящее время внесение изменений в ОКВЭД значительно упростилось и производится в дистанционном порядке.

Таким образом, в уставе юридического лица не всегда может быть четко прописана сдача в аренду

грузовых автомобилей в качестве одного из направлений предпринимательской деятельности. Данная деятельность должна быть внесена в ОКВЭД, но и даже ее отсутствие в нем не может выступать единственным основанием для признания договора аренды мнимым.

Закон не запрещает организации выполнять работы или оказывать услуги, если соответствующий ОКВЭД не указан в ЕГРЮЛ. Юридическое лицо вправе заниматься любым видом деятельности, не запрещенным законодательством Российской Федерации. Отсутствие соответствующего ОКВЭД при этом не влияет на ведение деятельности, которая законна. Такой вывод следует из письма ФНС от 3 сентября 2018 г. № ЕД-19-2/263@: «Согласно подходам, существующим в судебно-арбитражной практике, присвоение налогоплательщиком какого-либо кода вида деятельности по ОКВЭД не лишает его права на осуществление других видов деятельности и не свидетельствует о получении им необоснованной налоговой выгоды. ОКВЭД предназначен для классификации и кодирования видов экономической деятельности, заявляемых хозяйствующими субъектами при регистрации, и используется при решении задач, связанных с осуществлением государственного статистического наблюдения по видам деятельности за развитием экономических процессов и подготовкой статистической информации».

Вместе с тем при осуществлении юридическим лицом деятельности, код вида которой не внесен в ЕГРЮЛ либо код внесен, но с нарушением указанного срока, возможно привлечение к административной ответственности по ч. 3 и 4 ст. 14.25 КоАП РФ (постановление Арбитражного суда Центрального округа от 11.03.2020 № Ф10-288/20, постановление Четвертого Арбитражного апелляционного суда от 05.04.2018 № 04АП-1262/18).

Налоговый орган может порекомендовать юридическому лицу внести изменения в сведения о кодах ОКВЭД, содержащихся в ЕГРЮЛ, если налоговыми органами при осуществлении функции по контролю и надзору за соблюдением законодательства о налогах и сборах выявлено несоответствие кода вида экономической деятельности, заявленного налогоплательщиком, его фактическому виду деятельности (письмо ФНС России от 30.05.2018 № ЕД-4-15/10392@).

При проведении административного расследования надо иметь в виду, что ФНС, как правило, не обладает информацией относительно сдачи юридическим лицом в аренду автомобиля. В случае если договор аренды был заключен до подачи

налоговой декларации, то сведения о получении прибыли от аренды еще не поступали в ФНС. При этом срок подачи деклараций у различных категорий юридических лиц разный (например, юридические лица, применяющие общую систему налогообложения, заполняют декларации один раз в год; налогоплательщики, применяющие упрощенную систему налогообложения, — раз в квартал). Субъекты предпринимательской деятельности, учитывая данные обстоятельства, зачастую целенаправленно заключают договор аренды на срок до подачи сведений в ФНС.

Но даже и при наличии декларации налоговые органы без дополнительных запросов от налогоплательщиков не обладают сведениями о договоре аренды.

В данном случае договор аренды автомобиля подпадает под категорию мнимых сделок, что согласно п. 1 ст. 170 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) предполагает, что сделка совершена лишь для вида, без намерения создать соответствующие ей правовые последствия.

По смыслу п. 86 Постановления Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» стороны такой сделки могут также осуществить ее формальное исполнение. Например, в данном случае составить акты о передаче данного имущества, при этом сохранив контроль собственника за ним.

Как было указано ранее, согласно ст. 644 ГК РФ в течение всего срока договора аренды транспортного средства без экипажа поддерживать надлежащее состояние арендованного транспортного средства, включая осуществление текущего и капитального ремонта, обязан арендатор.

Арендатор своими силами осуществляет управление арендованным транспортным средством и его эксплуатацию, как коммерческую, так и техническую (ст. 645 ГК РФ). Кроме того, если иное не предусмотрено договором аренды транспортного средства без экипажа, арендатор несет расходы на содержание арендованного транспортного средства, его страхование, включая страхование своей ответственности, а также расходы, возникающие в связи с его эксплуатацией (ст. 646 ГК РФ). При этом расходы, возникающие в связи с его эксплуатацией, включают в том числе приобретение горюче-смазочных материалов.

Иначе говоря, если имеет место аренда без экипажа, то в силу ст. 642 ГК РФ арендатор осуществляет управление и эксплуатацию своими силами и несет соответствующие расходы.

Таким образом, выявление в рамках административного расследования факта несения арендодателем расходов, возникающих в связи с его эксплуатацией, в т. ч. расходов на приобретение горюче-смазочных материалов, может указывать на фиктивность договора аренды автомобиля.

Оплату транспортного налога, обязательное и добровольное страхование автомобиля может осуществлять как арендодатель, так и арендатор, поэтому в данном случае эти факты не характеризуют природу сделки.

Порядок взаимодействия органов внутренних дел и налоговых органов по предупреждению, выявлению и пресечению налоговых правонарушений и преступлений установлен Приказом МВД России и Федеральной налоговой службы от 30 июня 2009 г. № 495/ММ-7-2-347.

Одной из форм сотрудничества органов внутренних дел с налоговыми органами является обмен информацией. Органы внутренних дел могут инициировать налоговую проверку. Для этого им достаточно направить в адрес налогового органа материалы об обстоятельствах, которые требуют совершения действий, отнесенных к полномочиям ФНС.

Сотрудники МВД России направляют материалы в соответствующий налоговый орган в десятидневный срок. Далее налоговый орган рассматривает материалы и не позднее десяти дней с даты получения материалов направляет в полицию уведомление о принятом решении. Решения могут быть следующими:

- назначена выездная налоговая проверка;
- запланирована камеральная налоговая проверка;
- отказано в проведении мероприятий налогового контроля.

Отказ должен быть мотивированным, причинами могут явиться отсутствие подтвержденных фактов, свидетельствующих о нарушении, а также наличие обстоятельств, препятствующих проведению выездной или камеральной налоговой проверки. Однако в случае отказа орган внутренних дел может направить материалы в вышестоящий налоговый орган с предложением рассмотреть обоснованность отказа [3].

Проверка по интересующим ОВД вопросам может проводиться ФНС в период осуществления камеральной проверки, которая инициируется на основе сведений, указанных в налоговых декларациях.

В периоды вне проведения проверок ФНС для подготовки ответов на запросы ОВД запрашивает информацию от субъектов предпринимательства

в общем порядке. В налоговых декларациях содержится информация за предыдущий период без конкретизации относительно источников получения прибыли. То есть в декларациях не содержится информация о договоре аренды автомобиля.

К документообороту организации, сдающей в аренду грузовой автомобиль, предъявляются определенные требования. Договоры представляют собой сделки, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей сторон. Договоры являются именно теми документами, которые подтверждают взаимоотношения с контрагентами по различным направлениям деятельности организации. Поэтому и в случае проверок компетентными органами, и в случае возникновения судебных разбирательств по вопросам исполнения обязательств контрагентами по договорам наличие оригинала договора является обязательным. В этой связи является очень важным правильное определение сроков и порядка хранения договоров; документов, связанных с заключением и исполнением договоров; журналов регистрации договоров [4].

В коммерческих организациях обязанность хранить документы закреплена дополнительно в статье 89 Федерального закона Российской Федерации от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» и статье 50 Федерального закона Российской Федерации от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью».

Организации обязаны соблюдать сроки хранения документов, предусмотренные действующими Перечнем УД 2020 г. и Перечнем НТД 2022 г. (в силу ч. 1 ст. 17 закона об архивном деле).

Согласно Перечню УД 2020 г. договоры аренды транспортных средств должны храниться 5 лет после истечения срока действия договора (после прекращения обязательств по договору).

В данном перечне предусмотрено хранение журналов, баз данных регистрации договоров (контрактов) аренды (субаренды) в течение 5 лет.

При применении сроков хранения договоров, указанных в Перечне УД 2020 г., следует руководствоваться Инструкцией, утвержденной Приказом Росархива от 20.12.2019 № 237. Сроки хранения должны соблюдаться всеми организациями на территории России.

Другой пример взаимодействия норм гражданского и административного права прослеживается при решении вопроса о том, образуют ли действия лица состав административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 14.1 КоАП РФ, для чего необходимо проверять, содержатся ли в них при-

знаки предпринимательской деятельности, перечисленные в п. 1 ст. 2 ГК РФ.

Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.10.2006 № 18 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» в силу названной нормы предпринимательской является деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг, которая осуществляется самостоятельно на свой риск лицом, зарегистрированным в установленном законом порядке в качестве индивидуального предпринимателя. Учитывая это, отдельные случаи продажи товаров, выполнения работ, оказания услуг лицом, не зарегистрированным в качестве индивидуального предпринимателя, не образуют состава данного административного правонарушения при условии, если количество товара, его ассортимент, объемы выполненных работ, оказанных услуг и другие обстоятельства не свидетельствуют о том, что данная деятельность была направлена на систематическое получение прибыли.

Доказательствами, подтверждающими факт занятия деятельностью, направленной на систематическое получение прибыли, в частности, могут являться показания лиц, оплативших товары, работу, услуги, расписки в получении денежных средств, выписки из банковских счетов лица, привлекаемого к административной ответственности, акты передачи товаров (выполнения работ, оказания услуг), если из указанных документов следует, что денежные средства поступили за реализацию этими лицами товаров (выполнение работ, оказание услуг), размещение рекламных объявлений, выставление образцов товаров в местах продажи, закупку товаров и материалов, заключение договоров аренды помещений.

Само по себе отсутствие прибыли не влияет на квалификацию правонарушений, предусмотренных ст. 14.1 КоАП РФ, поскольку извлечение прибыли является целью предпринимательской деятельности, а не ее обязательным результатом.

По аналогии с изложенным осуществление гражданами отдельных грузоперевозок в личных целях не является предпринимательской деятельностью при условии, если объемы выполненных работ, оказанных услуг и другие обстоятельства не свидетельствуют о том, что данная деятельность была направлена на систематическое получение прибыли. Вместе с тем имеет место приобретение гражданами автомобилей, которые возможно использовать исключительно для коммерческих,

предпринимательских и иных не бытовых целей. Регулярное использование подобного вида автомобилей в личных целях, как правило, не требуется.

Таким образом, в связи с развитием гражданско-правовых договорных институтов, осуществление контроля за деятельностью юридических лиц выходит за рамки публичных отношений. В связи с этим наблюдается расширение границ взаимодействия гражданского законодательства и законодательства об административных правонарушениях, которое в дальнейшем должно пойти по пути интеграции. Бланкетный характер норм КоАП РФ приводит к необходимости уточнения субъективной стороны отдельных составов административных правонарушений. В свою очередь, есть необходимость ужесточения требований к реализации гражданско-правовых отношений. Как представляется, решением обозначенной в статье проблемы может выступить условие, закрепляющее обязанность регистра-

ции договоров аренды транспортного средства на портале государственных услуг с внесением в реестр сведений о водителях транспортных средств и должностных лицах, отвечающих за состояние безопасности дорожного движения при эксплуатации техники. Систематизированный порядок ведения учета данных позволит взимать налоговые платежи с юридических лиц и предпринимателей за передачу транспортного средства в арендное пользование. При этом целесообразно установить на законодательном уровне минимальный размер арендной платы за пользование определенным видом транспортного средства. К примеру, по разрешенной максимальной массе транспортного средства или мощности двигателя. Оптимальным условием при создании определенной концепции выступит формирование единой информационной системы для служебного пользования исполнительных органов (МВД, ФНС, ФССП).

Список источников

1. Бахрах Д. Н., Россинский Б. В., Стариков Ю. Н. Административное право: учебник для вузов. М.: Норма, 2007.
2. Казанина Т. В. Современное состояние взаимодействия гражданского законодательства и законодательства об административной ответственности // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2011. С. 224.
3. Официальный сайт Федеральной налоговой службы. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn07/news/activities_fts/4883599/ (дата обращения: 30.09.2024).
4. Юсипова Е. Сколько хранить договоры // Юридический справочник руководителя. 2022. № 10. С. 29–48.

References

1. Bahrah D. N., Rossinskij B. V., Starilov Yu. N. Administrativnoe pravo: uchebnik dlya vuzov. M.: Norma, 2007.
2. Kazanina T. V. Sovremennoe sostoyanie vzaimodejstviya grazhdanskogo zakonodatel'stva i zakonodatel'stva ob administrativnoj otvetstvennosti // Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V. B. Bobkova filiala Rossijskoj tamozhennoj akademii. 2011. S. 224.
3. Oficial'nyj sajт Federal'noj nalogovoj sluzhby. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn07/news/activities_fts/4883599/ (data obrashcheniya: 30.09.2024).
4. Yusipova E. Skol'ko hranit' dogovory // Yuridicheskij spravochnik rukovoditelya. 2022. № 10. S. 29–48.

Информация об авторах

И. В. Потапенкова — кандидат юридических наук, доцент.
Е. Н. Ярмонова — кандидат юридических наук.

Information about the authors

I. V. Potapenkova — Candidate of Science (Law), Associate Professor.
E. N. Yarmonova — Candidate of Science (Law).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 10.10.2024; одобрена после рецензирования 23.11.2024; принята к публикации 05.12.2024.

The article was submitted 10.10.2024; approved after reviewing 23.11.2024; accepted for publication 05.12.2024.

Алтайский юридический вестник. 2024. № 4 (48). С. 95–101.

Altai Law Journal. 2024. № 4 (48). P. 95–101.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 34.006.3

ПРАВОВОЙ СТАНДАРТ: ПОНЯТИЕ, КРИТЕРИИ И ВИДЫ

Максим Николаевич Чачхиани

Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия, mayrond3@mail.ru

Аннотация. Автором рассматривается феномен правовой стандартизации. С этой целью он в первую очередь делает отсылку на правовую доктрину, после чего проводит глубокий анализ феноменов, наиболее схожих с правовой стандартизацией, таких как: технические стандарты, образовательные стандарты, международно-правовые стандарты. В каждом виде стандарта выделяются критерии, проводится анализ положительных и отрицательных признаков стандарта. На основе выделенных критериев автор прорабатывает концепт правового стандарта, выделяет его роль в системе источников российского права, а также перспективы дальнейшей правовой стандартизации в Российской Федерации.

Ключевые слова: публичное управление, стандарт, правовой стандарт, правовая стандартизация, технический стандарт, образовательный стандарт, международно-правовой стандарт

Для цитирования: Чачхиани М. Н. Правовой стандарт: понятие, критерии и виды // Алтайский юридический вестник. 2024. № 4 (48). С. 95–101.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

LEGAL STANDARD: CONCEPT, CRITERIA AND TYPES

Maksim N. Chachhiani

Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Voronezh, Russia, mayrond3@mail.ru

Abstract. The author examines the phenomenon of legal standardization. The author first of all makes reference to the legal doctrine, after which he conducts an in-depth analysis of the phenomena most similar to legal standardization, such as: technical standards; educational standards; international legal standards. Criteria are distinguished from each type of standard, and an analysis of the positive and negative features of the standard is carried out. Based on the selected criteria, the author studies the concept of a legal standard, highlights its role in the system of sources of Russian law, as well as prospects for further legal standardization in the Russian Federation.

Keywords: public administration, standard, legal standard, legal standardization, technical standard, educational standard, international legal standard

For citation: Chachhiani M. N. Legal standard: concept, criteria and types. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2024;4:95–101 (In Russ.).

Грамотно поставленная деятельность, нормальное функционирование и работоспособность публичного аппарата являются одними из ключевых условий экономического, социального и культурного развития общества. Органы публичного управления — образующее звено государства, отвечающего за организацию как внешней, так и внутренней политики. На них возложен весьма широкий круг полномочий, начиная от исполнения государственного бюджета и заканчивая обеспечением обороноспособности страны, безопасности и общественного порядка. Такой круг полномочий и ответственность, возложенная на субъекты публичного управления, требуют детальной регламентации управленческих процессов.

В России субъектами публичного управления выступают органы исполнительной власти (как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов РФ), а также органы местного самоуправления. В основе их дифференциации лежат направления деятельности. Каждый орган публичного управления имеет свои цели, задачи и функции в реализации государственной политики. Также в структуре каждого органа существуют подразделения, которые выполняют отдельно взятые задачи.

Деятельность органов публичного управления опирается на Конституцию Российской Федерации, международно-правовые акты, федеральное законодательство и подзаконные правовые акты. Помимо функции исполнения законодательства, с целью реализации государственной политики органы публичного управления наделены и правотворческой функцией.

В соответствии с п. 2 Постановления Правительства РФ от 13.08.1997 № 1009 «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» нормативные правовые акты (далее — НПА) издаются в виде:

- 1) постановлений;
- 2) приказов;
- 3) правил;
- 4) инструкций;
- 5) положений¹.

Целью правотворческой деятельности органов публичного управления является более детальное регулирование отдельных общественных отноше-

ний, которые относятся к их компетенции. Каждый из приведенных выше НПА в первую очередь имеет своей целью урегулирование этих общественных отношений, является формально-определенным, общеобязательным, и их различие в основном сводится к функциональному назначению и качественному наполнению. Однако, несмотря на такой большой правотворческий инструментарий, деятельность органов публичного управления не может прийти к единству. Многие аспекты деятельности остаются на административное усмотрение исполнителей. Стоит заметить, что и полная регламентация деятельности органов публичного управления может быть чревата, поскольку каждое административное дело является индивидуальным и требует гибкости подходов к его разрешению. В связи с этим с целью приведения к единству подходов, минимизации административного усмотрения и оптимизации деятельности органов публичного управления необходимо поставить ее в правовые рамки, не лишая при этом правоприменителя минимальной свободы действий. Эту задачу может решить правовая стандартизация.

Стандарт (от англ. standard) — образец, эталон, модель, принимаемый для сопоставления с ним других подобных объектов. С этимологической точки зрения стандарт — это идеал, к которому необходимо стремиться [1].

Определение стандарта используется во многих областях науки — от естественных до гуманитарных, а также практически во всех сферах общественной жизнедеятельности. Что касается правовой стандартизации, то стоит сразу отметить, что на сегодняшний день в чистом виде в Российской Федерации она отсутствует. Лишь некоторые отечественные ученые в своих работах затрагивают тему правовых стандартов. Так, например, И. И. Лукашук под правовым стандартом понимает основанное на нормах действующего законодательства и наработанное практикой устойчивое, стереотипное поведение участников в стандартных ситуациях и такие же стандартизированные решения [2]. Выделим отдельные признаки приведенного определения, а именно:

- опора как на законодательство, так и на правоприменительную практику;
- устойчивость и стереотипность поведения;
- стандартные ситуации и стандартные решения, в чем прослеживается аналогия с прецедентным правом, характерным для англосаксонской правовой семьи. Речь о правовой или хотя бы формально-определенной оболочке стандарта здесь не

¹ Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации [Электронный ресурс]: постановление Правительства Российской Федерации от 13.08.1997 № 1009. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

идет. Но несмотря на это, данное понимание правового стандарта имеет место быть.

Другой ученый, В. В. Гаврилов, понимает под правовым стандартом правила поведения, сформированные на основе общепризнанных достижений современной правовой теории и правоприменительной практики, которые считаются правильными с принципиальной и практической точек зрения [3].

В своих исследованиях В. В. Гаврилов был солидарен с мнением И. И. Лукашука, поэтому их понимание правового стандарта весьма схоже. Однако В. В. Гаврилов выделил тот факт, что стандарт должен основываться не только на действующем законодательстве и правоприменительной практике, но и на достижениях правовой теории. Но, к сожалению, он также в своих исследованиях не затронул правовую оболочку стандарта.

Дабы выявить возможность правовой стандартизации и ее перспективы, необходимо обратиться к феноменам, наиболее схожим с ней, а именно:

- к техническим стандартам;
- образовательным стандартам;
- международно-правовым стандартам.

Начиная анализ с технической стандартизации, можно сразу сделать вывод о том, что она является самой проработанной. Правовая регламентация технических стандартов предусмотрена в Федеральном законе Российской Федерации от 29 июня 2015 г. № 162-ФЗ «О стандартизации в Российской Федерации» (далее — ФЗ «О стандартизации»). В соответствии с настоящим нормативным правовым актом стандарт — это документ по стандартизации, который разработан участником или участниками работ по стандартизации, в отношении которого проведена экспертиза в техническом комитете по стандартизации или проектом технического комитете по стандартизации и в котором для всеобщего применения устанавливаются общие характеристики объекта стандартизации, а также правила и общие принципы в отношении объекта стандартизации. А сама стандартизация — это деятельность по разработке, внедрению, изменению и отмене стандартов¹. Исходя из приведенного определения, можно выделить критерии технического стандарта:

1) стандарт — это документ. Несмотря на то что он не является нормативным или даже право-

вым, он имеет формально-определенную форму, систему и структуру;

2) разработан участником работ по стандартизации. Стандарт могут разрабатывать и внедрять субъекты, в чьи полномочия это входит. Круг субъектов стандартизации определен главой 3 ФЗ «О стандартизации» и представлен в лице следующих участников:

- федеральные органы исполнительной власти;
- технические комитеты по стандартизации.

В такие комитеты могут входить государственные органы власти, органы местного самоуправления, государственные корпорации и иные юридические лица;

- проектные технические комитеты по стандартизации. Это временное образование (не более трех лет), выраженное в сотрудничестве отдельных участников стандартизации, создаваемое по решению исполнительного органа власти в сфере стандартизации;

- комиссии по апелляциям;

3) стандарт устанавливает общие характеристики, правила и принципы объекта стандартизации.

На сегодняшний день ФЗ «О стандартизации» регламентирует стандартизацию следующих объектов:

- продукция (работы, услуги);
- процессы производства;
- системы менеджмента;
- терминология;
- условные обозначения;
- исследования (испытания);
- измерения (включая отбор образцов);
- методы испытаний;
- маркировка;
- процедуры оценки соответствия².

Перечень объектов стандартизации не является исчерпывающим и теоретически одним из объектов могут выступать общественные отношения, однако содержание настоящего закона рассчитано исключительно на технические объекты.

Основной целью технической стандартизации является приведение к единству и единообразию ее объектов, т. е. приведение их к единому стандарту (образцу, идеалу). Однако у технического стандарта есть весьма большой недостаток. Поскольку стандарт — это документ, который не является нормативным или даже правовым, он ничем не обеспечен. В соответствии со ст. 26 ФЗ «О стандартизации» применение стандарта является добровольным (обязательность применения стандар-

² Там же.

¹ О стандартизации в Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 29.06.2015 № 162-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 6, ст. 2312.

та наступает лишь в случае наличия на продукции маркировки национального стандарта) [3]. По своей сути, технический стандарт — это рекомендательный документ, который к своей продукции применяют только добросовестные производители с целью улучшения ее качества и получения большего доверия от потребителя. Но несмотря на все это, стандарты оказывают положительное влияние на управление техническими процессами. На сегодняшний день в РФ действуют порядка 20 000 стандартов¹.

Второе место по распространенности в Российской Федерации занимают образовательные стандарты. Нормативная основа формирования образовательных стандартов содержится в ст. 11 Федерального закона Российской Федерации от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее — ФЗ «Об образовании»). В соответствии с этой нормой стандартизация в сфере образования имеет следующие основные цели:

1) приведение к единообразию образовательных процессов и единству образовательного пространства в РФ;

2) обеспечение преемственности основных образовательных программ;

3) возможность формирования образовательных программ, а также регулирование квалификации кадров с учетом потребностей общества и государства;

4) гарантия единого уровня и качества образования².

Образовательный стандарт можно определить как совокупность основных принципов и требований к различным уровням и направлениям образовательного процесса, которые обеспечивают его единство, преемственность и качество. Что касается требований, то в них включаются:

- структура и объем образовательных программ;

- условия реализации образовательных программ (кадровые, финансовые, материально-технические);

- результаты освоения образовательных программ;

- сроки освоения образовательных программ.

Порядок разработки образовательных стандартов утвержден Постановлением Правитель-

ства Российской Федерации от 12.04.2019 № 434 «Об утверждении Правил разработки, утверждения федеральных государственных образовательных стандартов и внесения в них изменений и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации»³. Для разработки стандартов при Министерстве просвещения Российской Федерации и Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации создаются советы по разработке образовательных стандартов. Именно они подготавливают стандарты, которые после согласования утверждаются соответствующим уполномоченным на то органом. К образовательным стандартам предъявляется ряд требований:

- они должны соответствовать действующему законодательству;

- должны учитывать приоритеты научно-технического развития РФ;

- должны быть согласованы с планами научно-технического развития, утвержденными Правительством РФ.

Стоит отметить, что в отличие от технического стандарта образовательный стандарт сам по себе не является документом. Образовательный стандарт — это совокупность единых принципов и требований, а уже эта совокупность утверждается нормативно-правовым актом уполномоченного публичного органа.

Так, например, совокупность принципов и требований, предъявляемых к среднему общему образованию, утверждается Приказом Минобрнауки России от 17.05.2012 № 413 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего общего образования»⁴. Таким образом, стандарт, не являясь нормативным правовым документом, имеет правовую оболочку в виде приказа, что гарантирует его общеобязательный характер и обеспечивает его.

Если рассматривать стандарт с точки зрения международного права, то тут мнения ученых разделились. О. И. Тиунов считает, что право-

³ Об утверждении Правил разработки, утверждения федеральных государственных образовательных стандартов и внесения в них изменений и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации [Электронный ресурс]: постановление Правительства Российской Федерации от 12.04.2019 № 434. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего общего образования [Электронный ресурс]: приказ Минобрнауки России от 17.05.2012 № 413. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ Росстандарт: сайт. URL: <https://www.rst.gov.ru/portal/gost/home>.

² Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2012 № 273-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 12, ст. 3412.

вой стандарт — это элемент «обычного права» [4], А. В. Аверин придерживается мнения, что стандарт — это часть «реального права» [5], а С. М. Оганесян говорит, что стандарт — это проявление «мягкого права» [6].

Мы не являемся сторонниками определенной точки зрения и считаем, что каждый из ученых по своему прав.

В международном праве чаще всего встречается прикладное применение правовых стандартов. Одним из самых известных примеров этому являются «Правовые стандарты Совета Европы» (далее — ПССЕ). ПССЕ были введены для создания единого правового пространства на всей территории стран — участников Совета Европы. В широком смысле ПССЕ — это совокупность как международных норм, содержащихся в конвенциях Совета Европы, и их толкования, так и документы отдельных органов Совета Европы. В узком понимании ПССЕ — исключительно обязательные требования конвенций Совета Европы [7]. По аналогии с ПССЕ в России существует антикоррупционный стандарт, который также представляет собой совокупность всех правовых актов в области противодействия коррупции.

Другим примером международно-правового стандарта может служить стандарт надлежащего управления (использование ИСО 9000 в сфере управления)¹. ИСО 9000 — это совокупность стандартов, которые определяют основные понятия, принципы и требования к системе качества менеджмента, а также надлежащего руководства предприятий и организаций. Стандарт надлежащего управления постарался перенести положения ИСО 9000 с управления предприятиями и организациями на государственное управление.

Стандарту надлежащего управления присущ ряд критериев:

- 1) по качественному наполнению он содержит в себе основные понятия, принципы и требования к надлежащему государственному управлению;
- 2) за основу взят другой документ (ИСО 9000);
- 3) положения стандарта носят декларативный рекомендательный характер.

Рассмотрев данные примеры, можно сделать вывод о том, что существует несколько видов международных правовых стандартов. Проанализиро-

вав первый пример (ПССЕ), под стандартом можно понимать совокупность отдельно взятых норм, которые регулируют определенное направление деятельности или определенные общественные отношения. Второй пример (стандарт надлежащего управления) представлен уже в виде отдельного документа, который содержит в себе основные понятия, принципы и требования к объекту стандартизации.

Международные правовые стандарты не ограничиваются приведенными нами примерами. Они встречаются как в международных правовых актах, так и в международных договорах. Круг их применения достаточно широк, и практически в каждом национальном законодательстве есть их след (в т. ч. и в нашем).

Таким образом, подводя итоги проведенного анализа, можно выделить следующие виды стандартов, которые существуют на сегодняшний день:

1. *Стандарт как ненормативный рекомендательный документ.* Примером здесь выступают различные технические стандарты, которые имеют формальную определенность, требования к структуре и содержательной части, а также законодательно определенное производство по его принятию. По своей юридической силе они носят рекомендательный характер и не являются обязательными к исполнению.

2. *Стандарт как совокупность требований к определенному процессу, производству или процедуре,* закрепленным в нормативных правовых актах уполномоченных на то публичных органов. В качестве примера выступают все образовательные стандарты. Они также имеют требования к структуре и содержательной части и регламентированный порядок производства по их разработке. Их преимуществом по сравнению с первыми является то, что они издаются в форме правового акта, имеют юридическую силу и обязательны к исполнению для всех субъектов правоотношений.

3. *Стандарт как совокупность норм по конкретному направлению деятельности.* В данном случае стандарт является собирательным понятием, которым называют совокупность отдельно взятых норм из отдельно взятых правовых актов, но регламентирующих одно направление деятельности. Примером служат ПССЕ либо, если говорить о Российской Федерации, антикоррупционный стандарт. Как отмечалось выше, безусловным минусом таких стандартов является отсутствие их формальной определенности.

Но несмотря на различие по форме стандартов, все они схожи по своему качественному на-

¹ Использование ИСО 9000 в сфере управления: Европейская экономическая комиссия, Комитет по развитию торговли, промышленности и предпринимательства, Рабочая группа по политике в области стандартизации и сотрудничества по вопросам нормативного регулирования. Сессия 15. 2005.

полнению. Каждый из этих стандартов содержит в себе основные понятия, принципы и требования к конкретному направлению деятельности. Также каждый стандарт имеет своей целью повышение эффективности данной деятельности. Именно такой инструмент, как «правовой стандарт», идеально подходит для внедрения его в деятельность органов публичного управления. Он позволит не только сократить административное усмотрение правоприменителей, но и систематизировать и оптимизировать их деятельность.

У каждого из представленных выше стандартов есть свои преимущества, поэтому, подводя итог, мы выделим следующие критерии, которые, по нашему мнению, должны быть присущи стандарту:

1) стандарт должен носить формально-определенный характер. Если стандарт будет представлен в виде документа, имеющего системность и структуру, его исполнение будет проще и понятней правоприменителю;

2) стандарт должен носить нормативно-правовой характер. В своей структуре стандарт содержит нормы права, которые будут являться общеобязательными для всех субъектов управления, что обеспечит в первую очередь его исполнение, а также ответственность за его неисполнение;

3) в своей структуре стандарт должен содержать:

- основные понятия;

- принципы конкретного вида деятельности;
- требования, предъявляемые к определенному процессу, производству или процедуре;
- формы и порядок взаимодействия между субъектами управления;

4) своей целью стандарт должен иметь обеспечение:

- законности;
- защиты прав, свобод и законных интересов человека и гражданина;
- эффективности деятельности;
- надлежащего управления;

5) для разработки и внедрения стандарта необходимо создание специально уполномоченного на то субъекта (комитет или совет по разработке стандарта) при публичном органе, в чью компетенцию будет входить разрабатываемый стандарт.

Исходя из предложенных критериев, мы можем предложить следующее определение: «Стандарт — нормативный правовой акт органа публичного управления, издаваемый в пределах его компетенции, устанавливающий основные понятия, принципы, требования к конкретному виду деятельности, а также формы, порядок взаимодействия между субъектами управления с целью обеспечения законности, прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, систематизации, оптимизации и эффективности управления».

Список источников

1. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000.
2. Лукашук И. И. Глобализация, государство, право, XXI век. М., 2000.
3. Гаврилов В. В. Международное право в эпоху глобализации: некоторые понятийные и содержательные характеристики // Московский журнал международного права. 2002. № 3. С. 179–196.
4. Тиунов О. И. Международно-правовые стандарты как фактор глобализации правового пространства // Московский юридический форум «Глобализация, государство право XX век» (по материалам выступлений). М., 2004.
5. Аверин А. В. Правоприменительная деятельность суда и формирование научно-правового сознания судей: проблемы теории и практики / под ред. д-ра юрид. наук, проф. М. И. Байтина. Саратов: Саратовская государственная академия права, 2003.
6. Оганесян С. М. Понятие международных стандартов прав человека // Международное публичное и частное право. 2008. № 2. С. 18–22.
7. Демичева З. Б. Правовые стандарты Совета Европы: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 218 с.

References

1. Efremova T. F. Novyj slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj. M.: Russkij yazyk, 2000.
2. Lukashuk I. I. Globalizaciya, gosudarstvo, pravo, XXI vek. M., 2000.
3. Gavrilov V. V. Mezhdunarodnoe pravo v epohu globalizacii: nekotorye ponyatijnye i sodержatel'nye harakteristiki // Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava. 2002. № 3. С. 179–196.

4. Tiunov O. I. Mezhdunarodno-pravovye standarty kak faktor globalizacii pravovogo prostranstva // Moskovskij juridicheskij forum «Globalizaciya, gosudarstvo pravo HH vek» (po materialam vystuplenij). M., 2004.

5. Averin A. V. Pravoprimeritel'naya deyatel'nost' suda i formirovanie nauchno-pravovogo soznaniya sudej: problemy teorii i praktiki / pod red. d-ra jurid. nauk, prof. M. I. Bajtina. Saratov: Saratovskaya gosudarstvennaya akademiya prava, 2003.

6. Oganesyanyan S. M. Ponyatie mezhdunarodnyh standartov prav cheloveka // Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo. 2008. № 2. С. 18–22.

7. Demicheva Z. B. Pravovye standarty Soveta Evropy: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2006. 218 s.

Статья поступила в редакцию 02.05.2024; одобрена после рецензирования 18.07.2024; принята к публикации 05.12.2024.

The article was submitted 02.05.2024; approved after reviewing 18.07.2024; accepted for publication 05.12.2024.

Алтайский юридический вестник. 2024. № 4 (48). С. 102–107.

Altai Law Journal. 2024. № 4 (48). P. 102–107.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 341.1/8

ОТДЕЛЬНЫЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ

Екатерина Валерьевна Яковлева

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, kasteban@yandex.ru

Аннотация. В статье на основе анализа действующего законодательства рассматривается порядок реализации и правовые основы отдельных мер противодействия незаконной миграции. Обращается внимание на то, что в настоящее время наиболее эффективными мерами являются административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранного гражданина и лица без гражданства, а также депортация. Названы некоторые проблемные вопросы такого выдворения. При рассмотрении правовой основы депортации автор более детально остановился на принятии решения о нежелательности нахождения (проживания) в Российской Федерации как одном из наиболее новых оснований. Также рассмотрен механизм возвращения иностранных граждан в страну, гражданином которой они являются, — реадмиссия. Выделены некоторые практические проблемы при заключении договоров между странами о реадмиссии. Аргументируются и приводятся авторские предложения по внесению изменений в действующий федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации».

Ключевые слова: административное выдворение, депортация, реадмиссия, иностранный гражданин, миграция

Для цитирования: Яковлева Е. В. Отдельные административно-правовые меры противодействия незаконной миграции // Алтайский юридический вестник. 2024. № 4 (48). С. 102–107.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

SELECTED ADMINISTRATIVE AND LEGAL MEASURES TO COMBAT ILLEGAL MIGRATION

Ekaterina V. Yakovleva

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, kasteban@yandex.ru

Abstract. The article, based on an analysis of the current legislation, examines the implementation procedure and legal foundations of individual measures to counter illegal migration. It is noted that at present the most effective measures are the administrative expulsion of a foreign citizen and stateless person from the Russian Federation, as well as deportation. Some problematic issues of such expulsion are named. When considering the legal basis of deportation, the author dwelled in more detail on the decision on the undesirability of being (living) in the Russian Federation, as one of the newest grounds. The mechanism for the return of foreign citizens to the country of which they are a citizen is also considered - readmission. Some practical problems are highlighted when concluding agreements on readmission between countries. Author's proposals for amending the current federal law «On Citizenship of the Russian Federation» are argued and presented.

Keywords: administrative expulsion, deportation, readmission, foreign citizen, migration

For citation: Yakovleva E. V. Selected administrative and legal measures to combat illegal migration. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2024;4:102–107 (In Russ.).

© Яковлева Е. В., 2024

В свете совершения иностранными гражданами на территории нашей страны ряда резонансных преступлений вопрос о миграционной политике, реализуемой органами государственной власти, встал особенно остро. Миграционные подразделения МВД России активизировали работу по выявлению нарушений миграционного законодательства иностранными гражданами и лицами без гражданства. Так, по итогам семи (январь — июль) месяцев 2024 г. количество внеплановых проверок работодателей возросло по сравнению с аналогичным периодом прошлого года в 3,1 раза, в результате чего было выявлено в 2,3 раза больше правонарушений (19 139). Количество лиц, содержащихся в центрах временного содержания иностранных граждан и лиц без гражданства (далее — ЦВСИГ) для дальнейшего выдворения из страны, увеличилось на 28,2 %.

В настоящее время территориальные подразделения МВД России ведут активную работу по выявлению и предотвращению мошенничеств при получении разрешений на временное проживание, вида на жительство и гражданства в упрощенном порядке, что привело к снижению числа выданных разрешений на временное проживание в указанный период на 44,2 % и видов на жительство на 18,4 %. Были прекращены права гражданства Российской Федерации для 1053 лиц¹.

После событий в «Крокус Сити Холл», произошедших 22 марта 2024 г., ранее прослеживавшаяся гуманизация миграционного законодательства сменилась ужесточением требований к лицам, въезжающим в Российскую Федерацию.

Так, в декабре 2021 г. Президент России представил в Государственную Думу проект закона о гражданстве Российской Федерации, который упрощал процесс его получения. Данный законопроект был принят, и изменения в законе коснулись установления обязательных требований для тех, кто хочет стать гражданином России: знание русского языка, знание истории страны и основных аспектов законодательства, а также соблюдение Конституции РФ и отсутствие угрозы для национальной безопасности. Изменения снизили количество условий для более чем 20 категорий граждан, а также был введен специальный порядок приема в гражданство [1, с. 6].

¹ Аналитическая справка о результатах деятельности подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России за январь — июль 2024 г. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/deyatelnost/statistics/migracionnaya/item/54762494/> (дата обращения: 15.10.2024).

Безусловно, наиболее эффективными административно-правовыми мерами борьбы с нарушениями, допускаемыми мигрантами, остаются административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранного гражданина и лица без гражданства (далее — выдворение) и депортация.

Выдворение за пределы Российской Федерации относится к одному из видов административных наказаний. Оно применяется в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, нарушающих действующие административные нормы. Например, в качестве наказания выдворение может назначаться при нарушении правил въезда или пребывания в России, просрочке по миграционному учету, отсутствии необходимых документов на проживание, работе без разрешения и т. д.

В настоящее время различают несколько видов выдворения. Во-первых, самостоятельное контролируемое выдворение, когда иностранный гражданин или лицо без гражданства покидает страну в соответствии с решением суда самостоятельно. В этом случае лицо получает решение суда и должно в течение пяти суток покинуть Россию. Во-вторых, принудительное выдворение, назначаемое судом, как правило, в тех случаях, когда отсутствуют сведения о финансовом положении выдворяемого и информация о приглашающей стороне, которая могла бы покрыть расходы на выдворение. В этом случае они помещаются в ЦВСИГ до момента принудительного выезда из страны.

Выделяются две важные проблемы, связанные с практикой выдворения. Первая проблема состоит в том, что решения компетентных судей о выдворении как дополнительной мере наказания не всегда опираются на обоснованные данные, свидетельствующие о необходимости применения данной санкции. Это в дальнейшем ведет к обжалованию выдворения и отмене назначенного наказания. Вторая проблема проявляется в том, что, несмотря на решение судьи о самостоятельном выезде иностранца с территории России, мигранты зачастую продолжают оставаться в стране, меняя при этом место проживания.

Следует отметить, что после выдворения мигранту может быть запрещен въезд в Россию от трех до десяти лет в зависимости от тяжести проступка. После истечения срока действия запрета иностранный гражданин теряет возможность получения гражданства, вида на жительство или разрешения на временное проживание в РФ.

Одной из сложностей современного миграционного законодательства с точки зрения его реализации и анализа является близость понятий

«выдворение» и «депортация». В рамках международного права термин «депортация» подразумевает, как правило, принудительную высылку иностранного гражданина либо лица без гражданства в другое государство.

В российском праве, согласно статье 2 Федерального закона Российской Федерации от 25 июля 2002 г. «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»¹, депортация трактуется как «принудительная высылка иностранного гражданина из Российской Федерации при утрате либо прекращении законных оснований для его дальнейшего пребывания».

Депортация не является мерой наказания за какие-либо нарушения российского законодательства. В этой связи Т. Б. Смышникова отмечает, что депортация «представляет собой законные действия компетентных органов в отношении иностранного гражданина или апатрида как мера государственного принуждения, установленная миграционным законодательством, направленная на обеспечение безопасности государства» [2, с. 236].

Анализ ст. 25.10 федерального закона позволяет выделить следующие основания для депортации иностранных граждан и лиц без гражданства:

- 1) невыполнение обязанности покинуть Россию при сокращении срока пребывания;
- 2) утрата статуса беженца;
- 3) наличие инфекционного заболевания, представляющего опасность для окружающих;
- 4) принятие решения о нежелательности пребывания (проживания) в Российской Федерации.

Институт нежелательности пребывания для России относительно новый, и его появление в 2003 г. объяснялось необходимостью защиты общества от растущих угроз, таких как терроризм, распространение ВИЧ и других инфекционных заболеваний, а также от наркотизации.

Согласно статье 25.10 федерального закона № 114-ФЗ² в отношении иностранных граждан или лиц без гражданства может быть принято решение о нежелательности пребывания на территории России в случае, когда их нахождение «создает реальную угрозу обороноспособности или безопасности государства, либо общественному порядку,

¹ О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 25.07.2002 № 115-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 15.08.1996 № 114-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

либо здоровью населения, в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, прав и законных интересов других лиц».

Постановление Правительства Российской Федерации от 23 августа 2021 г. № 1390 «О порядке принятия решения о нежелательности пребывания (проживания) иностранного гражданина или лица без гражданства в Российской Федерации...»³ определяет перечень государственных органов, имеющих полномочия по принятию решений о нежелательности пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства. К числу таких органов относятся: МВД России, ФСБ России, Минобороны России, СВР России, МИД России, ФСИН России, Росфинмониторинг.

В указанном постановлении также утверждены общие правила принятия таких решений, закреплено, что уполномоченный орган, принявший решение о нежелательности пребывания, обязан уведомить ФСБ России и территориальные органы МВД России.

Если иностранный гражданин или лицо без гражданства не покинул страну после принятия решения о нежелательности его пребывания, он подлежит депортации. Следовательно, в дальнейшем решение о нежелательности пребывания становится основанием для запрета на въезд в Российскую Федерацию.

Таким образом, несмотря на то, что конечным результатом в обоих случаях является удаление иностранца или лица без гражданства из Российской Федерации, основания для применения выдворения определяются нормами КоАП РФ, тогда как депортация основывается на положениях иного федерального законодательства.

Еще одним, безусловно, эффективным инструментом государственной миграционной политики, позволяющим выслать иностранного гражданина за пределы Российской Федерации, является ре-

³ О порядке принятия решения о нежелательности пребывания (проживания) иностранного гражданина или лица без гражданства в Российской Федерации, а также приостановления действия и отмены такого решения в отношении лица без гражданства, получившего временное удостоверение личности лица без гражданства в Российской Федерации, за исключением решения о нежелательности пребывания (проживания) иностранного гражданина или лица без гражданства в Российской Федерации, принятого в связи с наличием обстоятельств, создающих реальную угрозу здоровью населения, и признании утратившими силу актов и отдельных положений актов Правительства Российской Федерации [Электронный ресурс]: постановление Правительства Российской Федерации от 23.08.2021 № 1390. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

адмиссия, которая имеет сравнительно недавнюю историю в российском праве [3, с. 268].

Процесс реадмиссии направлен на упрощение процедур приема, возврата и транзита иностранцев, находящихся в стране с нарушением законов, а также на содействие возвращению на родину россиян, выдворяемых из других государств. Рeadмиссия (от английского to readmit — возвращать) считается важным инструментом в борьбе с нелегальной миграцией. Эффективность этого подхода возрастает пропорционально расширению круга стран, вовлеченных в реадмиссионное сотрудничество. Поэтому Россия активно работает над установлением реадмиссионных связей с другими государствами, особенно с теми, которые являются основными источниками нелегальных мигрантов.

Правовая основа для реадмиссии установлена в ст. 25.13 федерального закона № 114-ФЗ. Однако такое возвращение граждан возможно только в те страны, с которыми заключен соответствующий международный договор.

15 ноября 2000 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Резолюцию 55/25, которая включает Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, воде и воздуху. Этот документ служит дополнением к Конвенции ООН по борьбе с транснациональной организованной преступностью. Согласно статье 18 указанного протокола, все государства-участники обязываются содействовать в возвращении своих граждан и лиц, имеющих право на постоянное проживание, без неоправданных или чрезмерных задержек. Более того, в части 2 той же статьи рекомендуется также помогать в возврате незаконных мигрантов, которые имели право на постоянное проживание в момент въезда в принимающее государство.

Большинство стран СНГ подписали вышеуказанное универсальное соглашение и в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров (статья 26 «*pacta sunt servanda*») принимают на себя обязательства добросовестно его исполнять. Основой для подготовки и заключения реадмиссионных соглашений в рамках СНГ служат: Соглашение о сотрудничестве в борьбе с незаконной миграцией, подписанное 6 марта 1998 г. (устанавливающее обязательства по передаче незаконных мигрантов)¹, и Конвенция о правовом статусе трудящихся мигрантов и их семей от

¹ Соглашение о сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств в борьбе с незаконной миграцией от 6 марта 1998 г. URL: <https://mddoc.mid.ru/api/ia/download/?uuid=e98d6f09-795f-4b6f-a308-cabe4a215f9d> (дата обращения: 15.10.2024).

14 ноября 2008 г. (определяющая обязательства по возвращению нарушителей миграционных норм через заключение реадмиссионных соглашений).

В этом контексте интерес представляет Модельное соглашение по реадмиссии, принятое Межпарламентской Ассамблеей СНГ 23 ноября 2012 г. № 38-12, в котором реадмиссия определена как «передача компетентными органами государства запрашивающей Стороны и прием компетентными органами государства запрашиваемой Стороны в порядке, на условиях и в целях, предусмотренных заключенным Сторонами соглашением о реадмиссии, лиц, въехавших или находящихся на территории государства запрашивающей Стороны в нарушение действующего на его территории законодательства по вопросам въезда, выезда и пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства»².

Согласно данным, размещенным на официальном сайте Министерства иностранных дел РФ, в настоящее время соглашение о реадмиссии заключено с 19 странами мира и Европейским сообществом³.

Тем не менее процесс достижения соглашений о реадмиссии сталкивается с рядом трудностей, включая высокие финансовые затраты на возвращение незаконных мигрантов и отсутствие механизмов компенсации этих расходов. В связи с этим И. В. Плюгина, ведущий научный сотрудник Центра публично-правовых исследований, подчеркивает, что существует необходимость в детальном экономическом обосновании каждого договора о реадмиссии [4, с. 116].

На фоне вышеизложенного целесообразно включать в проекты соглашений о реадмиссии механизмы, которые поощряли бы добровольное возвращение мигрантов в страны их происхождения, а также предусматривали возможность возмещения расходов за счет тех, кто подлежит реадмиссии. Таким образом, важно обратить внимание не только на разработку правовых норм, обеспечивающих функционирование процедур и операций по перемещению иностранных граждан, но и на установление четких правил об ответственности за затраты, что будет способствовать защите прав

² Модельное соглашение о реадмиссии к постановлению Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств от 23.11.2012 № 38-12. URL: <https://iacis.ru/public/upload/files/1/374.pdf> (дата обращения: 15.10.2024).

³ Министерство иностранных дел Российской Федерации. Двусторонние договоры. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/ (дата обращения: 15.10.2024).

и свобод личности с учетом национального и международного законодательства.

Также необходимо отметить, что важным отличием реадмиссии является то, что решение о ней не может быть обжаловано в суде, в отличие от решений об административном выдворении и депортации.

Все рассмотренные меры борьбы с нарушениями миграционного законодательства, применяемые в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, реализуются через существующую систему специальных учреждений МВД России для иностранных граждан и лиц без гражданства. Порядок помещения и содержания лиц, подлежащих административному выдворению, депортации и реадмиссии, в таких учреждениях регламентирован Постановлением Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2013 г. № 1306¹.

В ЦВСИГ помещаются иностранные граждане на основании решения суда или руководителя территориального органа МВД России. При нахождении там они подлежат обязательному личному досмотру, дактилоскопированию, фотографированию и медицинскому осмотру. Выявление некоторых опасных заболеваний может послужить основанием для отмены решения о реадмиссии.

Подводя итог анализу существующих административно-правовых мер противодействия незаконной миграции, направленных на высылку иностранных граждан и лиц без гражданства за пределы Российской Федерации, необходимо отметить, что миграционная политика России должна быть нацелена на создание комфортных условий для временного проживания, переселения и получения гражданства тем лицам, которые разделяют культурные и этические ценности России. Решение миграционных проблем также требует разработки

понятных и доступных правил для иностранных граждан, желающих заниматься трудовой, предпринимательской и другой деятельностью в России, при строгом соблюдении законодательства.

При этом для тех граждан, которые не способны и не желают интегрироваться в российское общество и соблюдать действующее в нашей стране законодательство, необходимо продолжать активную деятельность органов государственной власти с целью разработки и реализации эффективных мер, позволяющих высылать таких граждан за пределы Российской Федерации.

Например, стоит согласиться с предложениями, сформулированными в законопроекте № 728600-8, внесенном в Государственную Думу в октябре 2024 г. В нем предлагают внести изменения в федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации», позволяющие лишать гражданства лиц, вступивших в него при совершении «двух и более преступлений, предусмотренных УК РФ, либо трех и более административных правонарушений, предусмотренных главой 20 КоАП РФ»². Однако, по нашему мнению, нельзя ограничиваться лишь статьями главы 20 КоАП РФ. Так, например, неповиновение действиям сотрудника полиции (ст. 19.3 КоАП РФ) или другого лица, а также участие в незаконном обороте наркотических средств (ст. 6.8 КоАП РФ) и некоторые другие составы представляют собой наибольшую общественную вредность. Таким образом, мы предлагаем внести в ч. 1 ст. 22 пункт 3.1 следующего содержания: «совершение двух и более преступлений, предусмотренных УК РФ, либо трех и более административных правонарушений, предусмотренных статьями 6.8, 6.9, 6.9.1, 6.11, 6.12, 6.13, 6.21, 6.21.1, 6.21.2, 11.9, 12.8, 12.26, 19.3, а также составов, предусмотренных главой 20 КоАП РФ».

Список источников

1. Бондарев С. П. Упрощенный порядок приема в гражданство Российской Федерации // Законодательство о гражданстве и правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации — 20 лет: опыт, тенденции и перспективы развития: сборник статей. Тюмень, 2022. С. 4–7.
2. Смашникова Т. Б. Выдворение незаконных мигрантов с территории Российской Федерации // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. № 4. С. 234–237.

¹ Об утверждении Правил содержания (пребывания) в специальных учреждениях Министерства внутренних дел Российской Федерации или его территориального органа иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации в форме принудительного выдворения за пределы Российской Федерации, депортации или реадмиссии [Электронный ресурс]: постановление Правительства Российской Федерации от 30.12.2013 № 1306. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Законопроект № 728600-8 «О внесении изменений в статью 22 федерального закона "О гражданстве Российской Федерации"». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/728600-8> (дата обращения: 15.10.2024).

3. Патласов О. Ю. Новые тренды миграционных процессов в контурах полицентрического мирового порядка // Прогрессивная экономика. 2024. № 4. С. 260–273.

4. Плюгина И. В. Проблемы заключения и реализации соглашений о реадмиссии: международно-правовой аспект // Журнал российского права. 2010. № 4. С. 114–124.

References

1. Bondarev S. P. Uproshchennyj poryadok priema v grazhdanstvo Rossijskoj Federacii // Zakonodatel'stvo o grazhdanstve i pravovom polozhenii inostrannyh grazhdan v Rossijskoj Federacii — 20 let: opyt, tendencii i perspektivy razvitiya: sbornik statej. Tyumen', 2022. S. 4–7.

2. Smashnikova T. B. Vydvorenje nezakonnyh migrantov s territorii Rossijskoj Federacii // Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2011. № 4. S. 234–237.

3. Patlasov O. Yu. Novye trendy migracionnyh processov v konturah policentricheskogo mirovogo poryadka // Progressivnaya ekonomika. 2024. № 4. S. 260–273.

4. Plyugina I. V. Problemy zaklyucheniya i realizacii soglashenij o readmissii: mezhdunarodno-pravovoj aspekt // Zhurnal rossijskogo prava. 2010. № 4. S. 114–124.

Статья поступила в редакцию 30.09.2024; одобрена после рецензирования 06.11.2024; принята к публикации 05.12.2024.

The article was submitted 30.09.2024; approved after reviewing 06.11.2024; accepted for publication 05.12.2024.

Уголовно-правовые науки

Алтайский юридический вестник. 2024. № 4 (48). С. 108–115.

Altai Law Journal. 2024. № 4 (48). P. 108–115.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.14

СРЕДСТВА В ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ «ДОКАЗЫВАНИЕ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»

Алексей Юрьевич Афанасьев^{1,2}

¹ Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, afanasev_alexey@bk.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-8319-0107>

² Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

Аннотация. В функциональной системе «доказывание преступной деятельности» средства должны обеспечивать получение необходимого результата в виде системы доказательств каждый раз, когда это потребуется. В действительности наблюдается дисбаланс, вызванный несоответствием многообразия и силы средств преступной деятельности многообразию и силе средств доказывания. Многочисленные разновидности новых и модифицированных средств доказывания, предлагаемые наукой, так и остаются не применимыми. Исходя из изоморфности структур двух противоположных функциональных систем, предлагается к процессуальным действиям относиться как к средствам не только установления отражаемой действительности, но и понимания функционирования преступной деятельности и образования следовой информации. В этом плане средства доказывания должны быть уравновешены по разнообразию и силе со средствами преступной деятельности.

Ключевые слова: средства доказывания, средства преступной деятельности, функциональная система, дисбаланс, изоморфизм, дуализм, механизм доказывания

Для цитирования: Афанасьев А. Ю. Средства в функциональной системе «доказывание преступной деятельности» // Алтайский юридический вестник. 2024. № 4 (48). С. 108–115.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

MEANS IN THE FUNCTIONAL SYSTEM OF «PROVING CRIMINAL ACTIVITY»

Alexey Yu. Afanasyev^{1,2}

¹ Nizhniy Novgorod academy of the Ministry of the Interior of Russia, Nizhny Novgorod, Russia,
afanasev_alexey@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8319-0107>

² Lobachevsky University, Nizhny Novgorod, Russia

Abstract. In the functional system of “proving criminal activity”, the means must ensure the receipt of the necessary result in the form of a system of evidence each time it is required. In reality, there is an imbalance caused by the discrepancy between the variety and strength of the means of criminal activity and the variety and strength of the means of proof. Numerous varieties of new and modified means of proof proposed by science remain inapplicable due to the lack of appropriate methodological justification, sufficient generality, data on their effectiveness, etc. Based on the isomorphism of the structures of two opposing functional systems, it is proposed to treat procedural actions not only as means of establishing traces, but also of understanding the functioning of criminal activity and the formation of trace information. In this regard, the means of proof must be balanced in variety and strength with the means of criminal activity.

Keywords: means of proof, means of criminal activity, functional system, imbalance, isomorphism, dualism, proof mechanism

For citation: Afanasev A. Yu. Means in the functional system of «proving criminal activity». Altajskij juridicheskiy vestnik = Altai Law Journal. 2024;4:108–115 (In Russ.).

© Афанасьев А. Ю., 2024

К средствам доказывания мы приблизились после признания деятельности по доказыванию функциональной системой [1, 2, 3] и выявления дисбаланса в дуалистической системе «преступная деятельность и деятельность по ее доказыванию». Было установлено, что такой дисбаланс проявляется в отказе функциональной системы «доказывание преступной деятельности» выполнять необходимые функции доказывания и принятия решений и происходит из-за несоответствия многообразия и силы средств преступной деятельности многообразию и силе средств деятельности по доказыванию [4, с. 294; 5]. Вслед за этим мы обратили внимание на то, насколько уголовно-процессуальная наука и криминалистика, а также теория оперативно-розыскной деятельности и судебная экспертиология в этом направлении преуспели. Оказалось, что, несмотря на разнородное научное обоснование, приводились аргументы в пользу необходимости совершенствования уголовно-процессуального доказательственного права, включения новых средств доказывания (изменения имеющихся) и оптимизации самой деятельности по доказыванию.

Например, П. П. Царенко указывал, что необходимо внесение изменений и дополнений в перечень средств доказывания, поскольку их недостаточно для быстрого и качественного расследования уголовных дел [6, с. 199]. Н. М. Букаев объяснял это тем, что уголовно-процессуальный закон нуждается в пополнении новыми средствами доказывания преступлений, благодаря которым можно адекватно противостоять высококвалифицированной преступности [7, с. 241]. Ряд авторов появление новых средств доказывания связывали с необходимостью установления «новых или вновь открывшихся обстоятельств» [8, с. 197; 9, с. 173]. О. В. Левченко указывала, что исследование средств доказывания должно привести к повышению качества и эффективности расследования и судебного рассмотрения уголовных дел [10, с. 4]. В другой работе потребность в разработке новых следственных действий зачастую диктовалась изменениями в структуре преступности, широким распространением ранее неизвестных способов преступлений [11, с. 3]. В одном из фундаментальных исследований, посвященных средствам доказывания, в качестве обоснования необходимости их систематизации и совершенствования указано повышение эффективности соответствующей практической деятельности [12, с. 8].

Представляется, что эти и другие ученые, затрагивавшие проблемы теории доказательств

и доказательственного права, когда речь заходила о средствах доказывания, так или иначе подтверждали необходимость их совершенствования с целью повышения эффективности деятельности по доказыванию. Однако не встречается такого обоснования, указывающего на нарушение баланса между двумя функциональными системами — преступной деятельностью и деятельностью по ее доказыванию — по причине неравносилности именно средств доказывания средствам преступной деятельности. На наш взгляд, именно разрушительная сила преступной деятельности обуславливает проведение действий по уравниванию деятельности по доказыванию. Цель — не допустить перекоса, демонстрирующего «ненормальность» состояния преступности и непринятие в обществе.

В разные периоды предлагались различные подходы относительно того, что именно следует относить к средствам доказывания и какие новые средства доказывания можно предложить. Под средствами доказывания мы понимаем технологический комплекс, предназначенный для обеспечения функционирования деятельности по доказыванию. Технологический комплекс — это все то, что может быть использовано для доказывания преступной деятельности. Это могут быть действия, мероприятия, операции, орудия, а также приемы, способы и методы их выполнения. В основном средства доказывания представлялись либо как доказательства, либо как различные процедуры — следственные и иные процессуальные действия, оперативно-розыскные мероприятия и т. д. На наш взгляд, прежде всего к средствам следует относить все разнообразие следственных, судебных и иных процессуальных действий, оперативно-розыскных мероприятий. Например, в действующем уголовно-процессуальном законе содержится 25 следственных и иных процессуальных действий, часть из которых прошла эволюционное развитие, прежде чем стала таковыми.

Приведем для примера некоторые из них. Многие делают отсылку к таким следственным действиям, которых ранее не содержало уголовно-процессуального законодательство, в частности предъявление для опознания, следственный эксперимент, очная ставка и т. д. [7, с. 145; 13, с. 60]. На тот момент они являлись самыми что ни на есть новыми средствами доказывания. Как о новых средствах доказывания говорили и о других следственных действиях. Например, для работ начала 2000-х годов следственное действие «контроль и запись переговоров» вос-

принималось как новое [14, с. 4], хотя впервые о нем заговорили, в т. ч. на законодательном уровне, еще в 1990 г. Аналогичное суждение, но уже с претензией на новые средства доказывания высказывалось относительно контроля и записи переговоров, а также проверки показаний на месте [15, с. 14].

Кроме того, предлагались такие новые следственные действия, которые так и не попали в текст УПК РФ, например осмотр живого лица, обоснование предлагалось исходя из вида преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков [16, с. 88], налоговая экспертиза по налоговым преступлениям (хотя ведомственными нормативными правовыми актами такая экспертиза была предусмотрена) [17, с. 157; 18, с. 190].

В одной из работ в качестве средств доказывания были представлены: доказательства; источники доказательств; способы собирания доказательств в виде следственных и иных процессуальных действий; результаты оперативно-розыскной деятельности; общеизвестные и преюдициально установленные факты (преюдиции), правовые презумпции [19, с. 8–9]. К слову, способы собирания доказательств, по мнению Т. З. Егоровой, выполняют роль своеобразных «кровеных» сосудов, способствующих их формированию [19, с. 9].

О. В. Левченко отмечала, что эти средства направлены на достижение объективной истины в уголовном судопроизводстве и содействуют реализации назначения, а также что к ним относятся: доказательства, результаты оперативно-розыскной деятельности, презумпции, преюдиции и общеизвестные факты по уголовным делам [10, с. 4]. При этом ею было предложено включить в текст УПК РФ новые виды средств доказывания данного типа — это свободные доказательства, общеизвестные факты [10, с. 12, 16–17].

В. Ю. Стельмахом в качестве таких средств обозначены следственные действия, иные процессуальные действия, оперативно-розыскные мероприятия, а также предусмотренные законом действия защитника (адвоката) [12, с. 410]. Также предложены следующие новые средства: медицинское обследование для установления опьянения; допрос специалиста; электронно-цифровое копирование; контроль средств электросвязи, а также предложено признать результаты ОРД доказательствами — равно средствами доказывания [12, с. 25, 26, 415].

Современные исследования главным образом содержат предложения по внедрению новых средств доказывания, направленных на противо-

действие преступлениям, совершаемым с использованием информационных и телекоммуникационных технологий. Например, в качестве средств доказывания в категории «доказательства» предлагались: компьютерная информация, электронный документ [20, с. 43]; электронная доказательственная информация [21]; электронная информация [22]; в категории «следственные и иные процессуальные действия» — осмотр сетевых информационных ресурсов [23], осмотр и выемка электронных носителей, обыск в электронных сетях [24] и т. д.

Разбор имеющихся предложений по внедрению в текст уголовно-процессуального закона новых (и не очень) средств доказывания продемонстрировал несколько важных моментов:

- во-первых, оказалось, что множество предложенных наукой средств доказывания так и не дошли до адресата рассылки — законодателя и правоприменителя. Это удачно вписывается в получившее в последнее время широкое распространение мнение о непригодности научных продуктов для применения на практике. Допустимой является позиция и о неготовности законодательной и правоприменительной практики для таких предложений науки. В действительности мы имеем ситуацию, демонстрирующую асинхронность в их развитии, приводящую к возведению «стены непонимания». Предлагаемые средства доказывания так и остаются неапробированными, а равно непрогнозируемыми с точки зрения эффективности и допустимости;

- во-вторых, совокупность предлагаемых мер носит фрагментарный характер и не доходит до необходимого уровня обобщения, а следовательно, не способна решить системообразующие проблемы. Каждый исследователь, находясь в рамках предмета собственного исследования, обоснованно приходит к выводу о необходимости расширения средств доказывания или изменения и т. д. Однако в таком частном виде они если и способны что-то разрешить, то только локальные или конъюнктурные проблемы. В этом плане справедливо утверждение: «...кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя "натывать" на эти общие вопросы» [25, с. 368]. При этом для перестроения всей системы требуется соответствующая методологическая основа, смена имеющихся парадигм [26, с. 95] и научные модели для внедрения предложений;

- в-третьих, для большинства из них не является самоцелью усиление деятельности по доказыванию и «одоление» преступной деятельности. Решение конкретных задач, не имеющих под собой

замысла построения эффективного и разумного уголовного судопроизводства в целом, а не только в рамках отдельных процедур, не позволяет выйти на методологический уровень решения проблемы дисбаланса в дуализме преступной деятельности и деятельности по ее доказыванию;

- в-четвертых, игнорируется изоморфность структур преступной деятельности и деятельности по ее доказыванию. В соответствии с принципом изоморфизма внешнее строение двух видов деятельности должно быть идентичным. Например, функциональная структура преступной деятельности (далее — ПД), как и деятельности по доказыванию (далее — ДДПД), должна содержать такие элементы, как предмет, субъекты, средства, результат. Следовательно, требуется проводить сопряжение между аналогичными элементами двух видов деятельности: «предмет ПД и предмет ДДПД», «субъекты ПД и субъекты ДДПД», «средства ПД и средства ДДПД», «результат ПД и результат ДДПД». При этом системообразующими являются средства, поскольку прежде всего они должны быть изменены сообразно средствам противоположной деятельности. Даже самые квалифицированные субъекты доказывания не смогут получать необходимый результат с непригодными средствами.

Несмотря на то что деятельность по доказыванию направлена на работу с отражением преступной деятельности, должно быть учтено соответствие средств не только для работы с этим отражением, но и с самой преступной деятельностью. Весьма интересен пример из других областей научного знания, где осуществляется деятельность, схожая с доказыванием. Например, в клинических рекомендациях, используемых при диагностике и лечении различных заболеваний, разбираются симптомы и предлагаются схемы работы не с самими симптомами, а факторами, которые вызывают заболевание. Так, в клинических рекомендациях «Артериальная гипертензия у взрослых» диагностика АГ включает следующие этапы: выяснение жалоб и сбор анамнеза; повторные измерения АД; объективное обследование; лабораторно-инструментальные методы исследования: рутинные на первом этапе и сложные на втором этапе обследования (по показаниям); исключение вторичных (симптоматических) АГ при необходимости; оценка общего сердечно-сосудистого риска (базовый скрининг на наличие ПОМ) и др. [27].

Еще один пример, более актуальный для читателя в последнее время. Речь идет о коронавирусной инфекции COVID-19. Средствами диагностики выступают: подробная оценка всех жалоб,

анамнеза заболевания, эпидемиологического анамнеза; физикальное обследование с установлением степени тяжести состояния пациента (термометрия, пульсоксиметрия с измерением SpO₂ и др.); инструментальная диагностика (пульсоксиметрия с измерением SpO₂, электрокардиография); лабораторная диагностика этиологическая; лабораторная диагностика общая (общий анализ крови, биохимический анализ крови и т. д.); прогностические лабораторные маркеры; микробиологическая диагностика (ПЦР); диагностика инвазивного аспергиллеза, инвазивного кандидоза и мукормикоза; лучевая диагностика (КТ, УЗИ и т. д.) [28].

Даже часть разнообразия средств указывает на то, что они стремятся к соответствию не с симптомами болезни, а с факторами, обуславливающими возникновение и развитие заболевания. При этом следует заметить два момента: во-первых, нас интересует прежде всего этап диагностики, поскольку именно на данном этапе удастся распознать и верно определить признаки заболевания; во-вторых, среди средств диагностики имеются универсальные — пригодные для применения и в других случаях, хотя и с другим назначением.

Отсюда следует, что к имеющимся и возможным средствам доказывания преступной деятельности следует относиться с точки зрения не только пригодности работы с отражением действительности, но и пригодности установления механизма преступной деятельности, механизма следообразования. Тем самым процессуальные действия — это не только средства обнаружения, фиксации, изъятия следов, но и средства понимания преступной деятельности и понимания процесса образования следов. В конечном счете они не должны стать самоцелью деятельности по доказыванию;

- в-пятых, при формулировании предложений не учитывается то, что средства должны быть комплексными. Если исходить из функциональной модели деятельности по доказыванию, то средства этой деятельности должны быть информационными, орудийно-инструментальными и процедурными [29, с. 52]. Кроме этого, средства доказывания могут быть: нормативными (уголовно-процессуальными, оперативно-розыскными, судебно-экспертными), криминалистическими (технико-криминалистическими, тактическими, методическими), организационными, финансовыми и т. д. В доказывании все законные средства должны быть хороши, лишь бы позволяли формировать систему доказательств каждый раз, когда это потребуется. Тем самым средства не следует ограничивать рамками доказательственного права. Все то, что разрабатывается кримина-

листикой, судебной экспертологией и теорией оперативно-розыскной деятельности, должно служить цели формирования системы доказательств;

- в-шестых, не обращается внимание на средства доказывания, имеющиеся в иных видах юридического процесса, а также тенденции по их изменению. Для сравнения: интересной представляется практика внедрения новых средств доказывания в иные виды юридического процесса, например в арбитражный и гражданские процессы. Так, в арбитражном процессе в числе таких новых средств указывались свидетельские показания, аудио- и видеозаписи, а также иные документы и материалы [30, с. 2]; в гражданском процессе развивалась мысль о перечне новых средств доказывания, возражений против доказательств, фактов, на основании которых новые средства доказывания должны быть допущены [31, с. 211], предлагались объяснения сторон и третьих лиц как доказательства [32], аудио- и видеозапись как доказательство [33], электронные средства доказывания [34], а также показания приборов и технических средств, электронные средства платежа, киносъемка [35] и т. д. Учет средств доказывания из иных видов юридического процесса необходим по причине универсальности некоторых основ доказывания для всех видов процесса. Функции доказывания и принятия решений

подтверждают не только бифункциональное единство уголовного, гражданского, арбитражного, административного процессов, но и необходимость экстраполяции эффективных средств доказывания из одной отрасли в другую.

Таким образом, средства в функциональной системе «доказывание преступной деятельности» главным образом представлены процессуальными действиями и оперативно-розыскными мероприятиями. Дисбаланс в дуализме преступной деятельности и деятельности по ее доказыванию, предполагающий неравенство многообразия и силы средств двух видов деятельности, не может быть устранен имеющимися ресурсами. Несмотря на то что предлагается множество вариантов по внедрению новых и изменению имеющихся средств доказывания, они не доходят до законодателей и правоприменителей. Основными проблемами являются отсутствие надлежащего методологического обоснования, фрагментарный характер предложений, перенасыщение практики непригодными или невостребованными продуктами научного творчества или ее неготовность к изменениям. Средства доказывания необходимо представлять комплексно — нормативными, криминалистическими, организационными и иными видами, в т. ч. применимыми в различных видах юридического процесса.

Список источников

1. Анохин П. К. Принципы системной организации функций. М.: Наука, 1973.
2. Анохин П. К. Избранные труды. Философские аспекты теории функциональной системы. М.: Наука, 1978. 399 с.
3. Афанасьев А. Ю. Механизм доказывания преступной деятельности как «черный ящик» // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 3 (43). С. 80–85.
4. Эшби У. Р. Введение в кибернетику. М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. 432 с.
5. Афанасьев А. Ю. Дисбаланс в дуализме преступной деятельности и деятельности по ее доказыванию // Russian Journal of Economics and Law. 2024. № 4. URL: <https://www.rusjel.ru/jour/author/submission/2563> (дата обращения: 19.10.2024).
6. Царенко П. П. Наблюдение как метод собирания, исследования и оценки доказательств: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. 246 с.
7. Букаев Н. М. Теоретические проблемы первоначального этапа расследования преступлений против собственности: дис. ... д-ра юрид. наук. Владивосток, 2001. 377 с.
8. Егоров С. Е. Общепризнанные принципы и нормы о правах человека в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 262 с.
9. Мирза Л. С. Доступ к правосудию: уголовно-процессуальные аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 219 с.
10. Левченко О. В. Система средств познавательной деятельности в доказывании по уголовным делам и её совершенствование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2004. 418 с.
11. Цыкора А. А. Тактико-криминалистические особенности производства следственных действий, связанных с получением и исследованием информации, передаваемой по техническим каналам связи: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2013. 221 с.
12. Стельмах В. Ю. Система средств доказывания в досудебных стадиях уголовного процесса: проблемы теории, нормативного регулирования и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. 522 с.

13. Селина Е. В. Применение специальных познаний в российском уголовном процессе: дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2003. 356 с.
14. Юрина Л. Г. Процессуальные и криминалистические проблемы контроля и записи переговоров: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. 214 с.
15. Якуньков М. А. Уголовно-процессуальные правонарушения, связанные с производством следственных действий в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2007. 207 с.
16. Есина О. А. Особенности расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств: дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2004. 162 с.
17. Магушкина Н. В. Криминалистическая модель преступной деятельности по уклонению от уплаты налогов и ее использование в целях выявления и раскрытия преступлений этого вида: дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 1997. 214 с.
18. Козлов В. А. Криминалистическая характеристика налоговых преступлений и ее значение для правоприменительной деятельности федеральных органов налоговой полиции России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 353 с.
19. Егорова Т. З. Средства доказывания и их оценка в судебных стадиях российского уголовного процесса: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2003.
20. Зигура Н. А. Компьютерная информация как вид доказательств в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2010. 234 с.
21. Каменев А. С. Осуществление функции защиты посредством собирания и проверки электронной доказательственной информации в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2023. 228 с.
22. Яковлева К. Ю. Использование электронной информации в уголовно-процессуальном доказывании: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. 202 с.
23. Першин А. Н. Осмотр сетевых информационных ресурсов — новый вид следственного действия? // Российский следователь. 2020. № 1. С. 13–16.
24. Телевицкая Ю. А. Выемка электронных носителей информации по уголовным делам: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2023. 330 с.
25. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 15. 583 с.
26. Кун Т. Структура научных революций / сост. В. Ю. Кузнецов. М.: АСТ, 2003. 605 с.
27. Клинические рекомендации «Артериальная гипертензия у взрослых». 2020. URL: https://scardio.ru/content/Guidelines/Clinic_rek_AG_2020.pdf (дата обращения: 19.10.2024).
28. Временные методические рекомендации: профилактика, диагностика и лечение новой коронавирусной инфекции (COVID-19). URL: https://static-0.minzdrav.gov.ru/system/attachments/attaches/000/064/610/original/BMP_COVID-19_V18.pdf (дата обращения: 19.10.2024).
29. Лубин А. Ф. Дидактика криминалистики: опыт научной школы: монография. М.: Проспект, 2024. 128 с.
30. Лукьянова И. Н. Доказательства в арбитражном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 194 с.
31. Борисова Е. А. Теоретические проблемы проверки судебных актов в российском гражданском, арбитражном процессах: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 376 с.
32. Медведев И. Р. Объяснения сторон и третьих лиц как доказательство в гражданском процессе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 270 с.
33. Короткий С. А. Аудио- и видеозаписи как средства доказывания в гражданском процессе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 156 с.
34. Ворожбит С. П. Электронные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2011. 235 с.
35. Спасивов В. В. Оценка доказательств в гражданском и арбитражном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. 285 с.

References

1. Anohin P. K. Principy sistemnoj organizacii funkcij. M.: Nauka, 1973.
2. Anohin P. K. Izbrannye trudy. Filosofskie aspekty teorii funkcional'noj sistemy. M.: Nauka, 1978. 399 s.

3. Afanas'ev A. Yu. Mekhanizm dokazyvaniya prestupnoj deyatel'nosti kak «chernyj yashchik» // Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2024. № 3 (43). S. 80–85.
4. Eshbi U. R. Vvedenie v kibernetiku. M.: Izd-vo inostrannoj literatury, 1959. 432 s.
5. Afanas'ev A. Yu. Disbalans v dualizme prestupnoj deyatel'nosti i deyatel'nosti po ee dokazyvaniyu // Russian Journal of Economics and Law. 2024. № 4. URL: <https://www.rusjel.ru/jour/author/submission/2563> (data obrashcheniya: 19.10.2024).
6. Carenko P. P. Nablyudenie kak metod sobiraniya, issledovaniya i ocenki dokazatel'stv: dis. ... kand. yurid. nauk. Saratov, 2001. 246 s.
7. Bukaev N. M. Teoreticheskie problemy pervonachal'nogo etapa rassledovaniya prestuplenij protiv sobstvennosti: dis. ... d-ra yurid. nauk. Vladivostok, 2001. 377 s.
8. Egorov S. E. Obshepriznannye principy i normy o pravah cheloveka v ugovolnom processe Rossii: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2003. 262 s.
9. Mirza L. S. Dostup k pravosudiyu: ugovolno-processual'nye aspekty: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2004. 219 s.
10. Levchenko O. V. Sistema sredstv poznavatel'noj deyatel'nosti v dokazyvanii po ugovolnym delam i eyo sovershenstvovanie: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. Krasnodar, 2004. 418 s.
11. Cykora A. A. Taktiko-kriminalisticheskie osobennosti proizvodstva sledstvennyh dejstvij, svyazannyh s polucheniem i issledovaniem informacii, peredavaemoj po tekhnicheskim kanalam svyazi: dis. ... kand. yurid. nauk. Rostov-na-Donu, 2013. 221 s.
12. Stel'mah V. Yu. Sistema sredstv dokazyvaniya v dosudebnyh stadiyah ugovolnogo processa: problemy teorii, normativnogo regulirovaniya i praktiki: dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2021. 522 s.
13. Selina E. V. Primenenie special'nyh poznanij v rossijskom ugovolnom processe: dis. ... d-ra yurid. nauk. Krasnodar, 2003. 356 s.
14. Yurina L. G. Processual'nye i kriminalisticheskie problemy kontrolya i zapisi peregovorov: dis. ... kand. yurid. nauk. Saratov, 2001. 214 s.
15. Yakun'kov M. A. Ugolovno-processual'nye pravonarusheniya, svyazannye s proizvodstvom sledstvennyh dejstvij v rossijskom ugovolnom processe: dis. ... kand. yurid. nauk. Tyumen', 2007. 207 s.
16. Esina O. A. Osobennosti rassledovaniya prestuplenij, svyazannyh s nezakonnym oborotom narkoticheskikh sredstv: dis. ... kand. yurid. nauk. Ufa, 2004. 162 s.
17. Matushkina N. V. Kriminalisticheskaya model' prestupnoj deyatel'nosti po ukлонeniyu ot uplaty nalogov i ee ispol'zovanie v celyah vyavleniya i raskrytiya prestuplenij etogo vida: dis. ... kand. yurid. nauk. Izhevsk, 1997. 214 s.
18. Kozlov V. A. Kriminalisticheskaya harakteristika nalogovyh prestuplenij i ee znachenie dlya pravoprimeritel'noj deyatel'nosti federal'nyh organov nalogovoj policii Rossii: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2001. 353 s.
19. Egorova T. Z. Sredstva dokazyvaniya i ih ocenka v sudebnyh stadiyah rossijskogo ugovolnogo processa: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Chelyabinsk, 2003.
20. Zigura N. A. Komp'yuternaya informaciya kak vid dokazatel'stv v ugovolnom processe Rossii: dis. ... kand. yurid. nauk. Chelyabinsk, 2010. 234 s.
21. Kamenev A. S. Osushchestvlenie funkcii zashchity posredstvom sobiraniya i proverki elektronnoj dokazatel'stvennoj informacii v ugovolnom sudoproizvodstve: dis. ... kand. yurid. nauk. Chelyabinsk, 2023. 228 s.
22. Yakovleva K. Yu. Ispol'zovanie elektronnoj informacii v ugovolno-processual'nom dokazyvanii: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2023. 202 s.
23. Pershin A. N. Osmotr setevyh informacionnyh resursov — novyj vid sledstvennogo dejstviya? // Rossijskij sledovatel'. 2020. № 1. S. 13–16.
24. Televickaya Yu. A. Vyemka elektronnyh nositelej informacii po ugovolnym delam: dis. ... kand. yurid. nauk. Nizhnij Novgorod, 2023. 330 s.
25. Lenin V. I. Polnoe sobranie sochinenij. 5-e izd. M.: Gospolitizdat, 1961. T. 15. 583 s.
26. Kun T. Struktura nauchnyh revolyucij / sost. V. Yu. Kuznecov. M.: ACT, 2003. 605 s.
27. Klinicheskie rekomendacii «Arterial'naya gipertenziya u vzroslyh». 2020. URL: https://scardio.ru/content/Guidelines/Clinic_rek_AG_2020.pdf (data obrashcheniya: 19.10.2024).

28. Vremennye metodicheskie rekomendacii: profilaktika, diagnostika i lechenie novoj koronavirusnoj infekcii (COVID-19). URL: https://static-0.minzdrav.gov.ru/system/attachments/attaches/000/064/610/original/VMR_COVID-19_V18.pdf (data obrashcheniya: 19.10.2024).
29. Lubin A. F. Didaktika kriminalistiki: opyt nauchnoj shkoly: monografiya. M.: Prospekt, 2024. 128 s.
30. Luk'yanova I. N. Dokazatel'stva v arbitrazhnom processe: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2003. 194 s.
31. Borisova E. A. Teoreticheskie problemy proverki sudebnyh aktov v rossijskom grazhdanskom, arbitrazhnom processah: dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 2005. 376 s.
32. Medvedev I. R. Ob"yasneniya storon i tret'ih lic kak dokazatel'stvo v grazhdanskom processe: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2008. 270 s.
33. Korotkij S. A. Audio- i videozapisi kak sredstva dokazyvaniya v grazhdanskom processe: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2010. 156 s.
34. Vorozhbit S. P. Elektronnye sredstva dokazyvaniya v grazhdanskom i arbitrazhnom processe: dis. ... kand. jurid. nauk. SPb., 2011. 235 s.
35. Spesivov V. V. Ocenka dokazatel'stv v grazhdanskom i arbitrazhnom processe: dis. ... kand. jurid. nauk. Saratov, 2011. 285 s.

Статья поступила в редакцию 21.10.2024; одобрена после рецензирования 20.11.2024; принята к публикации 05.12.2024.

The article was submitted 21.10.2024; approved after reviewing 20.11.2024; accepted for publication 05.12.2024.

Алтайский юридический вестник. 2024. № 4 (48). С. 116–121.
Altai Law Journal. 2024. № 4 (48). P. 116–121.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 343.31

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ОСКОРБЛЕНИЕ УМЕРШИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ВЛАСТИ

Анна Григорьевна Брагина

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, agb.06@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема привлечения к уголовной ответственности за оскорбление умерших представителей власти. Потенциал нормы об оскорблении представителя власти, предусмотренной ст. 319 Уголовного кодекса Российской Федерации, сравнивается с иными отечественными уголовно-правовыми нормами, в которых закреплены отдельные виды посягательств на умерших. Исследованы позиция Конституционного Суда Российской Федерации о защите конституционного права на личную неприкосновенность после смерти человека, законодательство зарубежных стран и практика его применения, точки зрения ученых о возможности ответственности за оскорбление после смерти человека. Автором предложено решение проблемы практического применения нормы об оскорблении представителя власти после его смерти.

Ключевые слова: представитель власти, оскорбление представителя власти, оскорбление, оскорбление памяти, оскорбление умерших

Для цитирования: Брагина А. Г. К вопросу об уголовной ответственности за оскорбление умерших представителей власти // Алтайский юридический вестник. 2024. № 4 (48). С. 116–121.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

REVISITING THE CRIMINAL LIABILITY FOR INSULTING DECEASED GOVERNMENT OFFICIALS

Anna G. Bragina

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, agb.06@mail.ru

Abstract. The article deals with the problem of criminal prosecution for insulting deceased government officials. The potential of the norm on insulting a representative of power provided for in Article 319 of the Criminal Code of the Russian Federation is compared with other domestic criminal law norms, which enshrine certain types of attacks on the dead. The article examines the position of the Constitutional Court of the Russian Federation on the protection of the constitutional right to personal inviolability after the death of a person, the legislation of foreign countries and the practice of its application, the point of view of scientists on the possibility of liability for insult after the death of a person. The author proposes a solution to the problem of practical application of the norm on insulting a representative of power after his death.

Keywords: a representative of the government, an insult to a representative of the government, an insult, an insult to memory, an insult to the dead

For citation: Bragina A. G. Revisiting the criminal liability for insulting deceased government officials. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2024;4:116–121 (In Russ.).

В уголовном праве оскорбление всегда выражается в виде унижения живого потерпевшего. При этом оно должно быть выражено в неприличной или иной противоречащей нормам морали форме.

Содержательно оскорбление представителя власти как один из видов преступлений против порядка управления должно затрагивать профессиональные (служебные) и (или) личностные качества потерпевшего, совершаться, когда он находится при исполнении своих должностных обязанностей или же в связи с их исполнением, как это разъясняется в пункте 17 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.06.2023 № 14 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации»¹.

При этом, как отмечено в пункте 19 данного постановления, по ст. 319 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) может быть квалифицировано только такое преступное деяние, которое совершено в связи или же в ходе законного исполнения представителем власти своих должностных обязанностей, осуществляемого в пределах предоставленных ему полномочий. Исходя из смысла разъяснения высшей судебной инстанции, конкретизирующего время и обстановку совершения анализируемого преступления, к уголовной ответственности за оскорбление умершего потерпевшего привлечь невозможно.

Если даже деяние внешне отвечает всем признакам уголовно наказуемого оскорбления, оно не соответствует необходимым факультативным признакам объективной стороны, а также объекта преступления. Период выполнения представителем власти своих должностных обязанностей юридически и фактически к этому моменту завершен, представитель власти утратил необходимые признаки потерпевшего, все имевшиеся ранее правоотношения, связанные с профессиональной деятельностью, прекращены. При этом очевидно, что виновный прекрасно осознает эти факты, действуя из мести, с чувством превосходства, рассчитывая на безнаказанность своего деяния.

Полагаем, что при отсутствии реакции на оскорбление умершего представителя власти неизбежно встает вопрос о ценности государственной

или муниципальной службы как таковой, о перспективах для конкретной личности после ее ухода с должности и в последующем из жизни, в целом о значимости прижизненных достижений любого представителя власти.

Поэтому, на наш взгляд, уместно ответить на следующий вопрос: полностью ли прекращаются общественные отношения, охраняющие авторитет государственной власти, установленный порядок управления, когда наступает смерть представителя власти? Полагаем, что нет, поскольку оскорбление даже умершего представителя власти в первую очередь причиняет вред авторитету государственной власти, а уже во вторую — моральный вред его родным и близким.

При оскорблении умершего представителя власти унижается память о нем, поскольку его продолжают ценить бывшие коллеги, родные и близкие, которые будут испытывать все негативные последствия от такого преступления, включая нравственные страдания. При этом те же родственники умершего могут признаваться потерпевшими на основании ст. 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, получая право на возмещение вреда, причиненного преступлением, и одновременно имея обязанность содействовать правосудию, если бы практика шла по пути привлечения к ответственности за оскорбление умершего представителя власти.

Нужно заметить, что конституционные права человека и гражданина, как отмечает Конституционный Суд Российской Федерации, вовсе не прекращаются после его смерти. Суд признает за каждым умершим право на личную неприкосновенность и исключает незаконное воздействие на человека как в физическом, так и в психическом смысле².

Конституционный Суд Российской Федерации считает, что государство должно гарантировать достойное отношение к памяти человека, обеспечивая ему возможность рассчитывать на то, что и после смерти его личные права будут охраняться, а государственные органы, официальные и частные лица — воздерживаться от посягательства на них³. Государство обязано предоставлять защиту

¹ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.06.2023 № 14 // Российская газета. 2023. 9 июня. № 126.

² Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2016 г. № 224-О. URL: https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision_225217.pdf (дата обращения: 10.06.2024).

³ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 июля 2023 г. № 1791-О. URL: https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision_708673.pdf (дата обращения: 10.06.2024).

прав потерпевших от преступлений, включая возможность отстаивать свои права и законные интересы любыми не запрещенными законом способами¹. И хотя законодатель устанавливает различный порядок защиты прав и законных интересов лиц, пострадавших от них (в частности, в рамках уголовного или гражданского судопроизводства²), весьма важен реальный доступ потерпевшего к правосудию, обеспечение эффективного восстановления его в правах [1].

Нам видится некоторая непоследовательность позиции законодателя, установившего уголовно-правовой запрет для определенного вида физического воздействия на тело человека после его смерти в ст. 244 УК РФ, на оскорбление памяти защитников Отечества в ст. 354.1 УК РФ, на память погибших при защите Отечества в ст. 243.4 УК РФ (как видим, довольно обособленной категории потерпевших)³. Но при этом уголовный закон не содержит запрета посягательств на память об умерших представителях власти, совершаемых путем информационного воздействия. А ведь профессиональная деятельность представителей власти может оставаться весьма значимой для государства, осуществляемого им порядка управления, коллег на протяжении множества лет после его смерти.

Если акцентировать внимание на уголовно-правовом запрете оскорблений умершего или памяти, то мы можем видеть, что такое признается уголовно наказуемым в целом ряде стран мира. Так, в частности, в § 189 Уголовного уложения Федеративной Республики Германия установлена ответственность за осквернение памяти любого умершего человека [2]. Надругательство над памятью умерших уголовно наказуемо в Венгрии (ст. 181 УК Венгрии)⁴. За оскорбление умершего (норма звучит буквально: «Тот, кто оскверняет ме-

сто, где покоится мертвый, или публично оскорбляет его») наступает уголовная ответственность по ст. 318 Уголовного кодекса Республики Перу⁵. «Поносить труп или его прах» есть преступление против уважения к мертвым, которое наказуемо по ст. 212 Уголовного кодекса Федеративной Республики Бразилия⁶.

Применительно к интересующей нас категории потерпевших весьма интересен опыт Республики Беларусь, в ст. 369 Уголовного кодекса которой закреплена ответственность за оскорбление представителя власти или его близких в связи с выполнением им служебных обязанностей, совершенное в публичном выступлении либо в печатном или публично демонстрирующемся произведении, либо в средствах массовой информации, либо в информации, размещенной в глобальной компьютерной сети Интернет⁷.

Как видим, в Республике Беларусь потерпевшим от данного деяния признают в том числе лицо, не влияющее напрямую на порядок осуществления власти и государственное управление. Виновный несет ответственность за оскорбление такого потерпевшего, а также и за оскорбление представителя власти, уже умершего к моменту совершения преступления. Избранная белорусским законодателем формулировка позволяет применить эту уголовно-правовую норму к максимально широкому кругу потерпевших от оскорбительных деяний, учесть все возможные ситуации, связанные с негативным влиянием на государственную власть путем информационного воздействия, и оценить их с точки зрения наиболее строгих норм национального права. Оскорбляя умершего представителя власти, виновный неизбежно оскорбляет и его близких.

Реальным примером применения нормы ст. 369 УК Республики Беларусь при оскорблении умершего представителя власти служит дело жителя г. Минска А., который оставил оскорбительный

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24.04.2003 № 7-П // Российская газета. 2003. 13 мая. № 88.

² Не умаляя важности гражданско-правового способа защиты, все же считаем его недостаточно эффективным тогда, когда речь идет о защите интересов государства и его представителей.

³ При этом мы не будем вдаваться в дискуссию относительно справедливости исключения из российского уголовного законодательства нормы об оскорблении личности как таковой, тем более что ранее уже выразили свою позицию по данному моменту (См.: Правовые средства защиты чести и достоинства сотрудника полиции: учебное пособие / А. Г. Брагина, И. Г. Бублик, Д. А. Морозов [и др.]. Барнаул: БЮИ МВД России, 2014. С. 87).

⁴ Act IV of 1978 on the Criminal Code // Website of the World Intellectual Property Organization. URL: <https://www/>

[wipo/int/wipolex/ru/legislation/details/2199/](https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/2199/) (дата обращения: 15.06.2024).

⁵ Código Penal. Decreto legislativo № 635, Peru // Website of the World Intellectual Property Organization. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/6548> (дата обращения: 15.06.2024).

⁶ Código Penal brasileiro. Decreto-lei No. 2.848, de 7 de Dezembro de 1940 // Portal da Legislação. URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/decreto-lei/del2848.htm (дата обращения: 15.06.2024).

⁷ Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 № 275-3 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275> (дата обращения: 15.06.2024).

комментарий под постом о смерти сотрудника УВД Могилевского облисполкома в мессенджере Telegram. В ходе предварительного следствия было установлено, что А. в августе 2020 г. участвовал в акциях протеста против действующей власти. Увидев 3 февраля 2021 г. в новостной ленте одного из telegram-каналов запись-некролог, посвященный сотруднику милиции, он оставил оскорбительный комментарий об умершем. На основании ст. 369 УК Республики Беларусь А. было назначено наказание в виде ограничения свободы на срок 2 года без направления в исправительное учреждение открытого типа. Суд также в полном объеме удовлетворил иск сына умершего о материальной компенсации морального вреда в размере 1 тыс. рублей. Мобильный телефон, принадлежавший обвиняемому, через который был оставлен комментарий, был подвергнут специальной конфискации [3].

Если опираться на отечественный опыт криминализации оскорбления умерших или памяти о них, то можно отметить, что в досоветский и советский период времени вопрос о возможности привлечения к уголовной ответственности за посягательства на честь и достоинство умерших анализировался достаточно детально. Например, в XIX в. часть исследователей оскорбление умершего принципиально считали возможным, при этом они же (по практическим соображениям) не советовали признавать такого рода деяние оскорблением. Другая часть ученых полагала, что оскорбление умерших не подлежало наказанию в рамках уголовного права [4, с. 124].

Один из наиболее авторитетных ученых-криминалистов дореволюционного периода, Н. А. Неклюдов, категорично утверждал, что «смертью лица разрушается окончательно его личность, прекращаются его права и обязанности; посему об оскорблении умерших не может быть и речи» [5, с. 16].

В советский и постсоветский периоды этот вопрос также не был разрешен законодательно, что обусловило обстоятельную доктринальную дискуссию. На эту тему высказывались такие известные исследователи в области уголовного права, как Н. Д. Дурманов, А. Д. Киселев, Л. Л. Кругликов, Н. Е. Крылова, В. И. Мархотин, Т. Н. Нуркаева, А. А. Пионтковский, Б. З. Пурцхванидзе, Л. Н. Сугачев, М. Д. Шаргородский и др.

В частности, А. Д. Киселев считал необходимым, чтобы потерпевший осознавал и чувствовал оскорбление как таковое, иначе и оскорбления не будет [6, с. 398].

Н. Д. Дурманов, критикуя позицию А. А. Пионтковского о невозможности признания оскор-

бления деяния, совершенного в отношении лица, не обладающего сознанием собственного достоинства, не сознающего его оскорбительный характер, т. е. спящих, душевнобольных, малолетних и т. п. потерпевших, утверждал, что оно все-таки является посягательством на человеческое достоинство, «воспринимаемое как таковое, если не ими самими, то окружающими» [7, с. 112], определяя объективный характер оскорбления.

М. Д. Шаргородский, отрицая возможность юридической оценки содеянного как клеветы, если потерпевшим стал умерший, в то же время предлагал распространение заведомо ложных и порочащих сведений в отношении указанных лиц признавать оскорблением их родственников [8, с. 611–612].

Б. З. Пурцхванидзе утверждал, что оскорбление умершего не дает состава преступления против личности. Но поскольку поругание памяти умершего составляет грубое нарушение правил общежития, оно является деянием социально опасным и должно быть признано «посредственным оскорблением», т. е. оскорблением, наносимым одновременно и живым, например, родным, друзьям умершего, а в отдельных случаях — хулиганством [9, с. 12]. Как заочное оскорбление (т. е. в отсутствие потерпевшего) предложено квалифицировать такое деяние Л. Н. Сугачевым [10, с. 28].

В. И. Мархотин придерживался точки зрения о том, что оскорбление умершего — это деяние, посягающее на общественный порядок, которое в силу исключительной аморальности следует признать преступным [11, с. 17].

В современной уголовно-правовой науке выражаются диаметрально противоположные взгляды на возможность привлечения к уголовной ответственности за оскорбление умерших, на сам факт наличия в российском праве норм и возможностей охвата ими соответствующих деяний и другие аспекты проблемы [12, с. 107].

Аналогией закона называет применение норм об ответственности за клевету и оскорбление умершего Н. Е. Крылова, считая, что ни то, ни другое не может быть совершено в отношении умершего в принципе [13, с. 77–79]. Оскорбление предлагается рассматривать как составную часть других преступлений (в частности, хулиганства, надругательства над телами умерших и местами их захоронения, памятниками истории и культуры и др. без квалификации по норме об оскорблении) Л. Л. Кругликовым [14, с. 17].

В рамках норм о клевете и оскорблении, по мнению Т. Н. Нуркаевой и С. В. Щербакова, мож-

но разрешать вопрос о защите чести и достоинства человека после его смерти [15, с. 50–51].

Таким образом, нельзя отрицать то, что проблема защиты чести и достоинства уголовно-правовыми средствами не потеряла своей актуальности и по сей день и по-прежнему требует конкретизации в нормах УК РФ хотя бы на уровне специального потерпевшего. В целях ее успешного разрешения мы можем предложить дополнить примечанием 2 ст. 319 УК РФ, предусмотрев в нем норму, которая давала бы возможность привлекать за оскорбление представителя власти, совершенное в отношении него после смерти и, без-

условно, связанное с посягательством на порядок управления. Таким образом были бы дополнительно защищены порядок управления и государственная власть в целом. Кроме того, четко определенный уголовно-правовой запрет благотворно сказался бы на поддержании их авторитета, способствовал бы разрешению научного спора о возможности или невозможности оскорбления умерших лиц, не прекращающегося полтора года с лишним лет, а также позволил учесть позицию Конституционного Суда Российской Федерации в части обеспечения прав человека после его смерти.

Список источников

1. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т., т. 1: Общая часть / отв. ред. д.ю.н., проф. В. М. Лебедев. М.: Юрайт, 2023. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
2. Головненков П. В. Уголовное уложение Федеративной Республики Германия: научно-практический комментарий и перевод текста закона. Universitätsverlag. Potsdam, 2021. С. 307. URL: https://www.uni-potsdam.de/fileadmin/projects/ls-hellmann/Forschungsstelle_Russisches_Recht/Neuaufgabe_der_kommentierten_StGB-Übersetzung_von_Pavel_Golovnenkov.pdf (дата обращения: 15.06.2024).
3. Прокуратура Фрунзенского района Минска: 2 года ограничения свободы за оскорбление умершего правоохранителя // Сайт Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. URL: <https://prokuratura.gov.by/ru/media/novosti/nadzor-za-resheniyami-po-ugolovnym-i-grazhdanskim-delam/prokuratura-frunzenskogo-rayona-minska-2-goda-ogranicheniya-svobody-za-oskorblenie-umershego-pravookh/> (дата обращения: 01.06.2024).
4. Экштейн И. Честь в философии и в праве. Изд. второе. СПб.: Я. Канторович, 1895. 149 с.
5. Неклюдов Н. А. Руководство к Особенной части русского уголовного права. Т. 1: Преступления и проступки против личности. СПб.: Тип. П. П. Меркульева, 1876. 542 с.
6. Уголовный кодекс советских республик: Текст и практический комментарий: составлено по новым редакциям УК с изменениями до 20 февраля 1928 г. / под ред. С. Канарского. 3-е изд. Харьков: Гос. изд-во Украины, 1928. 588 с.
7. Дурманов Н. Рецензия на: Уголовное право. Особенная часть: Преступления против личности / А. А. Пионтковский. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1938. 136 с. // Социалистическая законность. 1939. № 6. С. 106–113.
8. Курс советского уголовного права. Часть Общая / Н. А. Беляев, Г. З. Анашкин, В. С. Прохоров [и др.]. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. Т. 3. 836 с.
9. Пурцхванидзе Б. З. Охрана чести и достоинства личности в советском уголовном праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1961. 28 с.
10. Сугачев Л. Н. Ответственность за оскорбление по советскому уголовному праву: дис. канд. юрид. наук. Харьков, 1955. 250 с.
11. Мархотин В. И. Охрана чести и достоинства личности по советскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1980. 26 с.
12. Нуркаева Т. Н., Поезжалов В. Б. К вопросу о потерпевшем в составах клеветы и оскорбления: уголовно-правовые и процессуальные аспекты // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2011. № 1 (9). С. 103–109.
13. Крылова Н. Е. Уголовное право и биоэтика: проблемы, дискуссии, поиск решений. М.: ИНФРА-М, 2006. 320 с.
14. Кругликов Л. Л. Преступления против личности: текст лекций. Ярославль: Ярославский государственный университет, 1998. 120 с.
15. Нуркаева Т. Н., Щербаков С. В. Уголовно-правовая охрана чести и достоинства личности // Российская юстиция. 2002. № 2. С. 50–51.

References

1. Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii: v 4 t., t. 1: Obshchaya chast' / otv. red. d.yu.n., prof. V. M. Lebedev. M.: Yurajt, 2023. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Garant».
2. Golovnenkov P. V. Ugolovnoe ulozhenie Federativnoj Respubliki Germaniya: nauchno-prakticheskij kommentarij i perevod teksta zakona. Universitätsverlag. Potsdam, 2021. S. 307. URL: https://www.uni-potsdam.de/fileadmin/projects/ls-hellmann/Forschungsstelle_Russisches_Recht/Neuaufgabe_der_kommentierten_StGB-Übersetzung_von_Pavel_Golovnenkov.pdf (data obrashcheniya: 15.06.2024).
3. Prokuratura Frunzenskogo rajona Minska: 2 goda ogranicheniya svobody za oskorblenie umershego pravoohranatelya // Sajt General'noj prokuratury Respubliki Belarus'. URL: <https://prokuratura.gov.by/ru/media/novosti/nadzor-za-resheniyami-po-ugolovnym-i-grazhdanskim-delam/prokuratura-frunzenskogo-rayona-minska-2-goda-ogranicheniya-svobody-za-oskorblenie-umershego-pravookh/> (data obrashcheniya: 01.06.2024).
4. Ekshtejn I. Chest' v filosofii i v prave. Izd. vtoroe. SPb.: Ya. Kantorovich, 1895. 149 s.
5. Neklyudov N. A. Rukovodstvo k Osobennoj chasti russkogo ugolovnogogo prava. T. 1: Prestupleniya i prostupki protiv lichnosti. SPb.: Tip. P. P. Merkul'eva, 1876. 542 s.
6. Ugolovnyj kodeks sovetskih respublik: Tekst i prakticheskij kommentarij: sostavleno po novym redakcijam UK s izmeneniyami do 20 fevralya 1928 g. / pod red. S. Kanarskogo. 3-e izd. Har'kov: Gos. izd-vo Ukrainy, 1928. 588 s.
7. Durmanov N. Recenziya na: Ugolovnoe pravo. Osobennaya chast': Prestupleniya protiv lichnosti / A. A. Piontkovskij. M.: Yurid. izd-vo NKYu SSSR, 1938. 136 c. // Socialisticheskaya zakonnost'. 1939. № 6. S. 106–113.
8. Kurs sovetskogo ugolovnogogo prava. Chast' Obshchaya / N. A. Belyaev, G. Z. Anashkin, V. S. Prohorov [i dr.]. Leningrad: Izd-vo Leningr. un-ta, 1973. T. 3. 836 s.
9. Purckhvanidze B. Z. Ohrana chesti i dostoinstva lichnosti v sovetskom ugolovnom prave: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 1961. 28 s.
10. Sugachev L. N. Otvetstvennost' za oskorblenie po sovetskomu ugolovnomu pravu: dis. kand. jurid. nauk. Har'kov, 1955. 250 s.
11. Marhotin V. I. Ohrana chesti i dostoinstva lichnosti po sovetskomu ugolovnomu pravu: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Kiev, 1980. 26 s.
12. Nurkaeva T. N., Poezhalov V. B. K voprosu o poterpevshe v sostavah klevety i oskorbleniya: ugolovno-pravovye i processual'nye aspekty // Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social'nyh tekhnologij). 2011. № 1 (9). S. 103–109.
13. Krylova N. E. Ugolovnoe pravo i bioetika: problemy, diskussii, poisk reshenij. M.: INFRA-M, 2006. 320 s.
14. Kruglikov L. L. Prestupleniya protiv lichnosti: tekst lekcij. Yaroslavl': Yaroslavskij gosudarstvennyj universitet, 1998. 120 s.
15. Nurkaeva T. N., Shcherbakov S. V. Ugolovno-pravovaya ohrana chesti i dostoinstva lichnosti // Rossijskaya yusticiya. 2002. № 2. S. 50–51.

Информация об авторе

A. G. Bragina — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

A. G. Bragina — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 08.07.2024; одобрена после рецензирования 30.09.2024; принята к публикации 05.12.2024.

The article was submitted 08.07.2024; approved after reviewing 30.09.2024; accepted for publication 05.12.2024.

Алтайский юридический вестник. 2024. № 4 (48). С. 122–127.
Altai Law Journal. 2024. № 4 (48). P. 122–127.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 343.222.7:343.535

**К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВНЫХ ЭТАПАХ РАЗВИТИЯ
ОТЕЧЕСТВЕННОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
ЗА СОВЕРШЕНИЕ НЕПРАВОМЕРНЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРИ БАНКРОТСТВЕ**

Анастасия Сергеевна Гузеева

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, guzeeba-as@yandex.ru

Аннотация. Данная статья представляет собой обзор основных этапов развития уголовного законодательства Российской Федерации за совершение правонарушений при банкротстве. Рассмотрены исторические и правовые аспекты формирования уголовной ответственности за преступления, связанные с банкротством, начиная с правовых норм, действующих на Руси, вплоть до современного состояния законодательства. В статье подробно анализируются основные уголовно-правовые нормы, применяемые в процессе банкротства, а также отмечаются основные изменения, произошедшие в уголовном законодательстве в течение последних лет.

Ключевые слова: правонарушения при банкротстве, институт несостоятельности, отечественное уголовное законодательство, нормативно-правовое регулирование

Для цитирования: Гузеева А. С. К вопросу об основных этапах развития отечественного уголовного законодательства за совершение правонарушений при банкротстве // Алтайский юридический вестник. 2024. № 4 (48). С. 122–127.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

**REVISITING THE MAIN STAGES OF THE DEVELOPMENT OF DOMESTIC CRIMINAL
LEGISLATION FOR COMMITTING ILLEGAL ACTIONS IN BANKRUPTCY**

Anastasija S. Guzeeva

Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia,
guzeeba-as@yandex.ru

Abstract. This article is an overview of the main stages in the development of criminal legislation of the Russian Federation for committing unlawful actions in bankruptcy. The historical and legal aspects of the formation of criminal liability for crimes related to bankruptcy are considered, starting from the legal norms in force in Rus', up to the current state of legislation. The article analyzes in detail the main criminal law rules applied in the bankruptcy process, and also discusses the main changes that have occurred in criminal law in recent years.

Keywords: illegal actions in bankruptcy, the institution of insolvency, domestic legislation, legal regulation

For citation: Guzeeva A. S. Revisiting the main stages of the development of domestic criminal legislation for committing illegal actions in bankruptcy. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2024;4:122–127 (In Russ.).

© Гузеева А. С., 2024

Развитие законодательства напрямую связано с особенностями того или иного исторического периода, действующей экономической ситуации, государственного устройства, внутренней и внешней политики государства. Так произошло и с обновлением законодательства в сфере банкротства. Особо активно данный институт начал развиваться в конце XX в., и это обновление продолжается до сих пор. В настоящее время процесс банкротства носит междисциплинарный характер, т. к. регулирующие этот процесс нормы можно найти как в административном, так и в гражданском и уголовном законодательстве. Особый интерес вызывает то, каким образом законодатели разных исторических периодов повлияли на становление уголовного законодательства, как в нынешнем уголовном кодексе появилась статья 195 «Неправомерные действия при банкротстве».

В древние времена процессы банкротства были не столь актуальны в связи со сложившейся экономической ситуацией, но так или иначе нашли свое отражение в таком историческом памятнике, как «Русская Правда» [1], опубликованном в XI–XII вв. В статьях «Русской Правды» содержались первые ссылки на неправомерные действия при банкротстве в виде классификации несостоятельности должника. Одним из критериев классификации являлись «злонамерения» должников (статья 68), что позволяет выделить следующие виды несостоятельности:

- несчастная несостоятельность, которая развивалась по независящим от должника обстоятельствам;
- злонамеренная (виновная) несостоятельность, возникающая из-за корыстности и безответственного отношения должника.

В статье 133 можем наблюдать положения, закрепляющие привлечение к ответственности за сокрытие должника, вследствие чего он лишается доверия «кредитора»: «оже человек полгав куны оу людеи, а побежит в чюжоу землю, веры ему не яти, как и татю».

Как отмечал М. Н. Тихомиров, во времена «Русской Правды» была предусмотрена возможность возложения ответственности на должника за невозврат долга в случае временных трудностей, когда у него объективно не было возможности погасить долг, а также за преднамеренное уклонение должника от исполнения своего обязательства [2].

В своих научных трудах А. Х. Гольмстен отмечал [3, с. 4], что в последующие 400 лет, вплоть до 1649 г., законов, регулирующих процессы банкрот-

ства, не было, сохранялась ответственность лишь за невозврат долгов, но она уголовной не являлась.

Как указывают авторы книги «Соборное уложение 1649 г.» М. Н. Тихомиров, П. П. Елифанов, в статье 90 Уложения появились новые положения о банкротстве, ранее нигде не закрепленные [4]. Так, например, был установлен срок, в течение которого должен быть погашен долг, который составлял три года, также расширился список лиц, которые могли называться банкротами: «должник мог быть признан любой, а не только купец, взявший займы деньги или товар, которые не принадлежали ему». Наряду с этим закреплялось, что должник лично несет ответственность за свои действия, и в случае неуплаты долга он мог быть передан в рабство кредитору до полного погашения долга, а в государственной казне и иностранным кредиторам было предоставлено преимущество в удовлетворении своих требований по сравнению с другими кредиторами в очередности.

На данном историческом этапе интерес к процедуре банкротства снижается в связи со слабо развитыми экономическими отношениями внутри страны. Возрождение интереса к процедуре банкротства начинается в середине XVIII в., и чаще всего его связывают с изданием «Уставъ о Банкротах» от 15 декабря 1740 г. Устав включал в себя основные идеи западноевропейского законодательства, где под банкротством понималось состояние должника, не имеющего имущества, достаточного для выплаты задолженности кредиторам. Устав определил две формы банкротства, схожие с изданными в «Русской Правде»¹ — несчастное (безвиновное) и злостное. При этом неосторожное банкротство рассматривалось как форма злостного.

19 декабря 1800 г. был принят Устав «О банкротях», по поводу которого В. А. Томсинов отмечал, что данный нормативный акт впервые разграничил торговую и неторговую несостоятельность [5]. Этот закон был значительным прорывом в развитии института банкротства, т. к. в нем был сделан первый шаг к систематическому регулированию несостоятельности через принятие единого кодифицированного документа. Как отмечал Г. Ф. Шершеневич, в то время банкротом считалось лицо, которое не могло полностью выплатить свои долги. Несостоятельность могла возникать двумя способами: по решению суда или по требованию кредиторов [6, с. 18].

¹ Банкротский устав 1740 года. URL: <https://bankruptclub.ru/2019/12/20/1740ustav/> (дата обращения: 04.02.2024).

Устав о банкротях 1800 г. регулировал отношения по поводу финансовой несостоятельности, которая могла быть вызвана непредвиденными обстоятельствами, такими как стихийные бедствия или пожары. Помимо этого, устанавливалась ответственность за неосторожность, которая была результатом непосредственной вины должника, и за злостность, когда должник, не имеющий опыта, пытался скрыть конкурсную массу при открытии процедуры банкротства.

Обилие коллизионных норм и пассивная практика применения Устава 1800 г. положили начало разработке нового Устава «О торговой несостоятельности», изданного 23 июня 1832 г., но его содержание было настолько узконаправленным и спорным, что в полной мере он смог заменить только первую часть ранее изданного устава. Одной из главных целей издания нового устава было сохранение правопреемственности, существенные изменения коснулись только процессуальной части процесса банкротства.

Таким образом, уголовная ответственность за неправомерные действия при банкротстве в нормативно-правовых актах до 1845 г. установлена не была, но самой процедуре банкротства законодатель так или иначе уделял свое внимание.

Анализ нормативных документов позволяет сделать вывод о том, что первые уголовно-правовые нормы, которые предусматривали привлечение к ответственности за неправомерное банкротство, появились в статьях 1163–1164 Уложения «О наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г. Согласно статье 1166 Уложения неправомерные действия при банкротстве могли иметь место как сами по себе (после возникновения несостоятельности), так и могли быть соединены с ранее имевшим место преднамеренным банкротством. Диспозиция данной статьи в обоих случаях акцентируется на неправомерных действиях, которые совершены после объявления лица несостоятельным. Помимо этого, в статье 1166 устанавливалась уголовная ответственность за умышленное уменьшение активов должника различными способами, при том что должник уже знал о наступающей несостоятельности [7]. Санкция данного деяния заключалась в лишении всех особых прав и преимуществ должника, а также его помещении в исправительные арестантские отделения.

Нормы Уложения 1845 г. нашли свое отражение в Уголовном уложении 1903 г. Интересен тот факт, что при его подготовке нормы, устанавливающие уголовную ответственность за неправомерные действия при банкротстве, подверглись суще-

ственным изменениям. По мнению законодателя того времени, совершение неправомерных действий при банкротстве является преступлением, а не просто событием гражданского оборота. Статья 599 Уложения 1903 г. имела три части, в соответствии с которыми ответственность была установлена за сокрытие должником своего имущества при объявлении несостоятельности; безвозмездную передачу или сокрытие имущества должника с целью уменьшения его конкурсной массы; выдачу обязательства по вымышленному долгу. Уголовная ответственность различалась в зависимости от статуса лица: частные лица могли быть осуждены к исправительным работам на срок до трех лет, в то время как представителям торгового сословия грозило до восьми лет заключения [8, с. 894–895].

С 1903 по 1917 г. изменений в сфере уголовно-правового регулирования неправомерных действий при банкротстве не наблюдалось. После революции 1917 г. российские суды прекратили рассмотрение дел о несостоятельности, возникших до революции, и с вступлением в силу Уголовного кодекса 1922 г. уголовная ответственность за неправомерные действия банкротства была окончательно отменена.

В связи с особенностями экономической системы в советском уголовном праве нормы о банкротстве существовать не могли. Государственное предприятие не могло обанкротиться в силу своей экономической природы, а растрата его имущества преследовалась по нормам о должностных преступлениях. В связи с этим дальнейшее развитие уголовного законодательства в области неправомерных действий при банкротстве стало возможным лишь в 1990-х гг., в связи с возрождением капиталистического уклада и появлением частного предпринимательства с сопутствующими ему рисками.

Постепенный переход к рыночной экономике, появление негативных отношений между кредиторами и должниками вызвали необходимость дальнейшего развития законодательства в сфере банкротства в целом и уголовного законодательства в частности. Так, 14 июня 1992 г. был издан Указ Президента РФ № 623 «О мерах по поддержке и оздоровлению несостоятельных государственных предприятий (банкротов) и применению к ним специальных процедур»¹, действующий вплоть до принятия 19 ноября 1992 г. Федерального зако-

¹ О мерах по поддержке и оздоровлению несостоятельных государственных предприятий (банкротов) и применении к ним специальных процедур [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 14.06.1992 № 623. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

на Российской Федерации «О несостоятельности (банкротстве) предприятий»¹. Статья 48 раздела № 5 предусматривала привлечение к ответственности должника, собственника предприятия-должника, кредитора и иных лиц за совершение соответствующих неправомерных действий, обширный перечень таковых действий перечислен в статьях 44–47 Закона Российской Федерации 1992 г. и лег в основу первоначальной редакции статей 195–197 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). Из-за отсутствия должного практического опыта в России закон готовился на основе зарубежных аналогов, поэтому и имел существенные недостатки.

В связи с тем, что закон включал в себя всего 51 статью, описывал процедуры банкротства в общих чертах, а область правового регулирования ограничивалась банкротством юридических лиц, стремительно развивающиеся экономические отношения того периода требовали дополнительных правовых преобразований.

Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. норм, предусматривающих уголовную ответственность за совершение неправомерных действий при банкротстве, не содержал. Неправомерные действия рассматривались в рамках гражданско-правового регулирования, что не гарантировало должную защиту прав и законных интересов государства, кредиторов и самого должника. В связи с этим назрела необходимость уголовно-правовой охраны соответствующей сферы общественных отношений. Так, в 1996 г. был принят новый уголовный кодекс, установивший нормы по привлечению к уголовной ответственности за преднамеренное, фиктивное банкротство и неправомерные действия при банкротстве (ст. 195 УК РФ)². При всей прогрессивности нового УК РФ 1996 г. законодатель учел не все проблемные аспекты, что оказало влияние на слабую эффективность практики применения ст. 195 УК РФ. Чаще всего это связывают с неудачной редакцией диспозиции данной статьи.

Создание во второй половине 1993 г. «Федерального управления по делам о несостоятельности (банкротстве) и финансовому оздоровлению» способствовало разработке и принятию Федерального закона Российской Федерации от 8 января 1998 г. № 6-ФЗ «О несостоятельности

(банкротстве)»³. В основу этого закона была заложена совершенно новая идеология. Основная идея закона заключается в отказе от принципа неплатности долга в пользу принципа неплатёжеспособности. Перечня действий, признаваемых неправомерными, закон 1998 г. уже не содержал, а упоминал лишь фиктивное и преднамеренное банкротство.

В новейшее время в Российской Федерации сфера банкротства регулируется нормами Федерального закона Российской Федерации от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (действует с 3 декабря 2002 г.)⁴, где нашли свое отражение основания признания должника банкротом, условия проведения процедуры банкротства и меры по предупреждению несостоятельности.

Статья 195 УК РФ в своей первоначальной редакции не раз подвергалась критике ученых: Л. В. Бертовским, А. М. Абрамовым, И. В. Шишко и другими, поэтому претерпевала изменения довольно часто:

1. Федеральным законом Российской Федерации от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ законодатель уточнил санкцию ст. 195 УК РФ, а также признак крупного ущерба, который на тот момент составлял 250 000 рублей. Укрупнение суммы причиненного кредиторам ущерба в дальнейшем оказало негативную практику применения ст. 195 УК РФ. Привлечь к уголовной ответственности должника сотрудникам подразделений экономической безопасности стало еще труднее.

2. Федеральный закон Российской Федерации от 19 декабря 2005 г. № 161-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» устранил некоторые недостатки предыдущей редакции. Законодатель уточнил обстановку совершения преступления «при наличии признаков банкротства». Из части 1 ст. 195 УК РФ исключен руководитель или собственник организации, являющийся специальным субъектом преступления, а в ч. 2, наоборот, законодатель решил расширить перечень субъектов преступления, добавив руководителя юридического

¹ О несостоятельности (банкротстве) предприятий: федеральный закон Российской Федерации от 19 ноября 1992 г. № 3929-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 1.4.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 12.06.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25.

³ О несостоятельности (банкротстве) [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 08.01.1998 № 6-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (утратил силу).

⁴ О несостоятельности (банкротстве) [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 26.10.2002 № 127-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

лица или его учредителя (участника) либо индивидуального предпринимателя. Решение расширить перечень субъектов преступления в ч. 2 ст. 195 УК РФ можно считать обоснованным, т. к. в преступлениях экономической направленности крайне не просто найти виновных, в большинстве случаев банкротом является юридическое лицо.

Декриминализировалось неправомерное удовлетворение имущественных требований одних кредиторов в ущерб другим. Криминализировалось незаконное воспрепятствование деятельности арбитражного управляющего либо временной администрации кредитной организации. Такого рода изменение несет в себе положительный характер, позволяя привлечь виновных лиц к уголовной ответственности.

3. В Федеральном законе Российской Федерации от 27.12.2009 № 377-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы» изменения в основном затронули санкцию, сократив ограничение свободы в ч. 1 с трех лет до одного года и в ч. 2 с пяти до трех лет. Уменьшение санкции практически всегда ведет к тому, что предполагаемый субъект преступления боится привлечения к уголовной ответственности все меньше.

4. Федеральным законом Российской Федерации от 07.03.2011 № 26-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» внесены изменения в ч. 2 ст. 195 УК РФ, сокращен перечень субъектов преступления, введенный ранее федеральным законом 2005 г. Данное изменение несет спорный характер, т. к. оценить его положительные либо отрицательные тенденции тяжело. Некоторые ученые считают, что исключение упоминания о гражданине и индивидуальном предпринимателе в основных составах этой статьи — упущение законодателя, т. к. у этих лиц нет необходимых полномочий и возможности злоупотребления ими. Другие отмечают, что такая формулировка привела к затруднениям в практической деятельности. Было бы достаточно указать в квалифицированных составах на «контролирующее должника лицо». Его признаки подробно раскрываются в статье 61.10 закона о несостоятельности. В целом изменения в ст. 195 УК РФ направлены на дифференциацию ответственности и усиление её для определенных категорий лиц: руководителя должника или контролирующих его лиц.

5. Федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2014 № 476-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О несостоятельности (банкротстве)" и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования реабилитационных процедур, применяемых в отношении гражданина-должника» (ред. от 29.06.2015) дополнил ст. 195 УК РФ частью 3. К уголовной ответственности теперь можно привлечь за незаконное воспрепятствование законной деятельности арбитражного управляющего (временной администрации кредитной или иной финансовой организации), а также за отказ предоставления документов или иной информации арбитражному управляющему, необходимой для исполнения возложенных на него обязанностей. Такого рода изменение несет в себе, казалось бы, положительный характер, но только если было бы изложено в виде отдельной статьи, т. к. статья 195 УК РФ итак достаточно перегружена несколькими составами преступления.

6. Федеральный закон Российской Федерации от 01.07.2021 № 241-ФЗ «О внесении изменений в статьи 195 и 196 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» дополнил часть 1 **пунктом 1.1** «совершение тех же действий с использованием своего служебного положения». В части 2 субъект преступления дополнен **пунктом 2.1** «арбитражным управляющим или председателем ликвидационной комиссии (ликвидатором), а равно контролирующим должника лицом либо руководителем этого контролирующего лица». Статью 195 дополнили частями 4 и 5, что позволило привлекать к уголовной ответственности группу лиц без ссылки на ст. 33 УК, а также привлекать к уголовной ответственности за совершение деяния, предусмотренного ч. 3, совершенного лицом с использованием своего служебного положения (контролирующим должника лицом либо руководителем этого контролирующего лица). Данные нововведения перегружают ст. 195 УК РФ, что сказывается лишь на негативной практике ее применения.

Также законодателем было внесено примечание о том, что лицо, впервые совершившее преступление, квалифицированное ст. 195 и 196 УК РФ, освобождается от уголовной ответственности, если активно способствовало раскрытию (расследованию) преступления либо добровольно сообщило о лицах, извлекавших выгоду из незаконного или недобросовестного поведения должника, раскрыло информацию об имуществе (доходах) таких

лиц, объем которого обеспечил реальное возмещение причиненного этим преступлением ущерба, и если в его действиях не содержится иного состава преступления. Данное решение носит спорный характер, т. к. позволяет виновным лицам избежать привлечения к уголовной ответственности за совершенное преступление, данные положения целесообразнее рассматривать как смягчающие обстоятельства.

Проведенный анализ отечественного законодательства, регламентирующего привлечение к уголовной ответственности за совершение неправомерных действий при банкротстве, позволяет сделать некоторые выводы. Исторически сложившиеся принципы легли в основу правовой регламентации современного законодательства. Однако в нём по-прежнему отсутствует единое понимание несостоятельности (банкротства) в уголовном праве. Необходимо выработать единый подход к регламентации таких преступлений. Институт

уголовно-правового регулирования банкротства достаточно новый, т. к. активно развивался только с конца XX в. и меняется до сих пор. На постоянной основе в статью 195 вносятся изменения, как положительные, так и не очень. Введение новых составов преступления, увеличение величины крупного ущерба, снижение санкции за преступление несут скорее негативный характер при практическом применении нормы. Статья 195 УК РФ фактически повторяет положения статей 45, 46, 47 Закона РФ от 19.11.1992 № 3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий». Устранить вышеизложенные недостатки законодатель пытается путем принятия новых федеральных законов, которые только частично справляются с данной задачей, однако некоторые противоречия и неточности в диспозиции ст. 195 УК РФ остаются актуальными до сих пор. Оценка положительных перемен в контексте ст. 195 УК РФ зависит в основном от конкретных обстоятельств и судебной практики.

Список источников

1. Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д. С. Лихачева [и др.]. СПб.: Наука, 1997. Т. 4: XII век.
2. Тихомиров М. Н. Пособие по изучению Русской Правды. М., 1953.
3. Гольмстен А. Х. Исторический очерк русского конкурсного процесса. СПб., 1888.
4. Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное уложение 1649 года. М., 1961.
5. Томсинов В. А. Законодательство императора Павла I. М.: Зерцало, 2008.
6. Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права. Торговый процесс. Конкурсный процесс: в 4 т. 4-е изд. М., 1912. Т. 4.
7. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Издание 1885 г. Свод законов Российской Империи. Том XV // Свод законов Российской Империи: в 5 кн. / под ред. и с прим. И. Д. Мордухай-Болтовского. СПб., 1912. Кн. 5.
8. Таганцев Н. С. Уголовное уложение 22 марта 1903 года. СПб., 1904.

References

1. Biblioteka literatury Drevnej Rusi / pod red. D. S. Lihacheva [i dr.]. SPb.: Nauka, 1997. T. 4: XII vek.
2. Tihomirov M. N. Posobie po izucheniyu Russkoj Pravdy. M., 1953.
3. Gol'msten A. H. Istoricheskij ocherk russkogo konkursnogo processa. SPb., 1888.
4. Tihomirov M. N., Epifanov P. P. Sobornoe ulozhenie 1649 goda. M., 1961.
5. Tomsinov V. A. Zakonodatel'stvo imperatora Pavla I. M.: Zercalo, 2008.
6. Shershenevich G. F. Kurs torgovogo prava. Torgovyj process. Konkursnyj process: v 4 t. 4-e izd. M., 1912. T. 4.
7. Ulozhenie o nakazaniyah ugovolnyh i ispravitel'nyh. Izdanie 1885 g. Svod zakonov Rossijskoj Imperii. Tom XV // Svod zakonov Rossijskoj Imperii: v 5 kn. / pod red. i s prim. I. D. Morduhaj-Boltovskogo. SPb., 1912. Kn. 5.
8. Tagancev N. S. Ugolovnoe ulozhenie 22 marta 1903 goda. SPb., 1904.

Статья поступила в редакцию 04.07.2024; одобрена после рецензирования 12.09.2024; принята к публикации 05.12.2024.

The article was submitted 04.07.2024; approved after reviewing 12.09.2024; accepted for publication 05.12.2024.

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЕ МЕРОПРИЯТИЕ «ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ»: ПОИСК ПУТЕЙ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Сергей Иванович Давыдов¹, Евгений Александрович Моляров²

¹ Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, davidov_ord@mail.ru

² Сибирский юридический институт МВД России, Красноярск, Россия, ord2020.cafedra@yandex.ru

Аннотация. В статье обоснованы выводы о несовершенстве ряда законодательных норм, регулирующих оперативно-розыскное мероприятие «отождествление личности». Представлены взгляды российских ученых на развитие его правовой основы. Проанализировано зарубежное законодательство в этой сфере. Доказана необходимость и целесообразность внесения изменений в Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» в части переименования оперативно-розыскного мероприятия «отождествление личности» на «поиск и отождествление объектов по их признакам» с закреплением дефиниции этого мероприятия, наделением органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, правом на обработку (в т. ч. сбор) персональных данных о лицах в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий. Предлагается в Федеральном законе Российской Федерации от 25 июля 1998 г. № 128-ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации» закрепить норму, предусматривающую государственную регистрацию следов пальцев рук и ладоней «неизвестных лиц, находящихся во взаимосвязи с расследуемым преступлением».

Ключевые слова: отождествление личности, оперативно-розыскное мероприятие, правовая основа, законодательное регулирование

Для цитирования: Давыдов С. И., Моляров Е. А. Оперативно-розыскное мероприятие «отождествление личности»: поиск путей совершенствования законодательного регулирования // Алтайский юридический вестник. 2024. № 4 (48). С. 128–135.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITY «THE IDENTIFICATION OF PERSONS»: SEARCHING FOR WAYS TO IMPROVE LEGISLATIVE REGULATION

Sergej I. Davidov¹, Evgenij A. Molyarov²

¹ Barnaul Law Institute of the Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, davidov_ord@mail.ru

² Siberian Law Institute of the Internal Affairs of Russia, Krasnoyarsk, Russia, ord2020.cafedra@yandex.ru

Abstract. The conclusions about the imperfection of a number of legislative norms regulating the operational-search activity «the identification of persons» are substantiated. The views of Russian scientists on the development of its legal basis are presented. Foreign legislation in this area is analyzed. The necessity and expediency of introducing amendments to the Federal Law of August 12, 1995 № 144-FZ «On operational-search activities» has been proven in terms of renaming the operational-search activity «the identification of persons» to «search and identification of objects by their characteristics» with the consolidation of the definition this measure, vesting bodies carrying out operational investigative activities with the right to process (including collecting) personal data about individuals during operational investigative activities. It is proposed that the Federal Law of July 25, 1998 № 128-FZ «On State Fingerprint Registration in the Russian Federation» establish a norm providing for state registration of fingerprints and palms of «unknown persons who are in connection with the crime under investigation».

Keywords: the identification of persons, operational-search activity, legal basis, legislative regulation

For citation: Davidov S. I., Molyarov E. A. Operational-search activity «the identification of persons»: searching for ways to improve legislative regulation. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2024;4:128–135 (In Russ.).

Оперативно-розыскное мероприятие (далее — ОРМ) «отождествление личности» занимает важное место в оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД), часто используется как метод выявления и установления лиц, имеющих отношение к преступлениям, является средством получения доказательственной информации по уголовным делам.

От того, насколько эффективно сотрудники оперативных подразделений проводят это мероприятие, зависит качество решения ими задач ОРД. Поскольку ОРМ «отождествление личности» имеет правовую природу и регулируется нормативными правовыми актами, то поиск путей совершенствования правовой основы этого мероприятия может способствовать созданию новых преимуществ в выявлении и установлении преступников, раскрытии преступлений, а также укреплению гарантий законности при проведении рассматриваемого мероприятия. На основании изложенного полагаем, что поиск путей совершенствования законодательного регулирования ОРМ «отождествление личности» является актуальным направлением научного исследования.

Анализ научной литературы и современной оперативно-розыскной практики показывает, что в правовом регулировании исследуемого мероприятия существуют проблемы, требующие решения. Так, появление и активное развитие автоматизированных способов отождествления личности, предполагающих за считанные секунды обработку внушительного объема персональной биометрической информации, поставили на повестку дня вопрос об оценке возможных угроз для прав граждан, связанных со вторжением в их частную жизнь. Некоторыми авторами признается несоответствие дословного значения законодательно закрепленного названия ОРМ «отождествление личности» его эмпирической интерпретации [1, с. 138–140; 2, с. 36–41]. Кроме того, действующие правовые нормы Федерального закона Российской Федерации от 12 августа 1995 г. «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — ФЗ Об ОРД), регламентирующие оперативно-розыскные мероприятия, в т. ч. отождествление личности, характеризуются некоторой неопределенностью, приводящей к отсутствию их единообразного толкования правоприменителем, а также противоречивой правоприменительной практике [3].

С учетом вышеизложенного мы предлагаем внести некоторые изменения в ряд нормативных правовых актов Российской Федерации, определяющих в той или иной степени содержательную

часть ОРМ «отождествление личности», а также условия его проведения. Рассмотрим более подробно нормативные правовые акты, которые потенциально могут быть скорректированы.

ФЗ Об ОРД — нормативный правовой акт, определяющий основные аспекты организации и проведения ОРМ «отождествление личности». Обратим внимание, что специальных норм, посвященных отождествлению личности, данный федеральный закон не содержит. Тем не менее в ходе исследования нами выявлен ряд проблемных вопросов, относящихся непосредственно к законодательной регламентации отождествления личности. Одной из таких проблем является отсутствие в ФЗ Об ОРД норм, раскрывающих содержание ОРМ, в т. ч. и отождествления личности. На эту особенность как на недостаток обращали внимание многие авторитетные исследователи [4, с. 4; 5; 6; 7]. Так, А. Е. Чечётин отмечал: «Сформулировав в едином списке названия мероприятий, законодатель не определил содержание каждого из них, оставив это на откуп правоприменителю. Не придав должного значения важности исходных (дефинитивных) правовых норм, определяющих юридические категории и понятия, а поэтому играющих особую роль в механизме правового регулирования, законодатель тем самым не обеспечил необходимых методологических предпосылок для единого толкования закона» [1, с. 88]. В. Г. Бобров заметил, что отсутствие законодательного определения отдельных ОРМ на практике приводит к тому, что их проведение следователями, прокурорами, судом и адвокатами (защитниками) в ряде случаев признается незаконным [8].

Кроме того, согласно результатам проведенного И. Д. Шатохиным научного исследования, положение ст. 6 ФЗ Об ОРД, в котором содержится перечень ОРМ, чаще всего оспаривается в Конституционном Суде РФ. Количество обращений граждан с целью проверки конституционности положений ст. 6 ФЗ Об ОРД составило 40 % случаев всех исследованных ученым обращений граждан [9, с. 69]. Этот показатель отражает низкий уровень понимания норм, регламентирующих проведение ОРМ, свидетельствует о недостаточной полноте, конкретности и предсказуемости положений представленного федерального закона.

В ходе проведенного нами анкетирования сотрудников оперативных подразделений ОВД около трети (31 %) респондентов указали, что содержание ОРМ «отождествление личности» в положениях ФЗ Об ОРД раскрыто настолько слабо, что возникают затруднения в проведении данного меро-

приятия. На то, что содержание ОРМ «отождествление личности» в законе раскрывается в достаточной степени и не требует дополнений, указали менее половины респондентов (46 %). Остальные (23 %) затруднились дать оценку. Таким образом, положения ФЗ Об ОРД, раскрывающие содержание исследуемого мероприятия, не понятны для значительной части субъектов правоотношения.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что отсутствие норм, раскрывающих содержание ОРМ «отождествление личности», следует оценивать как пробел в оперативно-розыском законодательстве, который влечет за собой ряд негативных последствий, выраженных в неоднообразном восприятии правоприменителем положений об отождествлении личности, противоречивой правоприменительной практике, что, в свою очередь, может трактоваться как нарушение конституционного принципа равенства всех перед законом.

С учетом этих обстоятельств целесообразно еще раз заострить внимание на вопросе законодательного закрепления понятий ОРМ. Учеными предлагаются несколько путей решения данной проблемы. Так, одни предлагают введение в ФЗ Об ОРД дефиниций путем выделения для каждого ОРМ отдельных статей, раскрывающих их содержание [10, с. 7], либо путем введения одной (специальной) статьи, в которой бы излагались определения основных понятий, используемых в ОРД, в т. ч. и понятий отдельных ОРМ. Другие ученые предлагают введение в закон не дефиниции ОРМ, а процедурных правил их проведения по аналогии с правовым регулированием производства следственных действий в уголовном процессе [11].

Опыт введения законодательных дефиниций ОРМ, включая отождествление личности или аналогичных ему мероприятий, уже имеется в некоторых странах. Например, в соответствии со ст. 2 Закона Киргизской Республики от 16 октября 1998 г. № 131 «Об оперативно-розыскной деятельности» отождествление личности — это «установление личности подозреваемого (проверяемого) по дактилоскопической картотеке, следам, оставленным на месте происшествия, по составу крови, слюны, следам запаха и пр.»¹. В соответствии с п. «е» ч. 2 ст. 1 Закона Грузии от 30 апреля 1999 г. № 1933

«Об оперативно-розыскной деятельности» идентификация (отождествление) личности — это «установление проверяемого или подозреваемого лица по дактилоскопической картотеке, оставленному на месте преступления следу, запаху или выделению»².

Законодательные определения ОРМ используются в Республике Беларусь и Республике Казахстан. В то же время примеров введения в оперативно-розыскное законодательство зарубежных стран процедурных правил ОРМ нами обнаружено не было.

К числу дискуссионных относится вопрос о необходимости расширения содержания отождествления личности путем его переименования. Так, А. Е. Чечётин предложил назвать это ОРМ «оперативным отождествлением». По его мнению, это позволило бы расширить круг объектов ОРМ, к которым, помимо физических лиц, будут относиться похищенные предметы и вещи, места совершения преступлений, компьютерные программы и другие объекты [1, с. 139].

Эту позицию разделяют другие авторы. В частности, С. А. Машков предлагает в качестве названия ОРМ закрепить «отождествление лиц и иных объектов» [2], А. Д. Парманасов — «оперативное отождествление» [12, с. 138], А. В. Агарков — «идентификацию» [4].

В целом мы поддерживаем позицию ученых о целесообразности расширения круга объектов исследуемого мероприятия, поскольку в практической деятельности возникают ситуации, требующие документального установления взаимосвязи мест (территорий, помещений), вещей, имущества, оружия, документов, животных и других объектов с преступлением. Буквальное же толкование действующего названия ОРМ такой возможности не предоставляет, поскольку из него следует, что объектом указанного ОРМ могут являться только физические лица. При необходимости отождествления объектов, не относящихся к физическим лицам, на практике проводятся такие ОРМ, как «наведение справок», «наблюдение», «исследование предметов и документов», о чем свидетельствуют результаты изучения дел оперативного учета. При этом единый подход к выбору вида ОРМ при решении задачи по установлению тождества предметов, мест происшествий, компьютерных программ и других объектов отсутствует.

¹ Об оперативно-розыскной деятельности: Закон Кыргызской Республики от 16.10.1998 № 131 // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/138/edition/1288868/ru?ysclid=lx0efr58h896266315> (дата обращения: 01.07.2024).

² Об оперативно-розыскной деятельности // Законодательный вестник Грузии. URL: <https://www.matsne.gov.ge/ru/document/view/18472?publication=53> (дата обращения: 01.07.2024).

Расширенное содержание исследуемого мероприятия предусматривается Модельным законом «Об оперативно-розыскной деятельности», принятым 16 ноября 2006 г. Межпарламентской Ассамблеей государств, и является, по сути, ориентиром для национального оперативно-розыскного законодательства государств — участников Содружества Независимых Государств. В нем исследуемое ОРМ поименовано как «отождествление личности и иных объектов» и определено как «установление и идентификация лица и иных объектов по индивидуализирующим их статическим и динамическим неизменяемым признакам, а равно и при помощи других способов, позволяющих с достаточной степенью вероятности опознать личность или иной объект»¹.

В исследовании и поиске оптимального названия и содержания отождествления личности важно учесть еще один подход. В 2014 г. профессором В. Ф. Луговиком был разработан авторский проект оперативно-розыскного кодекса Российской Федерации, в котором предусмотрена отдельная ст. 59, посвященная ОРМ «оперативное отождествление». В ней определено, что оперативное отождествление может проводиться «для выявления лиц, обоснованно подозреваемых в подготовке, совершении или совершивших преступления либо разыскиваемых, а также поиска предметов, материалов, документов и веществ, используемых в качестве орудий преступлений или выступающих в качестве предметов преступного посягательства, либо имеющих значение для доказывания по уголовному делу...» [7].

Особый интерес для нас представляет опыт законодательного регулирования ОРД в Республике Казахстан. В статье 11 Закона Республики Казахстан от 15 сентября 1994 г. № 154-ХІІІ «Об оперативно-розыскной деятельности» в перечень ОРМ включены «поиск и отождествление личности по приметам». В статье 1 рассматриваемого закона содержится определение поиска и отождествления личности по приметам — это «совокупность организационных и предметно-практических действий, направленных на обнаружение и идентификацию искомого лица по индивидуализирующим его статическим, динамическим и геномным признакам, а равно при помощи словесного портрета

и других способов, позволяющих с достаточной степенью вероятности опознать человека»².

Следует обратить внимание на то, что в названии ОРМ «поиск и отождествление личности по приметам» заложена возможность осуществления в ходе мероприятия также и поисковых действий, что не предусмотрено в рамках отождествления личности в соответствии с ФЗ Об ОРД. Обратим внимание, что ОРМ «отождествление личности» также является поисково-идентификационным мероприятием, которое, помимо опознания, может включать в себя поиск искомого объекта по его приметам, что признается многими специалистами в области ОРД. Возможен как физический поиск лиц по приметам на определенных участках местности, в зданиях, сооружениях и в других местах, так и автоматизированный поиск (с использованием аппаратно-программных комплексов, автоматизированных информационных систем). Полагаем, что поисковый характер отождествления личности должен найти отражение в уточненном названии этого ОРМ.

Анализ зарубежного законодательства показывает, что опыт по расширению содержания ОРМ путем их переименований уже имеется в других странах. Примером является Республика Беларусь. Так, в ст. 11 ранее действовавшего Закона Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 289-З «Об оперативно-розыскной деятельности» было закреплено ОРМ «отождествление личности» [13]. В соответствии со ст. 18 действующего Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности» в перечень ОРМ входит «оперативное отождествление». В соответствии со ст. 25 рассматриваемого закона «оперативное отождествление представляет собой установление по индивидуальным признакам персональных данных гражданина или тождества гражданина, предмета и документа, в отношении которых проводится оперативно-розыскное мероприятие, соответственно с гражданином, предметом и документом, о которых ранее получены сведения при осуществлении оперативно-розыскной деятельности органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, в целях получе-

¹ Модельный закон об оперативно-розыскной деятельности // Антитеррористический центр государств — участников Содружества Независимых Государств. URL: <https://www.cisatc.org/1289/9115/135/9126/9129/245> (дата обращения: 01.07.2024).

² Об оперативно-розыскной деятельности: Закон Республики Казахстан от 15.09.1994 № 154-ХІІІ (по состоянию на 12.09.2023) // Комплекс правовой системы «ЮРИСТ». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1003158&pos=12;-30#pos=12;-30 (дата обращения: 01.07.2024).

ния сведений, необходимых для выполнения задач оперативно-розыскной деятельности»¹.

Учитывая вышеизложенное, мы приходим к выводу, что имеются достаточные основания уточнить и законодательно закрепить название исследуемого ОРМ. Предполагается назвать его «поиск и отождествление объектов по идентифицирующим их признакам». Для уточнения содержания переименованного мероприятия предлагаем закрепить в ФЗ Об ОРД следующую его дефиницию: «это совокупность взаимосвязанных действий, направленных на обнаружение и (или) непроцессуальное опознание физических лиц, животных, похищенных предметов и вещей, мест совершения преступлений и других объектов, представляющих оперативный интерес, по идентифицирующим их признакам».

В ходе анализа правовой основы отождествления личности в ОРД мы пришли к выводу о несовершенстве норм, касающихся обработки персональных данных граждан в ОРД. Как было указано выше, реализация некоторых способов проведения отождествления личности неизбежно связана с процессом обработки персональных данных граждан, в т. ч. персональных биометрических данных. Думается, что совершенствование правовых положений в этой сфере должно быть направлено на установление более четкой регламентации обработки персональных данных граждан без их согласия в процессе осуществления ОРМ. Это позволит сократить риски чрезмерного вмешательства в частную жизнь граждан со стороны субъектов ОРД.

Основные правила обработки, включая сбор биометрических персональных данных, содержатся в положениях Федерального закона Российской Федерации от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных». По общему правилу, предусмотренному ч. 1 ст. 11 закона, биометрические данные граждан могут обрабатываться только при наличии согласия в письменной форме субъекта персональных данных. Исключение из правила предусмотрено в ч. 2 ст. 11 рассматриваемого закона, в соответствии с которой обработка биометрических данных без согласия граждан (субъектов персональных данных) допустима в случаях, предусмотренных оперативно-розыскным законодательством. Каких-либо положений в федеральном

законе «О персональных данных», конкретизирующих правила обработки биометрических данных без согласия граждан (субъектов персональных данных) в рамках ОРД, не имеется. В свою очередь, в ФЗ Об ОРД каких-либо упоминаний о биометрических персональных данных также не имеется. Таким образом, правовых оснований либо условий совершения каких-либо действий с персональными данными в ходе осуществления ОРД законом не предусмотрено. Отсутствие в ФЗ Об ОРД указанных правовых положений следует расценивать как пробел в нормативно-правовом регулировании ОРД. Для устранения этого пробела мы считаем целесообразным внесение поправки в ст. 15 ФЗ Об ОРД с целью наделения органов, осуществляющих ОРД, правом на обработку (в т. ч. сбор) персональных данных о лицах в ходе проведения ОРМ, а именно предлагаем внести изменения в первый абзац ч. 1 ст. 15 ФЗ Об ОРД и изложить его в следующей редакции: «Проводить гласно и негласно оперативно-розыскные мероприятия, перечисленные в статье 6 настоящего федерального закона, производить при их проведении обработку, в том числе сбор персональных данных лиц, изъятие документов, предметов, материалов и сообщений, а в случае возникновения непосредственной угрозы жизни и здоровью лица либо угрозы государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации прерывать предоставление услуг связи». Полагаем, что такое законодательное изменение восполнит недостающие элементы в законодательном регулировании ОРД, а именно определит основания и условия обработки персональных данных в ОРД.

Отдельного рассмотрения заслуживают и вопросы создания условий для проведения отождествления личности с использованием дактилоскопических учетов. Анализ ведомственных нормативных актов МВД России, регулирующих дактилоскопическую регистрацию граждан, показывает, что фактически допускается постановка на дактилоскопический учёт в принудительном порядке лиц, которые не указаны в перечне объектов, подлежащих обязательной дактилоскопической регистрации, предусмотренном ст. 9 Федерального закона Российской Федерации от 25 июля 1998 г. № 128-ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации» (далее — ФЗ о государственной дактилоскопической регистрации). Так, в соответствии с п. 5.2 Правил ведения экспертно-криминалистических учетов в ОВД РФ, утвержденных приказом МВД России

¹ Об оперативно-розыскной деятельности: Закон Республики Беларусь 15.07.2015 № 307-3 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <http://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H11500307> (дата обращения: 01.07.2024).

от 10 февраля 2006 г. № 70 «Об организации использования экспертно-криминалистических учтов органов внутренних дел Российской Федерации», следы рук неустановленных лиц, изъятые с мест совершения преступлений, которые не были идентифицированы в ходе проверки экспертным учреждением, подлежат постановке на учет в автоматизированной дактилоскопической информационной системе МВД России. С такой точки зрения здесь необходимо учитывать, что изъятые в ходе раскрытия и расследования преступлений следы рук могут принадлежать гражданам, которые фактически не причастны к совершенному преступлению и не относятся к категории лиц, подлежащих обязательной государственной дактилоскопической регистрации в соответствии со ст. 9 Федерального закона Российской Федерации от 25 июля 1998 г. № 128-ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации». В такой ситуации может возникнуть резонный вопрос о нарушении конституционных прав гражданина, чьи следы были поставлены на дактилоскопический учет в нарушение положений ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации» и используются в том числе в процессе непроцессуального отождествления личности.

Для решения этой проблемы обратим внимание на опыт правового регулирования дактилоскопической регистрации Швейцарии. Основным нормативно-правовым актом, регламентирующим дактилоскопическую регистрацию, в Швейцарии является Положение об обработке биометрических данных в служебных целях (*Verordnung über die Bearbeitung biometrischer erkenntungstlicher Daten*). В соответствии со ст. 2 указанного положения биометрическая регистрация включает в себя регистрацию дактилоскопических следов, находящихся во взаимосвязи с уголовно наказуемым деянием, в соответствии со ст. 8 подлежат государственной регистрации и следы неизвестных правонарушителей [14].

Нормы, предусматривающие государственную регистрацию следов пальцев рук и ладоней неизвестных лиц, находящихся во взаимосвязи с расследуемым преступлением, целесообразно предусмотреть и в ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации». В связи с этим предлагаем ст. 9 («Обязательная государственная дактилоскопическая регистрация») после слов «Обязательной государственной дактилоскопической регистрации подлежат все неопознанные трупы» дополнить словами «а так-

же дактилоскопическая информация неизвестных лиц, находящихся во взаимосвязи с уголовно наказуемым деянием, которая может способствовать раскрытию преступления».

Подводя итог, отметим следующее:

1. Отсутствие законодательного определения ОРМ «отождествление личности» вызывает затруднения в интерпретации данного мероприятия правоприменителями.

2. Дословное значение законодательно закрепленного названия ОРМ «отождествление личности» не в полной мере соответствует его практическому применению. В содержание этого ОРМ, помимо процедуры идентификации (т. е. сопоставления одного объекта с другим на основании какого-либо признака с целью установления их сходства или различия), могут входить и поисковые действия, направленные на обнаружение объекта оперативной заинтересованности. В ходе ОРМ «отождествление личности» может осуществляться как физический поиск в местах вероятного появления искомого объекта, так и автоматизированный поиск, осуществляемый аппаратно-программными средствами в базах данных, созданных для идентификационных целей. Так, ОРМ «отождествление личности» по существу является не просто идентификационным, а поисково-идентификационным мероприятием.

3. ОРМ «отождествление личности», как и другие ОРМ, предусмотренные ст. 6 ФЗ Об ОРД, не могут применяться сотрудниками оперативных подразделений для опознания животных, похищенных предметов и вещей, мест совершения преступлений и других объектов, не относящихся к физическим лицам, что является, по нашему мнению, недостатком в оперативно-розыскном законодательстве.

4. С учетом обозначенных проблем, в целях совершенствования оперативно-розыскного законодательства считаем целесообразным переименовать ОРМ «отождествление личности» на «поиск и отождествление объектов по их признакам» с закреплением в законе следующей дефиниции этого ОРМ: «это совокупность взаимосвязанных действий, направленных на обнаружение и (или) непроцессуальное опознание физических лиц, животных, похищенных предметов и вещей, мест совершения преступлений и других объектов, представляющих оперативный интерес, по идентифицирующим их признакам».

5. Для устранения пробелов в оперативно-розыскном законодательстве в части обработки персональных данных граждан, в т. ч. персональной

биометрической информации, предлагаем внести изменения:

- в первый абзац ч. 1 ст. 15 ФЗ Об ОРД и изложить его в следующей редакции: «Проводить гласно и негласно оперативно-розыскные мероприятия, перечисленные в статье 6 настоящего федерального закона, производить при их проведении обработку, в том числе сбор персональных данных лиц, изъятие документов, предметов, материалов и сообщений, а в случае возникновения непосредственной угрозы жизни и здоровью лица либо угрозы государственной, военной, экономической,

информационной или экологической безопасности Российской Федерации прерывать предоставление услуг связи»;

- дополнить ст. 9 ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации» после слов «Обязательной государственной дактилоскопической регистрации подлежат все неопознанные трупы» словами «а также дактилоскопическая информация неизвестных лиц, находящихся во взаимосвязи с уголовно наказуемым деянием, которая может способствовать раскрытию преступления».

Список источников

1. Чечетин А. Е. Актуальные проблемы теории оперативно-розыскных мероприятий: монография. М.: Издательский дом Шумиловой И. И., 2006. 180 с.
2. Машков С. А. О несоответствии наименований оперативно-розыскных мероприятий их содержанию // Пролог: журнал о праве. 2018. № 1. С. 36–41.
3. Введенский А. Ю. Законодательное закрепление новых оперативно-розыскных мероприятий не необходимость, а реальность, продиктованная практикой // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 1. С. 46–49.
4. Агарков А. В. Дефиниции оперативно-розыскных мероприятий: сравнительный анализ и законодательное закрепление: монография. Владимир: ВЮИ ФСИН России, 2017. 92 с.
5. Важенин В. В., Садыков А. У. Перспективы совершенствования законодательного регулирования проведения оперативно-розыскных мероприятий // Общество и право. 2013. № 4 (46). С. 170–173.
6. Железняк Н. С., Васильев А. Д. «Черные дыры» и «белые пятна» Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: юридические и лингвистические аспекты: монография. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2009. 162 с.
7. Луговик В. Ф. Оперативно-розыскной кодекс Российской Федерации (авторский проект федерального закона) // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 1 (31). С. 109–135.
8. Бобров В. Г. О некоторых вопросах законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности // Полицейское право. 2005. № 2 (2). С. 75–83.
9. Шатохин И. Д. Принцип уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина в оперативно-розыскной деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2018. 210 с.
10. Фролов В. Ю., Чечетин А. Е., Пенкин В. С., Митрофанов Е. А. Закон РСФСР «Об оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел»: инициативный авторский проект // Информационное и правовое обеспечение деятельности органов внутренних дел: межвуз. сб. науч. тр. М., 1996. С. 3841.
11. Гирько С. И., Луговик В. Ф., Гусев В. А. О правоотношениях, процедурах и оперативно-розыском праве // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 4 (44). С. 19–25.
12. Парманасов А. Д. Законодательное регулирование оперативно-розыскной деятельности в странах — участниках Евразийского экономического союза (по материалам органов внутренних дел): дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2017. 263 с.
13. Оперативно-розшукова діяльність та додержання державної таємниці в країнах СНД: збірник законів про оперативно-розшукову діяльність та державну таємницю / укладачі: О. В. Кириченко, І. М. Зубач, О. В. Новіков, А. В. Білий. Київ: Центр учбової літератури, 2008. 464 с.
14. Трефилов А. А. Правовое регулирование дактилоскопии: опыт Швейцарии // Совершенствование системы дактилоскопической регистрации: сборник мат-лов международной научно-практ. конф-ции (8 октября 2015 г.). М.: Юрлитинформ, 2016. С. 180–182.

References

1. Chechetin A. E. Aktual'nye problemy teorii operativno-rozysknyh meropriyatij: monografiya. M.: Izdatel'skij dom Shumilovoj I. I., 2006. 180 s.
2. Mashkov S. A. O nesootvetstvii naimenovanij operativno-rozysknyh meropriyatij ih sodержaniyu // Prolog: zhurnal o prave. 2018. № 1. S. 36–41.

3. Vvedenskij A. Yu. Zakonodatel'noe zakreplenie novyh operativno-rozysknyh meropriyatij ne neobhodimost', a real'nost', prodiktovannaya praktikoj // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2014. № 1. S. 46–49.
4. Agarkov A. V. Definicii operativno-rozysknyh meropriyatij: sravnitel'nyj analiz i zakonodatel'noe zakreplenie: monografiya. Vladimir: VYuI FSIN Rossii, 2017. 92 s.
5. Vazhenin V. V., Sadykov A. U. Perspektivy sovershenstvovaniya zakonodatel'nogo regulirovaniya provedeniya operativno-rozysknyh meropriyatij // Obshchestvo i pravo. 2013. № 4 (46). S. 170–173.
6. Zheleznyak N. S., Vasil'ev A. D. «Chernye dyry» i «belye pyatna» Federal'nogo zakona «Ob operativno-rozysknoj deyatel'nosti»: yuridicheskie i lingvisticheskie aspekty: monografiya. Krasnoyarsk: SibYuI MVD Rossii, 2009. 162 s.
7. Lugovik V. F. Operativno-rozysknoj kodeks Rossijskoj Federacii (avtorskiy proekt federal'nogo zakona) // Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika. 2015. № 1 (31). S. 109–135.
8. Bobrov V. G. O nekotoryh voprosah zakonodatel'nogo regulirovaniya operativno-rozysknoj deyatel'nosti // Policeskoe pravo. 2005. № 2 (2). S. 75–83.
9. Shatohin I. D. Princip uvazheniya i soblyudeniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina v operativno-rozysknoj deyatel'nosti: dis. ... kand. yurid. nauk. Barnaul, 2018. 210 s.
10. Frolov V. Yu., Chechetin A. E., Penkin V. S., Mitrofanov E. A. Zakon RSFSR «Ob operativno-rozysknoj deyatel'nosti organov vnutrennih del»: iniciativnyj avtorskiy proekt // Informacionnoe i pravovoe obespechenie deyatel'nosti organov vnutrennih del: mezhvuz. sb. nauch. tr. M., 1996. S. 38–41.
11. Gir'ko S. I., Lugovik V. F., Gusev V. A. O pravootnosheniyah, procedurah i operativno-rozysknom prave // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2017. № 4 (44). S. 19–25.
12. Parmanasov A. D. Zakonodatel'noe regulirovanie operativno-rozysknoj deyatel'nosti v stranah — uchastnikah Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza (po materialam organov vnutrennih del): dis. ... kand. yurid. nauk. SPb., 2017. 263 s.
13. Operativno-rozshukova diyal'nist' ta doderzhannya derzhavnoï taemnici v kraïnah SND: zbirnik zakoniv pro operativno-rozshukovu diyal'nist' ta derzhavnu taemnicyu / ukladachi: O. V. Kirichenko, I. M. Zubach, O. V. Novikov, A. V. Bilij. Kiïv: Centr uchbovoï literaturi, 2008. 464 s.
14. Trefilov A. A. Pravovoe regulirovanie daktiloskopii: opyt Shvejcarii // Sovershenstvovanie sistemy daktiloskopicheskoy registracii: sbornik mat-lov mezhdunarodnoj nauchno-prakt. konf-cii (8 oktyabrya 2015 g.). M.: Yurlitinform, 2016. S. 180–182.

Библиографический список

1. Луговик В. Ф. Ведомственная кодификация в сфере оперативно-розыскной деятельности: устав или положение // Алтайский юридический вестник. 2018. № 1 (21). С. 114–117.
2. Пардилов Р. Х. Институт оперативно-розыскных мероприятий в оперативно-розыском законодательстве (теоретический и правовой аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 28 с.

Информация об авторах

С. И. Давыдов — доктор юридических наук, доцент.

Е. А. Моляров — кандидат юридических наук.

Information about the authors

S. I. Davidov — Doctor of Science (Law), Associate Professor.

E. A. Molyarov — Candidate of Science (Law).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 18.06.2024; одобрена после рецензирования 24.09.2024; принята к публикации 05.12.2024.

The article was submitted 18.06.2024; approved after reviewing 24.09.2024; accepted for publication 05.12.2024.

Алтайский юридический вестник. 2024. № 4 (48). С. 136–144.
Altai Law Journal. 2024. № 4 (48). P. 136–144.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 343.7

ДЕНЕЖНЫЕ СУРРОГАТЫ КАК ПРЕДМЕТ ХИЩЕНИЯ

Ольга Степановна Иванченко¹, Александр Васильевич Польшиков², Яна Геннадьевна Бялая³

^{1,3} Центральный филиал Российского государственного университета правосудия, Воронеж, Россия

¹ olga.ivanchenko2022@mail.ru

² Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия, polschikow@mail.ru

³ byalaya2002@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена научно-практическому анализу проблем применения уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за хищения в отношении такого предмета преступления, как денежные суррогаты. В работе исследуются виды денежных суррогатов, дается их классификация, приводится анализ судебных приговоров по уголовным делам о хищениях с использованием денежных суррогатов, обосновывается авторская позиция по вопросам квалификации хищений денежных суррогатов.

Ключевые слова: денежные суррогаты, предмет хищения, предмет преступления, уголовная ответственность, квалификация преступлений, собственность, преступления против собственности

Для цитирования: Иванченко О. С., Польшиков А. В., Бялая Я. Г. Денежные суррогаты как предмет хищения // Алтайский юридический вестник. 2024. № 4 (48). С. 136–144.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

MONETARY SURROGATES AS AN OBJECT OF THEFT

Olga S. Ivanchenko¹, Aleksandr V. Polshikov², Yana G. Byalaya³

^{1,3} The Central branch of the Russian State University of Justice, Voronezh, Russia

¹ olga.ivanchenko2022@mail.ru

² Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Voronezh, Russia, polschikow@mail.ru

³ byalaya2002@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the scientific and practical analysis of the problems of the application of criminal law norms providing for liability for embezzlement in relation to such an object of crime as money surrogates. The paper examines the types of monetary surrogates, gives their classification, provides an analysis of court verdicts in criminal cases of embezzlement using monetary surrogates, substantiates the author's position on the qualification of embezzlement of monetary surrogates.

Keywords: money surrogates, the subject of theft, the subject of a crime, criminal liability, qualification of crimes, property, crimes against property

For citation: Ivanchenko O. S., Polshikov A. V., Byalaya Ya. G. Monetary surrogates as an object of theft. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2024;4:136–144 (In Russ.).

Современное законодательство не дает легального определения понятия «денежные суррогаты», хотя их выпуск официально запрещен на территории Российской Федерации взаимосвязанными положениями ч. 1 ст. 75 Конституции РФ и ст. 27 ФЗ от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»¹.

Тем не менее многие ученые, осознавая стремительность цифровизации современного общества, занимаются изучением данной категории и предлагают свои варианты ее толкования. Так, О. М. Крылов характеризует денежный суррогат как «не являющийся деньгами объект права, осуществляющий одну или несколько экономических функций денег — соизмерения стоимостей, платежа и накопления» [1, с. 42]. Некоторые авторы применяют более широкий подход к толкованию и под денежными суррогатами предлагают понимать любые объекты, используемые в качестве средства платежа на территории РФ, кроме официальной валюты РФ [2, с. 65].

Несмотря на законодательно закрепленный запрет на выпуск денежных суррогатов, юридическая ответственность за такое нарушение отсутствует. В 2016 г. Министерством финансов Российской Федерации был подготовлен проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»². Он предусматривал установление уголовной ответственности за изготовление (выпуск), приобретение в целях сбыта, а равно сбыт денежных суррогатов. Однако в Государственную Думу Федерального Собрания РФ данный законопроект не был внесен, что вполне справедливо, потому что легально не определено, что представляет собой и что включает в себя такая категория, как денежные суррогаты.

В теории существует множество вариантов классификации денежных суррогатов по различным основаниям. При этом одни и те же виды квазиденег некоторые ученые относят к денежным суррогатам, в то время как другие это отрицают. В частности, А. В. Турбанов полагает, что подарочные карты, почтовые знаки, талоны на топливо и т. п. нельзя считать денежными суррогатами

¹ О Центральном банке Российской Федерации (Банке России): федеральный закон Российской Федерации от 10.07.2002 № 86-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 28, ст. 2790.

² Проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». URL: http://www.document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 21.04.2024).

в силу того, что они являются лишь документами, подтверждающими оплату, произведенную реальными денежными средствами [3, с. 59]. И. И. Кучеров, напротив, денежными суррогатами называет любые платежные средства, используемые наравне с законными средствами платежа [4, с. 2].

На наш взгляд, классификацию денежных суррогатов (по различным основаниям) можно представить следующим образом:

1. В зависимости от эмитента:

а) государственные денежные суррогаты, эмитентами которых являются органы государственной власти. К данной группе относятся: налоговые, коммунальные льготы, государственные сертификаты (например, на материнский (семейный) капитал), казначейские билеты. Их выпуск и оборот контролируются государством;

б) коммерческие денежные суррогаты. Выпускаются иными негосударственными субъектами и используются для расчетов внутри ограниченного круга лиц. Например, ценные бумаги, расписки, скидочные купоны, электронные кошельки и др.;

в) прочие — все иные виды, не перечисленные в первых двух группах (например, талоны, купоны на товары, жетоны метро, товарные накладные и т. д.).

2. В зависимости от формы выражения:

а) бумажные (натуральные) — имеют физическую форму и исполняются в натуральном выражении;

б) электронные (цифровые) денежные суррогаты, реализация которых происходит в цифровой среде посредством виртуальной валюты.

3. В зависимости от территории использования:

а) ограниченные денежные суррогаты — их использование ограничено территорией одной страны;

б) неограниченные денежные суррогаты. Не имеют территориальных ограничений, в большинстве случаев отождествляются с иностранной валютой.

4. По функциональному признаку:

а) премиальные денежные суррогаты. В эту группу входят объекты права, представляющие собой права требования в гражданском обязательстве на получение в будущем товаров, работ или услуг в размере, зависящем от правил учета условных единиц (баллов, бонусов, миль и т. д.), устанавливаемых продавцом товара, исполнителем работ или услуг;

б) номинативные денежные суррогаты. К данной категории относятся объекты гражданских

прав, представляющие собой знаки, бланки, документы, обозначающие определенную денежную сумму в рублях или иных условных единицах и предоставляющие их владельцу право на соразмерное получение имущества, определенного объема услуг или работ. Наиболее известные из них — подарочные карты (сертификаты), проездные билеты, лотерейные билеты, знаки почтовой оплаты, карты метро и др.;

в) дисконтные денежные суррогаты. Эту группу составляют суррогаты, предоставляющие их владельцам скидку на приобретение товара, получение услуги, работы, например карты «Эльдорадо», «М.Видео», «Золотое Яблоко» и др. Владелец дисконта имеет возможность купить товар по цене меньшей, чем для лиц, не участвующих в скидочной программе. В основном дисконтные программы предполагают учет личности участника, хотя в отдельных случаях могут реализоваться и в обезличенном виде.

Полагаем, что в отдельную группу необходимо выделить денежные суррогаты в форме криптовалюты, которые в настоящее время приобретают все большую популярность. К ним относятся, например, Bitcoin, Ethereum, Solana, USD Coin и др. Стоит отметить, что криптовалюта на сегодняшний день вызывает немало споров и активно исследуется не только экономистами, но и правоведами [5]. А ее роль в преступном мире представляет собой отдельную тему для научных дискуссий [6].

Однако в рамках данного исследования наибольший интерес с уголовно-правовой точки зрения вызывают проблемы квалификации хищений премиальных, номинативных и дисконтных денежных суррогатов.

Пользование премиальными денежными суррогатами предполагает регулярное совершение покупок у продавца-эмитента, пользование его услугами, работами, за которые впоследствии участнику бонусной программы начисляются конкретные учетные единицы с возможностью их обмена на товары, услуги, работы этого же продавца или его партнеров. Если лицо реализует премиальные денежные суррогаты, которыми оно завладело незаконно, такие действия могут наносить ущерб как организации-эмитенту, так и участникам программы.

Так, в 2021 г. на территории Ростовской области было возбуждено уголовное дело по признакам преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159, ст. 210 УК РФ, в отношении группы лиц, участники которой совершили ряд мошеннических действий. В ходе предварительного следствия удалось

установить, что преступники приобретали дорогостоящие железнодорожные билеты, получали от кредитных организаций бонусы и кэшбек (от англ. *cashback* — возврат наличных денег, иными словами, поощрительные выплаты) за их покупку, после чего осуществляли возврат билетов. В то же время одним из соучастников являлся сотрудник транспортной компании, который в нарушение процедуры возвращал денежные средства наличными либо на банковские карты, отличающиеся от тех, с которых производилась первоначальная покупка билетов. В результате денежные средства, потраченные на покупку, полностью возвращались, а поощрительные выплаты и бонусы кредитной организацией не списывались. Сотрудниками правоохранительных органов было обнаружено более 1,3 тысячи банковских карт, 670 сим-карт, а также более 10 тысяч железнодорожных билетов, кассовых чеков, квитанций о возврате денег. Всего мошенникам удалось приобрести и вернуть примерно 70 тысяч железнодорожных билетов. Ущерб, причиненный кредитным организациям, оценен в сумму более 10 млн рублей [7].

Для квалификации данных действий как мошенничества необходимо установить наличие у преступников умысла, а также определить, имели ли место такие признаки, как обман или злоупотребление доверием.

Прежде всего отношения банка и клиента регулирует программа лояльности, определяющая порядок и условия начисления и списания кэшбека. Возьмем для примера правила акции оператора «Стимулирование доступных внутренних туристских поездок в организации отдыха детей и их оздоровления через возмещение части стоимости оплаченной туристской услуги в рамках Программы лояльности для держателей карт "Мир"», где в п. 7.8 указано, что при расторжении договора о реализации услуги выплаченный кэшбек подлежит возврату в полном объеме. Кроме того, возврат уплаченных за услугу денежных сумм осуществляется с использованием карты «Мир», по которой была произведена оплата услуги¹.

В указанном выше примере преступники нарушили условия программы лояльности, т. к. кэшбек начислялся им за покупки, которые по факту не были состоявшимися. Принимая во внимание

¹ Правила акции Оператора «Стимулирование доступных внутренних туристских поездок в организации отдыха детей и их оздоровления через возмещение части стоимости оплаченной туристской услуги в рамках Программы лояльности для держателей карт "Мир"». URL: <https://privetmir.ru/> (дата обращения: 10.05.2024).

п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ (далее — Пленум ВС РФ) от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», в котором разъясняется, что обман как способ совершения хищения или приобретения права на чужое имущество может состоять и в умолчании об истинных фактах, несообщение банку о возврате товара и получении денег наличными или на другую карту следует расценивать как обман¹.

Деятельность указанных в примере лиц носила системный и организованный характер. Они занимались поиском выгодных предложений от банков по начислению кэшбека, контролировали и распределяли полученную преступным путем прибыль. Так как сумма кэшбека ограничена, правонарушителям приходилось привлекать подставных лиц для оформления банковских карт и сим-карт.

Кроме того, осознавая, что при возврате стоимости купленных билетов на карту, с которой изначально осуществлялась покупка, кэшбек будет в полном объеме возвращен кредитной организацией, преступники целенаправленно нарушали правила и производили возврат на другие карты или наличными денежными средствами. Также необходимо учитывать и количество операций покупки-возврата билетов — свыше 70 тысяч.

Все это свидетельствует о наличии прямого умысла на хищение чужого имущества и корыстного мотива, ведь целью покупки билетов было именно начисление кэшбека и бонусных баллов, а не намерение воспользоваться услугой на выгодных условиях программы лояльности. Действия клиента нельзя охарактеризовать как лояльные, если он заведомо знает, что будет осуществлять возврат покупки.

Проблемным в данном случае представляется вопрос определения предмета хищения. Стоит отметить, что на сегодняшний день традиционное «материалистическое» понимание предмета преступлений против собственности устарело. Так, В. В. Хилюта отмечает, что «произошла "дематериализация" физического (материального) признака предмета хищения, и к нему стали относить не только вещи, деньги и ценные бумаги, но и иное имущество, лишенное своей вещной основы, имущественные права и т. д.» [8, с. 7]. Действительно, в настоящее время физический признак предмета хищения теряет свою актуальность, а более

значимым становится иной признак — стоимость. В современных условиях именно стоимость определяет понятие имущества, равно как и предмет хищения. Поэтому имеются основания считать бонусы как разновидность единиц потребительской лояльности, предметом преступления.

В рассмотренном выше примере ущерб от преступного посягательства причинялся организации — оператору программы лояльности. Безусловно, на практике нередко возникают случаи, когда негативные последствия претерпевают рядовые участники бонусных программ, которым принадлежит определенное количество баллов. Речь идет о неправомерном завладении чужими бонусами, картами и т. д. При этом преступление может быть совершено как в виртуальном пространстве, так и в отношении физических носителей (например, пластиковые бонусные карты).

Для получения доступа к чужим личным кабинетам преступники могут использовать фишинговые электронные письма, распространять вредоносное программное обеспечение, создавать фальшивые web-страницы, чтобы обмануть пользователей и завладеть их логинами, паролями или другими конфиденциальными данными. Так, в 2018 г. Управлением «К» МВД России при сотрудничестве с Group-IB (в настоящее время — F.A.C.S.T., российский разработчик технологий для борьбы с киберпреступлениями) были задержаны двое преступников, совершивших взлом примерно 700 000 учетных записей участников программ лояльности популярных интернет-магазинов, платежных систем и букмекерских компаний. Киберпреступники заработали более 500 000 рублей, причинив ущерб десяткам компаний, в частности «PayPal», «Биглион», «Купикупон» и др. [9].

Здесь возникает всё та же проблема: относятся ли денежные суррогаты к имуществу, о котором идет речь в примечании к ст. 158 УК РФ? Судебная практика до сих пор, к сожалению, не признает какие-либо виды денежных суррогатов в качестве имущества, отмечая, что бонусные баллы товаром не являются, не имеют денежного эквивалента и представляют собой лишь форму материального стимулирования покупателей к дальнейшему обслуживанию у соответствующего предпринимателя. Также суды обращают внимание и на то, что дополнительные расходы на приобретение бонусов потребитель не несет, потому что предприниматель начисляет их без взимания какого-либо вознаграждения с покупателя².

¹ О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2018. № 2.

² Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 26 июля 2021 г. по делу № 88-16146/2021.

Есть и другой пример. Б., используя доверительные служебные отношения в качестве помощника руководителя В., присвоила себе 190 000 миль (бонусов), которые были полностью списаны со счета В. в программе «Аэрофлот Бонус» и использованы для покупки авиабилетов как на имя Б., так и на имена ее родственников, чем гражданину В. был причинен ущерб в размере более 130 000 рублей. В возбуждении уголовного дела по сообщению о преступлении, предусмотренном ст. 158 УК РФ, по факту неправомерного использования принадлежащих В. бонусных миль отказано. В порядке гражданского судопроизводства требования В. о взыскании денежных средств с ответчика Б. не были удовлетворены. Суд не признал, что В. был причинен ущерб в указанном размере, поскольку мили, начисляемые в программе «Аэрофлот Бонус», являясь маркетинговым инструментом поощрения лояльности часто летающих пассажиров, представляют собой неденежные условные единицы, применяемые исключительно для учета количества услуг, которыми воспользовался клиент, не имеют заявленной или иной стоимости¹.

Полагаем, что нельзя исключать уголовную ответственность за неправомерное использование чужих бонусов. Эти условные единицы выполняют не только учетную функцию, но и позволяют приобретать определенные материальные и нематериальные блага их владельцам, а в отдельных случаях предоставляют возможность их обмена на электронные денежные средства. Так, правила программы лояльности «СберСпасибо» определяют, что бонусы не являются и не могут являться средством платежа, каким-либо видом валюты или ценной бумагой, денежным средством и/или электронным денежным средством, не могут быть обналичены, переданы третьим лицам, которые не являются участниками программы. В то же время владельцам указанных единиц лояльности предоставляется возможность конвертировать бонусные баллы в рубли при соблюдении определенных условий, а также переводить бонусы другим участникам программы. Кроме того, программа предусматривает возможность оплаты бонусами до 99 % от стоимости покупки². Все это свидетельствует о высокой ценности данных учетных

единиц, выступающих в отдельных случаях в качестве альтернативы денежным средствам. Поэтому их хищение, несомненно, наносит потерпевшему ущерб, равный стоимости похищенных бонусов. В рассматриваемом примере действия Б. следует квалифицировать также и по ч. 2 ст. 159.6 УК РФ, т. к. она проникла в виртуальный личный кабинет другого лица и совершила хищение чужого имущества, причинив тем самым значительный материальный ущерб.

Несколько иначе складывается практика привлечения к уголовной ответственности за хищение другого вида денежных суррогатов — подарочных сертификатов. Правовая природа подарочных сертификатов так же, как и бонусов, баллов, миль, не определена на законодательном уровне. В научных исследованиях этот вопрос по-прежнему остается открытым. Так, Н. В. Алексеев предлагает понимать под денежным сертификатом «документ, подтверждающий право покупателя приобрести товары, работы или услуги, определенные в нем, у указанного в сертификате лица (продавца)» [10, с. 28]. Среди ученых есть и другие спорные точки зрения в вопросе толкования сущности подарочных сертификатов — средство платежа, товар, аванс, ценная бумага, предварительный договор и пр.

К сожалению, и судебная практика здесь не отличается единообразием. Так, Л. завладел скриншотами трех электронных подарочных сертификатов, на счету которых находились электронные денежные средства на общую сумму 11 000 рублей, принадлежащие Ц. После этого у него возник преступный умысел, направленный на тайное хищение указанных электронных денежных средств и последующее их использование для оплаты при покупке товара. Осуществляя свои преступные намерения, действуя умышленно, из корыстных побуждений, Л. предъявил кассиру электронные подарочные сертификаты, которыми расплатился за приобретенный товар. Таким образом, он тайно похитил электронные денежные средства на общую сумму 11 000 рублей, принадлежащие Ц., и был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ³.

Позиция суда в данном вопросе заключается в том, что сам по себе сертификат стоимости не имеет и, соответственно, ценности не представляет. Предметом же преступления выступают электронные денежные средства, находящиеся на счетах сертификатов. То есть сущность кражи сер-

URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 10.05.2024).

¹ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 29 января 2020 г. по делу № 88-3372/2020. URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 10.05.2024).

² Правила программы лояльности «СберСпасибо» (ред. от 01.09.2023). URL: <https://www.sberbank.ru/> (дата обращения: 10.05.2024).

³ Приговор Калачеевского районного суда Воронежской области от 16 января 2020 г. по делу № 1-47/2020. URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 10.05.2024).

тификата, по мнению суда, аналогична краже банковской карты, которая выступает лишь как средство платежа.

Теперь обратим внимание на момент окончания преступления. Согласно п. 25.2 Постановления Пленума ВС РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» такая кража считается оконченной с момента изъятия электронных денежных средств, в результате которого владельцу этих денежных средств причинен ущерб¹. Отсюда следует, что если лицо, похитившее подарочный сертификат, не реализует его, то подобные действия следует квалифицировать как покушение на соответствующее преступление.

Рассмотрим аналогичный пример из судебной практики, в котором суд дает иную квалификацию. Гражданин П. похитил подарочные сертификаты «Лэтуаль» из шкафа складского помещения компании ООО «С.», где он работал заместителем начальника склада. Всего П. совершил кражу более 87 сертификатов различного номинала на общую сумму не менее 200 000 рублей. Похищенным имуществом П. распорядился по своему усмотрению, таким образом, причинив ущерб ООО «С.» на указанную сумму. Действия П. были квалифицированы по ч. 1 ст. 158 УК РФ².

В качестве предмета преступления выступают сами подарочные сертификаты, и суд акцентирует внимание на хищении физического имущества, а не электронных денежных средств. Не имеет значения, каким именно образом преступник использовал сертификаты и использовал ли вообще. Важно то, что произошло изъятие имущества и виновный получил реальную возможность им пользоваться или распорядиться по своему усмотрению — с этого момента преступление считается оконченным.

Анализ вышеуказанных примеров судебной практики наталкивает на вывод о несправедливости уголовно-правовой оценки совершенных деяний. А именно в случае, когда происходила кража электронных денежных средств со счетов сертификатов посредством копирования их реквизитов, такие действия получили квалификацию по п. «в» ч. 3 ст. 158 УК РФ, вместе с тем ущерб от преступления составлял 11 000 рублей. В другом же

примере, когда совершалось хищение бумажных подарочных сертификатов, такие действия были квалифицированы по ч. 1 ст. 158 УК РФ при том, что ущерб составлял более 200 000 рублей.

Получается, что квалификация деяния зависит от того, имел сертификат электронную форму или существовал на бумажном, пластиковом носителе, и, соответственно, от того, происходило ли физическое изъятие сертификата. В любом случае электронный подарочный сертификат можно распечатать, а бумажный или пластиковый сфотографировать, тем самым придав ему цифровую форму.

Интересной представляется ситуация, если бы гражданин П. не забирал подарочные сертификаты, а фотографировал их таким образом, чтобы было видно штрих-код, достаточный для реализации сертификата в магазине. При этом материальный носитель оставался бы в шкафах складского помещения. Стало быть, изъятие имущества не происходило бы, и, соответственно, отсутствовал состав преступления? Или в этом случае суд признал бы предметом преступления уже не сами сертификаты, а электронные денежные средства?

Примерно так и поступил Пресненский районный суд г. Москвы в приговоре по делу № 01-0518/2022³.

О. договорился с Ц. о приобретении у последней подарочной карты (сертификата) «ЦУМ» номиналом 30 000 рублей за 27 000 рублей. В ходе личной встречи О. имитировал перевод денежных средств, продемонстрировав на экране телефона чек в приложении «Сбербанк Онлайн», в результате чего Ц. была введена в заблуждение относительно факта перечисления денежных средств. Уверенная в том, что указанный перевод был осуществлен, Ц. передала О. подарочную карту. Действия О. квалифицированы по ч. 2 ст. 159 УК РФ как мошенничество, т. е. хищение чужого имущества путем обмана с причинением значительного ущерба гражданину. В качестве предмета преступления суд называет подарочный сертификат, а имущественный ущерб оценивает соразмерно его номиналу в 30 000 рублей.

Кроме этого, действуя по аналогичной схеме, О. встретился с Г. под предлогом приобретения у последнего подарочной карты «ЦУМ» номиналом 25 000 рублей за 22 000 рублей, заведомо не имея намерений ее приобретать. В ходе встречи О. запомнил реквизиты сертификата и впоследствии воспользовался ими для совершения покупки на

¹ О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2003. № 2.

² Приговор Щербинского районного суда города Москвы от 13.06.2018 № 1-118/2018. URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 10.05.2024).

³ Приговор Пресненского районного суда г. Москвы от 8 ноября 2022 г. по делу № 01-0518/2022. URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 10.05.2024).

официальном сайте магазина «ЦУМ», где приобрел товары на сумму 25 000 рублей. Данные действия были квалифицированы по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ как кража, т. е. тайное хищение чужого имущества, с причинением значительного ущерба гражданину. Предметом преступления выступают денежные средства, находящиеся на подарочной карте, а ущерб оценен соразмерно номиналу сертификата в 25 000 рублей.

Как следует из разъяснений Пленума ВС РФ от 27 декабря 2002 г. № 29, по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ квалифицируются действия лица и в том случае, когда оно тайно похитило электронные денежные средства, используя необходимую для получения доступа к ним конфиденциальную информацию владельца денежных средств. Сложности квалификации преступлений в отношении подарочных сертификатов объясняются в том числе и тем фактом, что данный вид денежных суррогатов никаким образом не связан с личностью. Зачастую они имеют лишь номинал, а также номер или штрих-код.

В то же время не стоит уравнивать кражу банковской карты и подарочного сертификата. В первом случае владелец не теряет доступ к банковскому счету, имеет возможность распоряжаться денежными средствами, может заблокировать похищенную карту и перевыпустить новую. Подарочный сертификат при его потере даже по причине кражи восстановлению не подлежит и не может быть заменен другим. Кроме того, не имея самого сертификата, его владелец лишается и возможности распорядиться находящимися на счете электронными денежными средствами.

Для рассмотрения особенностей такого предмета хищения, как дисконтные денежные суррогаты, скидочные карты можно условно подразделить на три группы: бесплатные, предоплаченные и накопительные.

Бесплатные карты приобретаются участником программы лояльности безвозмездно и предоставляют покупателю конкретную скидку при предъявлении дисконта продавцу. При потере такой скидочной карты ее легко восстановить, обратившись к организации-эмитенту. Учитывая, что ее владелец не осуществляет никаких затрат на получение дисконта, можно сделать справедливый вывод об отсутствии какой-либо ценности у такого вида денежных суррогатов. Оценивая ущерб от хищения скидочных карт, суд чаще всего использует следующие формулировки: «не имеющие материальной стоимости», «без оценочной стоимости», «не представляющие ценности» и т. п.

Предоплаченные карты имеют то же предназначение, что и бесплатные, однако для того, чтобы стать участником программы лояльности, необходимо осуществить взнос определенной денежной суммы. Как правило, он совсем небольшой, в большинстве своем это символические суммы в 10, 20, 50 или 100 рублей. У некоторых организаций такой взнос может достигать и свыше 500 рублей.

В случае хищения такой карты потерпевшему может быть причинен ущерб, оцененный в стоимость предоплаты карты, как, например, отражено в одном из решений суда: «...дисконтная карта магазина "Окей" стоимостью 500 рублей, дисконтная карта магазина "Лента" стоимостью 300 рублей, а также не представляющие материальной ценности дисконтные карты магазинов "Кари", "Филя", "Фикс Прайс", "Зоопт торг", "Пятерочка", "Вита"...»¹.

Конечно, ущерб от хищения скидочной карты не является существенным для ее владельца, а в большинстве случаев такое преступление и вовсе не причиняет материального вреда. Как показывает судебная практика, не происходит противоправного изъятия исключительно дисконтных карт. Они похищаются в составе иного имущества: в кошельках, сумках, вместе с банковскими картами, наличными деньгами и пр. Кроме того, для преступника скидочная карта, равно как и для ее законного владельца, не представляет материальной ценности.

Еще один вид дисконтных денежных суррогатов — накопительные скидочные карты. Их отличие от двух предыдущих видов заключается в возможности повышать уровень скидки. При достижении участником программы лояльности определенной общей суммы затрат на приобретение товаров, работ или услуг процент скидки на последующие покупки возрастает. Это стимулирует покупателей совершать большее число операций и пополняет базу постоянных клиентов организации. Полагаем, что при хищении такой скидочной карты ее владельцу ущерб не причиняется, т. к. дисконт сопряжен с личностью владельца, следовательно, утраченная карта подлежит восстановлению без обнуления достигнутого покупателем уровня скидки.

Посмотрим на эту ситуацию с другой точки зрения. Допустим, преступник, совершивший хищение дисконтной карты, решил воспользоваться

¹ Постановление Красногвардейского районного суда г. Санкт-Петербурга от 21 февраля 2022 г. по делу № 1-273/2022. URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 10.05.2024).

ею. Нарушаются ли при этом интересы организации-эмитента, и образуют ли такие действия состав какого-либо преступления? С одной стороны, преступник с целью получения скидки, на которую он не имеет права, выдает себя за иное лицо, тем самым совершает обман продавца и приобретает товар за меньшую цену. Следовательно, содеянное можно было бы квалифицировать по ст. 159 УК РФ. Но, с другой стороны, на работника организации, принимающего скидочную карту, не возложена обязанность идентифицировать держателя карты по документам, удостоверяющим личность.

В повседневной жизни владельцы дисконтных карт часто по собственному желанию передают их своим родственникам, знакомым или даже случайным людям на кассе, потому что при такой «сделке» одна сторона получает скидку, а другая бонусные баллы или возможность повысить свой уровень. Соответственно, квалифицировать такие действия как мошенничество будет излишним. Это повлечет снижение активности покупателей и, как следствие, уменьшение прибыли организатора программы лояльности.

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

Во-первых, в настоящее время действительно присутствует неопределенность в понимании юридической природы денежных суррогатов, что порождает немалое количество проблем при квалификации преступных деяний, совершаемых в отношении них или с их использованием. При этом при расследовании уголовных дел в данное понятие включают всё, что не является деньгами, но способно выполнять одну или несколько функций денег.

Во-вторых, не разработана общепринятая классификация денежных суррогатов. Наиболее удобным представляется их группирование по видам в зависимости от эмитента, формы выражения, территории использования и функционального предназначения, а также выделение в отдельную группу криптовалюты.

В-третьих, вопрос о возможности рассматривать денежные суррогаты в качестве предмета хищения не имеет однозначного ответа. Это связано с тем, что разновидности денежных суррогатов имеют свои особенности и существенные отличия. Так, премиальные денежные суррогаты надлежит признать в качестве предмета хищения. Бонусные баллы позволяют приобретать определенные материальные и нематериальные блага их владельцам, а в отдельных случаях предоставляют возможность их обмена на электронные денежные средства. Кроме того, умысел преступника в большинстве случаев направлен на хищение самих бонусов, и не принимается во внимание, каким именно образом он распорядился похищенным.

Номинативные денежные суррогаты могут выступать в качестве предмета хищения лишь тогда, когда имеют физическое выражение (бумажный, пластиковый сертификат). В случае с электронными подарочными картами ввиду того, что невозможно установить факт изъятия такой карты, предметом хищения являются потраченные с ее счета электронные денежные средства.

Дисконтные денежные суррогаты можно рассматривать как предмет хищения, если они имеют овеществленную форму (пластиковая скидочная карта). Однако в большинстве случаев такие предметы не представляют материальной ценности для их владельцев.

В-четвертых, судебная практика, к сожалению, не признает какие-либо виды денежных суррогатов в качестве предмета преступления. Суды приходят к выводу о том, что бонусные баллы товаром не являются, не имеют денежного эквивалента и представляют собой лишь форму материального стимулирования покупателей к дальнейшему обслуживанию у соответствующего предпринимателя.

В целом полагаем, что денежные суррогаты относятся к имуществу, вследствие этого имеется потребность включения отдельных их видов в предмет хищения, и в связи с этим возникает необходимость в соответствующих разъяснениях Верховного Суда РФ.

Список источников

1. Крылов О. М. Денежный суррогат как правовая категория // Административное и муниципальное право. 2019. № 6. С. 41–49.
2. Рудаков С. А., Поздышев Р. С. Денежные суррогаты: угроза экономической безопасности или общественно полезное явление // На страже экономики. 2018. № 4 (7). С. 63–69.
3. Турбанов А. В. Сущность денежного суррогата // Актуальные проблемы российского права. Т. 19. 2024. № 3 (160). С. 56–72.
4. Кучеров И. И. Денежные суррогаты и иные квазиденежные платежные средства // Финансовое право. 2012. № 2. С. 2–5.

5. Сидоренко Э. Л. Правовой статус криптовалют в Российской Федерации // Экономика. Налоги. Право. 2018. № 2. С. 129–137.
6. Шарапов Р. Д., Минин Р. В., Капаева Е. О. Криптовалюта: уголовно-правовой аспект // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 2 (44). С. 42–49.
7. Интернет-портал «МВД МЕДИА». URL: <https://mvdmedia.ru> (дата обращения: 01.05.2024).
8. Хилюта В. В. Понимание имущества как предмета хищения в уголовном праве: постановка проблемы // Научный вестник Омской академии МВД России. 2022. Т. 28. № 1 (84). С. 5–11.
9. F.A.C.C.T. — российский разработчик технологий для борьбы с киберпреступлениями. URL: <https://www.facst.ru> (дата обращения: 15.05.2024).
10. Алексеев Н. В. Правовой подход к подарочному сертификату // Право: история, теория, практика: сборник статей. Брянск: Новый проект, 2018. Вып. 22. С. 20–30.

References

1. Krylov O. M. Denezhnyj surrogat kak pravovaya kategoriya // Administrativnoe i municipal'noe pravo. 2019. № 6. S. 41–49.
2. Rudakov S. A., Pozdyshev R. S. Denezhnye surrogaty: ugroza ekonomicheskoy bezopasnosti ili obshchestvenno poleznoe yavlenie // Na strazhe ekonomiki. 2018. № 4 (7). S. 63–69.
3. Turbanov A. V. Sushchnost' denezhnogo surrogata // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. Т. 19. 2024. № 3 (160). S. 56–72.
4. Kucherov I. I. Denezhnye surrogaty i inye kvazidenezhnye platezhnye sredstva // Finansovoe pravo. 2012. № 2. S. 2–5.
5. Sidorenko E. L. Pravovoj status kriptovalyut v Rossijskoj Federacii // Ekonomika. Nalogi. Pravo. 2018. № 2. S. 129–137.
6. Sharapov R. D., Minin R. V., Kapayeva E. O. Kriptovalyuta: ugodovno-pravovoj aspekt // Yuridicheskaya nauka i pravooxranitel'naya praktika. 2018. № 2 (44). S. 42–49.
7. Internet-portal «MVD MEDIA». URL: <https://mvdmedia.ru> (data obrashcheniya: 01.05.2024).
8. Hilyuta V. V. Ponimanie imushchestva kak predmeta hishcheniya v ugodovnom prave: postanovka problemy // Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. 2022. Т. 28. № 1 (84). S. 5–11.
9. F.A.C.C.T. — rossijskij razrabotchik tekhnologij dlya bor'by s kiberprestupleniyami. URL: <https://www.facst.ru> (data obrashcheniya: 15.05.2024).
10. Alekseev N. V. Pravovoj podhod k podarochnomu sertifikatu // Pravo: istoriya, teoriya, praktika: sbornik statej. Bryansk: Novyj proekt, 2018. Вып. 22. S. 20–30.

Информация об авторах

О. С. Иванченко — кандидат юридических наук, доцент.
А. В. Польшиков — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

O. S. Ivanchenko — Candidate of Science (Law), Associate Professor.
A. V. Polshikov — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 10.07.2024; одобрена после рецензирования 17.10.2024; принята к публикации 05.12.2024.

The article was submitted 10.07.2024; approved after reviewing 17.10.2024; accepted for publication 05.12.2024.

Алтайский юридический вестник. 2024. № 4 (48). С. 145–151.

Altai Law Journal. 2024. № 4 (48). P. 145–151.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.9:004.8

ТЕХНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ: КОМПЬЮТЕРНОЕ ЗРЕНИЕ

Александр Сергеевич Ильницкий

Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия, ilnickiias@gmail.com

Аннотация. В статье представлены социально-политические предпосылки криминологического осмысления использования технологий искусственного интеллекта в изучении преступности и антикриминальной практике. Выявлены недостатки последних криминологических работ в рассматриваемой области, включающие: эпизодический и поверхностный характер исследований, апеллирование к общеизвестной информации, неопределенность способов применения технологий искусственного интеллекта в изучении и противодействии преступности. Дана характеристика одной из технологий искусственного интеллекта (компьютерное зрение). Определены возможности её использования для получения криминологически значимой информации. Сформулирован перечень исследовательских направлений и задач, решению которых может способствовать технология компьютерного зрения. Разработаны и продемонстрированы исследовательские алгоритмы, реализуемые с помощью технологий компьютерного зрения, способные решать исследовательские задачи.

Ключевые слова: криминология, криминологические исследования, методика исследований, сеть Интернет, искусственный интеллект, компьютерное зрение, криминальная идеология, порноместь

Для цитирования: Ильницкий А. С. Технологии искусственного интеллекта в криминологической науке: компьютерное зрение // Алтайский юридический вестник. 2024. № 4 (48). С. 145–151.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES IN CRIMINOLOGICAL SCIENCE: COMPUTER VISION

Alexander S. Ilnitsky

Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia, Krasnodar, Russia, ilnickiias@gmail.com

Abstract. The article presents the socio-political prerequisites for criminological understanding of the use of artificial intelligence technologies in the study of crime and anti-criminal practice. The shortcomings of recent criminological work in the field under consideration are revealed, including: the episodic and superficial nature of research, appeal to well-known information, uncertainty of ways to use artificial intelligence technologies in the study and counteraction of crime. A characteristic of one of the artificial intelligence technologies (computer vision) is given. The possibilities of its use for obtaining criminologically significant information are determined. A list of research directions and tasks, the solution of which can be facilitated by computer vision technology, is formulated. Research algorithms implemented using computer vision technology capable of solving research problems have been developed and demonstrated.

Keywords: criminology, criminological research, research methodology, Internet, artificial intelligence, computer vision, criminal ideology, revenge porn

For citation: Ilnitsky A. S. Artificial intelligence technologies in criminological science: computer vision. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2024;4:145–151 (In Russ.).

© Ильницкий А. С., 2024

Технологии искусственного интеллекта, активно проникающие во все сферы общественной жизни, последовательно внедряются в процессы управления государством. Необходимость таких преобразований осознается на самом высоком государственном уровне. Выступая с посланием Федеральному Собранию, Президент Российской Федерации Владимир Путин в числе важнейших направлений реализации внутренней и внешней политики отметил необходимость достижения технологического суверенитета в области генеративного искусственного интеллекта¹. Поставленные руководителем государства задачи достигаются путем повышения доступности инфраструктуры, необходимой для развития технологий искусственного интеллекта, поддержки разработчиков программного обеспечения и научных исследований в данной области, повышения уровня информированности граждан о технологиях искусственного интеллекта, а также его внедрения в деятельность органов публичной власти.

Одним из важнейших направлений внедрения технологий искусственного интеллекта является правоохранительная деятельность. Современные интеллектуальные системы уже сегодня активно используются субъектами антикриминальной практики для выявления и раскрытия преступлений, розыска лиц, поиска и распознавания экстремистских материалов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Внедрение технологий искусственного интеллекта значительно повышает эффективность выявления и раскрытия преступлений. Вместе с тем использование технологий искусственного интеллекта ограничено оперативно-розыскной областью и не перетекает в профилактическую деятельность, что существенно препятствует технологизации предупредительной практики и эффективному решению профилактических задач в изменившихся условиях [1, с. 22].

Указанные предпосылки требуют серьезно-го научного осмысления имеющихся трудностей внедрения технологий искусственного интеллекта в практику предупреждения преступлений и выработки рекомендаций по использованию интеллектуального программного обеспечения в области предупредительной деятельности. Для этого криминология должна обогатиться соответствующими теоретическими положениями и методологическими инструментами, а исследователи —

апробировать возможности отдельных технологий искусственного интеллекта в процессе познания преступности и формирования механизмов противодействия ей. Однако, к большому сожалению, ничего этого в желаемых для науки и необходимых для общества масштабах не происходит, что убедительно подтверждается анализом криминологических исследований последних лет [2, с. 93].

Анализ последних криминологических трудов, посвященных использованию технологий искусственного интеллекта в изучении и противодействии преступности, наглядно демонстрирует, что имеющиеся работы носят эпизодический и поверхностный характер. Отдельные положения криминологических исследований в данной области апеллируют к общеизвестной информации, носят описательный характер, предлагают нереализуемые и (или) неопределенные способы и методы применения технологий искусственного интеллекта в изучении и противодействии преступности.

Вместе с тем имеется незначительная группа криминологов, среди которых пробиваются новые ростки научной мысли и интересные методологические идеи об использовании технологий искусственного интеллекта в познании преступности и противодействии ей.

Так, в одном из комплексных научных трудов в области цифровой криминологии, излишне скромно адресованном в качестве учебного пособия слушателям, адъюнктам и соискателям, авторами определяются злободневные проблемы современной криминологической доктрины, предлагаются направления развития цифровой криминологии, дается характеристика цифровой преступности, ее видов, криминологических рисков, а также оценивается предупредительный потенциал рассматриваемой частной теории [3]. В тексте работы заслуженно уделяется значительное внимание необходимости сбора и анализа эмпирического материала посредством применения технологий искусственного интеллекта, больших данных и иных цифровых технологий.

В одной из работ, посвященных формированию и развитию системы криминологической безопасности в сфере информационно-коммуникационных технологий, справедливо указывается на необходимость внедрения в правоохранительную деятельность инновационных специализированных информационно-коммуникационных технологий, представляющих собой методики, направленные на информационно-технологическое обеспечение научного и практического познания присущего криминологии предмета посредством технологий

¹ Послание Президента Федеральному Собранию от 29 февраля 2024 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/73585> (дата обращения: 12.03.2024).

искусственного интеллекта, применяемых для качественного и количественного анализа преступности, а также различных видов правоохранительной деятельности [4, с. 23].

В научной статье о перспективах применения технологий искусственного интеллекта и нейронных сетей в криминологическом прогнозировании преступного поведения определена возможность использования технологии нейронных сетей и искусственного интеллекта в комплексном анализе совокупности факторов, определяющих преступное поведение [5].

Представленные исследования, наряду с их очевидной актуальностью, своевременностью и занимательностью, все же неспособны в полной мере удовлетворить острую нехватку криминологической информации об использовании технологий искусственного интеллекта в изучении преступности и осуществлении антикриминальной практики. Представляется, что для успешного решения поставленных задач в данной области исследователям требуется освоить необходимый минимум технико-технологических основ искусственного интеллекта, рассмотреть вопросы их применения в современных социальных процессах, апробировать в ходе криминологического познания. Реализация указанных исследовательских операций позволит не просто представить «тёмное» или «очень светлое» будущее, а создаст основу для эффективного применения технологии искусственного интеллекта [6, с. 2].

Отдельные теоретико-методологические положения, могущие быть адаптированы под задачи криминологических исследований, содержатся в теории искусственного интеллекта, оформленной еще в середине 60-х годов прошлого столетия и аккумулировавшей в себе знания о природе, сущности и видах искусственного интеллекта, его использовании в исследовательской деятельности и управлении социальными процессами [7, с. 107]. Накопленные теоретические положения в указанной области знания наглядно определяют виды технологий искусственного интеллекта, среди которых: технологии машинного перевода, автоматизированного реферирования и информационного поиска, распознавания образов, генерирования текстов и др. [8–11].

Указанные виды интеллектуальных IT-новшеств отражены и в современных документах стратегического планирования. В соответствии с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента РФ от 10.10.2019

№ 490, технологии искусственного интеллекта представляют собой совокупность технологий, включающих в себя компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, интеллектуальную поддержку принятия решений и др.¹

Изучение имеющихся теоретических разработок и документов стратегического планирования в области развития технологий искусственного интеллекта позволяет определить виды интеллектуальных IT-новшеств, различающиеся собственными закономерностями существования, функционирования и применения, а следовательно, возможностью их использования в криминологических исследованиях и антикриминальной практике. Здесь криминологам следует детально погрузиться в каждую конкретную технологию искусственного интеллекта, определить её функциональное предназначение, возможности и параметры применения, адаптировать под исследовательские и (или) правоохранительные задачи.

Одной из технологий искусственного интеллекта, обладающей серьезным потенциалом для криминологической науки и предупреждения преступлений, является компьютерное зрение (computer vision). Оно представляет собой способность функционального компонента получать, обрабатывать и интерпретировать данные изображений и видеосигналов². Компьютерное зрение включает в себя распознавание образов (процесс классификации объектов, типовых элементов и/или их конфигураций, представленных на изображении) и распознавание лиц (процесс автоматического распознавания образов, сравнивающий изображение реального лица с сохраненными изображениями, отмечая при этом совпадения и выдавая сведения о личности идентифицируемого лица).

Одним из первых отечественных ученых, обративших научный взор на вопросы машинного распознавания образов, был М. М. Бонгард [12]. В своем фундаментальном труде «Проблема узнавания» ученый совместно с научным коллективом (М. Н. Вайнцвайг, В. В. Максимов, М. С. Смирнов)

¹ О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

² ГОСТ Р ИСО/МЭК 22989–2022. Искусственный интеллект. Концепция и терминология искусственного интеллекта. URL: https://bigdata.msu.ru/media/media/upload_editor/2023/11/01/0a23e776a2dd9dcad45167e31552f18191211a1a.pdf (дата обращения: 12.03.2024).

наглядно продемонстрировал возможности узнающей системы и описал схему её самообучения, представил проблемы машинного узнавания объектов, создал программу «Арифметика», предназначенную для распознавания числовых таблиц, построенных по разным арифметическим законам, разработал задачи для обучения распознающей программы. Многие из разработанных учеными научных положений длительное время использовались для обучения различных технологий искусственного интеллекта и легли в основу создания технологии компьютерного зрения.

В современной науке компьютерное зрение подразумевает отрасль информационных технологий, в которой разрабатываются научные основы и создаются прикладные системы, способные осуществлять обнаружение, распознавание, идентификацию, восполнение объектов по аналогии со зрительным восприятием реальности человеком [13, с. 300].

Принципиальная схема типовой системы компьютерного зрения включает в себя следующие элементы [14, с. 2]:

- камера (или сканирующее устройство);
- осветительные приборы, предназначенные для устранения шумов изображения, вызванных тенями и неоднородностью падения света на распознаваемый объект;
- интерфейс «камера — компьютер»;
- компьютер, на котором происходит автоматическая обработка полученного изображения.

Сегодня компьютерное зрение лежит в основе программных продуктов искусственного интеллекта и используется для обнаружения и идентификации автоматизированными транспортными средствами дорожных знаков, сигналов светофоров и объектов, определения заболевания и аномалий при анализе медицинских изображений, выявления конкретных образов в наборе изображений, а также распознавания лиц. Отдельные технологии компьютерного зрения с недавнего времени вошли в массовое потребление пользователями сети Интернет и позволяют автоматизировать процесс классификации объектов и (или) типовых элементов, а также осуществлять распознавание изображения отдельных лиц и получать информацию о личности идентифицируемого лица из открытых источников сети Интернет.

Применительно к вопросам криминологической науки технология компьютерного зрения позволяет получать информацию о криминальном, предкриминальном и виктимном поведении поль-

зователей социальных сетей, их криминогенных и виктимногенных качествах, а также оптимизирует процессы применения отдельных методов криминологического исследования.

С целью развития теоретико-методологических основ применения технологий искусственного интеллекта в познании криминальных процессов можно наглядно представить несколько исследовательских алгоритмов, реализуемых с помощью технологии компьютерного зрения и способных решать отдельные исследовательские задачи. Данные алгоритмы включают в себя несколько блоков. Первый блок представляет собой описание возникшей в процессе исследования задачи, для решения которой могла бы быть использована или использовалась технология компьютерного зрения. Второй блок исследовательского алгоритма включает последовательность действий по применению технологии компьютерного зрения для решения исследовательской задачи криминологического познания.

Первый алгоритм представляет собой последовательность действий по обработке результатов интеллектуального анализа больших объемов данных на предмет выявления криминологически значимой информации (на примере исследования криминогенного потенциала криминальной идеологии в сети Интернет) [15].

Обработка информационных потоков данных средствами анализа социальных медиа (например, «IQbuzz», «Медialogия») позволила получить выгрузку информации о формах проявления криминальной идеологии в сети Интернет — около 10 тыс. материалов (сообщения, фото- и видеоконтент), требующих фильтрации и определения криминологически значимой информации. Для этих целей технология компьютерного зрения, направленная на распознавание изображений, способна существенно снизить временные и ресурсные затраты исследователя, не оказав негативного эффекта на результативность обработки.

Последовательность действий по применению технологии компьютерного зрения для обработки криминологически значимой информации включает в себя:

- а) составление семантического ядра исследования информационных потоков данных;
- б) получение и выгрузка информации (сообщений);
- в) загрузка полученных материалов (сообщений) в сервисы искусственного интеллекта, функ-

ционирующие на основе технологии компьютерного зрения (например, «Робби»¹);

г) сбор и «ручной» анализ информации, обработанной технологией компьютерного зрения;

д) обобщение результатов и их использование в исследовании.

Второй алгоритм представляет собой использование технологии компьютерного зрения для применения отдельных методов познания виктимизации пользователей в сети Интернет (на примере исследования жертв порноности) [16].

В общем смысле порноность представляет собой размещение в публично доступной сети материалов открыто сексуального характера без согласия изображенного на них лица. Подобные фотографии и видеозаписи интимного содержания активно распространяются и коммерциализируются в социальных сетях, телеграм-каналах и ресурсах теневого пространства сети Интернет. Указанные обстоятельства требуют всестороннего криминологического и виктимологического познания данной проблемы.

Для изучения жертв порноности и процессов их виктимизации технология компьютерного зрения может быть использована в следующем порядке:

а) определение информационного ресурса, где размещены интимные фотографии жертвы;

б) выгрузка конкретного изображения с биометрическими данными лица;

в) использование технологии компьютерного зрения для распознавания лица и получения информации о социальной странице жертвы (например, «FindClone», «search4faces», «Глаз Бога» и т. д.);

г) контент-анализ социальной страницы на предмет выявления виктимогенных качеств личности;

д) направление предложения о прохождении криминологического опроса;

е) непосредственное интервьюирование или анкетирование жертвы порноности;

ж) анализ полученной информации и разработка теоретических положений в исследуемой области.

В результате применения технологии компьютерного зрения в процессе изучения виктимизации

пользователей в сети Интернет (на примере исследования жертв порноности) удалось провести интервьюирование более 20 жертв. По результатам интервью была получена значимая криминологическая информация о причинах, условиях и механизме индивидуального преступного поведения, личности преступника и жертвы порноности, а также процессах их криминализации и виктимизации.

Представленные исследовательские алгоритмы являются лишь одними из возможных вариантов использования технологии компьютерного зрения в познании современных криминальных явлений и процессов. В целом технология компьютерного зрения может быть использована в различных направлениях криминологических исследований. Выделим наиболее перспективные из них:

- методология и методика проведения криминологических исследований;

- тенденции существования и развития криминальных угроз, распространяемых в киберпространстве;

- особенности криминализации и (или) виктимизации пользователей в сети Интернет;

- прогнозирование индивидуального преступного и виктимного поведения лиц в киберпространстве;

- использование технологии компьютерного зрения в предупреждении преступлений.

Для реализации указанных исследовательских направлений технология компьютерного зрения способна поспособствовать в решении следующих задач криминологического познания:

- обработка результатов интеллектуального анализа больших объемов данных на предмет выявления криминологически значимой информации;

- определение криминогенной информации и материалов, запрещенных к распространению на территории Российской Федерации;

- применение отдельных методов криминологического познания криминальных угроз в киберпространстве и (или) процессов криминализации (виктимизации) пользователей сети Интернет;

- идентификация пользователей социальных сетей и определение их криминогенных (виктимогенных) качеств;

- улучшение качества изображений источников криминологической информации с целью их дальнейшего использования в процессе познания.

Представленный перечень исследовательских направлений и задач, решению которых может способствовать технология компьютерного зре-

¹ Робби — искусственный интеллект по обработке контента, разработанный командой «Одноклассников». Сервис обрабатывает большие объемы информации (gif-изображения, фото, видео и тексты), анализирует и классифицирует их в зависимости от содержания (например, контент 18+, сцены насилия, спам и т. д.).

ния, не претендует на уникальность и исчерпанность. Он требует последовательного расширения за счет апробации рассматриваемых технологий искусственного интеллекта в криминологических исследованиях¹. Отдельные компоненты исследовательских алгоритмов могут быть адаптированы субъектами профилактики для решения задач антикриминальной деятельности.

Таким образом, происходящие научно-технические преобразования, связанные с активным внедрением технологий искусственного интеллекта в деятельность правоохранительных органов, попросту не могут быть проигнорированы криминологическим научным сообществом. Криминологической науке следует обогатиться информацией

о технико-технологических характеристиках различных технологий искусственного интеллекта, рассмотреть вопросы их применения в современных социальных процессах, апробировать в ходе криминологического познания. Представленная работа — лишь одна из попыток обобщить имеющиеся в данной области криминологического знания проблемы и предложить пути решения на примере технологии компьютерного зрения. Использование технологии компьютерного зрения в решении исследовательских задач будет способствовать развитию методологической основы криминологической науки и формированию новых методик познания и противодействия преступности.

Список источников

1. Грибанов Е. В. Перспективные направления развития кибертехнологий предупреждения преступлений // Общество и право. 2021. № 4. С. 21–27.
2. Соловьев В. С. Криминологические исследования преступности несовершеннолетних в условиях цифровизации общества: ожидания и реальность // Алтайский юридический вестник. 2024. № 1. С. 92–99.
3. Ищук Я. Г., Пинкевич Т. В., Смольянинов Е. С. Цифровая криминология. М.: Академия управления МВД России, 2021. 244 с.
4. Джафарли В. Ф. Формирование и развитие системы криминологической безопасности в сфере информационно-коммуникационных технологий: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2023. 540 с.
5. Шапошников А. А. Перспективы применения технологии искусственного интеллекта и нейронных сетей в криминологическом прогнозировании преступного поведения // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2022. № 2 (19). С. 30–33.
6. Бахтеев Д. В. Риски и эτικο-правовые модели использования систем искусственного интеллекта // Юридические исследования. 2019. № 11. С. 1–11.
7. Ильницкий А. С. Технологии искусственного интеллекта в криминологической науке и предупреждении преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 7. С. 105–111.
8. Мельчук И. А., Равич Р. Д. Автоматический перевод 1949–1963: Критико-библиографический справочник. М.: ВИНТИ, 1967. 517 с.
9. Севбо И. П. Структура связанного текста и автоматизации реферирования. М.: Наука, 1969. 133 с.
10. Зарипов Р. Х. Кибернетика и музыка. М.: Наука, 1971. 319 с.
11. Зарипов Р. Х. Машинный поиск вариантов при моделировании творческого процесса. М.: Наука, 1983. 232 с.
12. Бонгард М. М. Проблема узнавания. М.: Наука, 1967. 320 с.
13. Бахтеев Д. В. Концептуальные основы теории криминалистического мышления и использования систем искусственного интеллекта в расследовании преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 504 с.
14. Steger C., Ulrich M., Wiedemann C. Machine Vision Algorithms and Applications. Weinheim: Wiley-VCH Verlag GmbH & Co, 2018. 475 p.
15. Ильницкий А. С. Концептуальные основы теории криминалистического мышления и использования систем искусственного интеллекта в расследовании преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2022. 213 с.

¹ Вряд ли можно вести речь о разработке качественных методик использования технологий искусственного интеллекта в криминологическом познании и антикриминальной практике, если само программное обеспечение не проверялось в процессе исследования.

16. Ильницкий А.С. Криминологические риски интимной коммуникации в сети Интернет // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 9. С. 106–109.

References

1. Gribanov E. V. Perspektivnye napravleniya razvitiya kibertekhnologij preduprezhdeniya prestuplenij // Obshchestvo i pravo. 2021. № 4. S. 21–27.
2. Solov'ev V. S. Kriminologicheskie issledovaniya prestupnosti nesovershennoletnih v usloviyah cifrovizacii obshchestva: ozhidaniya i real'nost' // Altajskij juridicheskij vestnik. 2024. № 1. S. 92–99.
3. Ishchuk Ya. G., Pinkevich T. V., Smol'yaninov E. S. Cifrovaya kriminologiya. M.: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2021. 244 s.
4. Dzhafarli V. F. Formirovanie i razvitie sistemy kriminologicheskoy bezopasnosti v sfere informacionno-kommunikacionnyh tekhnologij: dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 2023. 540 c.
5. Shaposhnikov A. A. Perspektivy primeneniya tekhnologii iskusstvennogo intellekta i nejronnyh setej v kriminologicheskom prognozirovanii prestupnogo povedeniya // Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2022. № 2 (19). S. 30–33.
6. Bahteev D. V. Riski i etiko-pravovye modeli ispol'zovaniya sistem iskusstvennogo intellekta // Yuridicheskie issledovaniya. 2019. № 11. S. 1–11.
7. Il'nickij A. S. Tekhnologii iskusstvennogo intellekta v kriminologicheskoy nauke i preduprezhdenii prestuplenij // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2023. № 7. S. 105–111.
8. Mel'chuk I. A., Ravich R. D. Avtomaticheskij perevod 1949–1963: Kritiko-bibliograficheskij spravochnik. M.: VINITI, 1967. 517 s.
9. Sevbo I. P. Struktura svyazannogo teksta i avtomatizacii referirovaniya. M.: Nauka, 1969. 133 s.
10. Zaripov R. H. Kibernetika i muzyka. M.: Nauka, 1971. 319 s.
11. Zaripov R. H. Mashinnyj poisk variantov pri modelirovanii tvorcheskogo processa. M.: Nauka, 1983. 232 s.
12. Bongard M. M. Problema uznnavaniya. M.: Nauka, 1967. 320 s.
13. Bahteev D. V. Konceptual'nye osnovy teorii kriminalisticheskogo myshleniya i ispol'zovaniya sistem iskusstvennogo intellekta v rassledovanii prestuplenij: dis. ... d-ra jurid. nauk. Ekaterinburg, 2022. 504 c.
14. Steger C., Ulrich M., Wiedemann C. Machine Vision Algorithms and Applications. Weinheim: Wiley-VCH Verlag GmbH & Co, 2018. 475 p.
15. Il'nickij A. S. Konceptual'nye osnovy teorii kriminalisticheskogo myshleniya i ispol'zovaniya sistem iskusstvennogo intellekta v rassledovanii prestuplenij: dis. ... kand. jurid. nauk. Krasnodar, 2022. 213 s.
16. Il'nickij A.S. Kriminologicheskie riski intimnoj kommunikacii v seti Internet // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2021. № 9. S. 106–109.

Информация об авторе

А. С. Ильницкий — кандидат юридических наук.

Information about the author

A. S. Ilnitsky — Candidate of Science (Law).

Статья поступила в редакцию 20.05.2024; одобрена после рецензирования 29.07.2024; принята к публикации 05.12.2024.

The article was submitted 20.05.2024; approved after reviewing 29.07.2024; accepted for publication 05.12.2024.

**К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ МЕР КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ
ПРОФИЛАКТИКИ ПО ДЕЛАМ О МЕЛКОМ ХИЩЕНИИ, СОВЕРШЕННОМ ЛИЦОМ,
ПОДВЕРГНУТЫМ АДМИНИСТРАТИВНОМУ НАКАЗАНИЮ**

Вадим Дмитриевич Кругликов

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, kruglikov.vadim14@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются проблемы совершенствования криминалистической профилактики по делам о мелком хищении, совершенном лицом, подвергнутым административному наказанию. Отмечено, что устранение обстоятельств, способствующих совершению данного вида преступления, возможно лишь при условии успешной реализации целого комплекса мероприятий, различных по своему характеру и содержанию. Указано, что профилактика мелкого хищения, совершенного лицом, подвергнутым административному наказанию, в сфере торговли принесет желаемый результат лишь при условии полного взаимодействия отдельных служб и подразделений органов внутренних дел, а также общественности в лице прежде всего представителей хозяйствующих организаций. Результатом исследования явилось предложение определенных мер криминалистической профилактики, позволяющих во многом устранить причины и условия совершения отмеченного деяния.

Ключевые слова: криминалистическая профилактика, мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию, представление, допрос, индивидуально-профилактическая беседа, обстоятельства, способствующие совершению преступления

Для цитирования: Кругликов В. Д. К вопросу о совершенствовании мер криминалистической профилактики по делам о мелком хищении, совершенном лицом, подвергнутым административному наказанию // Алтайский юридический вестник. 2024. № 4 (48). С. 152–159.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

**REVISITING THE IMPROVING FORENSIC PREVENTION MEASURES IN CASES
OF PETTY STEALING COMMITTED BY A PERSON SUBJECT
TO ADMINISTRATIVE PUNISHMENT**

Vadim D. Kruglikov

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, kruglikov.vadim14@mail.ru

Abstract. This article examines the problems of improving forensic prevention in cases of petty theft committed by a person subject to administrative punishment. It is noted that the elimination of circumstances that contribute to the commission of this type of crime is possible only under the condition of the successful implementation of a whole range of measures, different in nature and content. Potentially effective preventive measures that can be implemented by officials (investigators, district police officers), as well as the public, are considered. It is indicated that the prevention of petty theft committed by a person subject to administrative punishment in the sphere of trade will bring the desired result only under the condition of full cooperation of individual services and departments of internal affairs agencies, as well as the public, primarily, representatives of business organizations. The result of the study was the proposal of certain measures of forensic prevention, which make it possible to largely eliminate the causes and conditions for the commission of the noted act.

Keywords: forensic prevention, petty stealing, presentation, interrogation, individual preventive conversation

For citation: Kruglikov V. D. Revisiting the improving forensic prevention measures in cases of petty stealing committed by a person subject to administrative punishment. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2024;4:152–159 (In Russ.).

В настоящее время вопрос профилактики мелкого хищения, совершенного лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 158¹ УК РФ), приобрел особую актуальность, поскольку просматривается тенденция к увеличению числа регистрируемых преступлений данной категории. Согласно данным официальной статистики ГИАЦ МВД России, в 2016 г. зарегистрировано 464 преступления, предусмотренные ст. 158¹ УК РФ; в 2017 г. — 9250; в 2018 г. — 13 861; в 2019 г. — 19 091, в 2020 г. — 24 323, в 2021 г. — 27 551, в 2022 г. — 37 776, в 2023 г. — 41 407, за 7 месяцев 2024 г. — 19 225 [1]. Особую озабоченность вызывает рост так называемых магазинных краж, ежегодные убытки от совершения которых могут достигать до 15 % от общей прибыли торгующих организаций [2].

Ставя задачу поиска эффективных мер криминалистической профилактики названного деяния, мы исходим из того, что ее решение лежит в плоскости исследований, осуществляемых представителями наук уголовно-правового цикла, таких как криминология, уголовное и исполнительное право, теория оперативно-розыскной деятельности, уголовный процесс и криминалистика. Безусловно, профилактика преступности — это сложная проблема, требующая параллельного ее изучения разными науками, каждая из которых выделяет в ней свой аспект. Вместе с тем возникает необходимость установления четкой грани между указанными областями научных знаний, ибо ее отсутствие может привести к дублированию теоретических исследований, воспрепятствовать, в т. ч. применительно к криминалистической профилактике, правильному выбору технико-криминалистических, тактико-криминалистических и методико-криминалистических средств, затруднить уяснение и изучение собственных криминалистических проблем.

В данной статье мы не ставим перед собой задачу провести анализ определений, предложенных другими авторами по вопросу о том, что есть криминалистическая профилактика, каков ее предмет и пределы. Такого рода анализ нами уже был проведен в других работах [3], результатом которого стало разделение взгляда И. И. Иванова, предложившего, как представляется, одно из заслуживающих внимания определений криминалистической профилактики преступления как частной криминалистической теории, представляющей собой «систему научных положений и практических рекомендаций о закономерностях разработки и использования в уголовном судопроизводстве технических средств, тактических и методиче-

ских приемов для предотвращения замышляемых и подготавливаемых преступлений, своевременного обнаружения, быстрого, полного раскрытия и качественного расследования совершаемых преступлений, пресечения конкретной преступной деятельности и ликвидации ее опасных последствий, выявления и устранения в процессе расследования обстоятельств, способствовавших совершению и сокрытию преступлений, преодоления любых форм противодействия расследованию» [4, с. 10].

В данном определении ценным является указание на необходимость определения направлений криминалистической профилактики, результативность которой предполагает поиск закономерностей разработки и применения отмеченных криминалистических средств профилактической направленности. Дальнейшее совершенствование названного частного учения, на наш взгляд, предполагает одновременный поиск закономерностей подготовки, совершения и сокрытия мелких хищений, в которых получают свое отображение (взаимосвязь, взаимообусловленность) личностные характеристики правонарушителя и специфическая во многом обстановка совершения мелкого хищения, особенно когда речь идет о мелких магазинных хищениях. В доктринальном плане перечисленные факторы объемлются категорией «криминалистическая характеристика преступления», а с учетом специфических условий расследования — еще и положениями криминалистической ситуалогии.

Методологическим значением для целей организации криминалистической профилактики в рамках работы по преступлению, названному в ст. 158¹ УК РФ, является подход, в соответствии с которым научная задача предупреждения преступлений определенного вида [5, с. 8] либо преступлений, совершаемых в определенной среде [6], в полной мере может быть решена лишь в форме частной криминалистической методики (криминалистического обеспечения расследования).

Предметом настоящей работы является рассмотрение конкретной криминалистической деятельности по профилактике мелкого хищения, совершенного лицом, подвергнутым административному наказанию, в форме кражи. В предыдущей работе, посвященной проблемам преступлений с административной преюдицией [7], мы пришли к выводу, что личность преступника, демонстрирующая устойчивое противоправное поведение, является системообразующим элементом криминалистической характеристики преступления и должна учитываться при разработке мер профилактического характера с целью предупрежде-

ния совершения повторного административного правонарушения, влекущего наступление уголовной ответственности, а с учетом того, что условием её наступления является совершение вначале административно наказуемого деяния, названного в статье 7.27 КоАП РФ, — то и мер общей профилактики.

Проведенный нами анализ 50 материалов уголовных дел, возбужденных по статье 158¹ УК РФ, расследованных на территории Алтайского края, показал, что в 100 % случаев похитители обладали навыками противоправной деятельности. Разумеется, о таких навыках априори свидетельствует факт привлечения лица к уголовной ответственности по отмеченной статье, поскольку конструкция состава преступления, названного в статье 158¹ УК РФ, подразумевает наличие у него административного наказания за совершение мелкого хищения. Однако не следует думать, что противоправный опыт (мы бы назвали его административно-противоправный опыт) имеет только эта категория субъектов. Мы акцентируем внимание на уголовно-противоправном опыте. Так, в 88 % случаев лица, привлекаемые к уголовной ответственности по ст. 158¹ УК РФ, ранее уже были судимы за совершение преступлений имущественного характера (например, ст. 158, 158¹, 159, 160, 161, 162 УК РФ), а 18,2 % из указанной категории, кроме того, привлекались к уголовной ответственности еще и за совершение преступлений неимущественного характера (например, ст. 119, 228, 228¹ УК РФ). В контексте изложенного отметим, что значительное количество привлеченных к уголовной ответственности лиц (94 %) демонстрировало в ходе предварительного расследования достаточные знания в области уголовно-правовой преюдиции и имело представление о порядке деятельности служб безопасности торговых организаций и оперативно-розыскной деятельности в целом.

Известно, что расследовать и предупредить преступления, совершаемые в современном мире, в оптимальные сроки, демонстрируя при этом надлежащий профессиональный уровень, невозможно без учета соответствующих криминалистических рекомендаций — это правило целиком распространяется на организацию криминалистической профилактики мелкого хищения. При этом не стоит забывать, что устранение обстоятельств, способствующих совершению мелкого хищения, возможно лишь при условии успешной реализации целого комплекса различных по своему характеру и содержанию мероприятий. Осуществление таких мероприятий, помимо их знания, требует надлежащего, специфического

по содержанию взаимодействия отдельных служб и подразделений органов внутренних дел, а также общественности в лице прежде всего представителей хозяйствующих организаций.

Среди этих мероприятий важную роль призваны сыграть меры, применяемые дознавателями, осуществляющими предварительное расследование мелкого хищения. Сегодня ими традиционно осуществляется внесение представлений в адрес организации или должностного лица о необходимости принятия мер по устранению обстоятельств, выявленных в рамках расследуемого преступления. Изучение судебно-следственной практики показало, что представления выносились по 84 % уголовных дел, возбужденных по статье 158¹ УК РФ, и, как правило, носили формальный характер, без анализа конкретных нарушений и предложений, направленных на устранение причин и условий, способствующих совершению мелкого хищения в конкретной торговой организации, т. е. преследовался формально-количественный, нежели качественный, показатель. На данную проблему в своей работе указал А. В. Варданян, отметив, что «...далеко не по каждому преступлению объективно требуется внесение представления в соответствующую организацию об устранении обстоятельств, способствующих совершению преступления или иных нарушений закона. Возложение на следователя (дознавателя) обязанности внесения представлений по каждому уголовному делу в период действия УПК РСФСР обуславливало высокий уровень фиктивности таких процессуальных документов. Поэтому субъекта расследования целесообразно обязать осуществлять внесение указанных представлений не по каждому уголовному делу, а при наличии такой необходимости, а именно наличия обстоятельств, требующих профилактического реагирования в целях предотвращения совершения аналогичных преступлений» [8, с. 171]. Представляется, что действенность такого представления строится на отражении в нем следующих обстоятельств: причин, породивших хищение; характеристики способа хищения; лица, несущего ответственность за создание (или устранение) обстоятельств, способствующих совершению преступления и т. д. Сведения, указанные в представлении, должны базироваться на достоверных данных, которые могут быть получены как путем проведения следственных и иных процессуальных действий, так и в ходе бесед со специалистами, представителями организации, учреждения, должностными лицами, гражданами, а затем отражены в аналитической справке.

Необходимо понимать, что представление, вынесенное в соответствии с УПК РФ, принесет результаты только тогда, когда организация или должностное лицо предпримут необходимые шаги для устранения обстоятельств, способствующих совершению преступления, разумеется, при сообщении о принятых мерах инициатору представления. Однако администрация магазина, где произошла кража, зачастую не может в силу объективных обстоятельств выполнить требования, указанные в представлении, о чем информирует органы предварительного расследования. В таком случае контроль за выполнением представления может быть возложен на участкового уполномоченного полиции по территориальности, который в рамках проведения плановых, а также внеплановых рейдов должен осуществлять контроль по проверке исполнения внесенного представления, а при выявлении новых неблагоприятных факторов лично готовить предложения по их устранению.

На наш взгляд, не всегда целесообразно, исходя из принципа оперативности реагирования на упущения, дожидаться окончания предварительного расследования, чтобы внести соответствующее представление: обстоятельства, способствующие совершению преступления, могут быть установлены, например, уже в ходе допроса подозреваемого. В этом нет ничего необычного, поскольку допрос занимает значительное место в числе следственных действий и играет существенную роль в расследовании мелкого хищения, совершенного в форме кражи. Хорошо проведенный допрос подозреваемого строится на учете криминалистической характеристики отмеченного преступления, и, как указано в начале настоящей статьи, она позволяет уточнить закономерности организации криминалистической профилактики. Так, в ходе допроса подозреваемого устанавливаются: предмет преступного посягательства; время; способ хищения (возможное использование специальных устройств, приспособлений); место, откуда была совершена кража; образ жизни допрашиваемого, его материальное положение, привычки, наличие заболеваний (например, наркомания, kleптомания, лудомания и т. д.); цель совершения хищения (для личного потребления или с целью сбыта). Попутно (при условии бесконфликтной ситуации) подозреваемый может рассказать о недостатках, проблемах контроля, охраны в торговой организации, наличии или отсутствии видеокамер. Необходимо выяснить, кем были созданы условия для благоприятного совершения хищения: собственными действиями допрашиваемого или действиями (без-

действием) других лиц (сотрудников торговой организации; третьих лиц, совершивших преступление ранее и т. д.).

Своевременное выявление данных обстоятельств позволит дознавателю незамедлительно принять меры для предупреждения других хищений, совершаемых в аналогичных условиях как в данной, так и в иной торговой организации, например, путем внесения представлений в адрес хозяйствующего субъекта или дачи поручений участковому уполномоченному полиции.

Следует понимать, что с целью дезинформировать дознавателя или по причине ошибочных выводов подозреваемый может сообщить недостоверную информацию. Поэтому все полученные в ходе допроса данные должны проверяться, а личность допрашиваемого тщательно изучаться.

Общепризнанным при выяснении причин и условий хищения является положение о значимости допроса потерпевшего, его представителя: применительно к предмету настоящей статьи речь идет прежде всего о допросе администратора торгового учреждения. В ходе такого допроса необходимо выяснить, какие, на его взгляд, должны предприниматься меры, чтобы хищения больше не повторялись. А после того, как лицо изложит свои соображения по данному вопросу, следует установить, что уже было предпринято, почему реализованные мероприятия не привели к желаемому результату или почему это не было сделано ранее. Также целесообразно принять меры к установлению ответственных лиц торговой организации, по вине которых своевременно не пресекались хищения.

Однако наиболее результативным, на наш взгляд, является допрос продавцов торговой организации или сотрудников охраны, которые обладают большей информацией об обстоятельствах хищения и могут помочь в установлении потенциальных преступников и в сборе доказательств для привлечения виновных к ответственности, соответственно, в осуществлении надлежащей профилактической работы. В ходе допроса свидетелей подлежит установлению следующая информация: что похищено; количество; закупочная и розничная стоимость похищенного товара; разновидность товара (разного наименования или один и тот же товар); откуда данный товар был похищен (из холодильника в торговом зале, со стеллажа, из тары и т. д.); предпринимались ли похитителем меры по сокрытию похищенного, если да, то какие (маскировка товара, помещение под одежду, в ручную кладь, контейнер для выноса похищенного); предпринимались ли меры по сокрытию внешности по-

сягающего (маска медицинская, капюшон, объемная одежда и т. д.); каким образом была выявлена кража (наблюдение по системе видеонаблюдения, сработали противокражные системы); поведение лица при задержании (отрицал вину, соглашался, молчал, оказывал активное сопротивление и т. д.); предпринимались ли действия по отвлечению внимания сотрудников торгового зала; производило ли лицо оплату за часть купленного товара, а украденный товар незаметно пыталось пронести через кассу и т. д. Особую важность показания свидетеля (представителя потерпевшего) имеют в случае, когда иные доказательства виновности субъекта в его совершении преступления отсутствуют.

Выяснение данных обстоятельств позволит дознавателю составить представление об обстановке, в которой было совершено преступное деяние, определить перечень мероприятий для устранения причин и условий, способствующих совершению преступления, собрать доказательства виновности лица, совершившего преступление.

Обстановка совершения преступления имеет существенное значение при выборе преступником способа преступления и предмета преступного посягательства. Так, наличие большого количества покупателей в магазине дает возможность вору не привлекать внимание сотрудников охраны; существование слепых зон, неконтролируемых визуально проходов между стеллажами (где отсутствуют обзорные зеркала, средства видеонаблюдения) позволяет оставаться незамеченным в момент кражи; недостатки в организации мероприятий среди сотрудников магазина по противодействию краж товара нередко порождаются халатностью и делают возможным преступнику покинуть торговый зал, минуя зоны касс и охраны; торговля мелким и дорогостоящим товаром на открытых витринах без специальных средств защиты от краж способствует беспрепятственному их незаконному завладению.

Ряд из названных обстоятельств дознаватель может выявить самостоятельно в ходе осмотра места происшествия, где, обнаружив наличие в торговом зале камер видеонаблюдения, он обязан поинтересоваться у специалиста, участвующего в следственном действии, каковы характеристики данного устройства, какой радиус их обзора, правильность установки, чтобы иметь представление об объеме информации, которую возможно получить при изъятии видеозаписи с данного устройства, и, исходя из этого, уточнить границы осмотра места происшествия. Полученная видеозапись становится одним из важнейших доказательств в суде и должна использоваться наряду с показа-

ниями свидетелей, другими следами, изъятыми в ходе осмотра места происшествия, и прочей информацией.

При правильной установке видеокамер и надлежащем их обслуживании система видеонаблюдения должна обеспечивать исчерпывающий видеоконтроль: например, отследить все действия человека с момента выбора и похищения товара до того момента, как он был пойман в процессе выноса товара. Видеокамеры остаются основным превентивным средством борьбы с кражами в торговых залах магазина, при этом указанные системы становятся более «умными», позволяющими распознать лицо, совершившее ранее в данном магазине мелкую кражу, по лицу, силуэту, подозрительному поведению и т. д. То есть видеонаблюдение становится не только инструментом фиксации инцидентов, но и системой их предупреждения. Например, информационно-аналитическая система (далее — ИАС) «Стоп Шоплифтер» — это инновационная система распознавания лиц, которая в своей работе использует алгоритмы, позволяющие получать точность распознавания 99%. Эта система использует биометрические данные и поведенческую аналитику для идентификации шоплифтеров и сегментирования аудитории по различным параметрам. То есть, помимо того, что идет контроль за уже совершенным действием, машина способна «предсказать» вероятность кражи по беспокойному поведению человека и сигнализировать об этом охране. В свою очередь, охранники, получив данные от системы, должны лично изучить видеозапись и определить, имела ли место кража, а не просто полагаться на искусственный интеллект. Сотрудники охраны также должны действовать в ситуации, когда система идентифицирует покупателя как лицо, ранее совершавшее преступление. Такого рода система видеонаблюдения уже используется более чем в 50 торговых сетях России и СНГ, помогая продавцам сократить убытки и повысить уровень безопасности в магазинах, в т. ч. и на территории Алтайского края, однако её наличие не отменяет задачу комплексного применения мер криминалистической профилактики.

Рассмотренные нами направления инструментальной профилактики могут получить свое дальнейшее развитие в рамках положений о технико-криминалистических средствах профилактики преступлений [9], которые можно считать обособленным элементом профилактической деятельности.

Рассматривая личность рецидивиста, Е. А. Антонян отметила, что «для эффективного профи-

лактического воздействия исключительно важное значение имеет выявление тех внутренних, субъективных причин, которые привели данное лицо к совершению нового преступления, в том числе и того, за совершение которого он отбывает наказание. Оно должно быть, прежде всего, объектом индивидуально-профилактического воздействия. Профилактика, предупреждение повторного преступления должны строиться на детальном изучении личностных свойств, выявлении истинных мотивов преступной деятельности и типологической принадлежности лица» [10, с. 97].

Индивидуально-профилактическая беседа является одной из мер криминалистической профилактики преступления. Она направлена на предупреждение противоправного поведения и проводится с лицами, которые совершили или могут совершить преступление или административное правонарушение. К ним можно отнести лиц, которые состоят на профилактическом учете, а также лиц, в отношении которых имеются задокументированные в установленном порядке сведения об антиобщественном поведении. Такого рода беседы должны быть проведены участковым уполномоченным полиции, в т. ч. и при составлении протокола об административном правонарушении, с целью предупреждения совершения данным лицом повторного правонарушения или преступления: это особенно важно, учитывая уголовно-правовую конструкцию мелкого хищения как административно-преюдициального преступления. Профилактическая беседа должна быть содержательной, конкретной, убедительной, опираться на бесспорные аргументы и доводы, она не должна быть абстрактной, в ней должна быть видна искренняя заинтересованность должностного лица в нормальной жизни профилактируемого.

Вместе с тем проведенный нами опрос сотрудников органов внутренних дел показал, что такие беседы с указанной категорией граждан проводились участковыми уполномоченными полиции целенаправленно в 62 % случаев, в 36 % случаев — наспех при заполнении протокола об административном правонарушении либо не проводились вообще — в 2 % случаев, а дознавателем лично проводились лишь в рамках производства следственных действий, что влекло затем поручение участковому уполномоченному полиции выполнить определенные профилактические мероприятия.

Следует также отметить и другие потенциально эффективные меры профилактики, которые могут быть реализованы должностными лицами. К ним относятся: информирование граждан участковыми

уполномоченными полиции на общих собраниях о способах и лицах, совершающих кражи в торговых организациях; публикации по инициативе участкового уполномоченного полиции статей в средствах массовой информации; выступления дознавателя на радио или телевидении; размещение наглядных материалов в общественных местах и сети Интернет. Создание эффективной системы профилактики преступности невозможно и без участия общественности. Организация работы по привлечению населения к участию в профилактике преступлений должна рассматриваться как важная составляющая достижения положительного результата в противодействии преступности. Так, например, обращение администрации торговой организации через радиовещание в торговых залах к гражданам с просьбой о помощи в обнаружении лиц, совершающих кражи в магазинах, и призывом сообщать о таких случаях сотрудникам охраны будет весьма результативным.

Широкое распространение в последнее время получило размещение администрацией торговой организации у входа в торговые залы так называемых досок позора, на которых выставляются фотографии лиц, совершивших кражу в магазине, с целью предупреждения указанными лицами совершения новых преступлений и пресечения возможных преступлений другими гражданами. Такая же информация размещается администрацией магазинов в чатах торговой сети, что позволяет не только предупредить хищение, но и установить местонахождение лица при непосредственной помощи общественности. Не ставя цель дать юридическую оценку таких действий, заметим простой факт, состоящий в том, что таким образом граждане, организации реализуют свои права в сфере профилактики правонарушений.

Большинство способов совершения краж в торговых организациях довольно просты, и меры их пресечения также не отличаются особой сложностью, а требуют в основном методичности и последовательности. Вместе с тем необходимы принятие мер, направленных на обучение сотрудников службы безопасности магазинов по выявлению потенциального вора, разъяснение персоналу юридических нюансов задержания виновных лиц, грамотное расположение товара на торговых площадях, чтобы всё пространство между стеллажами и полками просматривалось, закрытие на ключ витрин с дорогим товаром, установка в торговых залах противокражных систем для предотвращения несанкционированного выноса товаров, систем видеонаблюдения, зеркал безопасности для по-

вышения безопасности трудно обзорных участков торгового зала и кассовых проходов, контроль за торговым залом не только со стороны частных охранников, но и администраторов, контролеров торгового зала организации, что позволит сократить число краж, совершаемых в торговых организациях. Тем более что в настоящее время охранниками и специализированными компаниями подготавливаются различные обучающие пилотные программы как для обучения частных охранников и сотрудников служб внутренней безопасности, так и кассиров-операционистов.

В заключение следует подчеркнуть, что для совершенствования криминалистической про-

филактики по делам о мелком хищении, совершенном лицом, подвергнутым административному наказанию, необходимо учитывать ее специфический характер, который в том числе заключается в предупреждении совершения новых правонарушений лицом, уже подвергнутым административному наказанию, где выявление обстоятельств, способствовавших совершению хищений по одному конкретному уголовному делу, позволит разработать профилактические мероприятия по предупреждению аналогичных преступлений не только в данной торговой организации, но и в других аналогичных торговых точках.

Список источников

1. Состояние преступности // Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports> (дата обращения: 20.08.2024).
2. Профилактика краж из магазинов. URL: https://77.мвд.рф/PAMJATKI/Profilaktika_krazh_iz_magazinov (дата обращения: 20.09.2024).
3. Кругликов В. Д. Проблемы криминалистической профилактики преюдициальных преступлений участковыми уполномоченными полиции // Материалы криминалистических чтений / под ред. О. В. Кругликовой. Барнаул: БЮИ МВД России, 2022. С. 45–46.
4. Иванов И. И. Криминалистическая превенция: комплексное исследование генезиса, состояния, перспектив: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. 418 с.
5. Головин А. Ю. Проблемы и пути совершенствования методик расследования отдельных видов преступлений // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 3–2. С. 3–10.
6. Комаров И. М. Тезисы о криминалистическом содержании предотвращения преступлений в учреждениях, ведающих исполнением уголовного наказания // Правовое государство: теория и практика. 2014. № 2 (36). С. 46–49.
7. Князьков А. С., Кругликов В. Д. Преюдиция как фактор формирования нового вида частных криминалистических методик // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 492. С. 181–192.
8. Варданян А. В. Криминалистическая превенция в системе государственных мер по предупреждению преступности // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 430. С. 169–173.
9. Кочнева И. П. К вопросу о технико-криминалистических средствах предупреждения и профилактики совершения преступлений // Теория и практика современных гуманитарных и естественных наук: сборник трудов конф-ции. Петропавловск-Камчатский: Камчатский гос. ун-т им. Витуса Беринга, 2016. С. 124–128.
10. Антонян Е. А. Личность рецидивиста: криминологическое и уголовно-исполнительное исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 353 с.

References

1. Sostoyanie prestupnosti // Oficial'nyj sajt MVD Rossii. URL: <https://mvd.rf/reports> (data obrashcheniya: 20.08.2024).
2. Profilaktika krazh iz magazinov. URL: https://77.mvd.rf/PAMJATKI/Profilaktika_krazh_iz_magazinov (data obrashcheniya: 20.09.2024).
3. Kruglikov V. D. Problemy kriminalisticheskoy profilaktiki prejudicial'nyh prestuplenij uchastkovymi upolnomochennymi policii // Materialy kriminalisticheskikh chtenij / pod red. O. V. Kruglikovoj. Barnaul: BYul MVD Rossii, 2022. S. 45–46.
4. Ivanov I. I. Kriminalisticheskaya prevenciya: kompleksnoe issledovanie genezisa, sostoyaniya, perspektiv: dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2003. 418 s.

5. Golovin A. Yu. Problemy i puti sovershenstvovaniya metodik rassledovaniya otchel'nyh vidov prestuplenij // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki. 2014. № 3–2. S. 3–10.

6. Komarov I. M. Tezisy o kriminalisticheskom soderzhanii predotvrashcheniya prestuplenij v uchrezhdeniyah, vedayushchih ispolnieniem ugolovnogo nakazaniya // Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika. 2014. № 2 (36). S. 46–49.

7. Knyaz'kov A. S., Kruglikov V. D. Preyudiciya kak faktor formirovaniya novogo vida chastnyh kriminalisticheskikh metodik // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2023. № 492. S. 181–192.

8. Vardanyan A. V. Kriminalisticheskaya prevenciya v sisteme gosudarstvennyh mer po preduprezhdeniyu prestupnosti // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. № 430. S. 169–173.

9. Kochneva I. P. K voprosu o tekhniko-kriminalisticheskikh sredstvakh preduprezhdeniya i profilaktiki soversheniya prestuplenij // Teoriya i praktika sovremennyh gumanitarnykh i estestvennykh nauk: sbornik trudov konf-cii. Petropavlovsk-Kamchatskij: Kamchatskij gos. un-t im. Vitusa Beringa, 2016. S. 124–128.

10. Antonyan E. A. Lichnost' recidivista: kriminologicheskoe i ugolovno-ispolnitel'noe issledovanie: dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2014. 353 s.

Статья поступила в редакцию 14.09.2024; одобрена после рецензирования 31.10.2024; принята к публикации 05.12.2024.

The article was submitted 14.09.2024; approved after reviewing 31.10.2024; accepted for publication 05.12.2024.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ВОВЛЕЧЕНИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В СЕКСУАЛЬНУЮ ЭКСПЛУАТАЦИЮ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТОЛКОВАНИЯ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Александр Владимирович Максименко¹, Иван Николаевич Архипцев²

^{1,2} Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина, Белгород, Россия

¹ mav1202@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9200-9138>

² ArkhptsevIN@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2307-2712>

Аннотация. В силу особенностей своего возраста, физического и психического развития несовершеннолетние не всегда могут дать правильную оценку действиям других лиц, а с учетом того влияния, которое в последние годы оказывают средства массовой информации и сеть Интернет, они всё больше подвергаются негативному влиянию и воздействию, в т. ч. вовлекаются в сексуальную эксплуатацию. В статье авторы рассматривают уголовно-правовые аспекты преступлений, связанных с вовлечением несовершеннолетнего в сексуальную эксплуатацию. В частности, авторами проанализированы отдельные аспекты данных преступлений: терминология «сексуальной эксплуатации»; мотивы совершения преступлений; способы; лица, являющиеся потерпевшими; типология субъектов; социальный портрет потребителей порнографических материалов. В заключение сделаны предложения по изменению действующего уголовного законодательства.

Ключевые слова: несовершеннолетние, оборот порнографической продукции, сексуальная эксплуатация, вовлечение

Для цитирования: Максименко А. В., Архипцев И. Н. Преступления, связанные с вовлечением несовершеннолетнего в сексуальную эксплуатацию: некоторые проблемы толкования и противодействия // Алтайский юридический вестник. 2024. № 4 (48). С. 160–165.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

CRIMES RELATED TO THE INVOLVEMENT OF A MINOR IN SEXUAL EXPLOITATION: SOME PROBLEMS OF INTERPRETATION AND COUNTERACTION

Alexander V. Maksimenko¹, Ivan N. Arkhptsev²

^{1,2} Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia, Belgorod, Russia

¹ mav1202@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9200-9138>

² ArkhptsevIN@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2307-2712>

Abstract. Due to the peculiarities of their age, physical and mental development, minors cannot always give a correct assessment of the actions of others, and given the influence that the media and the Internet have exerted in recent years, they are increasingly exposed to negative influences and influences, including being involved in sexual exploitation. In the article, the authors consider the criminal and legal aspects of crimes related to the involvement of a minor in sexual exploitation. In particular, the authors analyzed certain aspects of these crimes: terminology of “sexual exploitation”; motives for committing crimes; methods; persons who are victims; typology of subjects; social portrait of “consumers” of pornographic materials. In conclusion, proposals were made to amend the current criminal legislation.

Keywords: minors, trafficking in pornographic products, sexual exploitation, involvement

For citation: Maksimenko A. V., Arkhptsev I. N. Crimes related to the involvement of a minor in sexual exploitation: some problems of interpretation and counteraction. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2024;4:160–165 (In Russ.).

Защита несовершеннолетних от преступных посягательств сексуального характера сегодня является одним из приоритетных направлений российской уголовной политики.

Эксплуатация несовершеннолетних в сексуальных целях, подростковая проституция — масштабная проблема на протяжении длительного периода времени. По данным официальной статистики, количество таких преступлений продолжает расти. Это связано с различными факторами: развитие информационных технологий и массовая демонстрация порнографических материалов, склонение путем психологических манипуляций и обмана к совершению половых актов против воли несовершеннолетнего, распространение ложных представлений о допустимости оказания сексуальных услуг за плату и другие причины. Еще одной немаловажной проблемой является высокая латентность таких посягательств, что порождает совершение иных тяжких преступлений (торговля людьми или органами, насильственные действия, многоэпизодные изнасилования).

Вовлечение несовершеннолетних в сексуальную эксплуатацию является проблемой международного уровня¹. В связи с этим Российская Федерация ратифицировала ряд международных конвенций и установила в Уголовном кодексе Российской Федерации ответственность за торговлю несовершеннолетними (п. «б» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ), вовлечение в занятие проституцией несовершеннолетнего (ч. 3 ст. 240 УК РФ), получение сексуальных услуг несовершеннолетнего (ст. 240.1 УК РФ), организацию занятия проституцией с использованием для занятия проституцией несовершеннолетних (п. «в» ч. 2 ст. 241 УК РФ), организацию занятия проституцией с использованием для занятия проституцией лиц, не достигших 14-летнего возраста (ч. 3 ст. 241 УК РФ), а также за распространение, публичную демонстрацию или рекламирование порнографических материалов или предметов среди несовершеннолетних либо вовлечение несовершеннолетнего в оборот порнографической продукции лицом, достигшим 18-летнего возраста (ч. 2 ст. 242 УК РФ), изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних (ст. 242.1 УК РФ), использование несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических

материалов или предметов (ст. 242.2 УК РФ) [1, с. 14].

В настоящей статье под преступлениями, связанными с вовлечением несовершеннолетних в сексуальную эксплуатацию, мы будем считать именно указанные выше деяния. Также для краткости порнографические материалы или предметы, указанные законодателем в ст. 242, 242.1, 242.2 УК РФ, мы будем обозначать термином «порнографическая продукция».

К сожалению, официальные статистические данные Министерства внутренних дел Российской Федерации не располагают подробными сведениями о рассматриваемых преступлениях. Однако, согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2022 г. по ч. 3 ст. 240 УК РФ было осуждено 46 лиц, по ст. 242 УК РФ — 262 лица, по ст. 242.1 УК РФ — 119 лиц. В свою очередь, в 2023 г. по ч. 3 ст. 240 УК РФ было осуждено 26 лиц, по ст. 242 УК РФ — 327 лиц, по ст. 242.1 УК РФ — 190 лиц².

Вместе с тем следует иметь в виду, что данные преступные посягательства относятся к группе высоколатентных (о чем мы говорили выше), и довольно сложно представить истинную картину преступности в этой сфере.

Преступления, связанные с вовлечением несовершеннолетних в сексуальную эксплуатацию, являются деяниями, которые, безусловно, снижают уровень нравственности населения, отрицательно преобразовывают общество, в связи с чем характеризуются высоким уровнем общественной опасности.

Для понимания сущности данных преступлений необходимо исследовать их уголовно-правовые аспекты, включающие анализ составов преступлений, которые составляют данную правовую сферу.

Основными аспектами изучения данных преступлений являются следующие:

- терминология сексуальной эксплуатации;
- мотивы совершения преступлений;
- способы;
- лица, являющиеся потерпевшими;
- типология субъектов;

¹ Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений ETS № 201 (Лансароте, 25 октября 2007 г.) // Бюллетень международных договоров. 2014. № 6. 203 с.

² Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Данные судебной статистики. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2022 год. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2023 год. № 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации». URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7900>.

- социальный портрет потребителей порнографических материалов.

1. Итак, термин «сексуальная эксплуатация» не представлен в уголовном законодательстве, а закреплен лишь термин «эксплуатация» в примечании 2 к статье 127.1 УК РФ, под которой понимаются использование занятия проституцией другими лицами и иные формы сексуальной эксплуатации, рабский труд (услуги), подневольное состояние. Такое определение лишь отчасти затрагивает сексуальную эксплуатацию и вызывает множество дискуссий в кругах ученых-правоведов.

По мнению М. А. Ковалевой, «сексуальная эксплуатация» как криминальный феномен посягает на объект, элементами которого являются честь и достоинство, половая свобода и половая неприкосновенность личности, общественная нравственность [2, с. 35].

По мнению А. В. Комарницкого, «под сексуальной эксплуатацией несовершеннолетних следует понимать противоправное извлечение дохода, получение иных выгод путем предоставления сексуальных услуг человека другим (третьим) лицам» [3, с. 65].

Считаем, что такое понимание, существующее в доктрине уголовного права, раскрывает общую суть данного термина и может быть использовано для целей настоящего научного исследования.

2. Относительно мотивов совершения рассматриваемой группы преступлений также нет единого понимания. Е. Н. Курилова полагает, что «под вовлечением лица в занятие проституцией в ст. 240 УК РФ понимаются активные действия, направленные на возникновение желания у другого лица заниматься проституцией систематически добровольно или по принуждению» [4, с. 102].

На наш взгляд, основным мотивом, побуждающим субъектов вовлечь несовершеннолетнее лицо в сексуальную эксплуатацию, исходя из данного термина, является извлечение материальной выгоды, т. е. корыстный мотив, который заключается в получении определенной материальной ценности, которую субъект преступления еще не приобрел, но желает приобрести преступным путем в будущем.

Данная деятельность непосредственно связана с нарушением прав на нормальное нравственное и физическое развитие личности несовершеннолетнего, и квалифицирующим признаком в рамках данных составов будет являться именно возраст жертв.

Следует отметить, что побуждать на совершение рассматриваемых преступлений могут и дру-

гие низменные мотивы — сексуальные, хулиганские и др.

3. Следует отметить, что способы вовлечения в Уголовном кодексе РФ не указаны. Полагаем, что способы вовлечения, в частности вовлечение несовершеннолетнего в занятие проституцией, могут быть различными: например, путем уговоров, подкупа, обмана, шантажа, угроз, физического или психического принуждения, использования зависимого положения потерпевшего (в т. ч. совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в т. ч. сети Интернет) и иные способы.

В настоящее время одним из наиболее опасных и в то же время трудно выявляемых способов вовлечения несовершеннолетних в сексуальную эксплуатацию является их совершение злоумышленниками через информационно-телекоммуникационные сети, в т. ч. сеть Интернет. Причем формы вовлечения не обязательно будут являться открытыми, а чаще всего завуалированными. В частности, вовлечение происходит через первоначальное знакомство в социальных сетях, а затем совместное употребление алкоголя, наркотиков и т. д. Другим вариантом выступают случаи, когда подруга (друг) расскажет о положительном характере оказания сексуальных услуг за плату.

Кроме того, одной из форм эксплуатации несовершеннолетних сейчас являются онлайн-трансляции для закрытой аудитории, в т. ч. в сети Даркнет. К сожалению, нередко субъектами вовлечения становятся сами родители или близкие родственники несовершеннолетнего. Предлагаем относить такие действия к иным формам сексуальной эксплуатации несовершеннолетних, а их совершение родителями или близкими родственниками оценивать по признакам ст. 242.2 УК РФ.

Действительно, сегодня среди несовершеннолетних очень часто встречаются знакомые, с которыми они общаются исключительно в киберпространстве, и организаторы занятия проституцией пользуются анонимностью онлайн-соединений в попытках воздействовать на молодежь и вовлечь последних в свои преступные намерения. С ежегодным увеличением присутствия технологий в жизни молодежи, развитием новых онлайн-приложений для общения с другими людьми и участившимися случаями проникновения злоумышленников через эти онлайн-каналы действенные профилактические мероприятия должны включать в себя прежде всего обмен информацией с молодежью, семьями и правоохранительными органами о безопасности в интернете, информа-

цию о противоправной деятельности, способах родительского контроля и конфиденциальности в интернете.

4. Потерпевшими от данных преступлений могут являться все лица, не достигшие 18-летнего возраста, независимо от пола, т. е. лица и мужского, и женского пола.

Потерпевшие могут делиться на различные группы в зависимости от личностных характеристик, а также наличия или отсутствия факта принуждения со стороны субъектов преступлений. Данные положения также не закреплены в Уголовном кодексе РФ, однако имеют широкое распространение среди правоприменителей, следователей, дознавателей или иных лиц в рамках уголовного процесса на начальных стадиях.

Так называемые добровольные потерпевшие — это лица, которые по собственному желанию предоставляют услуги проституции и сексуальная эксплуатация которых осуществляется в добровольном порядке с согласия данных лиц.

Принуждаемым потерпевшим является лицо, которое было вовлечено в сексуальную эксплуатацию путем физического или психического принуждения, не по собственной воле.

Обманутый потерпевший — это лицо, которое было вовлечено в сексуальную эксплуатацию путем обмана, обещаний материального благополучия или иным способом.

5. Рассматривая личностные качества потерпевших, следует отметить среди них значительное количество характеристик, показывающих уровень виктимности жертвы: проявление легкомысленности при отдельных обращениях с просьбами в сети, личная невнимательность, излишняя доверчивость к субъектам, которых несовершеннолетний ни разу не видел. Рассматривая несовершеннолетних, следует отметить, что данная категория обладает большей индивидуальной виктимностью, чем взрослые, т. к. находится в состоянии уязвимости, которая зависит от ряда субъективных и объективных предрасположений.

Несовершеннолетние жертвы, пострадавшие от анализируемых преступлений, имеют определенные психологические особенности, такие как излишняя доверчивость, желание острых ощущений, мечтательность и трудности в правильной оценке происходящей ситуации. В этом возрасте они существенно подвержены влиянию старших и склонны к разного рода конфликтам.

Роль родителей, опекунов и образовательных учреждений крайне важна для обеспечения безопасности детей, поскольку возрастная группа 14–

17 лет может быть особо подвержена преступным действиям из-за стремления к самостоятельности и независимости от родителей.

Семья играет важную роль в формировании личности ребенка. Некоторые дети могут стать жертвами насилия со стороны членов своей семьи.

Помимо этого, психическое состояние несовершеннолетних может быть нестабильным, что делает их более уязвимыми перед потенциальными преступниками.

Виктимность выступает как причиной рассматриваемого вида преступности (в т. ч. в сети Интернет), так и следствием дальнейшего склонения к совершаемым преступлениям. Допустим, несовершеннолетняя выслала в адрес преступника по его просьбе откровенные фотографии, которые стали основанием для шантажа и дальнейшего её склонения к занятию проституцией или участию в создании порнографической продукции, что негативно отразилось на ее нормальном психическом и физическом здоровье, стало следствием нездорового интереса к межличностным половым отношениям.

6. Если рассматривать типологию субъектов преступлений, связанных с вовлечением несовершеннолетних в сексуальную эксплуатацию, то некоторые авторы предлагают выделять в отдельные группы преступников, т. к. вовлечение ими лиц может происходить различными путями и существенно влиять на квалификацию преступлений [5, с. 751].

Предлагаем выделить несколько групп субъектов, к первой отнесём эксплуататоров-принудителей, которыми выступают субъекты, оказывающие на лиц физическое принуждение, а также различного рода психическое воздействие, например, путем шантажа или угроз.

Эксплуататоры-соблазнитель — это лица, которые вторгаются в личное пространство потерпевших посредством применения к ним обещаний, обмана, гарантирования получения материальной или иной выгоды, которая в тот момент необходима жертве.

Эксплуататоры-организаторы представляют собой субъектов, которые могут и не контактировать с жертвами, однако в целом содействовать незаконной деятельности: содержать публичные дома или иным образом поддерживать осуществление сексуальной эксплуатации несовершеннолетних.

Эксплуататоры-организаторы в процессе использования жертв ориентируются на специфические характеристики и особенности несовершеннолетних, следовательно, эксплуатацию следует

понимать отдельно в контексте несовершеннолетних. Несовершеннолетние являются главными целями для организаторов занятия проституцией, поскольку они в большей степени зависят от других в удовлетворении основных потребностей, чем взрослые, и они обладают уязвимостью в развитии, которая легко становится мишенью в процессе эксплуатации.

Изучив сущность исследуемой проблемы, а также рассмотрев основные теоретические аспекты данных преступлений, следует отметить, что усугубляет проблему противодействия вовлечению несовершеннолетних в сексуальную эксплуатацию также и отсутствие в УК РФ, а также разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации ряда важных моментов.

Так, часть 3 статьи 240 УК РФ не регламентирует должным образом процесс вовлечения несовершеннолетнего лица в занятие проституцией. В связи с этим мы считаем необходимым дополнить статью 240 УК РФ способами вовлечения, понятием вовлечения в занятие проституцией, а также мотивом, который, как правило, является корыстным.

На основании анализа юридической литературы мы выделили следующие особенности, к которым относятся следующие:

- вовлечение несовершеннолетних в занятие проституцией может осуществляться посредством обмана, шантажа, угроз и иных способов, а также через информационно-телекоммуникационные сети, в т. ч. сеть Интернет;

- потерпевшими от данных преступлений могут являться все лица, не достигшие 18-летнего возраста, независимо от пола, т. е. лица и мужского, и женского пола;

- важной особенностью является то, что лицо, не достигшее 18-летнего возраста, вовлекается в оборот порнографической продукции против своей воли;

- типология позволяет выделить три группы потерпевших: добровольная, принуждаемая и обманутая жертвы;

- большой вклад в формирование виктимного поведения потерпевшего вносят семья и внутрисемейные взаимоотношения родителей с подростком, при этом некоторые несовершеннолетние становятся жертвами насилия со стороны родителей или близких родственников;

- как правило, данные преступления совершаются субъектом, имеющим корыстные мотивы, вместе с тем побуждениями к совершению данных преступлений могут быть и другие низменные мотивы;

- субъекты также подлежат делению, которое осуществляется на практике: эксплуататоры-принудители, организаторы и соблазнители, поразному осуществляющие преступную деятельность;

- социальный портрет потребителей порнографических материалов, в т. ч. с участием несовершеннолетних: лица мужского пола в возрасте от 25 до 40 лет, которые в основном не только хранят порнографические материалы, в т. ч. с участием несовершеннолетних, но также и задействованы в совершении преступлений по ст. 240, 242, 242.1 УК РФ.

На основании изложенного под сексуальной эксплуатацией несовершеннолетних предлагаем понимать вовлечение несовершеннолетнего в занятие проституцией и иные действия, связанные с оказанием сексуальных услуг, путем уговоров, подкупа, обмана, шантажа, угроз, физического или психического принуждения, использования зависимого положения потерпевшего (в т. ч. совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет) и иным способом, совершенные с корыстным мотивом.

В заключение отметим, что, на наш взгляд, необходимо внести изменения в статью 240 Уголовного кодекса РФ, которая бы полноценным образом регламентировала указанные недостающие правовые аспекты, в частности понятие вовлечения в сексуальную эксплуатацию, способы вовлечения, а также мотивы совершения посягательства.

Список источников

1. Морозова Ю. В. Уголовно-правовая характеристика преступлений, связанных с сексуальной эксплуатацией несовершеннолетних: учебное пособие. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал), 2021.

2. Ковалева М. А. Сексуальное насилие и сексуальная эксплуатация: криминологические и уголовно-правовые аспекты, предупреждение: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. 299 с.

3. Комарницкий А. В. Понятие и виды сексуальной эксплуатации // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2018. № 1 (48). С. 62–67.

4. Курилова Е. Н. Уголовно-правовая характеристика ответственности за сексуальную эксплуатацию несовершеннолетних, занимающихся проституцией // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 2 (74). С. 100–103.
5. Алихаджиева И. С., Меркурьев В. В. К криминологическому определению и классификации преступлений, связанных с проституцией // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10. № 4. С. 750–760.

References

1. Morozova Yu. V. Uголовно-правовая характеристика преступлений, связанных с сексуальной эксплуатацией несовершеннолетних: учебное пособие. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал), 2021.
2. Kovaleva M. A. Seksual'noe nasilie i seksual'naya ekspluatsiya: kriminologicheskie i uголовно-правовые аспекты, предупреждение: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. 299 с.
3. Komarnickij A. V. Ponyatie i vidy seksual'noj ekspluatsii // Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra. 2018. № 1 (48). С. 62–67.
4. Kurilova E. N. Uголовно-правовая характеристика ответственности за сексуальную эксплуатацию несовершеннолетних, занимающихся проституцией // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 2 (74). С. 100–103.
5. Alihadzhieva I. S., Merkur'ev V. V. K kriminologicheskomu opredeleniyu i klassifikatsii prestuplenij, svyazannyh s prostitutsiej // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2016. Т. 10. № 4. С. 750–760.

Информация об авторах

А. В. Максименко — кандидат юридических наук, доцент.
И. Н. Архипцев — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

A. V. Maksimenko — Candidate of Science (Law), Associate Professor.
I. N. Arkhipcev — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 02.05.2024; одобрена после рецензирования 06.10.2024; принята к публикации 05.12.2024.

The article was submitted 02.05.2024; approved after reviewing 06.10.2024; accepted for publication 05.12.2024.

Алтайский юридический вестник. 2024. № 4 (48). С. 166–171.
Altai Law Journal. 2024. № 4 (48). P. 166–171.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 343.2/.7

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА НА ТЕРРИТОРИИ НОВЫХ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Маргарита Юрьевна Пучнина

Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия, masloy100@mail.ru

Аннотация. В статье проанализированы отдельные положения федеральных законов от 05.05.2014 № 91-ФЗ и от 31.07.2023 № 395-ФЗ, которыми определяется порядок применения уголовного закона на территориях новых субъектов РФ. Особое внимание уделено вопросам квалификации преступлений, назначению наказания, пересмотру вступивших в законную силу судебных решений и ретроактивности закона. Анализируется ряд ошибок, которые были допущены судами при применении уголовного законодательства РФ с учетом положений УК Украины, а в ходе рассмотрения в судах вышестоящих инстанций — устранены.

Ключевые слова: обратная сила уголовного закона, квалификация, пересмотр приговоров, осужденные, конвенционные преступления, освобождение от уголовной ответственности.

Для цитирования: Пучнина М. Ю. Особенности применения уголовного законодательства на территории новых субъектов Российской Федерации // Алтайский юридический вестник. 2024. № 4 (48). С. 166–171.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

FEATURES OF THE APPLICATION OF CRIMINAL LEGISLATION IN THE TERRITORY OF NEW SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Margarita Yu. Puchnina

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Voronezh, Russia, masloy100@mail.ru

Abstract. The article analyzes certain provisions of the federal laws of 05.05.2014 No. 91-FZ and of 31.07.2023 No. 395-FZ, which determine the procedure for applying the criminal law in the territories of new subjects of the Russian Federation. Particular attention is paid to the issues of qualification of crimes, sentencing, review of court decisions that have entered into legal force and retroactivity of the law. A number of errors made by the courts in applying the criminal legislation of the Russian Federation, taking into account the provisions of the Criminal Code of Ukraine, are analyzed, and during the consideration in higher courts, they were eliminated.

Keywords: retroactive effect of criminal law, qualification, Crimea, Sevastopol, Kherson region, Zaporizhia region, DPR, LPR, revision of sentences, convicted persons, conventional crimes, release from criminal liability

For citation: Puchnina M. Yu. Features of the application of criminal legislation on the territory of new subjects of the Russian Federation. *Altajskij juridicheskiy vestnik = Altai Law Journal*. 2024;4:166–171 (In Russ.).

Интеграция новых субъектов в состав Российской Федерации 30 сентября 2022 г. (Донецкой и Луганской народных республик, Запорожской и Херсонской областей) создала ряд проблем в сфере привлечения граждан к уголовной ответственности на этих территориях. Потребовалось 10 месяцев, чтобы разработать и принять федеральный закон Российской Федерации № 395-ФЗ (далее — ФЗ № 395)¹, который бы регулировал вопросы применения уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства на присоединенных территориях.

Казалось бы, уже специальный уголовно-правовой механизм должен быть отлажен, поскольку десять лет назад к территории нашей страны были присоединены Республика Крым и город федерального значения Севастополь, но, к сожалению, учесть и предусмотреть все нюансы практически невозможно. Обратим внимание, референдум состоялся 16 марта 2014 г., а аналогичный федеральный закон Российской Федерации № 91-ФЗ (далее — ФЗ № 91) был принят 05.05.2014², т. е. прошло менее двух месяцев. Поспешность в одном случае, очевидно, требовавшаяся реалиями того времени, и столь тщательная подготовка в другом — говорят нам о том, что законодатель постарался учесть все нюансы, проанализировав ошибки, связанные в первую очередь с вопросами квалификации и назначения наказания, которые возникали в процессе применения норм ФЗ № 91.

Стоит отметить, что, согласно мнению ведущих ученых, наличие федеральных законов Российской Федерации № 91-ФЗ и № 395-ФЗ, а также законодательных актов о введении в действие УК РФ или его отдельных положений³, федерального закона

Российской Федерации № 270-ФЗ от 24.06.2023⁴ фактически превращает в юридическую фикцию положение ч. 1 ст. 1 УК РФ о том, что уголовное законодательство Российской Федерации состоит только из УК РФ, ведь очевидно, что поименованные выше законодательные акты также содержат уголовно-правовые нормы [1, с. 17; 2, с. 49]. Однако конкретные составы преступлений и санкции за их совершение по-прежнему устанавливаются только Особой частью УК РФ.

Необходимо учитывать, что федеральные законы Российской Федерации № 91-ФЗ и № 395-ФЗ содержат в себе коллизионные уголовно-правовые нормы, назначение которых состоит в преодолении логико-структурных дефектов путем выбора применяемого права (российского или украинского) [1, с. 16]. С такой трактовкой фактически соглашается и Конституционный Суд Российской Федерации, который относительно положений статьи 2 ФЗ № 91 отмечает, что они сами по себе «не определяют уголовно-правовых последствий преступлений, совершенных на соответствующих территориях»⁵. В связи с этим принятие ФЗ № 91 обусловлено необходимостью наличия специального правила, расширяющего экстерриториальную юрисдикцию российского уголовного закона [3, с. 107–108]. Эта же позиция относится в том числе и к ФЗ № 395. В данной статье будут проанализированы положения ФЗ № 395, но с учетом реализации некоторых норм ФЗ № 91, поскольку первый нормативный правовой акт фактически основывается на втором.

Положения статьи 2 в обоих федеральных законах устанавливают экстерриториальное действие российского уголовного права, закрепляя

¹ О применении положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 31.07.2023 № 395-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О применении положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 05.05.2014 № 91-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 13.06.1996 № 64-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; О введении в действие положений Уголовного кодекса Российской Фе-

дерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде обязательных работ [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 28.12.2004 № 177-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к специальной военной операции [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 24.06.2023 № 270-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Еремеева А. Л. на нарушение его конституционных прав положениями федерального закона «О применении положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя» [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17.07.2018 № 2001-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

положения относительно действия уголовного закона во времени и пространстве. Однако если первое и основное положение схоже полностью за исключением даты: *«преступность и наказуемость деяний, совершенных на указанных территориях до 30 сентября 2022 года, определяются на основании уголовного законодательства РФ. Поворот к худшему при этом не допускается»*, то далее у ФЗ № 395 есть свои нюансы.

Во-первых, отдельно стоит выделить, что *«преступления, совершенные до 30 сентября 2022 года против интересов ДНР и ЛНР, считаются совершенными против интересов Российской Федерации. Для целей УК РФ лица, состоявшие в гражданстве ДНР и ЛНР и совершившие указанные преступления, рассматриваются в качестве граждан РФ»* (п. 3 ст. 2 ФЗ № 395-ФЗ).

Напомним, что территории ДНР и ЛНР отделились от Украины и провозгласили себя самостоятельными и независимыми республиками еще в мае 2014 г., а потому при разработке анализируемого федерального закона изначально они имели другой статус, нежели Запорожская и Херсонская области. Кроме того, на этих территориях после провозглашения государственного суверенитета были приняты свои конституции (ДНР — 14.05.2014, ЛНР — 18.05.2014) и уголовные кодексы (ДНР — 19.08.2014, ЛНР — 14.08.2015), которые в целом с незначительными отличиями воспроизводят положения УК РФ. Именно потому, что они были суверенными государствами на протяжении восьми лет и имели собственное уголовное законодательство, как раз и требовалось такое уточнение.

Во-вторых, *«не является преступным и наказуемым деяние, ответственность за совершение которого установлена нормативными правовыми актами Украины, если оно содержит признаки преступления, предусмотренного УК РФ, но было направлено на защиту интересов Российской Федерации...»* (п. 2 ст. 2 ФЗ № 395).

Данное принципиально новое положение следует рассматривать в качестве нового обстоятельства, исключающего преступность деяния.

Исходя из содержания федеральных законов Российской Федерации № 91-ФЗ и № 395-ФЗ деяние, являющееся противоправным согласно нормам УК Украины, должно быть расценено как преступление и влечь за собой ответственность при наличии аналогичного уголовно-правового запрета в российском уголовном законе. При этом не имеет значения, что объектом данного преступного деяния являлись интересы другого государства.

Например, должностные преступления (в частности, коррупционные) и преступления против порядка управления, совершенные на новых территориях РФ, ранее относящихся к юрисдикции Украины, и направленные против интересов этого государства. Данный вопрос длительное время обсуждался, и как итог, подобные деяния были признаны конвенционными преступлениями и подлежали перекалфикации в соответствии с российским законодательством, несмотря на то, что были направлены против интересов власти другого государства.

Например, в мае — июле 2014 г. гражданин ЛНР служил рядовым в отдельной разведротте специального назначения Армии Юго-Востока (добровольческое вооруженное формирование Луганской Народной Республики). Дежурил на блокпостах, где досматривал транспортные средства. Проверял документы лиц с целью выявления и задержания украинских правоохранителей, получения разведывательной информации о дислокации позиций вооруженных сил Украины. Указанные действия квалифицированы украинским судом как участие в деятельности вооруженного формирования, не предусмотренного законом Украины, а само лицо осуждено по ч. 2 ст. 260 УК Украины. Российский суд отменил судебное решение, указанное лицо было освобождено от уголовной ответственности и наказания. Таким образом, хотя формально, скажем, противостояние силовикам является преступлением в любом государстве, суды РФ обязаны действовать с учетом современных реалий.

Однако не исключено и возникновение таких ситуаций, когда действия лиц, проживавших на указанных территориях, связанные с оказанием содействия их вхождения в состав Российской Федерации, с точки зрения УК Украины являются уголовно наказуемым деянием и подпадают под категорию государственных преступлений этой страны.

В качестве примера приведем следующую ситуацию: член участковой избирательной комиссии в ЛНР, участвовавший в проведении референдума о создании Луганской Народной Республики, после завершения процедуры голосования собрал бюллетени и передал представителям Центральной избирательной комиссии Луганской Народной Республики для дальнейшего подсчета и оглашения результатов.

Указанные действия расценены украинским судом как умышленные действия, совершенные с целью изменения границ территории или государственной границы Украины в нарушение по-

рядка, установленного Конституцией Украины, а само лицо осуждено по ч. 2 ст. 110 УК Украины.

По представлению прокурора Луганской Народной Республики приговор в отношении указанного лица отменен, производство по уголовному делу прекращено в связи с отсутствием в его действиях состава преступления. В обоснование принятого решения указано, что участие данного лица в проведении референдума о независимости Луганской Народной Республики в качестве члена избирательной комиссии не было направлено на нарушение территориальной целостности и конституционного строя Российской Федерации. Напротив, оно было направлено на защиту охраняемых законом интересов населения Луганской Народной Республики, вошедшей 30.09.2022 в состав Российской Федерации.

Аналогичные примеры осуждения судами Украины граждан, участвовавших в работе избирательных комиссий, имеются и в Донецкой Народной Республике.

Именно деяния, содержащие признаки нарушения территориальной целостности государства, приводились в качестве единственного примера возможного практического применения ч. 2 ст. 2 ФЗ № 395 в ходе его обсуждения в Государственной Думе РФ¹. Однако, несмотря на столь незначительные возможности ее использования, нельзя было проигнорировать рассматриваемые положения, поскольку их непринятие создало бы условия для привлечения указанных лиц к уголовной ответственности уже по уголовному законодательству Российской Федерации, что представляется неправильным.

Примечательно, что согласно ряду новостных источников в мае 2024 г. на Украине предложили освободить заключенных, находящихся в местах лишения свободы на новых территориях субъектов РФ. Соответствующий законопроект был подан на обсуждение и предполагает внесение соответствующих изменений в Уголовный кодекс Украины, предусмотрев норму, согласно которой осужденные лица, «не отбывшие в установленном законом порядке назначенное приговором суда наказание» в результате перехода отдельных территорий под

контроль России, будут освобождаться от дальнейшего отбывания наказания [4].

Естественно, даже принятие этого закона и дальнейшая редакция УК Украины ни коем образом не повлияют на ситуацию в России, поскольку уже существует отлаженный механизм, подкрепленный законодательной базой.

Выделим стадии пересмотра и переквалификации деяний согласно УК РФ:

1) пересмотр и переквалификация на идентичные нормы УК РФ деяний, содержащихся в материалах досудебного расследования и уголовного судопроизводства. Это предусматривает возвращение в прокуратуру:

- материалов, по которым на новых территориях РФ досудебное расследование производилось до 30 сентября 2022 г. (ст. 3 ФЗ № 395);

- материалов уголовного производства, которые поступили в порядке, установленном законодательством Украины, в суды на новых территориях, но по которым судебное разбирательство не назначено до 30 сентября 2022 г. (ст. 6 ФЗ № 395);

2) пересмотр вступивших в законную силу судебных решений: сравнение назначенных наказаний по указанным нормам в пользу осужденного, т. е. если даже минимальный порог наказания согласно УК РФ был выше, чем по УК Украины, срок отбывания наказания должен остаться неизменным согласно ст. 10 УК РФ. Кроме того, здесь же должны быть учтены сроки погашения судимости. Так, например, согласно УК РФ срок погашения судимости за тяжкое преступление составляет восемь лет, а по УК Украины — шесть, что, соответственно, улучшает положение виновного. В связи с этим при возникшей ситуации применяются сроки судимости, установленные УК Украины²;

3) освобождение от уголовной ответственности и наказания за деяния, которые предусматривались в качестве преступления исключительно УК Украины, а также, как уже отмечалось, за ряд действий (бездействий), которые были совершены в интересах Российской Федерации.

По всем вышеуказанным направлениям следует учитывать принцип действия уголовного закона во времени согласно ст. 9 УК РФ.

Так, возможны ситуации, когда по законодательству Украины содеянное было квалифицировано как оконченное преступление (приобретение наркотических средств в ходе оперативно-розыск-

¹ Стенограмма обсуждений проекта федерального закона № 246425-8 «О применении положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/246425-8> (дата обращения: 10.10.2024).

² Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Крым от 29 января 2020 г. по делу № 3/2-389/2019 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ного мероприятия), а по законодательству России до 30.06.2015 это квалифицировалось как неоконченное преступление¹. Следовательно, правоприменительная практика исходит из необходимости пересмотра таких приговоров с учетом уголовного законодательства РФ на момент совершения данного преступления, и в данной ситуации итоговая перекалфикация рассматриваемого деяния должна быть как неоконченное преступление (со ссылкой на ч. 3 ст. 30 УК РФ)².

В качестве другого примера, где обязателен учет временного принципа, следует привести ситуации, в которых преступное деяние на территории новых субъектов РФ было совершено до 1 января 1997 г., т. е. в период действия УК РСФСР 1960 г., и наказание за него по УК РСФСР мягче, чем по современному уголовному законодательству нашей страны, суды вместо соответствующих статей УК РФ признают допустимой квалификацию действий виновных по УК РСФСР³. Аналогичное правило должно действовать и в том случае, если преступление было совершено в период действия УК Украинской ССР 1960 г., при условии, что не истек срок давности привлечения к уголовной ответственности за данное преступление.

В настоящее время механизм пересмотра судебных решений на территории новых субъектов РФ непосредственно реализуется на местах районными судами. Пересмотр приговоров осуществляется, как правило, по представлениям прокуратуры, которая, в свою очередь, занимается выявлением такой категории граждан. Как правило, все представления удовлетворяются. Судебных решений, обжалованных в апелляционном и кассационном порядке, на данный момент не имеется. По данным, представленным из верховных судов Донецкой и Луганской народных республик, по состоянию на 1 марта 2024 г. рассмотрено более 150 материалов по пересмотру судебных решений в отношении сторонников России. И это только незначительная часть ожидаемого количества подобных пересмотров.

¹ О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 8.

² Постановление президиума Верховного Суда Республики Крым от 27 апреля 2016 г. по делу № 44У-128/2016 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Там же.

К сожалению, процесс пересмотра судебных решений затягивается в силу таких объективных причин, как:

- продолжаемые боевые действия в рамках специальной военной операции;
- нехватка специалистов различных областей права, государственных служащих;
- потеря части документов, долгий процесс их восстановления;
- отказы судов пересматривать приговоры по некоторым осужденным, чьи документы в связи с ведущимися боевыми действиями были уничтожены, а направленные в Киев запросы на получение официальных копий судебных решений были проигнорированы.

Этот вопрос, к сожалению, пока что остается открытым. Перспектива такая, что раньше подойдет период отбывания наказания, нежели случится пересмотр приговора.

Сложившаяся ситуация говорит об очередной необходимости временного сосуществования уголовного законодательства как России, так и Украины (иностранного государства), при которых применяется законодательство России с учетом обратной силы закона, если УК Украины предусматривался более льготный режим [5, с. 153–154].

При реализации недопустимости поворота к худшему (что закреплено в ст. 2 федеральных законов № 91-ФЗ и № 395-ФЗ) необходимо соотносить УК РФ не только с положениями УК Украины (УК Украинской ССР), но и с нормами УК ДНР и УК ЛНР, которые определяли преступность и наказуемость деяний на своих территориях. Полагаем, что все наработанные в рамках реализации ФЗ № 91 подходы судов о необходимости принятия во внимание положений УК Украины при реализации ФЗ № 395 следует учитывать и в части норм УК ДНР и УК ЛНР.

Отметим, что в период с 2014 по 2017 г., исходя из опубликованной судебной практики, решения судов в Крыму и Севастополе отменялись в вышестоящих судебных инстанциях в 73 % случаев [1]. Это свидетельствует о наработанной судебной практике по сосуществованию российского и украинского уголовного права.

В данном случае, несмотря на то, что, естественно, каждое конкретно взятое преступление подлежит индивидуальному рассмотрению, судам первой инстанции необходимо принимать во внимание наработанную практику за прошлые годы при аналогичных обстоятельствах, т. е. применение и толкование норм ФЗ № 395 должны быть идентичны ФЗ № 91. Именно учет этих особен-

ностей при квалификации в той либо иной ситуации, которые не всегда принимались во внимание судами нижестоящих инстанций, предостережет от многочисленных ошибок и отмен (изменений) судебных решений в дальнейшем на территории новых субъектов РФ.

Список источников

1. Курсаев А. В. Привлечение к уголовной ответственности на территории новых субъектов Российской Федерации // Уголовное право. 2024. № 1 (161). С. 13–34.
2. Кибальник А. Г. «Новая» криминализация в условиях специальной военной операции // Общественная опасность в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии: мат-лы XIV Российского конгресса уголовного права (Москва, 30–31 мая 2024 г.). М.: Юрлитинформ, 2024. С. 45–50.
3. Цай К. А. Неклассическая экстерриториальность российского уголовного закона (в контексте Федерального закона от 5 мая 2014 г. № 91-ФЗ) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 1. С. 103–111.
4. В Раде предложили освободить заключенных на подконтрольных России землях. URL: <https://www.rbc.ru/politics/> (дата обращения: 10.10.2024).
5. Волеводз А. Г., Копылова Е. А. О системе сосуществования российского и иностранного уголовного права и его процессуального применения на переходный период в Крыму и Севастополе // Евразийский юридический журнал. 2014. № 4. С. 150–158.

References

1. Kursaev A. V. Privlechenie k ugovnoy otvetstvennosti na territorii novy`x sub`ektov Rossijskoj Federacii // Uголовное право. 2024. № 1 (161). S. 13–34.
2. Kibal`nik A. G. «Novaya» kriminalizaciya v usloviyax special`noj voennoj operacii // Obshhestvennaya opasnost` v ugovnom, ugovno-ispolnitel`nom prave i kriminologii: mat-ly` XIV Rossijskogo kongressa ugovnogo prava (Moskva, 30–31 maya 2024 g.). M.: Yurлитinform, 2024. S. 45–50.
3. Czaj K. A. Neklassicheskaya e`ksterritorial`nost` rossijskogo ugovnogo zakona (v kontekste Federal`nogo zakona ot 5 maya 2014 g. № 91-FZ) // Pravo. Zhurnal Vy`shej shkoly` e`konomiki. 2016. № 1. S. 103–111.
4. V Rade predlozhili osvobodit` zaklyuchenny`x na podkontrol`ny`x Rossii zemlyax. URL: <https://www.rbc.ru/politics/> (data obrashheniya: 10.10.2024).
5. Volevodz A. G., Kopy`lova E. A. O sisteme sosushhestvovaniya rossijskogo i inostrannogo ugovnogo prava i ego processual`nogo primeneniya na perexodny`j period v Kry`mu i Sevastopole // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2014. № 4. S. 150–158.

Сведения об авторе

М. Ю. Пучнина — кандидат юридических наук.

Information about the author

M. Yu. Puchnina — *Candidate of Science (Law)*.

Статья поступила в редакцию 23.10.2024; одобрена после рецензирования 18.11.2024; принята к публикации 05.12.2024.

The article was submitted 23.10.2024; approved after reviewing 18.11.2024; accepted for publication 05.12.2024.

Алтайский юридический вестник. 2024. № 4 (48). С. 172–177.

Altai Law Journal. 2024. № 4 (48). P. 172–177.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.346:343.6

К ВОПРОСУ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ЗАПРЕТА НА ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЦЕЛОСТНОСТИ КОНСТРУКЦИИ ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА, ПОДВЕРГНУТОГО РАСПИЛИВАНИЮ

Михаил Сергеевич Титеев

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, titeev1997@yandex.ru

Аннотация. Предметом исследования является социальная обусловленность криминализации действий, связанных с восстановлением целостности конструкции транспортного средства, так называемых распилов, карпилов, конструкторов, когда в кустарных условиях собирается полнокомплектное транспортное средство, не отвечающее требованиям безопасности, которое становится опасным для эксплуатации по дорогам общего пользования. Изучены основания и условия введения преступления в уголовный закон. В результате этого исследованием делается вывод о необходимости криминализации деяния.

Ключевые слова: распил, восстановление целостности конструкции транспортного средства, криминализация, основания криминализации, общественная безопасность

Для цитирования: Титеев М. С. К вопросу об установлении уголовно-правового запрета на восстановление целостности конструкции транспортного средства, подвергнутого распиливанию // Алтайский юридический вестник. 2024. № 4 (48). С. 172–177.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

REVISITING THE ESTABLISHING A CRIMINAL LAW PROHIBITION ON RESTORING THE INTEGRITY OF THE STRUCTURE OF A VEHICLE SUBJECTED TO SAWING

Mihail S. Titeev

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, titeev1997@yandex.ru

Abstract. The subject of the study is the social conditionality of criminalization of actions related to the restoration of the integrity of the vehicle structure, the so-called «cuts», «carpels», «constructors», when a complete vehicle is assembled in artisanal conditions that does not meet safety requirements, which becomes dangerous for operation on public roads. The grounds and conditions for the introduction of a crime into the criminal law have been studied. As a result, the researcher concludes that it is necessary to criminalize the act.

Keywords: sawing, restoration of the integrity of the vehicle structure, criminalization, grounds for criminalization, public safety

For citation: Titeev M. S. Revisiting the establishing a criminal law prohibition on restoring the integrity of the structure of a vehicle subjected to sawing. *Altajskij juridicheskiy vestnik = Altai Law Journal*. 2024;4:172–177 (In Russ.).

© Титеев М. С., 2024

В современных условиях развитой рыночной экономики произошло значительное расширение ассортимента товаров и услуг, доступных для потребителей. Однако не всегда социально-экономическая ситуация в Российской Федерации была стабильной. Пользуясь этими обстоятельствами, предприниматели, физические лица с целью личного обогащения под предлогом хорошей цены и достойного качества осуществляют продажу транспортных средств, не отвечающих требованиям безопасности. Речь идёт об автомобилях, ранее подвергнутых кузовному распиливанию, у которых в последующем восстановлена целостность конструкции. Эксплуатация таких транспортных средств крайне опасна, т. к. выполненные работы по сбору полнокомплектных элементов производятся в кустарных условиях, без соблюдения технологических процессов. На сегодняшний день какая-либо ответственность за восстановление целостности конструкции транспортного средства, не отвечающего требованиям безопасности, не предусмотрена. В связи с этим данный вопрос требует детального изучения.

Введение запрета в уголовном праве регулируется в теории криминализации и заключается в выработке оснований и условий. Если говорить об основаниях криминализации, то это обстоятельства и процессы материальной, духовной жизни общества, порождающие объективную необходимость уголовно-правовой охраны тех или иных ценностей, как действительные предпосылки, социальные причины возникновения или изменения уголовно-правовой нормы. В свою очередь, к условиям следует отнести экономические, политические, социально-психологические и криминологические обстоятельства. Таким образом, основание — это необходимое условие, из которого обязательно вытекает вывод о необходимости установления уголовно-правового запрета, означающее наличие действительной общественной потребности в уголовно-правовой норме [1, с. 448].

Одним из таких оснований криминализации является распространённость. Исследуемое деяние приобрело большие масштабы в России начиная с 2009 г., когда Правительством Российской Федерации было произведено значительное повышение таможенных пошлин на ввоз транспортных средств из разных стран в Российскую Федерацию. Большинство автомобилей с распиленными кузовами поступает из Японии, Южной Кореи, США, Казахстана, из ряда стран Европейского союза и др. К примеру, если брать во внимание Японию или Корею, распили кузова производится непосред-

ственно в мастерских, в морских портах, а также по пути в порт назначения на борту грузового судна. Сборка и покрасочные работы осуществляются в странах, куда доставляются распилы.

В. И. Таскаев отмечает, что вначале ввозились автомобили под документы (конструкторы) в разобранном виде (двигатель, кузов, ходовая часть) с последующей сборкой и оформлением под ПТС старого кузова той же марки. Но постановление Правительства РФ «О временной ставке ввозной таможенной пошлины в отношении кузовов отдельных видов транспортных средств» внесло корректировки, и прежний ввоз обычного автомобиля-конструктора стал экономически невыгодным. Уменьшение таможенных пошлин на ввозимые автомобили на территорию Российской Федерации является первостепенной целью распилов. В основном распиленными ввозятся автомобили класса внедорожник, у которых несущая конструкция — рама — и все агрегаты, включая кузов, крепятся к ней, а также транспортные средства, где кузов является основным конструктивным элементом, в последующем распиливается на отдельные фрагменты и доставляется как запасные части с последующей сборкой [2].

Кроме того, вышеуказанное негативное поведение приобрело черты ещё и общественно опасного характера. В теории криминализации учет повышенной опасности для всего общества выступает вторым основанием.

Указанный критерий означает, что деяние вредоносно для общества [3, с. 82]. Н. Ф. Кузнецова полагает, что общественная опасность деяния состоит в том, что оно причиняет или создает угрозу причинения определенного вреда общественным отношениям [4, с. 60]. Примерно также определяет общественную опасность Ю. А. Красиков, понимающий под ней объективное свойство деяний, которые влекут негативные изменения в социальной действительности, нарушают упорядоченность системы общественных отношений [5, с. 71].

Отметим, что транспортные средства, подвергнутые кузовному распиливанию, у которых в последующем восстановлена целостность конструкции, являются небезопасными. Прочность, жесткость кузова, которая была заложена заводом-изготовителем, уже не будет прежней. Дело в том, что распиливание и сваривание производятся в наиболее доступных местах кузова, а не по заводским сварным швам. Исходя из этого, снижается безопасность эксплуатации, и не только потому что автомобиль с точки зрения закона является источником повышенной опасности, но и из-за

того, что при попадании в дорожно-транспортное происшествие (далее — ДТП) сварные швы, выполненные в кустарных условиях, теряют устойчивость и лопаются. При таких обстоятельствах средство передвижения разрывается на две части, и это приводит к мгновенной гибели водителя и пассажиров такого автомобиля. Причиной этому служит нестабильная ситуация, складывающаяся в сфере оказания услуг, не отвечающих требованиям безопасности в силу того, что произведенные работы по восстановлению транспортного средства, конструкция кузова которого была ранее нарушена, осуществлены ненадлежащим образом, не в соответствии с технологией завода-изготовителя. Как следствие, такие работы или услуги являются опасными для жизни или здоровья членов общества.

В распилах, карпилах сварным швом соединены две детали кузова, и в этих местах металл ослаблен, в период передвижения транспортного средства постоянно возникает давление, что дополнительно увеличивает нагрузку на кустарное сваривание. Множество пособий в сфере технической отрасли выделяют разные недостатки прочности металла в местах сварных соединений. Кроме того, прочностные свойства металла в зоне шва во многих случаях оказывают решающее влияние на работоспособность сварного соединения, т. к. здесь часто образуются трещины, коррозия, разрушения и т. п.

Исследователями Иркутского национального исследовательского технического университета были проведены экспериментальные испытания на прочностные качества элементов кузова транспортных средств таких марок, как Nissan, Toyota, Honda. Изначально транспортные средства подвергали распиливанию на отдельные части. Благодаря проведенным испытаниям сделаны выводы о том, что прочность материала кузова зависит от размеров деталей и материала, из которого изготовлена модель транспортного средства. Для сравнения прочности материала используется понятие «предел прочности» — это максимальное напряжение, которое может выдержать материал при растяжении [6, с. 3–108].

Таким образом, в результате конструктивных изменений прочность элементов конструкции кузова легкового автомобиля уменьшается в два, а то и в три раза в зависимости от вида сварного шва, делая такое транспортное средство небезопасным для использования.

Как правило, выявление таких транспортных средств происходит в органах, осуществляющих

государственную регистрацию. Наиболее наглядно это демонстрирует следующий пример. Так, в декабре 2012 г. в МОГТО и РАМТС ГИБДД № 7 ГУ МВД России по Новосибирской области с заявлением о регистрации автомобиля марки TOYOTA COROLLA обратился гр. Семенов А. П., где ему было отказано в постановке на регистрационный учет по причине того, что кузов автомобиля соединен сварным швом, не соответствующим технологии изготовления автомобиля. При этом первоначальная идентификационная маркировка основного компонента изменению не подвергалась. Установить принадлежность задней части кузова не представилось возможным. В последующем в отношении Семенова А. П. было вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по ч. 1 ст. 326 УК РФ в связи с отсутствием в его действиях состава преступления. Кроме того, решение по иску о признании отказа регистрации транспортного средства незаконным со стороны сотрудников Госавтоинспекции в период обжалования не было подвергнуто изменению¹. Однако в связи с этим следует отметить, что не все деяния такого рода пресекаются на этапе постановки транспортного средства на учет.

Распространенность и общественная опасность данного явления позволили нам выделить третий, основной критерий криминализации — отсутствие возможности вести борьбу с общественно опасными деяниями не уголовно-правовыми средствами. Так, проведение государственной политики по защите отечественного автопроизводителя выразилось в форме повышения заградительного налога на ввоз в Российскую Федерацию транспортных средств, бывших в употреблении из других стран. Начиная с 2009 г. пошлина на новые легковые автомобили повышена с 25 % до 30 % от таможенной стоимости, кроме того, сказался и рост иностранной валюты по отношению к рублю. Такая среда привлекла недобросовестных предпринимателей к новым схемам легализации незаконно ввезенных средств передвижения. Также это послужило появлению новых, нигде не закрепленных понятий, таких как распил, карпил, конструктор. Вместе с тем противоправные деяния в сфере таможенных правоотношений обладают определенной социальной опасностью, выражающейся в причинении вреда или создании угрозы причинения вреда, в т. ч. связанным с пополнением доходной части федерального бюджета.

¹ Решение по иску о признании отказа в регистрации транспортного средства незаконным. URL: [https:// 54. мвд. рф.](https://54.mvd.rf)

Как правило, составы соответствующего административного таможенного правонарушения и преступления идентичны, что связано с посягательством на общий объект, а именно общественные отношения, связанные с установленным порядком перемещения товаров через границу Российской Федерации [7, с. 68–71]. Например, постановлением судьи Фрунзенского районного суда г. Владивостока от 2 июня 2017 г. юридическое лицо ООО «...» признано виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 16.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ).

Так, 1 июня 2016 г. во Владивостокскую таможню от имени ООО «...» подана декларация на товары, в которой в том числе были заявлены следующие сведения: товар № 1-...; товар № 2... В графе 33 ДТ декларантом заявлен код ТН ВЭД ЕАЭС 8708 99970 9, которому соответствует ставка таможенной пошлины 5 % от таможенной стоимости товара; НДС в размере 18 %.

В ходе проведенного таможенного досмотра установлено, что задекларированный товар представляет собой передние части автомашин, бывших в употреблении, в сборе с ДВС, АКПП, ходовой частью, колесами, дверьми, боковыми стеклами, оптикой, бампером, решеткой радиатора, капотом, передней панелью, линия распила проходит в верхней части по задним дверным стойкам и в нижней части за задним рядом сидений.

По результатам проведенных исследований таможенный орган пришел к выводу, что задекларированные ООО «...» товары № 1 и № 2 фактически представляют собой кузова легковых автомобилей, классифицируемые по коду ТН ВЭД ЕАЭС 8707 10900 0. Заявление декларантом при таможенном декларировании товаров недостоверных сведений об их классификационном коде по ЕТН ВЭД ЕАЭС, сопряженное с заявлением неполных и недостоверных сведений об их наименовании и описании, повлекло занижение размера подлежащих уплате таможенных пошлин, а также стало основанием для привлечения ООО «...» к административной ответственности, предусмотренной ч. 2 ст. 16.2 КоАП РФ¹.

Как нам удалось установить, с целью получения более высокой прибыли от продажи транспортного средства с нарушенной целостностью кузова юридическое лицо намеренно предоставля-

ет недостоверные данные о товаре, что не только влияет на механизм фискальной системы государства, но и на решение социальных задач.

Резюмируя изложенное, считаем целесообразным предложить отечественному законодателю закрепить уголовную ответственность за действия, направленные на восстановление целостности конструкции транспортного средства, а также их сбыт и пропаганду, в т. ч. в сети Интернет.

Данный уголовно-правовой запрет может быть представлен в виде ст. 238.1 УК РФ со следующим содержанием:

«Выполнение работ или оказание услуг по восстановлению целостности конструкции транспортного средства, подвергнутого ранее разделению, не отвечающих требованиям безопасности

1. Выполнение работ или оказание услуг по восстановлению целостности конструкции транспортного средства, подвергнутого ранее разделению в целях сбыта, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей, а равно неправомерная выдача или использование официального документа, удостоверяющего соответствие такого транспортного средства требованиям безопасности, —».

Полагаем, что данная норма будет способствовать противодействию преступлению, ежегодно наносящему существенный ущерб общественной безопасности.

Помимо названной уголовно-правовой нормы, действия по восстановлению целостности конструкции транспортного средства могут порождать и квалификацию по иным составам преступлений.

Во-первых, реклама по продаже собранных автомобилей заводским способом, размещенная на интернет-ресурсах, побуждает к совершению противоправных действий. Как, например, следующая информация: «чем, отличается распил от конструктора? У конструктора кузов не распиливается при ввозе в Россию, а только разбирается авто: кузов, двигатель, ходовая часть и подвеска отделяются друг от друга. С целью ввоза автомобиля как запчастей и уменьшения таможенной пошлины» [8]. Такими действиями недобросовестный предприниматель побуждает совершить деяние, результатом которого послужат признаки ст. 264 УК РФ, а само лицо сбывает товар, не отвечающий требованиям безопасности, что является признаками преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ. Лицо, приобретая такое транспортное средство, заранее понимает, что нарушает правила безопасности эксплуатации, т. к. подтверж-

¹ Постановление судьи Фрунзенского районного суда г. Владивостока от 02.06.2017 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

дение его технической исправности отсутствует. Как правило, таким доказательством выступает свидетельство о безопасности конструкции транспортного средства (далее — СБКТС) — документ, подтверждающий соответствие отдельного транспортного средства, предназначенного для использования, требованиям технического регламента Таможенного союза «О безопасности колесных транспортных средств» (ТР ТС 018/2011)¹. Иначе говоря, автомобиль перед выпуском в обращение должен проверяться аккредитованной испытательной лабораторией, распилы, карпилы, конструкторы подходят под категорию запасных частей или элементов, которые к данной процедуре не имеют отношения. Таким образом, из-за отсутствия правового регулирования действий недобросовестных лиц на сегодняшний день мы имеем угрозу жизни и здоровью граждан, проживающих на территории Российской Федерации.

Во-вторых, восстановление целостности конструкции транспортного средства, ранее подвергнутого распиливанию, в большинстве случаев

сопровождается подделкой регистрационных документов, за что лицо привлекается к уголовной ответственности по ст. 327 УК РФ. Организации, занимающиеся продажей сомнительных автомобилей, размещают информацию на сайтах в сети Интернет, в которой указывают, что за определенную сумму помогут изготовить свидетельство о регистрации и паспорт транспортного средства, при этом предостерегая потенциальных клиентов, что в регистрирующих органах будет получен отказ.

В контексте приведенных нами аргументов необходимо признать, что вместе с введением уголовно-правового запрета на восстановление целостности конструкции транспортного средства, подвергнутого распиливанию, необходима комплексная борьба с распространением такого явления не только с точки зрения привлечения к ответственности, но и противодействия распространению материалов в сети Интернет, побуждающих потребителей к приобретению транспортных средств, не отвечающих требованиям безопасности.

Список источников

1. Кудрявцев В. Н. Закон, проступок, ответственность. М.: Наука, 1986.
2. Таскаев В. И. О классификации распиленных автомобилей // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2013. № 4 (65). С. 61–71.
3. Прокументов Л. М. Основания криминализации (декриминализации) деяний // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 4 (14). С. 81–91.
4. Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. М.: Изд-во Московского университета, 1969.
5. Красиков Ю. А. Уголовное право России. Общая часть / под ред. А. И. Игнатова, Ю. А. Красикова. М., 2000.
6. Гольчевский В. Ф., Жигалов Н. Ю., Гольчевская Н. Ю. Экспертное исследование прочностных свойств кузовов транспортных средств, подвергшихся конструктивным изменениям. Иркутск, 2020.
7. Подройкина И. А., Лавринов В. В. Правонарушения в сфере таможенного дела: общественная опасность и критерии разграничения // Теория и практика общественного развития. 2020. № 12 (154).
8. Распилы из Японии. URL: <https://www.akira-auto.ru/> (дата обращения: 05.04.2024).

References

1. Kudryavcev V. N. Zakon, prostupok, otvetstvennost'. M.: Nauka, 1986.
2. Taskaev V. I. O klassifikacii raspilennyh avtomobilej // Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke. 2013. № 4 (65). S. 61–71.
3. Prozumentov L. M. Osnovaniya kriminalizacii (dekriminalizacii) deyanij // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. 2014. № 4 (14). S. 81–91.
4. Kuznecova N. F. Prestuplenie i prestupnost'. M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1969.

¹ О принятии технического регламента Таможенного союза «О безопасности колесных транспортных средств» (вместе с «ТР ТС 018/2011. Технический регламент Таможенного союза. О безопасности колесных транспортных средств») [Электронный ресурс]: решение Комиссии Таможенного союза от 09.12.2011 № 877 (ред. 27.09.2023). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Krasikov Yu. A. Uголовное право Rossii. Obshchaya chast' / pod red. A. I. Ignatova, Yu. A. Krasikova. M., 2000.
6. Gol'chevskij V. F., Zhigalov N. Yu., Gol'chevskaya N. Yu. Ekspertnoe issledovanie prochnostnyh svoystv kuzovov transportnyh sredstv, podvergshihsia konstruktivnym izmeneniyam. Irkutsk, 2020.
7. Podrojkina I. A., Lavrinov V. V. Pravonarusheniya v sfere tamozhennogo dela: obshchestvennaya opasnost' i kriterii razgranicheniya // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2020. № 12 (154).
8. Raspily iz Yaponii. URL: <https://www.akira-auto.ru/> (data obrashcheniya: 05.04.2024).

Статья поступила в редакцию 08.04.2024; одобрена после рецензирования 06.10.2024; принята к публикации 05.12.2024.

The article was submitted 08.04.2024; approved after reviewing 06.10.2024; accepted for publication 05.12.2024.